Аид,
любимец судьбы
Судьба за плечами
ЕЛЕНА КИСЕЛЬ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Хочешь послушать сказку? О мальчике, который видел один короткий день и очень длинную ночь. О юноше, который предложил Смерти побрататься с ним. О боге-невидимке, деяния которого не воспеты аэдами. О троих братьях – сыновьях Крона-Времени, о трехсотлетней войне, о падении титанов и воцарении олимпийцев... Хочешь - поведаю об отце, который глотал своих сыновей? О таинственном подземном мире, о великих битвах, о путешествиях в Тартар и рождении молний? Нет? Ну, тогда я просто расскажу, каково это: слышать свою Судьбу и идти навстречу своему жребию.

- Сказание 1. О темноте, безмолвии и смехе Судьбы
- Сказание 2. О трех богах, ставках и клятве над пропастью
- Сказание 3. О первой попытке
- Сказание 4. О подземном мире и начале настоящей игры
- Сказание 5. О родниках Ярости, Восторга и Страха
- Сказание 6. О том, что перемирия не вечны
- Сказание 7. О рождении молнии, трезубца и войны
- Сказание 8. О родственных чувствах и пользе исчезновений
- Сказание 9. О плодах с цветом крови и формой слез
- Сказание 10. О том, как важно выбрать правильного противника
- Сказание 11. О нечаянных жребиях и осознанных решениях

Сказание 1. О темноте, безмолвии и смехе Судьбы

От ранней юности я жребий мой познал,
Из урны роковой – погибельный, несчастный,
И взором трепетным и смутным пробегал
Судьбы моей скрижаль!..
В.Ф. Раевск ий

Вот все и кончилось.

Серебристый тополь неспешно роняет листья на плечи.

Вода в Амсанкте странно черная – словно гладь покрывала Нюкты-ночи, словно кусочек той темноты, что таится за плечами: отвернись, шагни с десяток раз, и будет тебе вечный мрак. Пройди ущельем Тэнара еще пять-шесть стадий, протиснись через расселину, распихав бесплотные тени, которые стекаются сюда со всей округи, – и увидишь пристань, а возле нее – лодку, которая выглядит так, будто вот-вот утонет. Два глаза по краям носа – не глаза, а провалы глазниц. Осмелишься шагнуть в судно – и старик, у которого, кажется, нет сил, чтобы толкнуться веслами, в два счета перебросит через ледяные черные воды Стикса. От пристани недалеко до золотых врат на алмазных столпах – а там уж ты предстанешь перед шестью горящими глазами Цербера. Три разверстые пасти поприветствуют оглушительным рычанием, лениво дохнет огнем дракон вместо хвоста – грозное требование медовых лепешек, которые так любит страж ворот. И если не испугаешься и лепешки при тебе – вскоре, пробираясь в толпе теней, сможешь пройти по полям асфодел я . Не смутишься видом чудовищ, мук, не свернешь с мощенной белыми плитами дороги – и, озаренный отблесками огненной реки, перед тобой встанет дворец Владыки подземного мира – Аида Непреклонного, Аида Гостеприимного, богатого и безжалостного, вечного тюремщика здешних подземелий.

Остановился? Иди, не бойся. Владыки нет в его дворце – ужасающей своей красотой глыбе черного базальта. Вы не найдете его на кручах у Ахерона, где он, как говорят, любит прогуливаться, и у гранатовой рощи, и у Стигийских болот – обители чудовищ, и у провала, ведущего в Тартар… У Леты, где он нечасто, но бывает, его тоже нет.

Потому что он сейчас – напротив меня.

Здесь, на черте пограничья, мир, кажется, еще должен жить, но живет почему-то только серебристый тополь – и тот вечно облетает и никогда не цветет, а в озере никогда ничего не

плещется: черная, однородная вода, над которой я сижу, глядя в его лицо. Словно высеченное из скальных пород, скуластое и жесткое, в каждую черточку впитался мрак его мира – и мраком стекают на плечи волосы, и глаза – как провалы Тартара, где нет жизни. Вот он сидит на обрыве, слегка ссутулившись, – сын без родителей, муж без жены, брат без братьев и сестер, губы сжаты в узкую линию – будто вовсе нет рта…

Он?

…я?

И листья серебристого тополя падают на плечи, летят в Амсанкт, смущая черные воды озера, превращая озеро – в зеркало памяти. Тополь тоже знает: все уже кончилось. Теперь обернуться в последнем усилии к той, что замерла за плечами, а потом… потом…

Все потом. А пока пусть чуть-чуть подождет время. Мы с ним – одной крови, я могу попросить по старой памяти. Битва малость затянулась, с пальцев до сих пор капает ихор [1] , а блаженного безделья я не позволял себе очень давно, но теперь все кончилось, и можно посидеть на обрывистом берегу озера – подвести в уме бесконечно длинную черту.

Все кончилось. Что? Ну, то, что когда-то началось.

Из-за спины – то ли вздох, то ли смех. И вопрос – немой: «А ты помнишь, как начиналось?»

Я ловлю на обожженную левую ладонь серебристый лист тополя и гляжусь в черную воду – черную не как Стикс или мой мир, черную, как было там, в начале.

Я размыкаю губы, позволяя дару Мнемозины [2] владеть мною безраздельно.

– Как будто это было вчера.

***

Крик выворачивал легкие. Резал уши. Ввинчивался в виски.

Тонул в непроглядной тьме без остатка. Уходил в безвременье.

Больше крику некуда было деваться.

Здесь есть только тьма – вязкая, душная, липнущая к лицу и телу. И безвременье.

Еще пустота.

Все это мальчик знал – но все же кричал, пока не почувствовал, как растет в груди болезненное ощущение разрыва.

Тогда, поняв, что не может больше издавать звуков, умолк.

Голос, который он пытался заглушить криком, явился тут же – мягкий, идущий со всех сторон, а может, звучащий изнутри.

«Только не плачь, хороший мой. Хочешь послушать сказку, маленький?»

Проклятый голос раздавался неизменно и преследовал неумолимо: заткнешь уши, а он все равно звучит.

И никогда не слушал, что ему говорят в ответ.

«Нет, не хочу! Я не хочу! Уходи, я не хочу!!!»

«Вначале был только великий Хаос – бескрайний, плодоносный, содержащий в себе вся и все… И явились из Хаоса Эреб – предвечный мрак, Эрос-Любовь, и Нюкта-Ночь, и Гея-Земля, и много чего еще, много кого еще…»

Тяжело дыша, мальчик смотрел во тьму широко открытыми глазами. А может, глаза были закрыты – это не играло никакой роли.

«Уран-Небо воцарился в мире и взял в жены Гею-Землю, и она родила. Первых ее детей – Гекатонхейров-Сторуких и Циклопов – Уран вверг обратно в материнскую утробу, устрашенный их мощью. И они томились в Тартаре – глубочайшей бездне – и корчи мук сотрясали Землю…»

Из глаз вытекало что-то холодное, щекотало и склеивало ресницы, бежало по горячим щекам, застывая на них кристалликами соли. Это по каплям выходила ненависть, поселившаяся внутри, – когда успела? Это бежало к подбородку и капало с него жгучее осознание того, что последует дальше.

«Затем Мать-Земля родила титанов – новое племя, прямодушное и могучее, владеющее горами и морями. Она подстрекала своих детей свергнуть Урана, но титаны знали мощь отца и не решались пойти против него. Осмелился лишь один – Крон Криводушный, Повелитель Времени. Взяв адамантовый серп, выплавленный матерью-Геей, Крон оскопил своего отца Урана и воцарился над титанами и над другими племенами…»

Появился и нарастал жалобный детский вой в груди – не дальше, пожалуйста, не надо дальше…

«Крон взял в жены свою сестру – Звездоглазую Рею… – голос печален. Голос прерывается вздохом. – И они жили… да, мой мальчик, они хорошо жили, только сначала у них не было детей. Наверное, хорошо, что у них не было детей, мой мальчик, потому что Уран предсказал сыну: его ждет та же участь. Усмехаясь, лишенный плодородия Уран прошамкал: «Судьба-Ананка, рожденная из Хаоса прежде всех, не минует тебя. Придет час – и тебя свергнет сын». И Крон поверил – зачем только он поверил?!»

Мальчик извивался и бился, силясь освободиться от сладкой сети голоса. Вместе с голосом в полубеспамятство приносился неясный шум моря, облизывающего скалы, и запах молока, и мягкие руки касались лба…

«Когда прозвучало это предсказание, жена Крона Рея ждала ребенка. Ей так хотелось – пусть будет девочка. Она даже придумала ей хорошее имя – Гестия… Но родился мальчик. Наследник».

«Это не я».

Крика больше не было, но пересохшие губы двигались, пытаясь привнести в неизменную сказку хоть что-нибудь свое.

Подумаешь – был какой-то там Повелитель Времени Крон. И жена у него была. И родился у них какой-то мальчик – мне-то что?

«На свет появился мальчик с волосами чернее смоли и глазами, впитавшими темноту ночного неба. И тогда Крон приказал принести младенца ему…»

И принесли. Какого-то там мальчика. Не меня – слышите?! Этот Крон приказал – он зараза, вот и приказал, – а его глупая жена все выполнила и принесла ему того младенца, а я тут совсем ни при чем, это он, это не я…

Сказка обрывается рыданиями, долетающими приглушенно – из памяти. Плач женщины настойчиво мешается с младенческим ревом, переходящим в разрывающий грудь крик.

Мальчик кричал, словно стремясь разорвать окутавшую его душную тьму, и секунды-годы мешались со столетиями-мигами. Потом кричать запретило распухшее горло. Тогда он встал и побрел. А может, пополз – сквозь густую тьму, раздвигая ее плечами и грудью. Ползти было нужно, потому что лежать наскучило.

Мальчик полз, пока детские пальцы не ощутили, как тьма и безвременье под ними уплотняются. Обжигающая глухота и пустота сгустились в слизкую, жилистую преграду – стену темницы.

«Хочешь услышать сказку, мой маленький?»

– Нет. Нет-нет-нет. Уходи. Замолчи. Все равно это не я, это не меня, это…

«Вначале был только великий Хаос…»

Великий Хаос, потом Уран и Гея, потом Крон и Рея, потом мальчик с черными глазами и волосами – тот, который не я…

Голос всегда один – усталый, тихий, ласковый. Пахнущие молоком пальцы трогают лоб одинаково бережно. Иногда выступают из тьмы руки, или хлещущее пенными бурунами море, или гневно-фиолетовый Уран-Небо над головой…

Потом появится и заслонит все бездонная глотка – перед тем, как темнота моей памяти перемешается с темнотой вокруг.

Моей памяти. Не его.

«…на свет появился мальчик с волосами чернее смоли и

глазами, впитавшими темноту ночного неба. И тогда Крон приказал принести младенца ему…»»

Вздрагиваютдетские губы, освобождая скопившийся звук: стон-вздох-всхлип – все вместе…

«Это… я?!»

Да, это я.

***

Сожрал, значит, стервец.

Как есть – сожрал. И задумываться не стал особо. Как будто я, скажем, финик. Или ягненок.

Спасибо, папочка, век не забуду!

Главное, наследника. Первенца. Обидно до… с чем сравнить-то, когда вокруг – тьма и папашкина утроба.

Тут даже времени нет.

Он повелевает временем, это верно, но внутри него оно перемешивается, спутывается: секунды-годы, столетия – миги… И в моей темнице – душном, темном, огненно-жарком мешке – ничто не указывает на то, сколько я тут просидел… пролежал… простоял…

Крон, сын Урана, Хаос тебе в печенку! Готовься к бескрайнему, вселенскому несварению желудка.

Ярость взметнула на ноги – оказывается, сидел – бросила плечом на одну упруго-горячую стену, на другую.

– Ик, – неуверенно и басовито раздалось откуда-то вовне.

Во второй раз разбег был больше, а удар – сильнее.

– Ик…

После третьего раза что-то вовне проревело, что у меня отвратный характер.Или после четверного?

От напряжения взвизгнули мышцы, боль хлестнула волной, задавила ярость, но я продолжал метаться и биться, биться и метаться…

Потом падал в полузабытье (полностью забыться не удавалось никогда), но приходила ярость, толкала, поднимала на ноги – и я вставал и бросался, падал и вставал опять…

–Ты упрямый, маленький Кронид[3].

Наверное, это сказал я. Здесь же все равно больше никого нет. Правда, с собой я пока не пытался разговаривать – чего доброго, с собой и поссоришься.

– Ага. Еще у меня характер скверный.

Смешок взрезал темноту, как зарница – небо. Я помню зарницы. Уран-небо разбрасывал их, когда мать несла меня, недавно родившегося, к отцу – на пир, которым он отметил

появление наследника.

Главным блюдом выступил наследник.

– *Раскаленный металл перестает вспыхивать – и иногда становится крепче камня…* – голос задумчив и… не мой. Откуда младенцу, который не успел прожить и дня, знать о металле?

В памяти – только сказка, касания рук, море, небо, пасть…

– Ты кто?

– *А ты сам-то на такой вопрос ответишь?*

Очень даже отвечу. Я вроде бы – мальчик и сын Крона Криводушного, который – зараза. И у меня еще характер скверный.

– Имя у тебя есть?

– *Много имен. Но обычно меня зовут: Ананка. Ананка-Судьба.*

Повеяло холодком среди обжигающих стен батюшкиной утробы.

«Ананка-Судьба, рожденная из Хаоса прежде всех», – услужливо подсказала память голосом матери.

– Зачем пришла?

– *Посмотреть на тебя.*

– Что? Посмотрела?

– *А я тебя не вижу. Тут же темно, хоть глаз выколи – вот тебя и не увидеть. Аид-невидимка[4].*

И засмеялась, но необидно, а весело. Аж самому засмеяться захотелось. Попробовал…

Забыл. Или все-таки не умел?

– *А как зовут тебя, маленький Кронид?*

А никак меня не зовут. Мать мне имя придумать не успела, а отец и придумывать не стал. Крон, Повелитель Времени, натура практичная и свою стихию тратить не любит. Принесли – сожрал. По животу похлопал и подытожил – мол, хорошо пошел первенец.

Кажется, еще запил чем-то пахучим. Зараза.

– Никто меня не зовет. Меня некому звать. Ты зовешь: Аид-невидимка…

– *А знаешь, почему я пришла?*

– На меня посмотреть, только не видишь почему-то.

– *Ну, тогда это честно, маленький Кронид. Ты ведь меня тоже не видишь.*

– Другие видят?

– *Очень немногие. И нечасто. Видеть свою Судьбу – это, знаешь ли, не всегда приятно.*

Голос у нее невеселый. Как будто ее тоже во младенчестве сожрали. Или, например, ее колыбелью тоже стали тьма и безвременье.

– Значит, они тебя слышат?

– Слушать свою судьбу умеют еще более немногие, чем видеть ее…

– Почему?

– Потому что они слишком хотят все сделать по-своему. Слишком себялюбивы, чтобы слышать мой шепот. Слишком горды, чтобы следовать советам и искать окольные пути. Они умеют только бороться… как твой отец.

Помолчали. Безвременье вокруг смешивалось с тьмой, тьма душила безвременье. Им не надоедает быть частями единого целого.

– Значит, у него – тоже Судьба?

– У всех.

– И он хочет с тобой бороться?

– Не надо со мной бороться. Пожалуйста, не надо со мной бороться!! Мир еще так молод, а я уже так устала… с вами бороться, дураками. Побеждать. У меня ведь тоже – Судьба… предназначение.

– А что с тобой делать тогда? Любить? Поклоняться?!

– Нельзя любить то, что у тебя вечно за плечами. И поклоняться тому, о чем совсем не знаешь. Меня понимать надо. Понимать и принимать, какая я есть.

– Ну и что тогда? Ты станешь мягче, что ли?

– Маленький Кронид… я не бываю тверже или мягче. Я бываю – твоя или нет.

– Тогда какая ты – моя?

– Ты мне нравишься, Аид-невидимка. Попроси меня. Какой захочешь – такой и стану.

– И будешь – у меня за плечами?

– Если не прогонишь.

Как будто я такой дурак – прогонять.

***

Наверное, ей тоже было здорово скучно.

Или даже вообще делать нечего.

Вот и наведывалась раз за разом к сыну Крона, запертому в утробе своего отца.

Так, подавала голос из-за спины. Роняла фразы.

По делу и не по делу.

В любом случае я смаковал их подолгу, словно материнское молоко, и безвременье казалось не таким томительным.

– Ты что думаешь – мне совсем нечем заняться, только объяснять упрямому мальчишке, что и как там, вовне? Я, может, сижу высоко, на небесах, выше самой высокой горы. И вращаю ось

мира.

– Ври больше.

– А вот и вращаю, невидимка. Если не вращать – мой свиток писаться не будет, и жизнь совсем остановится. А мои дочки перестанут прясть нити судеб и вынимать жребии.

– И что тогда?

– Нельзя жить без жребия, маленький Кронид. Это значит – вечно быть на перепутье дорог, каждая из которых ведет в неизвестность. Новый шаг – новое перепутье. Это значит: остаться на растерзание случайностям. Двое, которым предопределено встретиться, – не встретятся. Слово, которое нужно произнести, не будет произнесено. Это значит, все вернется к тому, с чего все началось, невидимка, – в нем не было Судьбы…

– В чем? И с чего все началось? Ты что, опять за свое?!

Смеется только. Мол, ты еще маленький, невидимка, занимай себя другими разговорами.

Какая разница, чем занимать. Тут же тьма и безвременье, безвременье и тьма… Разве что только разбежаться – и на стенку броситься, послушать, как там отец меня костерит.

– А что это ты просто сидишь, а, маленький Кронид?

Ну, точно делать ей больше нечего. А врет, мол, ось эту самую вращаю…

– Еще могу стоять. Или лежать. Все равно ж ни зги не видно.

– Это ты здесь не видишь. Потому что и не стараешься что-нибудь увидеть. Тьма полна оттенками точно так же, как свет, невидимка, просто смотреть надо пристальнее… тоньше. Не глазами– собой. В кажущемся безмолвии можно различить звуки – только вслушиваться нужно как следует. Не ушами – собой.

– Я не понимаю. Я не вижу.

– Ты упрямый, маленький Кронид. Ты справишься.

Тьма обиженно колыхнулась в такт голосу Судьбы. Подзатыльник отвесила – или это все-таки Ананка развлекается? Тьма – липкая, жаркая – обволакивала и, кажется, пыталась успокоить. А что? Она же мне – колыбель. Родные друг другу, можно сказать.

Оттенки черного явились первыми.

Не просил и не искал, даже и вглядываться не старался, а они пришли: черно-угольный, по-ночному черный, непроницаемо-черный, пыльно-черный, затягивающий мрак, черное дерево, черный со слюдяным блеском, черный, как то небо, которое я видел в снах.

Оттенки распирали тьму, толкались, лезли в глаза – да успокойтесь вы! – уплотнялись, рисуя неясные, зыбкие очертания. Очертания складывались несмело, менялись, потом рисовали

новые оттенки: черно-багровый, черно-серый, черно-бурый, аспидно-синий…

Вблизи очертания обрели еще и ощущения.

Неровные, свинцово-черные нагромождения – потрескавшиеся от времени валуны, об один ушиб лодыжку, крошатся под пальцами, карабкаться на них неудобно. Жженое-серое с коричневым, шершавое, большое – древесные стволы, лежат, рассыпавшись, набросаны в беспорядке, приходится обходить. Жирно-черное, густо булькнуло под ногой – лужа вонючей жижи.

Чем дольше я учился видеть заново, тем больше давило ощущение бесконечности окружающего пространства, утроба отца не казалась больше тесной клеткой – лабиринт, чертоги…

Беспредельная свалка.

– Ты внутри времени. Думаешь, оно поглотило только тебя одного?

Вовремя это она… за плечами. Аж подскочил на месте, оступился на чем-то мягком, размазанном – и полетел в интересно звякнувшую груду. Ругнулся словцом, каким отец обычно поминал меня, вылезая из кучи когда-то острых, а теперь затупленных штук. Прищурился – попытался ловить оттенки…

Чернота бронзы – она снилась мне – и прозелень времени. Я знаю, что вот это длинное, с острым, но выщербленным наконечником – копье, а вот поломанные стрелы лежат, затупленный нож, неудачно скованный меч…

– Как в него это все поместилось?!

– Твой отец – Повелитель Времени. Когда он поглотил тебя, ты оказался в месте, куда уходит все, что попадает между его жерновами.

Чьи-то кости осели под босыми ногами в пыль. Оно и видно – попали между жерновами.

– Я, значит, сейчас не у Крона в утробе.

– Да – и нет, маленький Кронид.

– Бывает, чтобы – сразу и да, и нет?

Когда она так смеется – дует в макушку легким ветерком превосходства – то хочется заехать ей в нос. Только где он этот нос у Судьбы, кто его видел?!

– Только так и бывает, невидимка… Ты в его утробе. Ты можешь разбежаться и удариться в ее стенки. Ты можешь сидеть в душном, узком мешке. И ты в бесконечном лабиринте Времени. Ты можешь бродить здесь столетия. Можешь открыть длину переходов, и ширину коридоров, и тысячи вещей, которые пожрало время.

– От чего это зависит?

– От твоего желания.

Нынче ей было весело. Подпрыгивала, что ли, у меня за спиной. Дразнилась частыми, мелкими смешками – думать мешала.

– А не все равно, чего я тут хочу? Меня съели.

– Ты – сын Крона и Реи. Ты – внук Урана и Геи. Ты – правнук Хаоса. С твоими желаниями, невидимка, придется считаться кому угодно.

– И тебе?

– А как ты думаешь?

И залилась во весь голос – аж камни недалекие гулом откликнулись.

Хотеть чего-то – странно. Будто в чужую кожу влез. Знаю – как *не хотеть*, это привычно, это я помню. Не хотел быть здесь. Не хотел, чтобы звучал тот голос, который все набивался со сказкой.

Хочу я вернуться, где был раньше? В отцовской утробе можно хоть пару раз на стенки броситься – довести до икоты старую заразу. Здесь – простор, хлам, оттенки…

Пару вечностей можно побродить, а там посмотрим.

Наверное, здесь можно было бродить три тысячи вечностей – даже если бы я не возвращался время от времени в отцовскую утробу. О себе напомнить. Довести Крона до памятной изжоги, прислушаться к проклятиям извне – ага, скверный характер, а ты представь, в кого я, папенька! – закрыть глаза и провалиться в извилистый беспрозветный лабиринт с непредсказуемыми изгибами, изменчивыми стенами, неразличимым верхом. Над головой всегда колыхалась густая тьма, не желавшая прорастать оттенками, а стены были разные на ощупь: то жаркие, упругие, пульсирующе-живые, то каменные, ползущие осыпью под пальцами, то будто кованые, с острыми скобками. Повороты, закоулки, тупики; ровные коридоры обманчиво уверенно уводят вдаль; пойдешь, а коридор не кончается, и камни под ноги попадаются все те же; так вот и идешь, пока не брякнешься носом в камни от усталости; поднимешься – а ты на том же месте, где начинал путь. Частью коридоры были пустыми, частью в них встречалось хламье, которым питается время: волосы или нити, гнилые плоды, окаменевшие мертвые стволы, камни из жилищ и жертвенников, тела животных, а когда и только кости; миски, иглы, расщепленные инструменты, украшения вроде бус; шкуры, кубки, изорванные, поеденные насекомыми ткани… время хватало все подряд, охотно сваливало в кучи и хоронило внутри себя, и я бродил по этому великому могильнику – ощупью и по запахам, расквашивая нос, раздирая колени, разрезая ладони,

пока оттенки не договорились и не начали приходить чаще, пока острый лист, торчащий из темноты, не стал ущербным острием копья, а мягкая, теплая масса не превратилась в кучу перепревших фруктов.

Пока я не стал отличать и видеть – стены, стволы, поломанные кресла, искалеченные очаги, оскалы черепов…

Вот *ее* я не мог увидеть – а может, не хотел, даже когда навострился смотреть по-новому. А она уверяла, что не может увидеть меня – Аид-невидимка!

Интересно, чего это она со мной разговаривает?

– *А тебе кроме меня и слушать-то некого*, – и этот ее смешок, похожий на зарницу. Или не на зарницу, а мне просто сравнивать не с чем. – *Пока что*.

– Пока – что?

– *Пока что*, – посмаковала каждый звук, раскатила языком.

А сама мне еще говорила – попроси, мол, меня. Какой захочешь – такой стану. Интересно, если ее попросить не быть такой вредной – согласится?

– Что – старый гад еще кого-то проглотит?

Молчит, вредная. Наверное, к себе отправилась, на небеса. Ось мира вращать.

Вечно она так – бросит слово или два, а они потом в темноте вокруг летают, щекочут виски, тревожат. Вот и сейчас – сквозь тьму проступают ворохи тканей, оттенки, узоры – черное на черном, темно-красное на черном, мрачно-желтое на сером… А вокруг – отзвуки. Тревожные. Нехорошие.

«*Пока что*».

В темноте и безвременье иногда были звуки.

Шелест крыльев – побольше и поменьше, – и чье-то невнятное рычание, и хныканье, а как-то раз послышалось что-то похожее на песенку. Знать бы, кто ходит по этим темницам, кроме меня и Ананки.

Время – ненасытная и неразборчивая тварь. Если уж заглотнет – попробуй, отбери…

***

Вихрь налетел неожиданно – со спины. Ударил шершаво и кожисто, не дав упасть до конца, надавил на грудь когтистой лапой, дыхнул жаром и гнилостью из разверстой пасти – и тьма была на его стороне, мельтешила в глазах, не давала рассмотреть противника…

– Последыш… – гнусно прошипело в лицо. – Узнаешь…

Узнавать не хотелось. Вскинулся, толкнул ногами наобум,

крутнулся, плечо оцарапал о треклятый валун (вечно под ногами мешается!), вскочил, стиснув кулаки, впился глазами во тьму – где они там, оттенки?

Сгущаются оттенки. Рисуют угольно-серым силуэт высотой мне по грудь. Чешуя. Крылья. Огонечки глаз поблескивают – золотисто-желтые звезды, или звезды другого цвета?

Пасть – черно-красная – не закрывается, где ж тут закрыться, когда столько зубов. Не зубов даже – толстых, крепких игл.

Лапы – мощные, трехпалые, с кривыми когтями – словно от другого зверя. Черно-серебристая шерсть ощетинилась вдоль холки, на границе с чешуей.

Шипастый хвост.

Перетекают с места на место оттенки, во тьме стараются потеряться… И я перетекаю, сжав кулаки; движемся, словно в танце, описывая полукруг.

Я не видел таких тварей в своих снах.

Откуда здесь? Или тьма отцовской утробы таит больше секретов, чем кажется?

– Узнаешь… последыш…

К выпаду я был готов.

Ушел влево, пяткой проскользив по знакомой залысине, нырнул в тьму – родную колыбель, в крови вскипел азарт игры: ну, что ж ты, тварь? Поиграем?

Ага, поиграем, отозвался удар сзади и слева. В догонялки-разрывалки – валяй?

Двое.

От когтистой лапы над лицом увернулся, продлив падение; свистнул где-то в темноте хвост – по щеке потекло теплое. Рыкнуло у левого плеча: соткалась из серо-алых точек вторая тварь… или первая?

Уйти… уползти… отсидеться. Зарыться в ворох полуистлевших вонючих шкур, чтобы не учуяли. Забиться между валунов, в пыль, закопаться в кости и одеревеневшие ветки…

Давай, согласился третий вихрь, загораживая дорогу. Прячься, а мы поиграем.

В находилки-кусалки.

Или в травилки-удушилки.

Третья тварь была крупнее первых двух – голова выше моей. Вожак, – вспомнилось или придумалось слово.

– Боишшшься?!

Шипение обдало лицо ветерком.

Я помню ветер. Он обдувал лицо, когда мать несла меня, едва родившегося…

Бледного золота из глаз на морде вожака стало больше, когда

мои губы поползли в ответный оскал.

Куда более кровожадный.

– *С чего б*?

Тьма налилась новыми оттенками, резче обозначила краски и предметы. Я не отводил взгляда от двух лун в глазах у твари передо мной, а четыре другие луны обступали с боков – плыли, крались, стелились. Подбирались на расстояние прыжка.

Прыжок – а потом игра: кому первому достанется добыча. Беззащитная добыча, которая побеспокоила Крона. Добыча, которую Крон приказал усмирить. Ничего, что бессмертен – не очень-то побуянишь, когда твое тело втроем рвут клыками.

Он замешкался, прежде чем броситься, – или я оказался настолько быстрее?

Тьма обняла, закружила, услужливо толкнула в руку что-то острое, источенное соками времени.

Мрак поддержал неокрепшую детскую руку, вцепившуюся в горло первой твари. Смешок Ананки сверкнул – направил лезвие в ладони. Брызнуло– горьким, едким, багрянец с жилками прочерни…

Мрак в глазах. Мрак – глаза.

Мрак – все и во всем, захочу – и стану новым его оттенком…

Это он – не я. Это он – и я…

Потом содрогнулась твердь под ногами, и закричал отец.

Смешно, он орал вовне так, будто рожать собрался, или словно в стену его утробы ударило что-то покрупнее меня, или будто кровь, толчками вытекающая из разодранного горла чудовища, пропекала ему желудок.

Второй гад был глуп: он решил кинуться на меня сверху, не понимая, что и там – тьма, что она окружает его, а значит – его окружаю я.

Хрустнула и прорвалась под пальцами перепонка. Лезвие, подвернувшееся под руку, потерялось, ничего, можно просто придавить коленом к скользкой, мягкой поверхности под ногами, стиснуть шею… не пальцами, нет. Обволакивать – со всех сторон. Проникать внутрь – с каждой попыткой сделать вздох. Убивать волей…

Когти бьющейся в агонии мерзости разодрали ногу от колена до ступни, ничего, здесь безвременье: рано или поздно, а прекратит трепыхаться… все, прекратила.Вожака почему-то не было: точно, я прикончил тех, что поменьше. Мрак вокруг ликовал, упоенный, не хотел отпускать – к чему, если вместе нам хорошо?

Уходило ощущение струящейся сквозь вены мощи, смолк крик отца, в висках отдался то ли звон, то ли шелест, и повеяло

холодком…

Холод был не воображаемый.

– Бездарно дерешься.

Тьма не сгущалась, оставалась многоцветной и яркой, и я отчетливо видел его: он присел на один из валунов. Юноша – нет, еще мальчик с пронзительным, морозящим взглядом, перед которым отступила темнота.

Незыблемее скалы, на которой сидит.

– Чего?

– Ты бездарно дерешься.

Голос… свист клинка. Паузы между словами – замахи и выпады.

Мелькнул хвост третьей твари: вожак мчался куда подальше без оглядки, испуганно подвывая.

Хорошенькое дело. Мало этих зубастых, так тут еще какой-то приперся. Обзывается.

Упер руки в бока, подошел поближе, рассматривая живую статую на валуне. Это хорошо, что он сидит: у нас головы как раз на одном уровне…

– Я, значит, бездарно дерусь?

– Угу.

Мой кулак усвистел вперед еще до того, как он ответил. Хорошо усвистел, от всего сердца, аж костяшки рассадились о зубы нежданного гостя. Тот, видно, удара не ожидал и в ответ мне съездил с большим опозданием, но зато и кулак у него оказался – будто наковальней по скуле приложил.

С валуна мы скатились уже вдвоем, сцепившись и слившись в единое целое, звякнуло что-то железное – да что ж, у этого гада плащ железом, что ли, окован? В ушах зазвенело от еще одного удара, зато я удачно зарядил противнику коленом в живот, а может, где-то рядом…

Когда мы расцепились, я пыхтел, он – задыхался. Волосы (какого цвета – не разберешь, не говорят оттенки) – облепили лицо, только глаза блестят. Но не как раньше, а удивлением.

– Т-ты ч-чего? Я – Танат-Смерть, сын Эреба и Нюкты…

– А я Аид, – отозвался я, – сын Крона.

И н-на тебе в зубы еще раз – в честь знакомства.

Во второй раз сцепились ненадолго, не успели упасть с ног, как снова вскочили. Я стоял, трогая расквашенный нос (когда он мне по носу-то попал?!), волосы занавешивали глаза, да какая разница, все равно ж темно…

– Что? Бездарно дерусь?

А этот, как его там, сын Нюкты, зуб отплюнул на ладонь и смотрит на него, будто чудо узрел. И губами шлепает:

– Бе-бездарно…

Ну, все. Сейчас он на своей ладошке еще два или три зуба увидит – пущай полюбуется.

– Это почему это?

– Потому что не тем, – отозвался он с неожиданной уверенностью.

Я посмотрел на две безжизненные туши неподалеку. Хмыкнул.

– А ты знаешь, чем нужно?

Гость приблизился и достал лишенный ножен, болтавшийся на перевязи меч – тот сливался цветом со странным, обшитым перьями плащом.

Меч был, как и перья, темным и немножко отливал металлом.

Шаг – взмах – вздох, первая тварь уже не хрипит, с ней случилось что-то, что не может случиться со мной, это никогда не может случиться со мной, если я только не… что?

Вдох – шаг – взмах – вторая тварь не успела даже заскулить и перестала трепыхаться. Но ведь лезвие ее не коснулось… или это я не настолько хорошо вижу в темноте?

Вижу, только глупости какие-то. Вижу, как встают два чудовища – а тела остаются лежать на месте. Вижу, как они недоуменно крутят головами – будто их тоже посетило что-то такое, что никогда не должно было к ним прийти.

А потом их весело глотает тьма – уходят, чтобы не попадаться на глаза мальчику с мечом.

– Что ты делаешь с ними?

– Убиваю.

Это он сказал почти стеснительно. Обыденно так.

– Ты отнимаешь жизнь этой штукой? – потянулся бессознательно к тусклому, зовущему лезвию. Мальчик стоял неподвижно, а смотрел непонятно.

Вот Ананка вдруг подала голос.

– *Маленький Кронид… а ты уверен, что хочешь такую игрушку?*

Пальцы коснулись металла – не того, убитого веками, который резал ноги в темнице времени. Живого и бьющегося под кожей. Черная гладкость – гуще тьмы, которая здесь царит. Я положил ладонь на холодное лезвие – и оно откликнулось. На мое молчание – своим, неслышным призывом…

Еще бы не хотеть.

Я поднял взгляд и встретился глазами с сыном Эреба и Ночи. Он смотрел испытывающе.

Слова – шелуха. Слова здесь, в темноте и безвременье, не нужны…

«Воин, – говорили его глаза. – Ты – воин».

Я покачал головой.

«Неважно, что ты думаешь. Неважно, разишь ли. Ты – воин. Хочешь, я научу тебя?»

«Чтобы я тоже мог убивать?»

«Чтобы ты мог выбирать – поднять меч или нет. Поднять меч могут только те, кто умеет…»

«Что делают остальные?»

«Они сражаются не мечом, а своей сущностью».

«Разве меч – не твоя сущность?»

«Мой меч – моя.Я родился с ним, он часть меня, моего сердца и моих крыльев. А для тебя сгодится любой, к которому ты прибегнешь, если захочешь».

Откуда взять меч – я не спрашивал. Перебрать железный хлам (сто шагов налево, обогнуть кучу костей и не попасть ногой в лужу чего-то гнилого). Выбрать наобум: раз любой, значит, любой…

Вот этот кривой и немного зеленый, например. Шершавая рукоять легла в ладонь ободряющим холодом.

«Готов? Отражай!»

Удар – быстрее смешка Ананки.

«Ногу назад! Выпад! Режущий! Защиту снизу! Обходи! Руби!»

Вздыхал где-то во тьме и безвременье вожак тварей – ворочался, шипел под нос: «Бог… страшно… не боится?»

Долетало урывками – сквозь звон клинков, в котором я тонул почти как перед этим – во тьме…

Вот только теперь тьма была вокруг – не во мне. Сторонилась двоих сумасшедших, которые носятся по брюху Крона, размахивая мечами: не ровен час истыкают, мальчишки!

Не было ни кипящей в венах силы, ни упоительности танца – только азарт, упрямство, до боли в мышцах…

«Не увидел препятствие. Прижмись. Здесь экономнее. Взмах! Коли. Ускользай. Еще!»

Я учился.

***

Позже Посейдон будет крутить у виска: «Как-как ты это делаешь?!»

Сейчас я помню тот миг, когда он впервые при мне взял трезубец – и начал разить им так, будто тот был его дополнительной рукой.

Зевс метал молнии, будто пальцем указывал.

А я учился.

Обращаться с оружием – не смешно ли?

«Сверху! Открылся. Больше силы. Блокируй! Отступи! Теперь вперед».

Мы молчали: слова были не нужны.

Все равно слушать надо не ушами.

Я слушал – кожей, стучащим сердцем, бьющейся жилкой на виске.

Он отдавал команды – взглядом, жестом, взмахом клинка…

И лицо начало казаться не таким каменным – или темнота и тут обманывает?

«Атакуй. Больше напор! Шаг! Скрестить! Отстаешь».

– Играются… – ядовито шипит вожак тварей, мало я ему навалял, ничего, еще наваляю…

А чего б не поиграть – мальчишки мы или кто?

В наставники и ученики, например.

Меч чуть не вывихнул запястье: подставил под прямой удар. Изжеванное временем бронзовое лезвие раскрошилось под напором более твердого противника. Острые осколки посыпались на ноги, в кулаке остался бессмысленный огрызок.

«Поищу еще один».

Грудь ходила ходуном, будто раз тридцать разбежался и прыгнул на стену отцовского брюха.

Сын Ночи покачал головой. Подвесил свой клинок обратно на пояс.

На этот раз он даже не запыхался.

«Я бездарно дерусь?»

«Бездарно. Пока что».

И вслух, глядя поверх моей головы:

– Мне пора.

Он отступил назад, полуприкрыв глаза и как будто откликаясь на неслышный зов, хотя темнота вокруг молчала, и даже тварь-вожак утихла на время.

– Куда?

– Пора, – повторил он и развел крылья.

Тут я только понял, что это крылья. Черные крылья. Железные крылья – как его меч.

– Ты вернешься?

– Я – Танат-Смерть. Сын Ночи и Эреба.

Голос у него был в тот миг острее клинка. А уж взгляд…

– И? – сказал я.

Меч ударился в щит. Морозящий холод взгляда потонул в темноте встречного.

Дрогнула бровь Таната-Смерти.

– Что «и»?

–Ты – Танат-Смерть, сын Ночи и Эреба. Я – Аид, сын Крона. И?

– Что «и»?!

– Ты научишь меня? Вернешься?

Губы на лице, выплавленном из адаманта и закаленном в подземных горнилах, сжались чуть плотнее.

– Увидим.

С режущим звуком всплеснули железные крылья – и сын Ночи и Эреба растворился среди мрака.

Шипело и сопело чудовище из темноты – зализывало раны.

– Боишшшшься? – поддразнил я.

Рыкнуло, но заткнулось тут же. Ну и пусть сидит. Можно было бы пойти и дорезать его, что ли, да на ком потом тренироваться будешь? На Ананке?

Эта, кстати, как ждала – подала голос из тьмы:

– Знаешь, маленький Кронид… Этого сына Ночи не принято просить возвращаться.

– Почему?

– Из-за того, что несет с собой его клинок.

– И что теперь?

– Как это – что?

– Он не вернется, что ли?

– Вернется, невидимка. Если… позвать.

– Как?

Тьма залилась сотней острых колокольчиков – смехом.

***

– У-у-у-у! Хссс! Отвяжис-с-сь, последыш-ш-ш…

Верткий он оказался. Ну, этот, вожак. Я его, скотину, мечом из засады, а он рану зарастил и в бега, а видит он в здешнем мраке лучше меня, а мне среди куч этого старья как бы ноги не переломать.

Хрустнул чей-то череп под пятой – кажется, того, шестирукого, он еще огнем плеваться пробовал. Проехал ногой по потекам черной слизи, удержался, только малость оцарапался…

Ничего, достану.

– Ага – боишься?

– Хс-с-с… испугаешш-шь… бе-ш-ш-шеный…

И ругательства вдогонку. Разговаривает он не очень гладко, а вот ругается здорово, это я после третьей схватки усвоил, когда хвост ему обрубил. Хвост отрос, у этого гада все отрастает, но вот то, что грянуло из пасти…

Крона – и того на икоту пробило.

– Иди сюда, кому сказано!

Молчание в ответ. Хоть бы ругался, что ли, так слышно, куда он уполз. Тьма нынче капризна: антрацитово-синяя, лениво-фиолетовая – то даст рассмотреть, то как углем глаза запорошит, издевается: «А ты на слух, невидимка!».

Дышит и скрипит лабиринт – безразмерная утроба Крона. У каждой кучи мусора – свой голос прошлого. «Умираем…», – стонут людские остовы, доспехи и шкуры. «Разлагаемся…», – мерзко шипит тряпье, морские раковины, прелые листья… «Держим-ся!» – упрямятся мечи, стрелы, копья…

– Отвяжис-с-сь!

Ага, вот оно, левее надо брать, там он шуршит.

Обещал же, что достану этого долгожителя.

По безвременью не скажешь, но последняя тварь – та, мохнорылая, с туловом змеи и здоровыми клыками – выползла на меня что-то уж очень давно. И Ананка не подает голоса, и других тварей нет, а значит – и Танат заглянуть не сможет, он же не приходит без приглашения.

По делу или никак.

Желаешь поединок, чтобы не озвереть, шатаясь в отцовских лабиринтах в одиночестве? Позвать бога смерти проще простого.

Убей.

Сделай так, чтобы Мойры, дочки Ананки, которые сидят на какой-то горе и прядут нити судеб всех и каждого – сделай так, чтобы эти самые Мойры перерезали нить. А тогда уж Железнокрылый заявится доделать остальное.

И можно будет обменяться парой сотен ударов, переломав при этом три-четыре здешних никудышных меча.

Только вот эту заразу поймать, и можно будет…

Вожак-зараза с какой-то радости взвыл на три голоса и совсем не там, где я думал найти его. За развалинами какого-то неизвестного мне храма. За ослизлыми, поглоданными временем камнями, из-за которых, кощунственно вгрызаясь во тьму, разгоняя ее, мелькал маленький оранжевый огонек.

Ноги отказались нести вперед. Пальцы сжали меч. Огонь? Две твари, на которых я наткнулся здесь, плевались огнем. Шестирукий, ага, и еще с козлиным туловом. Танат целых три мига смотрел на то, что от него осталось, только потом хмыкнул и снял с пояса клинок.

А что орут – понятно: с вожаком, небось, сцепились, кто главнее. У них это сплошь и рядом, пока не догадаются, что главный здесь я.

Правда, орут странно.

– Хс-с-с!! С-с-сожру! – ярился вожак за камнями. – Отсс-стань!

– И-и-и-и-и, ткни его в глаз, Гестия! – визжало второе чудовище. – И-и-и, он на наши запасы наступил!

И третий голос – звонкий и твердый:

– Не обижай сестру!

Перемахнув разом через несколько валунов и пару древесных стволов, я не сразу сообразил, кто за кем гонится.

Девчонок было двое: рыжеватая растрепанная худышка с огоньком в ладонях и гладковолосая, статная, задрапированная в ткань – у этой был крепкий сук, покрытый зеленью. Вот этим суком вожаку отчаянно прилетало то в морду, то по башке, то по хребту – смотря что подворачивалось.

Та, что была помельче, метала с ладошки языки пламени.

Орали обе – не переставая.

Зубастая тварь, вконец ошалевшая от такого поворота событий, бессмысленно металась вокруг аккуратно сложенного костерка, выла, клацала клыками, махала хвостом, ругалась – и сама вряд ли понимала, чего ей хочется: сожрать или сбежать.

Мое появление – вернее, наше, сперва лезвие меча, а потом уж я, единой линией – застало живучую заразу врасплох.

– С-сукины дети! – всхлипнул вожак и улепетнул в густую тьму. Мрак с готовностью сомкнулся за ним. Шелест когтистых убегающих лап потонул в дружных воплях девчонок.

– Заткнитесь!

Худышка смолкла первой. Сделала несмелый шаг вперед, поднося к личику огонек – он осветил почти такие же огненные волосы и яркие точки на лице: будто пламенем с размаху окропили.

– А ты наш брат, – сказала она вдруг без малейшего удивления. – Мама говорила, что у меня есть тут брат. Радуйся, брат![5] Я – Гестия, дочь Реи и Крона.

Из прошлого рубануло – наотмашь. Проклятым материнским голосом: «Ей так хотелось – пусть будет девочка. Она даже придумала ей хорошее имя – Гестия… Но родился мальчик…»

– Я Аид. Сын Крона.

– Мог бы и прикрыться хоть немного! – фыркнула вторая. Зеленую палицу она так и держала: наотлет. Если что, мол, – сейчас как приложу!

– А это Деметра, она меня младше, – возбужденно пояснила Гестия, которая едва доставала сестре до плеча. – Она тут не очень давно. Хотя тут же нет времени.

– Сколько здесь ты?

– Не знаю. Я сначала здесь немножко ходила, потом сидела у огонька, пела, потом опять немного ходила. Потом появилась Деметра, мы стали вместе сидеть и ждать… ты теперь будешь с

нами?

– С какой стати?

– С чего бы? – вмешалась Деметра, отжимая Гестию в сторонку и пронизывая меня подозрительным взглядом. Сук в руках затанцевал с намеком. – Он – сын Крона, а Крон проглотил нас вскоре после рождения…

– Его же он тоже проглотил, – приглушенно и недоуменно раздалось из-за сестринского плеча.

– Что с того? Мать говорила мне – от мужчин нужно ждать худшего. Разве ты не слышала историю об Уране, который заточил своих сыновей в Тартар? Разве ты не знаешь, что Крон потом сверг Урана? Разве ты не знаешь, – свистящим шепотом, – как мужчины нашего рода поступают со своими сестрами?

От оранжевого огня и резкого голоса разболелась голова. Я развернулся и с облегчением сунулся в родную тьму – приняла с готовностью, скользнула холодными ладошками по щекам. Закрыл глаза, постоял, прислушиваясь:

– И вообще, ты его видела? Я спрашиваю: ты его видела, Гестия?! Прикрыться не подумал, стыдобина какая. Пасмы по плечам! А смотрит, как зверь какой, исподлобья. Говорю тебе: не стоит ждать от него ничего хорошего – пусть себе брат…

Взлохматил волосы – правда пасмы по плечам, когда и отрасти успели. Отошел подальше – чтобы оранжевый огонек сквозь тьму был чуть виден, а голосов было совсем не слышно. Оперся спиной на приторно-теплую скалу, служившую неизменным ориентиром для вылазок в местные лабиринты.

Не могу сказать, чтобы я жаждал встречи с родней. Ананка, Танат – мне хватало.

Уж точно не жаждал встречи с этой, как ее… Деметрой. Лучше б ее вожак мой сожрал, что ли.

Теплый нос жалобно, просяще ткнулся в ладонь. Живучая тварь сидела поблизости, умильно прижимала уши и щурила две луны в глазах.

– Чего тебе?

– Боюсь.

Что-то новенькое. Я за ним по этим лабиринтам сколько раз носился – и ничего, а тут получил зеленой веткой по хребту – и испугался?

По руке прогулялся осторожный язык. Рука дернулась, метнулась за оружием… Нет. Расхотелось убивать.

Две луны заглядывали в глаза товарищески. Говорили – мол, ну их, да? Которые у костра? Особенно эту… Деметру.

– Что ты за тварь?

– Гелло, – скулящий, повизгивающий звук. – Дом под землей.

Крон взял. Съел. Сказал – терзай. Сказал – разорви…

– А он тебя отпустит, так, что ли?

– Врал, – невнятно выдохнуло чудовище.

– Так ты собираешься меня убивать или нет?

– Хрс… – неопределенно ответил вожак. – Он – врал. Ты – бог. Боюсь.

– Меня?

– Что ты испугаешься.

Содержательная такая беседа, а у меня уже челюсть болит. Отвык от разговоров.

Гелло шипел, постанывал и шуршал, подбираясь ближе. Потом уткнулся в руку горячей мордой и удовлетворенно вздохнул.

– Жарко, – сказал. – Страшно. С тобой хорошо. Холодно. Не боишься.

Так и остался, подземный подлиза. Таскался за мной по лабиринтам. Шебуршал по тупикам.

Когда появлялись еще твари – кидался первым, а то они выползали из оттенков тьмы – видно, отец не расстался со своей идеей утихомирить меня таким способом.

Рычал на оранжевый огонек вдалеке.

Рычал – это Гелло, твари просто не успевали его заметить, а мне было незачем. Ну, огонек. Ну, сестры. Меня не трогают, я их не трогаю – всех все устраивает.

После первой встречи не было желания идти на огонек.

Вот Танат все-таки сходил – посмотрел. Прогулялся до костра, оттуда донесся отрывистый вопль Деметры и восклицание Гестии: «Ты, наверное, замерз и хочешь погреться?». Потом Убийца вернулся – с обычным своим непрошибаемым видом и плотно прижатыми к спине крыльями.

«Сестра… и теща», – коротко обозначил он взглядом.

И мысли не возникло, кто из них кто. Если Гестия родилась воистину сестрой – старшей сестрой, хоть и выглядела как девочка, – то Деметра…

– Хрмф, – свирепо выразил чувства Гелло, но тут заметил, что я поднимаю меч и становлюсь в позицию – и только хвост мелькнул. В последнее время Танат наловчился втягивать в поединки и подземное чудовище: от Гелло требовалось нападать на меня во время боя сзади или сбоку, и не всегда он выходил из драки без потерь.

«Стойку! Ниже! Отбить! Вбок! Парируй! Лево!»

«*О чем думаешь, Аид-невидимка?*» – спрашивали тьма, поющий под пальцами меч, знакомый голос за плечами…

«О том, что здесь становится тесновато».

«*Ты думаешь не об этом*».

«Я думаю, будут ли у Крона и Реи еще дети».

«*И что же ты думаешь, невидимка?*»

Меч Таната – холодом у виска: не отвлекайся! Двигай ногами! Используй преимущество – ты знаешь местность лучше его!

«Уж лучше бы не было».

«Уйди! Атакуй. Жестче! Больше напор! Отведи. И выпад».

Звон мечей в темноте смешивался с истошным смехом Судьбы.

***

Я мог бы списать нашу обоюдную неприязнь на неудачное начало знакомства. Когда тебе с визгом падают на шею, прерывая отличный бой, когда тебя начинают колотить кулаками, наконец, зубы в тебя запускают с воплями: «Отпусти меня, грязный сын Хаоса!» – попробуй быть дружелюбным, даже если ты родился не со скверным характером!

Снимали ее с меня втроем – собственно, я, обалдевший Танат и развеселившийся Гелло. Наши немые разговоры прерывались истошными воплями гостьи.

«Сумасшедшая… точно дочь Крона…».

– И-и-и-и-и, убери свои каменные лапы, поганое испражнение Нюкты!!!

«Танат, заткни ей рот, у меня сейчас голова треснет».

– Мерзость! Плевки Урана! Блевотина Эреба!

«Кричит. Дочь Крона. Смешно. Тонко. Куснуть?»

– И-и-и-и, – и так по кругу. Пока ее стащили с меня, я успел вспомнить, как пахнет ихор – он у меня сочился из ее укусов – и поднабраться ругательств, которые можно использовать против папы. Все-таки до «прямой кишки тухлого сатира» не додумался пока даже Гелло.

Потом мы стояли друг напротив друга: я с разодранной ее ногтями щекой, весь в прозрачности своей крови – и она, светловолосая, с задранным носом и высокомерным выражением лица. Личика.

Ростом мне по грудь, не больше.

– Гера, дочь Крона, – прозвучало как «царица всего сущего».

– Аид, сын Крона, –сказал я и потрогал щеку.

Она хмыкнула. Хмыкать она умела великолепно: как госпожа, с разными оттенками.

– А где сестры? Мать говорила, что у меня здесь есть сестры. Ты не мог их позвать? Почему здесь так темно? За века не сумел

подготовиться?

Подготовиться – это к ее визиту, стало быть.

Я не нашелся, что ответить. Мы втроем стояли и, как три болвана, созерцали девчонку, которая походкой хозяйки направлялась на поиски «достойного пристанища». Она спотыкалась и время от времени изобретательно ругала темноту (как она вообще там что-то различала?!). Но шла все равно – владычицей.

«А когда меня глотали, главными были мужчины, – заметил наконец я. – Отец матери сказал меня принести – она принесла…»

«И сейчас мужчины. Да», – отозвался Гелло.

– Гм, – произнес Танат с совершенно нечитаемыми интонациями и почему-то вслух.

Из темноты донесся надменный голосок:

– И если только ты или эти чудища из твоей свиты осмелятся покуситься на меня – вы узнаете участь Урана!

Мы посмотрели друг на друга. Вроде бы, ни у кого в глазах не было и тени желания «покушаться».

«Не завидую я тому, кто возьмет ее в жены».

«Надеюсь, эта дикая кобыла останется девственницей навечно».

«Злишься. Да?»

«Воображать не хочется, что от нее может родиться».

«А если еще и муженек будет под стать… – я передернул плечами. – Хотя ты прав. В любом случае родится что-нибудь жуткое».

Гера пришла и обосновалась, и стала чем-то вроде камешка в сандалии, который преследует тебя повсюду. Стоило кому-нибудь преступить границу того, что она полагала своей частью Кронова желудка – как из тьмы долетал надменный голосок:

– Ты должен спрашивать у меня разрешения, прежде чем заходить в мои чертоги!

Гестия пыталась ее унять, да не особенно преуспела.

А с Деметрой младшая сестра поладила. Сошлась во мнениях о моей персоне. Я не гнушался подслушивать: во тьме было мало нового, а поединки и путешествия по лабиринтам времени наскучили, и не раз и не два оказывался на «той стороне». Прижимаясь к мшистым утесам, бесшумно переступая лужи черной желчи, сливаясь с родной мне тьмой, я знакомился с досугом сестер, и чаще всего досуг был – перемывать кости. Мне.

– Весь в папашу… слова не допросишься…

– С сыновьями Нюкты не разлей вода. Что еще неясно, милочка? – «милочка» – это присказка Деметры…

Пылал огонек. Резали разноцветную тьму высокие голоса –

тьму было жалко, она срослась с тишиной, я старался не нарушать ее даже звоном клинка.

– А что он махает этой железкой?

– Убивать учится.

– Кого?! Тут, кроме нас и этих чудищ…

– Наверное, отца, – это голосок Гестии. Огонек дрожит и прыгает – сестра забавляется с ним. – Потом. Когда это кончится.

– О-ох… милочка! Когда это кончится?!

Когда младшая сестренка не пребывала в компании Гестии или Деметры – она занимала себя, как умела. Большую часть времени просиживала на все тех же стволах деревьев или скалах, принимая позы, одна величественнее другой. Иногда танцевала или пела. Пение ее привлекало Гелло, который обожал бесшумно переползти границу, сливаясь брюхом с поверхностью, подобраться совсем рядом – и подвыть от всей души. Тогда песня заканчивалась пронзительным визгом, а вслед за этим начиналось метание в Гелло всего, что попадалось под руку, а продолжалось это все гневным обращением ко мне:

– Аид! Прикажи ему отойти! Это ты его натравил, ты, я знаю, ты…

Вопроса, кто из нас в утробе отца лишний, даже не стояло.

Вопрос был: когда закончится мое терпение (а его я успел накопить много) и возьмет свое мой характер?

Танат предлагал помочь, а Гелло так и вовсе умолял хотя бы сопровождать меня, но я отмел это движением ладони и без слов заявил, что раз сестра – моя, так и решать – мне.

После чего я совершенно осознанно переступил незримую черту, делившую отцово брюхо, кивнул в ответ на приветствие Гестии, махнул презрительно отвернувшейся Деметре, ответил мрачным молчанием на вопрос о том, почему я не спросил о приглашении, подошел к ней вплотную – Гера приняла менее величественную позу, когда смогла рассмотреть мое лицо…

Потом я с ней заговорил – впервые после того как назвался.

– Я никогда у тебя не буду ни о чем спрашивать, – сказал я. – Потому что я – старший. И я – мужчина. Поняла?

Ее лицо светилось в темноте. Бледностью. Не дожидаясь ответа, я сгреб ее с развилки ветвей, вскинул на плечо животом и понес.

Вопить она начала только на полдороги. Но зато и звуки, наверное, долетали аж до Урана – не до него, так до Крона точно, потому что вовне глухо хохотнуло и заметило о том, что да, баб нужно учить…

И смешок был такой значительный, что даже Гелло догадался – как именно учить.

У Геры с самого начала было именно это на уме, судя по тому, что она на меня обрушивала:

– Ты… да поразит тебя бесплодие! Пусть Эринии вырвут твои отростки и бросят псам! Я не покорюсь тебе! Пусть твое ложе кишит червями и скорпионами! Не трожь! Я не буду твоей!

Я снял ее с плеча.

– А мне и не нужно.

И воткнул головой в ту самую вонючую маслянистую лужу, которую столько раз приходилось переступать. Гелло радостно взвизгнул – предвкушал возможность послушать еще красивую брань. Он-то Герой простодушно восхищался, считая ее отчасти родственницей за манеру изъясняться…

Когда я выдернул ее – без помощи она бы там столетие проторчала – Гера и впрямь выглядела родственницей моему чудовищу. С волос стекала едкая слизь, рот открыт, черты перекошены…

Она меня ненавидела – да. Это была хорошая, огненная ненависть.

Если бы она не была смешана с оскорблением и почти разочарованием оттого, что я не посчитал нужным подтвердить ее опасения. Из-за моего «и не нужно»…

– Женщина, – сказал я тихо. – Научись молчанию. Оно тут ценится.

Она кивнула, тяжело дыша, испепеляя меня взглядом, который говорил: «Никогда. Никогда не прощу», – первый и единственный раз, когда я ее по-настоящему услышал…

Гестия явилась позже.

Впервые пришла сама, положив конец задумчивым и вопросительным взглядам, которые бросала на меня в присутствии сестер. Решилась все-таки уйти от огня, чтобы найти меня на моей стороне, во мраке.

– Радуйся, брат.

Нашла.

Я сидел на корточках, прислонившись к липкому – здесь все липкое и душное – камню своего утеса. Гелло шнырял поблизости, бурча и поцарапывая изнутри папино брюхо.

Я смотрел на огонек на том конце своей темницы – размыкающий темноту, делающий миром фантазии весь мир, который я для себя создал…

– Радуюсь, сестра.

– Ты не радуешься, – она погладила меня по руке. – У тебя грустные глаза. Ты устал быть здесь?

– Я не знаю иного.

– Жаль, у меня нет нектара или амброзии. Это приободрило

бы тебя. Хочешь, я расчешу тебе волосы?

Ощущать ее руку было жгуче-непривычно – теплые, невесомые касания, от которых я сперва ежился и пытался увернуться, потому что они не были похожи на знакомые мне прикосновения скал и меча, на шершавую кожу Гелло под боком. Но Гестия была терпеливой, и я сдался.

– Расскажи мне о том, что там… вовне.

– Там совсем не так темно, – отозвалась задумчиво. – И не так тихо. Я видела немного: мама держала меня в пещере, она надеялась, что отец забудет обо мне…

Одного не понимаю, зачем старый тиран глотает дочерей? Меня – понятно, я наследник. От них-то ему какой вред – боится увидеть личико Геры и помереть от разлития желчи?

– Но я видела, как Гелиос-солнце гонит свою колесницу с востока на запад, он мне помахал, и это было очень красиво. Я слышала пение птиц, оно почти как солнечный свет, только для ушей. Я видела огонь: он согревал меня, когда Нюкта набрасывала свое покрывало на небо. Я взяла с собой немножко – смотри – в ее руке полыхнул маленький огонек, я сощурился. – А потом мать пришла и понесла меня, и тогда я увидела море… большое… оно дышало, и над ним стояла и смотрела Ирида-радуга, она тоже мне улыбнулась.

Наверное, этому вечному ребенку все улыбаются. Кроме старшего брата, который разучился этой мудреной науке сколько-то вечностей назад.

Гестия словно догадалась о том, что крылось за моим молчанием, и тут же принялась меня жалеть, будто я был младенцем: с поглаживаниями по голове и укачиванием, которое неприятно напомнило мне самый первый, солнечный день жизни.

– Бедный, бедный… ты был первым из нас, ведь так? Ты не увидел моря, не помнишь пения птиц, только темнота, – я попытался сбросить ее руки, но она не унималась. – Ты просто… потерпи еще немного, и скоро все закончится.

– Разве что у него случится грандиозная отрыжка, – собственный голос казался неверным, треснувшим.

– Нет. Но ведь он рано или поздно придет.

«Кто?»

«Тот, который освободит нас и победит отца. Брат».

Я не заметил, когда мы перешли с ней на разговор взглядами. Пламя в ее горсти вызывающе разгоняло тьму, делая ее вокруг огонька однородной – черной.

«И ты готова жить здесь, чтобы ждать?»

«Для чего же ты тогда здесь живешь?»

«Разве жить обязательно нужно для чего-то? Можно ведь – потому что просто нет другого выхода».

«Но тогда это очень унылая жизнь. Разве не так? Когда уже ничего не ждешь».

На это у меня не нашлось ответа. Может, он был и отыскался бы, додумайся я пошарить во тьме вокруг себя как следует – но я не стал. К тому же, недалеко захрустели мелкие камушки под когтями Гелло, и Гестия поднялась. Глаза ее улыбались.

«Приду еще, брат. Ждать лучше вместе».

Ждать…чего?

– *Ау-у-у, Аид-невидимка! Помнишь меня? А я у тебя – за плечами!*

Ананка! Обернулся, да куда там. Скала у меня за плечами, к которой я прислонился. А этой уже нет. Может, она теперь у Геры за плечами. Или у Гестии. Она ведь ко всем успевает…

У всех за плечами. И у Крона, Повелителя Времени, тоже. Строит потешные гримасы за спиной того, кто попытался от нее убежать.

Тьма вокруг медленно вызревала смыслом: однажды у Крона родится сын, который сможет…

***

Сперва грохнулось. Потом заржало. Здоровый звук такой, радостный, тьма аж взорвалась: в жизни такого не слышала, потому что даже если она и со смыслом – что в ней смешного?

– Шишку набил, – ломающийся басок. – Ну, квиты, батя!

Мы стояли безмолвной группой: впереди – я и случившийся во тьме Танат, позади – Деметра и Гестия, совсем позади – Гера. Мы ждали.

Проклятия и шум раздавались сверху уже давно, что-то грохотало и поминалось отродье Эреба – голос был батюшки.

Гестия светилась ярче огня в своих ладонях. Она была уверена, что нас прямо сейчас будут спасать.

А этот поднялся, покатываясь со смеху, тряхнул гривой темных волос и с любопытством закрутил головой.

– Темнотища! – сказал восхищенно. – Прям Эреб вокруг. А я-то думал, тут кишки всякие будут.

Покряхтел, подумал и подытожил:

– Сожрал, значит.

От новоприбывшего веяло нездоровой, необузданной силой и нездоровой же полнотой жизни. Был он широкоплеч, прикрывался какой-то пятнистой шкурой, и щеки у него, казалось, брызнут соком румянца.

Еще он был подозрительно взрослым для младенца, которого только что употребил отец.

– Посейдон, – выпалил он, рассмотрев нас при свете огонька Гестии. – А я старому дурню зуб высадил, пока он меня лопал… во.

Гордо показал осколок здоровенного клыка, который намертво сжимал в кулаке.

Нахмурился и перевел взгляд с меня на Таната.

– А который из вас Климен? Мать говорила, у меня тут брат. Один, – с очень большим подозрением и нагнув голову как молодой бычок.

– Климена здесь нет. Из Кронидов здесь я. Аид.

Просверлил лицо карими глазами – взгляд цепкий, не подходящий к добродушной физиономии. Плечами пожал.

– Аид, так Аид. Радуйся… в общем. Э, а как у вас тут с едой? О, девчонки!

И рванул знакомиться с женской частью отцовской темницы. Мы с Танатом переглянулись и вцепились в новоприбывшего с двух сторон.

– Вы чего? – возмутился Посейдон. – Я ж только так… представиться!

Врать у него получалось плохо. Интерес, с которым он косился то на фигуру Деметры, то на фигуру Геры, так и кричал, что – не просто представиться и только посмотреть, а хорошо бы еще и пощупать…

– Стоять, к-кому сказано!

– А ты кто такой, чтобы мне приказывать, а?

– Кто я такой?!

– Ты-ты, который не Климен! Думаешь, такой весь из себя тут главный? А если я…

Танат зашелестел крыльями – вышло похоже на шумный вздох.

Пропал.

В тот же миг Деметра ухватила сестер за руки и силком поволокла к костерку, приговаривая:

–А ну-ка пошли, милочки, пошли… А эти здесь сами разберутся. Все-все выяснят…

Деликатно отступил во тьму Гелло – угадывая, что ему тут делать точно нечего.

А мы разобрались. Долго разбирались, не то что с Танатом. Но ведь – родственная кровь, так что и выяснять надо было больше.

– Сволочь, вот ты кто, – сделал после этого вывод Посейдон. С хрустом вправил выбитую о мою челюсть фалангу пальца. –

Почти как отец. Я к тебе со всем сердцем, а ты… во, глаз мне подбил.

– Шаг в сторону сестер сделаешь – вообще без глаз останешься, – слова выговаривались гнусаво и через одно. На месте носа набухал какой-то переспелый фрукт.

– Жадина, – буркнул брат, осматривая исцарапанное плечо. – Чем еще себя занимать-то?

– Пошел ты… к Крону!!

Он повернулся здоровым глазом и прищурился, чтобы рассмотреть меня в темноте. Смотрел не со злостью – с веселым недоумением: что это за стукнутый злится, если кулаками уже помахали? И хорошо ведь помахали!

Потом засопел и вдруг надулся.

– Ну и пойду, – поднялся со скалы, на которой сидел, и, капая ихором, убрел во мрак здешних лабиринтов. Еще сколько-то мигов-лет лабиринты молчали и хранили прежнее тонкое, полное шорохов и отзвуков безмолвие.

Потом из самой глубины донеслась разнузданная песня о прелестях нимф, и прыснула за спиной Судьба.

Безмолвие кончилось.

Стены всхлипывали, темнота липла к лицу жалобно, мельтешила оттенками – мол, сделай же ты что-нибудь, невидимка!

Скучала без тишины. Все пыталась нашептать, что верный порядок тут какой? Правильно: тьма и безвременье, безвременье и тьма. Еще тишина и пустота. А вы что творите?!

Вот если тишина – то и молчи, – мотал я головой, отгоняя мельтешащие оттенки. Что я-то сделаю?

Пять деточек Крона в одной темнице, откуда тут быть тишине!

Да и Посейдон – не Гера: в лужу головой не воткнешь, не докажешь, что тут молчание ценится. То есть, я пытался, конечно, только в лужу мы грохнулись вдвоем, и челюсть потом болела зверски.

А этот только заржал.

Вылез из лужи – слизкий, вонючий, но все равно румяный – отфыркался и загоготал, разорвав тишину в клочья.

– А я уж было скучать стал, – выдохнул наконец. – А ты, брат… ничего парень… с тобой не скучно! Ну, бывай.

И поскакал обратно в лабиринты – чудовищ распугивать. Отец, видно, был зол за свой выломанный зуб: глотал всех подряд, десятками, и я не выпускал из руки очередной источенный временем меч, и Танат почти все время был неподалеку, и мы тоже были виноваты перед здешними

лабиринтами: мы в клочья распарывали тишину звоном клинков на поединках.

Дети Крона, рассыпавшись по чертогам времени, принесли с собой частицу своего прадеда – предвечного Хаоса. С явлением Посейдона это выплыло наружу.

Меньшой с улюлюканьем гонялся за чудовищами по всем лабиринтам, не убил ни одного, но доводил до такого ужаса приставучестью и взрывами радостного ржания, что приканчивать их не составляло труда – чуть ли не сами ползли, с мольбой в глазах… Сколько-то раз брата довели до гнева – оказалось, это еще хуже, от дикого рева («Уроды!! Прибью!!!») здешние лабиринты отошли нескоро, и стены потом долго вздрагивали и холодели от каждого звука.

Внимали дышащие вечностью стены. Возмущались кучи хламья, которые громоздились вдоль стен. Мы, мол, сюда умирать попали, – возмущались. А эти – живые…

Время настороженно крутило носом – прислушивалось. Вон звон клинков – опять, значит, Танат прибыл. Конец, значит, очередному Кронову посланцу. И Аид носится: ох, этот невидимка, когда уже угомонится?! А там еще – шипящий, свистящий клубок – это Гелло…

– Ге-е-е-естия-а-а-а! – бичом нахлестывает тишину надменный голосок Геры. – Я палец прищеми-и-и-ила-а!

Визжит Деметра: опять на какую-то тварь наткнулась в своих поисках то ли еды, то ли одежды.

– Аид, ты будешь помогать, или нет?! – орет невидимая Гера.

Хорошенькое дело, удивляется время. Не хватало еще кому-то помогать. Да и вообще, Деметра сама справится. Ухватит какой-нибудь сук – не раз бывало – и потом будет причитать, что, мол, «ах, когда же это кончится!». А полуоглушенное чудовище поползет на расправу к Посейдону – уж лучше к нему, что ли…

«Когда это кончится!!» – стонут разнесчастные, потревоженные детишками Крона лабиринты. Темница не может больше выносить узников. Темнице впору выкинуть их из себя, что бы там ни подумал Повелитель Времени…

Одно утешает – Гестия молчит. Только ведь она явно молчит с умыслом, до поры до времени, и…

– Хватит! – звонкий, певучий голос во тьме – как проблеск огня. – Если так ждать, то это уже совсем неинтересно. Все, начинаю стаскивать!

– Кого это и куда? – манерно осведомилась Гера.

– Всех в одно место!

Гелло первым понял, чем это чревато, и смылся в темноту, истерически подвывая. Через какое-то время в отдалении бухнул

басок Посейдона:

– О… сестренка! Чегой-то ты меня куда-то волочешь, решительная такая? Какое вместе? Да ну, не пойду я туда, там Гера…

Стаскивать, значит. Ну, сначала меня найди, сестренка. Мне эта тьма – колыбель, ты меня тут до освобождения проищешь. Если оно будет, освобождение это.

«Я бы не стал, – заметил Убийца. – Эта твоя сестра – как мой меч».

«От нее не сбежишь?»

«И ей невозможно противиться».

И исчез – отправился исторгать тени.

Ему-то хорошо, ему есть куда бежать.

Мы сопротивлялись, как могли. Гера ломала руки и закатывала истерики, Деметра громогласно возмущалась и читала нотации, Посейдон отшучивался, я сбегал, но Гестия и правда была упорнее клинка Убийцы: в конце концов мы сами не заметили, как очутились вокруг уютного костерка.

– Так гораздо лучше, – с удовольствием говорила Гестия, а языки огня воевали с душной тьмой. – Ждать ведь гораздо интереснее всем вместе!

Гера издала звук, полный несогласия, и в высшей степени враждебно посмотрела на меня.

– Кто-нибудь умеет петь? – Посейдон подавился, я услышал его надсадное перхание. – Правда, я не знаю песен, мама не пела, только плакала… Но можно сочинить! Еще можно рассказывать истории или разгадывать сны, или видеть в огне образы… вон пташка, смотрите. А вон колесница Гелиоса! А вы что видите?

«Удрать?» – жалобно спросил Гелло.

Я чуть заметно качнул головой. Я сильно подозревал, что это бесполезно.

Потрескивание пламени разбавлялось хохотом отца там, вовне – обрадовался, старый гад, решил, что его в покое оставили…

– Мать, – вдруг выговорила Гера тихо, с тоской в глазах. – Мать пела. Чтобы я не плакала. Когда она растила меня. Она надеялась, что он не вспомнит обо мне… боялась, что услышит плач. Поэтому пела. Грустно.

Она без слов напела несколько строчек чего-то тягучего, густого, бесконечного и древнего, как Уран-небо.

– О чем это?

– О треснувшем очаге, в котором погасло пламя, потому что хозяин ушел из дома, а дом опустел. Жена идет за ним, а он где-то пирует:

Мужа с пира жена зовет:
Заплутал средь хмельных друзей.
Плачут дети, угас очаг –
Возвращайся, хозяин, в дом…

– А он?

Гера пожала плечами.

– А какая разница? Очаг угас, а она его еще просит! Я бы сказала этому гуляке…

– Но ведь можно сохранить немного огня у себя? – спросила Гестия. – Чтобы разжечь его, когда муж придет? Аид, а ты что думаешь?

– Такая, значит, жена.

Гера так и взвилась. Правда, перечить не осмелилась, помня широкую лужу, которая зазывно поблескивала издалека.

– А теперь в огне цветок, – сказала Гестия. – Или огонь – цветок. Смотрите же, как интересно!

Она была не как меч Таната – она была тверже. Это я понял, когда на десятый или пятнадцатый раз наших посиделок ей удалось приволочь к костру Убийцу. Гелло к тому времени принимал участие в беседе вовсю (в основном короткими словами описывая свой дом – подземный мир), Гера снисходила до разговоров довольно часто, я ронял реплики из темноты, но растормошить Таната – это казалось невозможным.

Не для Гестии.

– Не знаю, почему он не показывается, – как-то сказал он, когда Гестия заливисто толковала о том, что ей снился Гелло, танцующий с Гелиосом в обнимку.

Слышать голос Убийцы было настолько непривычно, что все замерли, даже пламя прижалось книзу.

– Кто?

– Брат. Мой брат-близнец, Гипнос. Он ведь как-то сюда проникает, иначе вы бы не спали.

Сам Танат не спал никогда, и это почему-то всегда казалось естественным.

– Твой брат – бог сна? – свысока удивилась Гера. – Тоже рожден Ночью? Я думала, она порождала чудищ в наказание титанам!

– Он и есть наказание, – пробормотал Танат, поймал себя на том, что говорит, и сконфуженно замолчал. Но брешь была уже пробита, и теперь он по временам бросал фразы о мире, который возник между Тартаром и средним миром – подземном мире, который стал домом для детей Ночи, о том, как бушуют в своей темнице – Тартаре – циклопы и Гекатонхейры…

– Отец правит там? – однажды спросила Гестия.

– Наведывается, – скупо отозвался Танат. – Не правит.

– Почему?

– А смысл?

«А смысл?» – будто хотел спросить что-то совсем другое. Смысл – сидеть у костра всем вместе, несхожим и не испытывающим друг к другу теплых чувств? Смысл – говорить ни о чем, вспоминать солнечный свет, которого в тесной, душной, разноцветной тьме – лишь призрак, в глазах у Гестии? Смысл петь и угадывать, что на этот раз в огне: костистая лапа или дерево?

– Да когда ж это кончится! – потихоньку бормочет Деметра, и ей в такт печально ухает осквернённая темнота, разрезанная тишина.

– Не-е, меня мамка не хотела давать старому хрычу, – Посейдон всегда говорит громко – чуть ли костер не задувает. – В пещере прятала. Нимфы малость воспитывали, да. Эх, какие у них формы у этих нимф! Она, значит, бате вместо меня жеребенка хотела дать. Завернуть в пеленки и дать, чтобы он сожрал!

– Ужас, – шепчет Деметра. Наверное, прикидывает, что бы мы тут делали еще и с жеребенком.

– Я ж говорю – ужас! Жеребенка! Я на него посмотрел… а у него глаза большие, влажные такие… ржет. Жалобно. И мама его, кобыла то есть, она тоже – в руку тыкается, чуть не плачет. Ну, я и пошел… того, сам. Говорю – на, жри меня, чего там… Правда вот зуб ему высадил – чтобы неповадно было…

– Дурак.

– Ага. Дурак, что всю челюсть старому гаду не своротил.

– Нет, вообще дурак. Ж-жеребец, как же…

– А в зубы?!

Ну, в зубы – так в зубы…

Дрались, бродили по лабиринтам, стучали клинками, гонялись за отцовскими чудовищами, которых становилось все меньше (смирился Крон, понял, что ничего не добьется), – и темнота покорно принимала в себя, обнимала крыльями оттенков. Только потом что-то дергало, толкало, тянуло к маленькому костерку: не захочешь, а пойдешь, послушаешь, как серебрится в безмолвии голос Геры, поющей песню матери, как низко подпевает Деметра, мечтает Гестия, шутит Посейдон…

Твари, которые бродили по лабиринтам, к костру не совались. Понимали – это для детей Крона.

Вообще никто и ничто не влезало.

Только раз, через несколько вечностей после того, как собрались впервые, влез чужеродный, непонятно откуда идущий звук.

Чавкающий, поглощающий звук времени, принимающего в

себя нового жильца.

– Похоже, там еще кого-то глотают, – уныло заметила Гера. Из темноты отозвалась стоном Деметра:

– Ну, когда же это кончится!

А Посейдон заржал, впрочем, он так делал по каждому поводу.

А потом это кончилось – когда прямо к нашим ногам свалился туго запеленатый сверток. Упал тяжело, камнем – потому что и был камнем. Кусок скалы, гранитно-серой, грубо обтесанный наподобие младенца.

Мы молча смотрели на него: виден был каждый контур, каждый излом гранита, потому что Гестия освещала пеленки и камень своим огоньком.

Мы физически чувствовали, как размыкается вокруг нас безвременье, и вместо него приходит, вкрадывается в душу «скоро». Всхлипнула Гера: по-девчачьи, с недоверием и пугливой надеждой.

Волосы шевельнулись от легкого, шутливого дуновения Ананки – что, взял? Я же говорила…

– Интересно, – наконец прошептала Гестия. – На кого он будет похож?

[1] Ихор – в древнегреческой мифологии прозрачная, благоуханная кровь богов.

[2] Мнемозина – богиня памяти.

[3] Кронид (Кронион) – сын Крона

[4] Имя «Аид» восходит к древнегреческому «невидимый, незримый».

[5] «Хайре» - «радуйся». Наиболее распространенное приветствие у древних греков.

Сказание 2. О трех богах, ставках и клятве над пропастью

Между шелестом свистящим все растущих быстрых вод
Возникают нереиды, отдаленный хоровод.
Все похожи и различны, все влекут от света в тьму,
Все подвластны без различья назначенью одному.
Чуть одну из них отметишь, между ею и тобой
Дрогнет мягко и призывно сумрак ночи голубой.
И от глаз твоих исчезнет отдаленный хоровод, –
Лишь она одна предстанет на дрожащей зыби вод.
К. Бальмонт

– Так похож на него…

Она отворачивалась, чтобы не видеть знакомых черт, и рука невольно дернулась к щеке – где похож? Почему? И ведь сам уже знал – на кого, ловил на себе тревожные взгляды, и странно, что этого сходства не досталось братьям: словно сыновья другого отца.

Трое стоят перед моими глазами. Три ярких отпечатка прошлого не желают выливаться в воду воспоминаниями, не желают приближаться – остаются на обрывистом берегу:

– Я ставлю на море.

– Я ставлю на небо.

– Я…

И черные волосы развеваются на ветру, у всех нас были черные волосы (почему были?!), у всех троих – темны по-разному. Кудри младшего, тугие кольца, гордо лежали по плечам, и в них всегда блестело солнце, даже ночью его волосы ухитрялись как-то ловить свет то ли звезд, то ли луны. У Посейдона – вечно спутанная и топорщащаяся грива, откуда непременно торчал то цветок, то зеленая ветвь, которая отливала из черного почему-то синим.

Третий…

– Какой ты… волос как тьма Эреба…

Молчи, Мнемозина.

Я вижу – нас? – их. Троих на обрыве. Стройный и гибкий освободитель – осиная талия, легкость птицы в каждом жесте. Приземистый, на голову ниже, Посейдон.

Третий почему-то сутулится и кажется ниже младшего, хотя это не так…

И – невероятно, неправдоподобно разные лица. Каждый не похож на стоящего рядом.

Только один похож на…

Я закрываю глаза, чтобы не видеть лица в черной воде – и заставляю себя увидеть другое – юное, непохожее на мое.

Лицо, о котором мы все гадали – каким оно будет?

Лицо нашего общего «скоро».

Позже узнал: это был пир. Даже не пир, а просто трапеза, они с Метидой заявились к отцу гостями от какого-то из титанов – то ли от Атланта, то ли от Океана. С порога заявили, что принесли великому Крону прекрасное вино в дар – и папаша не устоял, опрокинул три кубка подряд, ничуть не озаботившись разбавить хоть чем-нибудь.

Впрочем, оно уже было разбавлено. Там плескалась желчь очередного порождения Нюкты – Ехидны, и я упустил узнать у Метиды, как младший доставал этот ингредиент. Тогда было не до знаний, теперь уже и не спросить, хотя… не все ли равно, важно – что смесь оказалась гораздо более действенной, чем все наши прыжки на стенки желудка.

После третьей чаши отец изверг нас прямо на пол своего жилища, и мы смогли познакомиться со своим освободителем лицом к лицу, увидеть свое «скоро» во плоти, сказать «радуйся» своему смыслу…

Смысл улыбался – солнце играло в его волосах и в этой улыбке, и это я тоже увидел потом, потому что, едва упав на пол, я открыл глаза, закричал и забился в агонии.

Мы находились на открытой площадке, и безжалостное солнце било сверху, палило непривычные глаза, обжигало их сквозь ладони, я ненавидел этот проклятый огонь, эти цвета, которые обрушились сразу отовсюду, многозвучье голосов и гомон птиц в недалекой роще – все отзывалось в голове молотом; воздух пронизывал насквозь копьем. Это было со всех сторон, вокруг, я не знал, что закрывать: глаза, рот или уши, и пятно тени почувствовал, как чувствовал судьбу за плечами, как чувствуют собственную жизнь: нутром. Хрипло втягивая сквозь зубы воздух, потянулся к ней, пополз по шершавым, заляпанным желчью Ехидны плитам… одно усилие, два…

Тень приняла как родного. Обняла, баюкая, мягкими ладошками пригладила обожженную кожу. Я даже осмелился смотреть сквозь ресницы: не желая слышать, я слышал, пока полз, как подался назад отец, увидев, что свободны теперь все. И вот теперь я видел…

Я видел его лицо. Он смотрел в глаза своему сбывшемуся пророчеству со злобой и страхом, и из тени, куда я сумел отползти, я различал черты, которых не помнил. Острые скулы, подбородок, сошедшиеся в единую линию брови, хищный оскал обнажил зубы, глаза свелись в опасные щели прищура –

обещание, колебание, ненависть.

Взгляд длился мгновение – потом я моргнул, а отца не стало.

Не принял бой. Не вынес удара Ананки, которую так долго пытался обмануть. Сбежал, нет – отступил, чтобы обдумать, что дальше будет делать…

«Будет. Будет. Будет», – затукало сердце.

Тогда я наконец смог сощуриться и посмотреть на того, кого так испугался отец.

Сбывшееся пророчество.

Ожидание во плоти.

Оживший смысл.

Он стоял – юный и гибкий, и волосы казались сплетенными из солнечных нитей, много позже я узнал, что они черные… Он стоял, расправив плечи и попирая ногами отцовский дом, и солнце – чтоб оно сгинуло, проклятое! – играло в его улыбке, заставляя щуриться и прикрываться еще больше. Пронзительная синева хитона и белизна плаща только подчеркивала впечатление – Гелиос, который оставил колесницу и сошел на землю, захватив с собой немного света…

А нос у него был вздернутым – вызывающе смотрел в небо на прекрасном лице, грозя небесам: «Вот я вам! Приду – и узнаете!»

Это было то, что я увидел в секунду. Потом опять прикрыл усталые глаза – и все, сорвалась молния с места, мелькнули кудри из солнца да синий хитон. Оживший смысл кинулся поднимать Деметру, и звонкое: «Радуйся, красавица!» – едва не раскололо мой бедный череп напополам.

Красавица пыталась стереть с себя желчь и вино – в придачу мы все были покрыты какой-то слизью, но спасителя это, видно, не смущало, он обнял ее, пачкая хитон, и продолжил:

– Радуйся, сестра! Я Зевс, сын того труса, который сбежал. Наша мать Рея рассказывала мне, что вы томитесь в заточении, и мы с моей женой Метидой придумали, как устроить ваше возвращение.

Худощавая Метида с кисловатым, заумным выражением лица помогала подняться Гере. Посейдон встал сам и расхохотался едва ли не яростно.

– Да уж, это было катанье так катанье! – и потряс Зевса за плечи. – Радуйся, брат, я Посейдон! Как сделано-то было, как сделано! Эх-х, солнышко печет, думал, не увижу вовсе… А вот Гестия!

Гестия, во-первых, приземлилась на ноги (непостижимо, как у нее это получилось), во-вторых, почти не заляпалась ни вином, ни желчью. Она подошла к младшему брату и несколько секунд рассматривала его с мечтательной улыбкой. Потом обняла.

– Точно такой, каким я тебя представляла, – прошептала ликующе.

Я понял: рано или поздно обо мне вспомнят. И если я не найду сил подняться – мое знакомство с младшим братом состоится снизу вверх, потому что меня прибило солнцем и звуками к проклятым плитам, я лежу обнаженный и заляпанный дрянью (и хорошо, что не чувствую ее запаха, потому что воздух колет мозг своей свежестью с каждым глотком), а он…

А он уже подошел и стоит – улыбающийся, с ненавистным солнцем в волосах и улыбке, и протягивает руку.

В Тартар гордость, иначе так и останусь червем на каменных плитах.

Я протянул руку в ответ и позволил себя поднять, но из тени выходить не стал.

– Радуйся, брат, – голос в ответ на приветствие выходил со скрипом, его забивал обратно в горло острый запах чего-то непривычного (свободы? смысла?). – Я Аид.

– Потому и стоишь в тени? – он не удивился, услышав имя, только заинтересовался.

– Долго пробыл там. Непривычно.

Мягко сказано. Воздух – отрава, звуки – какофония, солнце… кажется, оно меня ненавидит почти как я его.

Ну и нужен мне был такой смысл? – мелькнуло мрачно. Лучше б как раньше.

Зевс хлопнул меня по плечу.

– Привыкнешь. Время пройдет – привыкнешь, – и тоном ниже, уже без улыбки. – Время придет – он поплатится.

И сжал губы – затвердел подбородок, превращая лицо в маску величия и твердости. И за юношей с волосами, переплетенными светом, встал призрак предназначения и пророчества – тверже гор и сильнее Урана-Неба, кажется, он действительно собрался воевать с Кроном…

– А пока вам нужно омыться и подкрепиться, – спохватился он. – Одежды мы с Метидой раздобыли заранее. Ты знаешь вкус нектара?

Я покачал головой. Только что понял: чтобы проделать все нехитрые процедуры, вроде подкрепления, нужно выйти из тени. Ведь когда-то же все равно из нее выходить придется.

Сделал шаг.

И Зевс сделал шаг. Назад. Глядя в мое лицо, которое он наконец смог рассмотреть.

С непонятным выражением, будто смотрел на что-то знакомое и неприятное.

– Долго пробыл там? – повторил он мои слова, а эхо в ушах

раскатило: «Ты – старший? Старший?»

– Дольше других, – проскрипел я, заслоняя лицо от дневного света.

– Привыкнешь, – повторил он еще раз, подставляя плечо – нужно мол, – опирайся.

Я не стал. И, кажется, я его тогда не поблагодарил, потому что в голове шумели горные обвалы, а плечи подгибались от тяжести нового мира, он рушился со всех сторон, каждой краской, звуком, запахом, бликом, движением.

И, кажется, он ошибся и я не смог привыкнуть. Может быть, тогда, когда мы покидали открытую трапезную отцовского дворца – мне нужно было спросить Зевса, сколько я просидел в животе у отца?

Но говорить казалось свыше любых мучений.

Плетясь за остальными, я окинул прищуром окрестности – но ни Таната, ни Гелло нигде не было. Словно их не было вообще.

«Позже», – сказал я себе.

Теперь оно у меня было – «раньше» и «позже». Появилось время, которое шло как следует, которое можно было считать и тратить.

Ну, я и тратил. Пару лун провел в самом темном углу покоев, какой только нашел: учился дышать и привыкал к шуму. Потом начал высовывать нос на воздух – по ночам, только по ночам.

Нектар и амброзию я впервые так и вкусил: в углу. Их принесла сострадательная Гестия: все уверяла, что я даже в темноте выгляжу невозможно худым.

– Что такое? – расстроилась она, глядя, как я кашляю. – Невкусно? Мне так нравится… похоже на солнечный свет, только жидкий, правда?

– Ага, – подтвердил я, захлебываясь в очередном приступе.

Кашлял до тех пор, пока не понял, что нектар может быть любым, каким ты захочешь. Пожелаешь – и он вольется в кровь жидкой темнотой, возвращая силы.

Вливался. Возвращал.

Братья забегали изредка: Зевс приносил солнце в волосах, Посейдон раскалял комнату добела раскатами хохота. От них я узнал, что мы сейчас – во дворце отца, на горе Олимп. Где сейчас сам отец – неизвестно, но молва о том, что он был побежден своим сыном, раскатилась по округе, и теперь вот во дворец стремятся послы от разных народов, племен, а иногда и богов: выяснить, что собираются делать победители.

Кажется, в этих словах Зевса крылся какой-то вопрос, но я на него не ответил – из угла.

Бродил по коридорам – распугивая посланцев, мрачной

тенью, в хитоне из небеленого сукна и черном гиматии[1], обнимавшем за плечи, словно привычная темнота. Выходил на задний двор по ночам, когда острие солнца не убивало глаза, ловил ветер и смотрел на звезды.

Ничего такие, красивые. Почти как в снах.

Первое время на меня набрасывались. Подкарауливали за углами. Куда бы ни пошел, преследовал шепот: «Старший Кронид» – и через вскоре за мной уже следовала толпа сатиров, нимф, цокотали копытами какие-то кентавры… Закидывали глупыми вопросами. Красотки строили непонятные гримасы и зазывающе куда-то подмигивали. Окружали, душили запахом своих тел, глушили голосами – я раскидывал всех по сторонам, не различая мужчин и женщин, уползал в свой угол и сидел там – не являясь на пиры или трапезы, не являясь вообще никуда, желая только, чтобы от меня отстали. Отвечал односложно или не отвечал вовсе. Не участвовал в соревнованиях по борьбе, стрельбе из лука, не дрался на мечах…

Впрочем, нет, было раз.

Двое перепивших кентавров перегородили мне ночью дорогу в коридоре и предложили присоединиться. У одного рыдала перекинутая через спину нимфа в разодранных одеждах – умоляла о помощи. Вернее, она молила: «Господин, запрети им… прикажи им!» Так или иначе, я наплевал на обе просьбы и взглядом (говорили, что он у меня выразительный, тогда как лицо – нет) попросил человекоконей посторониться.

Они не услышали – куда им! – и пьяно заржали, перекидываясь шуточками по поводу моих излишне длинных волос и излишне темных одежд. Слыхали, мол, старший Кронид бабами не интересуется? Так он же сам баба – ни дать ни взять! А знаете, почему его папка проглотил? Просто как увидел такого убогого – ну, куда ж его еще…

От запаха вина, конского пота, от пронзительного плача нимфы затрещала голова. Я развернулся и собрался было вернуться другим путем, но фраза: «А что, Крониды все трусоваты?» – меня остановила.

Один из них вынул меч – то ли испугавшись моего взгляда, то ли решив побахвалиться. Спросил, видел ли я такое в своей шкатулке с вышивкой. Спросил, не боюсь ли я щекотки.

Опустил, с красивым свистом разрезая воздух.

Когда меч опустился, я уже стоял справа от его руки. Вывернул запястье – слегка. Потом движение клинком, шаг, еще движение.

С тем, который хрипел, я покончил третьим ударом, скользнувшим по горлу, заметив про себя, что меч не поет в

руках, как Танатов. Швырнул клинок на пол. Убрал ногу подальше от алых брызг.

Нимфа, давясь стынущим в горле криком, попятилась от меня по полу по-крабьи.

– Танат, – услышал я задушенный, безумный шепот. – Танат Жестокосердный…

Всего лишь его ученик.

Не взглянув больше на нее, я вернулся в свои покои. Потом приходил Посейдон, рассказывал, что у Зевса был непростой разговор со старейшиной кентавров: те двое оказались посланцами от каких-то племен. Долго мялся, прежде чем задать явно не свой вопрос.

Разродился.

– Почему ты не повелел им? Почему убил?

Я не понял, о чем он спрашивает. Пожал плечами. Жеребец покряхтел и ушел, впуская Гестию – Гестия бывала у меня часто…

Приносила новости, вроде той, что Гера отбыла в сопровождении какой-то морской титаниды на край света – якобы по настояниям жены брата. Метиде, мол, не понравились взгляды, которые Зевс кидает на новоосвобожденную сестру. Взгляды, которые Зевс кидает на Деметру, видимо, пока всех устраивают. А Деметра почти все время проводит в садах, и Гестии приходится кормить ее силой. Кажется, той удалось вырастить какое-то новое растение, при этом она утверждала, что слышит у себя внутри голос Матери-Геи…

– Аид, – сказала она в другой раз. – Неужели ты думаешь вечно сидеть в углу – и неужели думаешь, что тебе это позволят? Посмотри же… у тебя сестры… братья. Что толку тосковать о заточении в желудке отца?

Я поднял глаза от кубка с нектаром, позволил себе улыбку – редкость, хотя Гестия утверждала, что эта редкость преображает мое лицо.

«Рождаться заново трудно, сестра».

«Ты не видишь смысла, да? Там, в темноте… нашим смыслом стало ожидание. А теперь пришел Зевс, и всем нужен другой смысл. У меня он есть – согревать. А ты своего не видишь?»

И не слышу. Ни разу с той поры, как мы освободились, из-за плеч со мной не говорила та – со смешком, похожим на зарницу…

«Я отвык видеть как остальные. Там я различал мельчайшие оттенки тьмы. Здесь меня слепит даже ночь. Мне трудно увидеть смысл».

«Хочешь – поищем вместе?»

Мне не нужно было пожимать плечами – она могла принять это за согласие.

* * *

– Аид, ты же тут? Я знаю, что ты тут! Аид, ну ты же знаешь, что в этой темноте даже я вижу не очень!

Девчачьи щеки Гестии распирало от какого-то сюрприза. От предвкушения, что вот сейчас все-все-все изменится – через нее!

Я кашлянул, и она, радостно взвизгнув, кинулась на звук, нарочито зажмурившись и хлопая руками:

– А-а-а, поймала-поймала! Не отвертишься, невидимка! А ну-ка, пошли, пошли…

– Куда?

– А вот теперь не скажу. И не куда, а к кому.

– К кому?

– А не скажу! И не сутулься – чего ты горбишься? Вот не скажу, а только посмотрю, как ты будешь улыбаться, мрачный брат!

– Как?

– Это тебя так союзники называют. У них получается, что есть три Кронида: Кроноборец, Средний и Мрачный.

А Жеребец, значит, прозвища не удостоился… ничего, дождется.

А сейчас – день, и я стараюсь ускорить шаг, хмуро посматривая на потолок из горного хрусталя над головой.

Гестии, чтобы тянуть меня вперед, приходилось бежать вприпрыжку, но она справлялась и еще успевала тараторить.

– Я вообще-то давно уже хотела… И он… она… ну, тот, с кем ты встретишься – тоже… только не получалось из-за Геры и Деметры… и потому что к тебе вообще все боятся соваться, кроме братьев – сидишь в своем углу и не вылезаешь… А в первые дни Зевс вообще говорит: «Оставьте его. Ему пришлось хуже всех, время пройдет – привыкнет, а сейчас брату не до пиров, к нему не лезьте…»

Спасибо тебе, младший.

– Вот, и так получилось… ну, а теперь-то я думаю, можно… и та… тот, кто тебя ждет – он очень ждет, давно уже… и ты тоже, я знаю… в общем, вот!

Она закончила радостно и торжественно, впихивая меня в залитый солнцем покой.

Сперва все размылось: слишком много оттенков, цвета через край, внезапно обрушившееся понимание – я понял раньше, чем увидел.

– *Так похож на него…*

Она шарахнулась – нелепо, с приготовленными заранее объятиями: руки распахнуты, а сама отступила и дрожит. Я остановился у входа. Гестия переминалась за спиной с ноги на

ногу, и я чувствовал, как гаснет исходившее от сестры радостное предвкушение.

Ну, да. Она же хотела как лучше. Они обе хотели как лучше.

Нужно было уйти сразу – но я с чего-то стоял. Позволял рассматривать себя. Оглядывал ее в ответ прищуренными глазами – я же ее не помнил! Только руки, которые меня укачивали, только шепот о том, что все будет хорошо, только темноту и одиночество – сразу после шепота.

Круглое и, наверное, когда-то веселое лицо – бледно от тревог, как Селена-луна, черные брови – дуги, волосы – тоже черные и не собраны, а спускаются до самого пола, образуя подобие гиматия. На ней был убор, сплетенный из трав и цветов – ароматный, недолговечный покров.

И глаза у нее сияли синими звездами – и откликалась синева под этими глазами.

Печальные звезды – которые не обманули меня ни на миг.

У меня не было желания говорить, и я ждал, когда она рассмотрит меня и заговорит сама.

И через сотню ударов сердца она прижала пальцы к губам и прошептала едва слышно:

– Так похож на него…

Я стоял и ждал. Сейчас, по прошествии многих веков, сидя над черной водой Амсанкта, я могу признаться себе, что ждал – объяснения.

Гестия переводила взгляд то на меня, то на Рею Звездоглазую и едва ли вслух не кричала от дурных предчувствий.

Та наконец вновь распахнула объятия.

– Климен, – прошептала она. – О, Климен, сын мой, мой первенец, как долго…

Тогда я понял, что губы придется размыкать – иначе мой взгляд проплавит здешние скалы, а грудь разорвется от слов, которые я хотел бросить ей в лицо.

– Радуйся, дочь Геи, – получилось малость глуховато, но ровно. – Я не тот, за кого ты принимаешь меня. Спроси о своем сыне кого-нибудь из других богов. Я зовусь Аидом, – сглотнул, – невидимкой.

– Нет, нет, ты Климен! – она раздумала обнимать, но положила руки мне на плечи, и я вздрогнул – неприятное касание. – Так я нарекла тебя…

– До или после? – слова вылетели, опередив мысль. – До или после того, как отдала меня Крону? Отцу, на которого я так похож?!

Она убрала руки с моих плеч и опустила голову.

– Мне стоило обнимать твои колени, – проговорила глухо. – И

целовать твои ноги.

– Кто бы тебе позволил?

– Аид! – вскрикнула Гестия с болью. Я повернул к ней лицо, и она умолкла.

– Оставь, дочь, – проговорила Рея тихо. – Он в своем праве. Но неужели ты отречешься не только от отца, но и от матери, не оставишь мне даже возможности узнать тебя, останешься в ненависти?

– С ней я знаком хорошо. С тобой нет. И я не отрекался от отца: останусь Кронидом. Раз уж Крону предсказали быть побежденным сыном. Но…

Больше и говорить-то нечего. Я смотрел на чужую женщину, на ее залитое слезами лицо – и было как-то скучно, холодно, и я знал, что сейчас она начнет бормотать о своих страхах…

– Я боялась, – прошептала она, попыталась ступить вперед – и замерла, остановленная моим взглядом. – Он бы…

Что он бы сделал, если бы ты не принесла ему своих детей, или если бы ты попыталась спасти кого-нибудь из них обманом, как это было с Зевсом?

– Я хотела… я пыталась спасти Посейдона!

Гера, Деметра и Гестия – не в счет? Их ты – не пыталась? Пела им, надеялась, что он не вспомнит о том, что у тебя появились дочери? А когда он вспоминал – не пыталась?

А меня потащила сразу же после рождения?!

– Климен, сжалься! Не было дня, чтобы я не проливала слез, чтобы не думала о тебе…

А когда делила с Кроном ложе – думала?

– Так нечестно, брат! – передо мной встало теперь лицо рассерженной Гестии. – Ты не видишь и не слышишь ее, ты слышишь только «Я, я, я!» Как ты страдал! Как тебе было плохо! Ты думаешь – ей не было страшно и плохо, когда она отдавала собственных детей...

Отдавала. Собственных. Детей.

Отдавала.

Я правда слышу не то. Не те слова, не те годы – клочок неба, улыбка, ласковые прикосновения и шепот: «Ну, что ты плачешь, мамочка здесь, все будет хорошо, тихо, тихо…» Потом грубая ладонь на младенческом горле – странно, раньше не помнилось. Запах чеснока и чего-то кислого. Долгое падение в темноту. Раздирающий легкие плач. Однородный, густой и душный мрак, липнущий к лицу. Недоумение: почему все не хорошо? Или это и есть – хорошо? Я не хочу, чтобы было так хорошо, забери меня, услышь меня…

Ярость, поднявшая на ноги, долгие удары о стену темницы,

провалы во времени и собственной памяти, и слез больше нет, я не заметил, когда разучился плакать и перестал быть ребенком, когда детское сознание: «А отец-то зараза…» – заменил холодный, непоколебимый разум…

Зато это я помню. «Никто меня не зовет. Ты зовешь: Аид-невидимка»…

– Климен, сын мой…

Она держалась за край моего плаща, стоя на коленях, – когда успела, или это я отвлекся, заглядывая в бездну своего детства? Молча оттолкнул ее – кажется, слишком сильно, она упала, и Гестия бросилась ее поднимать.

– У тебя двое сыновей, – выплюнул, глядя поверх ее головы. – Три дочери. Тебе хватит детей.

– Брат! – закричала Гестия, как будто я причинил боль ей, оттолкнул ее, и я невольно остановился. – Неужели ты совсем не умеешь прощать?

– Сын! – прошептала Рея, плащ из волос некрасиво рассыпался по каменному полу. – О, сын мой, как долго…

Очень долго. Наверное, слишком долго.

Мы разговаривали слишком долго для чужих. У которых к тому же еще и нет общих дел.

Я развернулся и вышел, едва не сшибив Посейдона – тот как раз собрался войти. Брат обычно стоял на ногах крепко, но тут удержался с трудом.

– Климен! – полетело из-за спины полузадушенное.

Я не оглянулся и не ответил на чужое имя.

Меня не тронули рыдания и возмущенный глас Жеребца позади: «Что он сказал?!»

Было много дел.

Гестия была права: я безумен, если возомнил, что мне позволят сидеть в углу вечно. И если решил сидеть в этом углу. Здесь, на Олимпе, нет Таната с его клинком и Гелло с его ругательствами, зато есть обширная незнакомая территория и война на пороге, и…

– *Может, мне стоило рассказать тебе о том, что такое прощение, маленький Кронид?*

Я давно не слышал ее, и теперь пришло – облегчение.

– Не стоило. Так легче.

– *А о том, что такое сожаление, я тебе говорила или нет?*

– Не припомню такого.

Она погладила меня по плечу – прикосновение было чуть заметным, как всегда, и можно было счесть, что оно чудится… если бы я не испытывал такого же много раз до освобождения.

– *Когда-нибудь ты познакомишься с моими дочерьми* –

Мойрами, что прядут нить судеб. Я воспитывала их так же, – в голосе зазвучала сдержанная гордость. – *Иначе они не смогли бы…*

– Что?

– *Вынести собственную мать. Забудь, маленький Кронид. Климен – очень красивое имя.*

– Не мое имя. Я выбрал один раз – то, которое ты мне дала.

– *И выбирать единожды я тоже учила своих детей*, – вздох. – *Когда ты успел нахвататься?*

– Танат утверждал, что я быстро учусь.

Умолкла то ли с укоризненным, то ли с довольным смешком.

Дворец был огромным, помпезным, неуютным и щелястым, чем-то потаенно смахивающим на лабиринт времени; сквозняки дули отовсюду, а коридоры жадно жрали звук шагов, превращая его в глухое туканье. Переходы были монументальны – под рост отца и других титанов – и украшены мрачной мозаикой черных и серых камней.

Гелиос-Солнце редко проникал сквозь эти стены (и для меня это было хорошо). Кроме нескольких залов, коридора с хрустальным потолком да сада – не было мест, куда заглядывала бы золотая колесница. Зато сами стены – мощные, отростки самих скал, высокие, суровые – на приступ таких идти страшновато.

Не дворец – крепость.

Лицо отца вспомнилось, когда я осматривал оружейную. До этого перед глазами все маячили глаза той… Реи. Я перебирал длинные копья, осматривал стрелы, порезался коротким, но острым мечом – просто попробовал пальцем острие – и, глядя на каплю ихора, бегущую на ладонь, вдруг подумал: это только капля.

А будет литься – реками.

И страх и ненависть в глазах отца встали передо мной, и сердце подтвердило, настойчиво выстукивая: «Будет. Будет. Будет».

Я отложил меч и попытался подсчитать дни, которые провел в позорном бездействии – тьма Эреба, о чем только думал?

Где Крон? Что замышляет? Кто с ним? Пытался ли напасть? Что собирается делать Зевс?

Было бы немного легче узнать ответы на эти вопросы, если бы все вокруг не прониклись убеждением в том, что я – угрюмый ненавистник всех вокруг, поднявший руку даже на собственную мать. Сатиры, нимфы и титаны помельче, перешедшие на сторону новой силы, шепчась, шарахались подальше. Гестия не показывалась, Деметра – презирала, это было вполне в ее духе.

Только Метида, Зевсова жена, еще более кислая чем обычно, снизошла до ответов – и то пришлось с минуту буравить ее

взглядом.

Где отец? На горе Офрис. Где эта самая гора? На другой стороне Фессалии, недалеко от пролива Ореос, возле Малийского залива. Где этот самый залив? Пфе, я вообще хоть что-нибудь знаю? Нет, Крон пока не пытается нападать. Потому что полон страха. Так говорят. Кому надо, те и говорят! И в кого это у Зевса братья… Нет, Крон пока не собирал войско, на его стороне несколько приближенных титанов. Или не на его стороне. Вообще никто не знает, кто на какой стороне. Что собирается делать Зевс? Спроси у Зевса! И не надо на нее так смотреть. Ее после такого муженька уже ничего не пугает – ни Крон, ни братцы, которые из брюха Крона повылезали. Угораздило замуж выйти…

Где Зевс? Тут она залилась злым смехом. Смеялась долго, вздрагивая худыми плечами, растрепывая искусно сделанную прическу.

– Это нужно узнавать не у меня, – отрезала сухо. – Рано или поздно – явится.

Ага, как же, явится.

Явится, когда ему нажалуются на поведение старшего брата. Увещевать и говорить, что вести себя как пьяный сатир я не должен был. И втолковывать, что мы семья, и лучше бы мне обратить свою ненависть к Крону…

Я плохо знал своего брата.

Он действительно явился – с Посейдоном за спиной, на следующий день. Не удостоил приветствием. Вместо этого поднял меня и как следует потормошил за плечи.

– И долго ты в углу собрался просидеть, а?

Вытащил в круг, освещенный светом от очага.

– А ну-ка айда с нами!

– Куда? – спросил я, готовый обсуждать планы поиска союзников и сражений с отцом.

– По нимфам!

Я задал вопрос как всегда – молча, взглядом. Тем, который, как утверждают, у меня выразительный.

– И по нереидам тоже, – деловито уточнил Посейдон, вытягивая шею над Зевсовым плечом. В глазах у него играл азартный блеск.

А сам чуть ли не приплясывал на месте, жеребец.

Это был первый и последний раз, когда я открыл рот не для того, чтобы пригубить амброзии или что-то сказать. Просто открыл рот. А закрыть сразу не смог. Забыл, что он открыт.

Зевс, победитель Крона (который еще пока не победил Крона), смотрел на меня сверху вниз. С довольной, покровительственной улыбкой. С уверенностью, доступной лишь

богам, в том, что война – это когда дворец на горе, чужой, войска нет, союзники в коридорах толкутся, а полководцы – по нимфам.

И не понимал, почему я таращусь на него. Выразительным взглядом.

– Ты, – начал я потом, сообразив, что Зевс – не Танат и через взгляд меня не услышит. – Ты какой головой думаешь?

– А какой? – он смотрел на меня с кристальным удивлением, наш младшенький. – Ты чего?!

Посейдон наклонился и пошептал ему на ухо. С каждым новым словом лицо Зевса вытягивалось в маску удивления.

– Что – ни разу?! – он взглянул на меня с сочувствием, потом вдруг прыснул, хлопнул по плечу и уточнил: – Тогда точно – по нимфам.

Это семейное, размышлял я, пока тащился за этими двоими к подножию Олимпа, пока они вместе со мной переносились («вот так, вроде как пару шагов сделать. Не умеешь?!») в «ту самую бухточку, где в прошлый раз…». Это должно быть семейным. Отец-то вон сколько детишек настрогал… или всю свою плодовитость он вложил в последних, а мне не досталось?

Братья косились с опаской. Зевс, кажется, все порывался спросить – мол, как же так, чтобы с тремя красавицами в одной темнице – и… Посейдон его отговаривал и шептал что-то о злобных порождениях Нюкты. Спаситель наш огорченно вздыхал – да, испортили брата, но дело-то поправимое…

Во мне, как заноза, сидело выражение лица Крона – тюремщика и отца, когда он понял, что мы свободны. Эхо долгой войны билось в венах – глухим предчувствием. Будет, будет, будет…

Она будет. И мы победим в ней, не будь я Аидом-невидимкой, беседовавшим со своей Судьбой в заточении. Может быть, я слышу ее еще и сейчас – как дальний и неверный отклик? Может быть, если вслушаться, я узнаю, чем кончится наша война?

Не тот голос, не те слова, не тот шепот…

– Какой ты… смотришь – как затягиваешь… и волос – как тьма Эреба… а какие руки, какие плечи…

От белых цветов и шума моря кружится голова – а может, от ее шепота и поцелуев. Травянистое ложе слишком мягкое, я не привык к этому, привык ощущать ребра скал под локтями…

– Скалы… скалы принимают ласки моря с тем же достоинством, с каким ты – мои. Ты видел, с каким неистовством море бьется о камни? Оно хочет высечь из них искры, вызвать из недр потаенное пламя. Я буду так же… о, ты можешь зажечь желание одной холодностью своей, одним взглядом! Иди ко мне. Будь со мной…

Будет. Будет. Будет. Нет, эхо стучит все медленнее, звук растворяется в шепоте моря… ее шепоте? Они сливаются в одно, и запах ее кожи – схож с ароматом морского нагретого песка, только вот белые цветы, запутавшиеся в волосах, от них исходит волна одуряющего благоухания; серебристые текучие пряди спутываются с моими – жесткими, черными. Море вздыхает и стонет в моих объятиях, накрывая с головой, затапливая нежностью, непривычными прикосновениями, от которых не хочется избавляться…

– Так просто… ты – скалы… я – море… Не останавливайся, только не останавливайся…

Тихое пение вдали, чей-то серебристый смех – очень-очень далеко, на грани слышимости, плавное покачивание на волнах наслаждения, ласка штиля и неистовство прибоя, крики чаек смешиваются с женскими стонами.

– Какой ты… ах, какой ты…

Глаза у нее бирюзовые, и из них тоже смотрит море – в глубине которого отражается солнце. Губы вспухли и стали рубиновыми, венок из белых цветов растрепан и растерзан, и теперь они большей частью остались у нее в волосах, которые обтекают ее плечи, словно вода, прикрывают следы моих поцелуев на них…

– Ты молчишь даже в момент любовного пика, – она неспешно распутывает пряди, хранящие отблески моря. – Ты только смотришь, но в твоем взгляде больше крика.

– В любом взгляде больше крика. Нужно просто знать, как смотреть.

Посейдон водит хороводы на морском берегу с наядами и нереидами. Оттуда наконец долетают смех и беспрерывный визг – брат, видно, не стесняется. Зевс удалился к роще в компании нимф. Те уже успели сложить песню, и теперь воспевают его мечущие пламя взгляды. Гелиос гонит свою колесницу к закату, огромное море неторопливо ворочается и вздыхает: «Хорошо…»

– Как твое имя?

– Левка.

Приятно смотреть на ее улыбку – припухшие кораллы губ открывают мелкий жемчуг.

– Я…

Быть Невидимкой не хотелось. У остальных – имена как имена: Зевс, Посейдон, прозвища вот появляться начали…

А я – сатирам на смех. Назовешься – разъясняй потом, почему Невидимка.

Тихий серебристый смех, ладошка оглаживает лоб и щеки.

– Тебе не нужно называть себя. Я знаю, кто ты, это для меня

неважно. Важны твои плечи, глаза – какие у тебя глаза! – твои губы… Хочешь, я буду называть тебя «милый»?

Деметра или Гера сказали бы, что это слово подходит мне меньше, чем Танату. Или с отцом бы сравнили?

Странное дело, здесь, на морском берегу, все остальное помнилось, но отдалялось по времени и умалялось по важности. И гримасы Геры становились забавными – где теперь та Гера? И гневные взвизги Деметры почти не вспоминались, а война – что война?

Война будет. Будет.

Ну и пусть себе будет.

– Называй, как тебе захочется.

Удивительно было смотреть в ее глаза: словно входишь в неглубокую лагуну, насквозь пронизанную светом. Слова привычно отбрасывались, опадали ненужной шелухой, оставались ее глаза, мои глаза – и обнаженные смыслы меж взглядами.

«Тебе нравится, милый? Нравится наше море? Здесь песок, волны – и скалы, и песчаные откосы, и рощи неподалеку, здесь смешалась вся красота, какую только можно отыскать в мире. Взгляни: вон там небо смыкается с водой, и кажется, что они обнимают друг друга. Скоро появятся звезды, и волны начнут жадно ловить свет Селены-луны: она награждает их по ночам своим сиянием. Ночами мы поем, качаясь на высоких волнах. Ты придешь послушать? Ты придешь… придешь сюда еще?»

«Да. Я приду».

«Это хорошо. Я видела, как сестры смотрели на тебя: они с радостью одарят тебя своими поцелуями, ласками… Приходи к ним, они ведь так прекрасны. Приходи просто так, повидать море, – а я буду ждать, чтобы хотя бы увидеть твои следы на песке».

«Я приду. К тебе, если захочешь».

«Я буду ждать одного тебя, если даже ты не попросишь об этом…»

Волны ударяли в берег все тяжелее, бросались на него с размаху, будто ревновали к буйному веселью Посейдона и нереид. Я приподнялся и сел, глядя в небо: там густели, закрывая колесницу Гелиоса, черные тучи, пухли, насыщаясь густой небесной синевой, желая проглотить все вокруг…

«Ты уходишь, милый?»

Она не боялась бури, и глаза ее оставались лагуной, наполненной бирюзовой водой: в них не отражалось хмурое небо, только легкая обида и окончание вопроса.

«…как, уже?»

«Ухожу, но еще не сейчас», – море кидается на скалы все неистовее, и у нас достаточно времени, чтобы приспособиться к

этому ритму.

– Я – море, ты – скалы… не останавливайся, только не останавливайся…

Все же пришлось уйти – когда буря разыгралась не на шутку и остальные нереиды поспешили скрыться в морских глубинах. Левка поспешила к сестрам, а я побрел к братьям, с непривычки увязая в песке, выпутывая из волос белые цветы со сладким запахом – остатки ее венка…

Посейдон отыскался первым: в ожерелье из цветов и морских водорослей и разочарованный донельзя.

– Что ты сделаешь с этими бурями, – проворчал. – Могли б всю ночь тут пробыть, а теперь они раньше полуночи не вернутся – это если утихнет. Пошли младшего поищем? Нимфы, небось, тоже подались в свою рощу…

Ветер, холодный, колючий, хлестнул по обнаженным плечам, удивился: «Не больно?» – и разошелся вовсю, вздыбливая громады волн, швыряя их в небо. Соленые брызги летели отовсюду: объятия моря и неба переплавились в борцовскую схватку. Потемнело так, будто Нюкта-ночь уже набросила на небо покрывало, на самом деле она его только встряхивала, ожидая восхода Селены-луны. Но и та не спешила сменять Гелиоса, понимая, что все равно никто не увидит ее из-за черных туч.

Зевс нашелся сам.

Я опасался, что он начнет приставать с вопросами, вроде: «Ну, ты своего-то не упустил с той нереидой? И как оно?» – Посейдон меня уже успел измучить. Но младший замахал руками и выкрикнул звонко:

– Идемте смотреть бурю!

Обрыв был в двух сотнях шагов, подняться легче легкого, а глянешь вниз – как в кипящий котел заглядываешь. Все как на ладони: беснующееся море, жалящее молниями небо, пена безумия волн, взлетающие на них нереиды – самые смелые… ветер – прямо в лицо, рвет волосы…

Младший подставил буре щеки с довольной улыбкой, будто под поцелуи красавицы-нимфы. Он наслаждался штормом, тот был созвучен беспокойству, которое постоянно жило в самом Зевсе; он находил в реве волн – песню, в бесчинстве моря и неба – красоту, в отблеске зарниц – особую прелесть.

Посейдон же сливался с бурей и ее страстями: слишком яркий, чтобы просто наблюдать со стороны и молча. «Давай! – вскрикивал он. – Смотри, какой вал! Охо-хо, вот разошлись-то, шалуны!»

Я встречал налетевшую непогоду, как умел: с закрытым ртом и чуть наклоненной головой, я не желал любоваться ураганом

или сливаться с ним; я желал только – быть сам по себе, и чтобы он был сам по себе.

Я не бросал вызова – и не собирался отступать, просто стоял, считая тугие удары ветра, которые вдруг начали напоминать удары собственного сердца.

Будет, будет, будет…

– Смотрите! – вскрикнул Зевс, поднимая руку и показывая на белую птицу, волей ее птичьей судьбы попавшую между гневным морем и яростным небом, взмахивающую крыльями на тонкой грани двух стихий, которые одинаково хотели ее поглотить, не деля добычу.

– Я ставлю на небо, – прошептал младший, и зарница осветила его улыбающееся лицо. – Оно поглотит ее первым, увлечет в вихрь и закружит в нем.

– Я ставлю на море, – волосы Посейдона взвивались в таком же сумасшествии, как и волны, а страсть азарта осветила лицо лучше зарницы. – Гляньте, как оно хлещет – наотмашь. Оно возьмет добычу первой.

Выбившаяся из сил птица забирала то вверх, то вниз, белые перья летели по воздуху, тонули в море, терялись в тучах…

– Я…

Налетел ветер, хлестнул в лицо, пожирая готовые вырваться слова. Сорвал их с губ, взметнул в небо, донес неверными отзвуками бури:

– …ставлю на смерть. Она возьмет свое, через небо ли, через море – неважно.

Можете поверить: я знаком со смертью лично.

Вдруг пришло в голову: почему никто из нас не поставил на птицу, которая так отважно бросилась против двух стихий, не уступая ни одной из них? Сейчас, по прошествии многих веков, я помню отчетливо: мелькнула такая мысль.

Но боги предпочитают выигрывать, а не надеяться, а здесь конец был слишком предсказуемым.

Мы не успели увидеть, которая из двух стихий: подвели даже зоркие глаза Зевса. Просто птица словно споткнулась в воздухе, подломились измученные крылья – и мелькнула за пернатой спиной едва приметная тень какого-то птичьего Таната – а потом море и небо сомкнулись, и не понять было, кому достался заветный трофей.

Мы все втроем знали – кому.

И все втроем ничего не хотели говорить по этому поводу.

У нас, у всех троих, была другая тема – более важная.

– Войне быть! – твердо сказал Зевс, и сердце угодливо поддакнуло: «Будет. Будет». Кроноборец понизил голос и

договорил: – Но я пойду на нее лишь на одном условии: если и мои братья тоже вступят в войну. Готовы ли вы выступить против отца вместе со мной?

– И он еще спрашивает! – хохот Посейдона смешался с хохотом бури, но Зевс смотрел на меня – впиваясь в душу взглядом, и взгляд был похож на материнский. «Ты так похож на него… – говорил взгляд. – Так готов ли ты – старший, первенец, наследник… готов ли ты?»

– Да, – сказал я.

Сегодня там, на берегу, я был скалой в объятиях у моря. Сегодня, говоря это «да», – я опять скала, каждый звук которой – твердыня…

Да, Крон никого не поглотит больше. Да, он больше не будет безумствовать, истребляя целые народы. Да, я отверг нашу мать, но это ничего не значит: сироты тоже могут сражаться до конца, мне будет только легче… Да, младший. Да.

Я готов драться под твоим руководством и не посягну на него, если ты об этом хотел спросить. Я воин – не полководец. Руководить нами должен тот, на кого уже указал перст Ананки – оживший смысл, предназначение и предсказание… Да.

Три юных бога стоят над бурей, на обрыве между небом и морем, и грядущая война властно выстукивает свой клич по скалам: «Будет. Будет. Будет». Три юных бога согласно кивают этому стуку и произносят только одно слово – один за другим.

Младший – светятся волосы зарницами, пойманными в черные кольца кудрей, лицо тоже светится, готов лететь в битву:

– Клятва!

Средний – ожерелье из водорослей и цветов на шее, вскидывает руки, весь томясь от необузданной мощи:

– Клятва!!!

Старший – мрак волос не отсвечивает зарницами, а кипит вокруг потемневшего лица, холодный изгиб почти отсутствующих губ не желает размыкаться, потом, очень медленно, губы образуют узкую щель…

– Клятва.

[1] Гиматий – плащ из плотной ткани, как мужская, так и женская верхняя одежда. Носился поверх хитона.

Сказание 3. О первой попытке

Люблю я красоту нежданных поражений,
Свое падение я славлю и пою…
В. Брюсов

Не терплю сказаний. Они отдают на языке старьем. Пылью. Отцовской темницей – лабиринтами времени.

Истерзанные, изуродованные выплодки Мнемозины-памяти, наполненные тем, что люди принимают за божественное величие. Ковырни такую песнь – ну, хоть о том, как родилась из головы Зевса его мудрая дочь Афина – и откуда что возьмется:

– Слушай, Аид… давай всем скажем, что это ты? Ну, по голове ему…

– Отстань.

– Да ведь получится – заглядение: придумаем, что Зевс тебя разозлил, а ты хватанул секиру, да и…

– Отстань.

– Брат, вот… а если сказать, что это – сын?

– Что – сын?!

– Сын по голове его лабриссой?

– Сбрось ты этого аэда с Олимпа, и дело с концом!

– Так ведь… неудобно как-то. Если б хоть со зла или спьяну, а то… брат же родной! А если он так и останется – с башкой напополам? Скажут – изуродовал кроноборца!

– Могу тебе для симметрии тоже – напополам. Если не отстанешь.

Посейдон, помнится, чуть секиру в узел не завязал от волнения. Гестия от скуки подожгла себе подол, а Деметра вырастила из стен два новых вида цветов. Кто помнит об этом? Помнят ли они сами, или и их память нынче подернута звуками аэдской лиры? И не останутся ли от нас только эти звуки? Песни?

Словно отбеленное, а потом выкрашенное заново и расшитое драгоценными нитями полотно.

Ни пятнышка грязи. Уже великое, уже не живое…

Я скажу тебе правду, Мнемозина.

Только не смей смотреть на меня глазами аэда.

Новое созвездие над головой – Жертвенник – полиняло и начало выцветать, предвещая рассвет. Колесница шла по дикому вереску, летела лугами, четверка в упряжи перебирала ногами так, будто и не было многотрудного пути: мне приходилось натягивать вожжи, чтобы Никтей не рвался вслед за своей уходящей тезкой[1], окриком усмирять коренника Эфона, который норовил цапнуть Аластора – тот бы в долгу не остался.

Орфней вел себя подозрительно покладисто, а значит – наверняка что-то замышлял: с первого дня в упряжи кони взялись яростно оправдывать собственные имена[2].

Мы летели два дня без отдыха, а до того меня не было на Олимпе почти два года, а до того была еще поездка: хочешь союзников – изволь путешествовать…

Хорошо бы с Посейдоном встретиться: в предыдущие мои визиты он был далеко на западе, и вести от него до меня не доходили.

Жертвенник над головой подмигнул многозначительно: помнишь клятву давностью в полстолетия? Проклятое напоминание: выстроили слишком здоровый на клятву, а куда деть – непонятно. Я предлагал утопить эту гору камней в море, да Метида отсоветовала: так можно вызвать гнев Океана и остальных морских титанов. Тогда Зевс, прислушавшись к совету жены, зашвырнул жертвенник на небо. Уран промолчал. Он разучился говорить, лишившись своей плодородной силы.

Жертвенник подмигнул на прощание и выцвел – ненужным воспоминанием. Пропал до следующей ночи: на небо неспешно вкатывалась колесница Гелиоса. Возничий, известный своим неуемным любопытством ко всему, что происходит внизу, свесился с колесницы, узнал мою упряжь и помахал.

Я ответил приветственным жестом, почти не прищуривая глаз. Эос-Заря нынче не торопилась уступать брату дорогу, и можно было скакать спокойно – пока землю вокруг не затопило жаром.

Вожжи в руках подрагивали от напряжения – долог путь. С небес донеслось ржание, и Аластор заливисто откликнулся – узнал голос матери.

Колесницей, умением управляться с ней и даже упряжью я был обязан Гелиосу.

…Когда солнечный бог заявился оповещать, что желает быть нашим союзником – я едва с порога не вывалил ему все, что думаю – и о нем самом, и о его колеснице. Глаза тогда уже привыкли даже ко дню, но одно дело – просто день, другое – колесница Солнца в шаге от тебя.

Меня спасла непривычка высказываться вслух. Я просто отвернулся, скрывшись за массивной спиной Посейдона, потом услышал его восхищенный крик: «Ты только глянь, какие кони!» – и брат куда-то сбежал, а я остался наедине с убийственным блеском.

Осмелился открыть глаза – и присох ногами к Гее-Земле.

Это чувство благоговения можно было сравнить только с любовью к женщине – впрочем, тогда я не знал любви, Левка не в

счет… И без того неразговорчивый, я перестал еще и дышать, любуясь высокими колесами со множеством спиц, искусной ковкой, забыв беречь глаза, пожирая ими плавные изгибы бортов, золотое кольцо, на котором закреплены вожжи…

Посейдон ворковал с крылатыми лошадьми – он всегда понимал этих животных с одного взгляда. Правая пристяжная пыталась лизать ему руки.

Я же просто смотрел, пока ко мне не подошел хозяин колесницы, уже закончивший переговоры с Зевсом.

– Нравится? – с детской улыбкой спросил он и шибанул по плечу широкой горячей рукой, загрубелой от вожжей. Лицо у него тоже было широкое, румяное, глаза – в вечном добродушном прищуре – искрились, будто только что выпил чашу крепкого вина.

– Прекрасно, – впервые в жизни произнес я.

– Колесничего издалека видно, – он улыбался заразительно, и блеск зубов был чуть ли не ярче блеска колесницы. – Плечи у тебя широкие, руки – сильные, скалой будешь стоять! Научиться хочешь?

Я так выразительно задохнулся, что Гелиос не стал ждать ответа – посмеиваясь, пошел отдирать Посейдона теперь уже от правого коренника.

А Зевс вести о том, что я буду обучаться у Гелиоса, обрадовался.

– Может, скажет что, – признал младший, ероша шевелюру. – Ты пойми, я рад, я очень рад, что он вот так – и навстречу! Но он сын титанов.

– Как ты, – сказал я.

Младший поморщился, невесело улыбнулся и отправился встречаться с какими-то еще возможными союзниками: после первого года они как раз начинали потихоньку прибывать из окрестностей.

Гелиос сказал. Он мне много чего наговорил – он вообще любит разговаривать, и «вот так – и навстречу» – единственный путь, который он признает. Прям и светел, как колея его колесницы.

– Крон – тьма, – просто сказал он как-то. – Я ж люблю вниз посматривать: много чего рассмотреть можно. Кто ссорится, кто мирится – скучно, сам понимаешь, весь день в колеснице… А одному приходится мотаться: другие-то не выдерживают! Так вот, насмотрелся я… на его правление. Людей-то, которые Золотого века – ты не видел? Ну да, ты ж тогда в брюхе у него с остальными. А они были при Уране, люди – мудрые, красивые, и мы к ним советоваться ходили, пировать у них любили. Ну, и…

пришел Крон. Править. И чем они ему не угодили, а только… Кто из людей жив остался – тот скрылся куда-то, говорят, духами по земле носятся, зло карают. А может, и нет. А только я насмотрелся – мне-то нельзя вместе с тьмой, сам понимаешь…

Понимаю. Даже с Нюктой-ночью ты торопишься разминуться, второй учитель. Ты не терпишь черного, и мой гиматий у тебя неизменно вызывал грустные вздохи – счастье, что ты не умеешь долго грустить. Ты учил меня удерживать вожжи, и правильно стоять, и вскакивать в колесницу на ходу, заставляя ее словно замереть перед собой – я правил не золотой, как у тебя – бронзовой, черной, такая нашлась в запасниках у тельхинов на Родосе[3]. И чернота этой бронзы тоже заставляла тебя хмуриться.

Посейдону, который бывал у тебя чаще, чем я, ты сказал как-то обо мне:

– Это у него не пройдет – не пытайтесь. Кронова тьма в крови, да еще и просидел там один невесть сколько…

– Он не один сидел, – заметил Посейдон, потом вспомнил что-то и умолк.

Улыбаться менее широко мне Гелиос не стал даже после того, как понял, что я слышал их разговор.

– Невидимка, – и тяжелой ладонью по плечу, как всегда – в знак приветствия. – Вот как раз речь и была… что ж нам с твоей упряжкой делать?

С упряжкой долгое время было худо: те крылатые кони, которые так отчаянно ластились к Посейдону, хрипели и пытались цапнуть меня, если я делал в их сторону хоть лишний шаг. Я не говорю уж о Беле, Лампе, Пирое и Бронте – к этой возящей солнце четверке я попросту не приближался. Они ненавидели меня, как я – яркий свет.

С другими дела обстояли ненамного лучше: в конюшнях Солнцеликого было достаточно лошадей, и почти каждая пара заставила меня вспахать колесницей и носом землю.

– Ну-ка, глянем… – он обожал проводить время в конюшнях и тащил нас туда при первой возможности, а с тех пор как ожеребилась Бронта, показ ее потомства всегда сопутствовал нашим визитам. – Вот Иао… глаза видишь – огненные? Понесет так понесет. Крылья пощупай. Вырастет – размах будет на пол-Урана. Сотер вот – он поспокойнее… как, уже цапнул? А я-то думал, он к тебе привык. Абраксас… эгей, Посейдон, ну-ка успокой его, нрав у него – как у твоего брата… да не у тебя, Аид, у кроноборца нашего: если уж решит с кем разделаться – так до конца. Эой – божественный жеребец, навоз – и тот амброзией отдает, только вот хитрущий и тебя, кажется, невзлюбил.

– Со многими так.

– Это он лесть любит. Чтобы ласково с ним говорили, гладили, ласкали – ну, а ты… да.

– А в том стойле? – я кивнул туда, где раньше было тихо, а теперь оттуда доносилось хрипение и ржание – притом, стойло явственно ходило ходуном.

– Стеропа принесла, – Гелиос, помрачнев на миг, кивнул на другое стойло, откуда высовывалась лукавая и чуть виноватая морда крылатой кобылы. И где так летала – непонятно, а только вляпалась в Уранову кровь, а это – сам понимаешь…

Я понимал. Плодородную силу этой крови мы узнали, когда толпы нимф и наяд препроводили на Олимп рожденное из пены божество, которое заявило, что оно – любовь. Златоволосая любовь оказалась шумной, смешливой, мгновенно заставила позеленеть с лица Деметру и окончательно скиснуть Метиду – а еще встретила мое появление кратким, но выразительным «Бррр».

– Понесла, – говорил Гелиос по пути к обширному, сработанному из железного дуба стойлу. – Наплодила шестерых ублюдков: двое друг друга сожрали, а остальные четверо как-то договорились. Посейдон, выйди-ка вперед, на тебя не кинутся. В одном стойле держу, отпускать – покалечат кого-нибудь, убивать – не могу… ну, сам понимаешь. Думал, может, сожрут они друг друга совсем, нет, вместо этого вымахали за год… а, так вы же год у меня и не были? Ну, глядите!

И легко сдвинул перегородку, которая закрывала это стойло от остальных.

– Красавцы! – охнул Посейдон, и в воздухе тут же клацнули мощные челюсти. Что-то, скрытое от меня плечами брата, пыталось брата поприветствовать не лучшим образом. Посейдон отступил на шаг, и восемь горящих глаз уперлось в меня. Четыре лоснящиеся морды зафыркали и захрапели, оскаливая молодые зубы. «Ублюдки» еще не вошли в самый расцвет лошадиных сил, но мощные мускулистые спины, тонкие породистые ноги, крутые шеи, блестящие гривы…

Вся четверка блестела, будто была отлита из черной смолы. Не были черными разве что зубы – которые лязгали в опасной близости от моего лица.

Я смотрел. Молча. Одна пара глаз против четырех. Горячее дыхание того, что чуть было не укусил Посейдона, обожгло щеку, еще раз лязгнуло – над самым ухом. Тогда неспешно поднял кулак.

Ласка им точно была не нужна – слишком горды, чтобы принять ее. Зато силу они понимали.

– Ну, так я и думал, – вздохнул Гелиос, когда самый высокий

ткнулся мягкими губами мне в плечо. – Масть признали. В моей колеснице идти не хотели, а в черной и с таким возницей – пойдут. Двух берешь?

Я помотал головой: выбери пару – и тебе этого не простят. Лошадиные глаза тоже могут быть говорящими.

– Так и думал, – повторил Солнцеликий. – Ты учти – крыльев у них нет. А носятся – будто есть. Раз выпустил – всем двором загонять пришлось…

И точно, носятся они на загляденье… несутся, далеко опережая колесницу Гелиоса, неспешно выезжающую в небо. После двух дней пути – не касаясь копытами земли, норовисто всхрапывая, будто от избытка сил, делая вид, что чересчур уж застоялись…

Будет, четверка. Вы устали, не могли не устать, я тоже, и то, что Олимп, а значит, отдых – в двух шагах, почти вызывает улыбку.

Если бы за эти годы я не отучился улыбаться окончательно.

Ты не помнишь, Аластор? Никтей? Когда успели пройти годы? Их словно смыло невидимым потоком, и я уверен, что не обошлось без происков отца: он превратил свое нынешнее убежище, гору Офрис, в крепость, он окружил себя союзниками и осмеливается править, а мы…

Что мы? Мы лишь немного улучшили интерьеры Олимпа.

Когда я говорю об этом, меня называют брюзгой.

Все-таки – неужели пятьдесят с хвостиком? Это сколько же раз всходил-нисходил Гелиос, а я почти ничего об этих годах и не помню: сперва привыкал… потом какие-то мелкие заботы, союзники, поездки, переговоры, стычки с кентаврами, стычки с титанами, какой-то божок пытался обесчестить Гестию прямо на пиру, спасибо – вовремя заорал чей-то осел… Помню явление Афродиты – мельком – кутерьму, когда на Олимпе нежданно-негаданно объявились Мойры, которые, оказывается, до нас тут были… помню, что *та* – ну, Рея – начала скатываться в безумие, и меня послали ее искать, это отняло годы. И ведь зря послали: только увидев меня, она сошла с ума окончательно, кинулась в волны Океана с пронзительным криком: я знал, кого она во мне видит… Потом были долгие переговоры с Океаном, и теперь Рея где-то на краю света – скитается под присмотром подруги-Фетиды.

Теперь еще эта поездка – одна из многих. И не перестающее стучать в горле «будет».

Четверка легко втащила колесницу на Олимп, и я шагнул на землю уже у бывшего отцовского дворца – а теперь дворца Кронидов.

В коридорах стало гораздо уютнее: постаралась Гестия. Тепло дома дышало из грубо отесанных камней, заставляло расслабляться плечи.

«К морю бы? – наивно подсказало тело. – На часок. В бухточку, к Левке, а? Так, посмотреть, что там переменилось…»

Я т-тебе! Представил черные куски крайней плоти Урана, которые видел, пока путешествовал – замечательное действие отрезвления. Ты кто? Посейдон? Зевс? «У нас война, пошли по нимфам»? Ну, и нечего.

Вокруг было не продохнуть от цветов. Когда я уходил, зелени в этих стенах было меньше. Деметра – точно Деметра, она как-то нашла общий язык с матерью-Геей и последние два года отравляла все покои своими благоухающими детищами. Персики из стен – не спорю, весьма кстати, но эта проклятая зелень… эти одуряющие ароматы…

Зелень чуть колыхалась: там явно скрывались какие-то нимфочки, которые явились на поклон вскоре после того, как мы обосновались здесь и в округе разнеслась весть об отступлении Крона. Полный сдавленного ужаса шепот сопровождал каждый мой шаг.

– Это суровый брат Зевса, Аид…

– Молчите, сестры… хуже будет…

– Он страшен в гневе…

– Он и без гнева страшен…

– Да? А мне кажется, вполне так себе ничего.

– Молчи, дура!

Согласен. Дура. И молчи. А еще лучше бы – не молчи, а говори по делу. Почему коридоры выглядят настолько неживыми?

Сатир выскочил на меня из-за угла неожиданно. Молоденький, почти без рожек, с кудрявой каштановой головой и белыми от испуга глазами – или они белыми стали, когда он меня увидел?

– Б-бе-е-е… – заикнулся сатир. – Н-не надо и м-меня…

И грохнулся без сознания, звонко цокнув копытами.

Крон побери.

Знаю, что о мрачном братце Зевса Аиде слагают легенды (а мое неумение уживаться, кажись, даже нереиды в песнях прославляли), но чтобы вот так – от одного моего вида!

Гестия была у себя в покоях: выглянула, когда я позвал ее, перекидывая огонек с ладони на ладонь. За ее спиной красовалось буйное хитросплетение цветов и каких-то душистых трав: на Деметру, кажется, что-то накатило, Хаос не приведи – если мои покои выглядят так же.

– Радуйся, брат, – расцвела сестра. – Тебя долго не было.

Хлопнула ладошками, пряча огонек, и повисла у меня на шее. Не изменилась ничуть и ничуть не подросла: вид бога определяет его внутренняя сущность. Я отстранился, глядя в искристые глаза:

«Что тут творится? Где все?»

«Боятся, наверное, – не смутилась Гестия. – Только кто-то насовсем убежал, кто-то прячется, а кто-то в большом зале боится, со всеми. Понимаешь, ведь ее съели».

«Кого?»

«Метиду».

Еще не легче.

«Кто?!»

– А-а… брат! Мне сказали, вернулся, вот и хорошо!

Посейдон облапил за плечи так, что вырываться пришлось изо всех сил. И скалозубить начал сразу, как увидел:

– И сразу к Гестии чегой-то побежал, соскучился, а? Она вот тоже спрашивала, когда, мол, брат… а больше никто, то есть, я хотел сказать – у самих такое… То ли наследство это, то ли проклятие, то ли он сам так… Пророчество, понимаешь… Чтоб его! – рявкнул, полыхнув глазами. Стены дрогнули, зелень обвяла и местами отвалилась, но усталому богу такие крики – как птичье пение. – Понимаешь ли, если сын родится – свергнет отца! Ничего не напоминает, а? А дуру эту… которая ему напророчила – вот кого б сожрать, – он понизил голос, – хотя, как-никак, понимаешь, Фемида… ого, какая баба. Деметра ей – и то слово не поперек, только зубами скрипит. Да, правду сказать, я Метиду сам-то не особо долюбливал… ну, ревнивая, хотя умная, конечно, но зачем же жрать-то? Скинул в Тартар – и делов. Так вот и сидим, боятся все, – он наглядно изобразил, как боятся, – никто понятия не имеет, что делать. А он хмурый, как… как отец, когда нас, стало быть, выплевывал. Сидит…сам, вроде, не знает, что делать, за голову держится, а к нему все подступиться опасаются, победитель Крона все ж таки… Мне и то как-то… – он поежился. – Кто сбежал, кто нет… позастывали. Да сам увидишь.

– Давно?

– С ночи сидим. Я к нему с вестями, а он – вон какой.

– Ты сегодня вернулся?

– Вернулся с неделю, ну, пока отдохнул с дороги… малость приустал с этими тельхинами… потом то до се… да и тебя дожидался – обговорить.

Ясно. Опять, значит, по нереидам бегал, кровь разгонял.

В зале царили тишина и смятение. И цветы. Омерзительные, разных окрасок, крупные, с кулак, свисающие со стен, покрывающие пол, отчего он казался отвратительно мягким, перевитые игривой зеленью – этот источающий нежно-

убийственное благоухание ковер странно сочетался с общими настроениями.

Нимфы тряслись, как в лихорадке, пытаясь прикрыться стеблями растений, которые были сорваны здесь же. Из углов слышался дробный стук копытцев сатиров – донельзя жалобный. Несколько молодых титанов и титанид старались держаться ближе к стенам пещеры, хариты и музы меняли томные позы ужаса – одна лучше другой – Деметра замерла в неподвижности, не соображая, что стоит слишком близко к центру зала. Божества мелких речушек, озер и гор позамирали, словно птички, увидевшие змею с разинутой пастью.

Посреди зала восседал Зевс и подчеркнуто страдал, обхватив голову руками. Глаза у Кроноборца были мутными и осмысленными лишь наполовину. Ноги раскинуты. На лице – странно смущенное выражение: будто ждет от окружающих каких-то деяний – то ли порицания, то ли сочувствия – и теперь не понимает, почему нет ни того, ни другого.

– Пойдешь? – уточнил Посейдон.

– Народу много. Убрал бы ты их.

Посейдон только зафыркал с особой жизнерадостностью и остался позади. Я двинулся к Зевсу, слыша иступленный шепот Жеребца на ушко какой-то наяде: «Ну, все. Аид вернулся, они ж тут ползала вдвоем пережрут!» Писк наяды показал, что Посейдона все же кто-то еще воспринимает всерьез.

Или меня.

«Аид… суровый… угрюмый… вернулся… ой, мамочки… сам, что ли… Аид…» – стремительно растекалось по мегарону с каждым моим шагом, но движения к двери пока не было заметно. Немногие здесь могли похвастать, что виделись лицом к лицу с мрачным братцем Кроноборца, умеющим (и это я тоже слышал) вытягивать душу своим пронзительным взглядом.

Зевс с мутным ожиданием в глазах наблюдал, как я двигаюсь к низкому столику, где стояли вода, молоко, вино, нектар и амброзия.

– Радуйся, брат, – слова сопровождала неуместно громкая отрыжка. Публика шарахнулась.

Я налил в кубок воды и вернулся к трону. Подошел вплотную: брат еще никем не правит, а я никогда не разбирался в церемониях.

Протянул кубок ему.

– Запей.

В зале исчезли даже испуганные шепотки: вот сейчас кровожадный брат светлого Зевса выкинет нечто крайне ужасное.

– А то еще не в то горло пойдет или пучить будет, –

продолжил я.

Зевс, глядя прямо перед собой, осушил чашу.

– Осуждаешь.

Я неторопливо отправился к тому же столику. Не менее шестидесяти пар глаз с нарастающим ужасом следили за каждым моим шагом.

– Одобряю. Туда ей и дорога.

Зевс прикрыл рот, сдерживая икоту. На этот раз я на четверть наполнил чашу вином, разбавив водой. Вернулся к трону, по пути коротко взглянув в зал: Посейдон хорошо знал свое дело, лишняя публика покидала помещение бегом. Сунул чашу в руку нашему предводителю. Тот отхлебнул и перекосился.

– Напрягись и перевари, – посоветовал я. – А то знаешь, что бывает, когда глотают живых.

– Не знаю, – буркнул младший. – По этому делу у нас ты с Посейдоном. И Гестия. И Деметра, уй… Деметра…

Деметра, зал не покинувшая, почему-то зарделась. Произраставшие у трона розы зашевелились и запахли еще более одуряюще.

Вернулся Посейдон, радостный до кончиков волос.

– Сбежали от расправы, – сказал он. – На Деметру видел, как смотрели? Как в последний раз. Ну, брат, так ты скоро Крона затмишь…

Он немного подумал и добавил:

– Аиду уже и затмевать некого.

Зевс сжал виски и тихо застонал сквозь зубы.

– Понимаю, – сказал я. – Тяжелая пища.

– Ничего… не понимаешь… Я же ее съел. Жену.

– Это как раз все поняли, – робко вставила Деметра.

– Да я не хотел! Предсказание это… – мотнул головой, словно отгоняя муху. – Мойры предсказали, Фемида вот подтвердит, было при ней… что Метида родит сына, который…

Гестия подбежала к нему с чашей нектара, и несколько секунд мы просто следили за тем, как он пьет. Сын, который свергнет отца. Предсказание. Из вечности в вечность, из года в год… что это? Проклятие всех, кто порожден Ураном-небом? Горе матерям: убить их до того, как они успели родить! Горе детям: сожрать их сразу же после рождения!

Пятно Крона и его детей? Прошлое пытается истребить настоящее, чтобы никогда не настало будущего.

– Она ждала ребенка, – тихо и очень жалостливо проговорила Гестия, отнимая чашу от его губ. Зевс кивнул, глаза у него прояснились.

– Ждала, – сказал тихо. – Ребенка. Думал, расправлюсь с ним,

когда родит. Что делать – это-то уже ясно, отцом показано…

Желваки на лице взыграли, словно морские волны, делая младшего – старшим. Старше меня.

– Пошли в спальню, – продолжил он. – Разговаривали. Она у меня любила, когда я ей ласковые слова говорил… Задремала. А я ее съел. Вдруг.

Я подавил неуместный смешок. Посейдон давить не стал: заржал радостно и во весь голос, словно освободившись от мучившего гнета.

– Ты б на ночь фиг у Деметры попросил, что ли, – прохрипел он. – Или нектара взял, а то приступы голода…

Зевс чуть покривил угол рта и взялся за лабриссу[4]. Она, оказывается, лежала тут же, под рукой. Посейдон и не думал униматься, мотая головой и бурля жизнерадостностью.

– Как пошло-то хоть? С одного раза или того… чесночком приправлял?

Хаос предвечный, в кого ж он уродился такой!

– Гнев? – спросил я.

Зевс подумал и покачал головой. Он потирал висок, будто дырку в нем собрался проковырять.

– Что тогда?

– Не знаю. Показалось, что это правильно. Взял и съел, – он опять потер висок. – А ты вернулся… и как?

– От Страта две тысячи в пути, кентавры Пирра тоже на подходе. Все стекаются к Золотой Долине, и остается только выяснить…

– Горы или равнина?

– Горы или равнина.

– От Крона не укрылось, что мы войско собираем, – это уже отфыркавшийся Посейдон. – Он нас у Офриса ждать не будет. Вроде как пока еще ничего, но только что-то в лесах у Хрисопотамии[5] живность начала переводиться. Какая не переводится – та мрет.

– Горы там невысокие, зато – стеной. Можно поставить крепости… ловушек наделать. К Олимпу он точно не пройдет.

– Да плевал он на твои крепости, у него сейчас десяток драконов – не меньше. Перелетят и поджарят со спины.

– Кто тебе сказал, что у него драконы?

– А что? Ну, Нот проболтался, из ветров[6]. По пьяни, конечно, и случайно, и потом он рот захлопнул, но я думаю…

– Веришь сыну Астрея?

– Чего б не верить, а?

– Правда, чего б. Борей недавно разметал стан лапифов – так, для шутки. Зефир и Эвр собрались было к нам вестниками…

– Да замолчите вы!

Мы с Посейдоном умолкли. Повернулись. Деметра цвела красными пятнами по всему лицу, но смотрела непреклонно. Ей бы еще сук в руку – ох, прилетело бы кому-нибудь по хребту!

Зевс на троне приоткрыл глаза и отнял пальцы от висков. Болезненная гримаса с его лица так и не сошла.

– Позже. Сейчас… думать не могу. Равнина, горы, ветры… позже.

Посейдон открыл было рот, видимо, чтобы отчитаться о своих достижениях, но младший молча махнул ему рукой – и это позже.

Мы оставили его переваривать то, что случилось. Во всех смыслах.

* * *

Когда успела сложиться эта легенда?

«Зевса не тревожь во время раздумий, Посейдона – когда он разгневан, Аида вообще не тревожь: себе дороже».

Ложь. Я не выносил только, если меня беспокоили после возвращений из путешествий. Воин на привале, говорят, думает о еде, о сне и о бабах – я думал обо всем именно в указанной последовательности.

На пищу и питье богов махнул рукой – и воздал должное ячменным лепешкам, овечьему сыру и бараньему боку с чесноком. Кисловатое, сильно разбавленное вино прихлебывал торопливо, на локоть старался не опираться: так и заснул бы за столом. Речная наяда из тех, что изъявили желание прислуживать на Олимпе добровольно, осведомилась о том, не распорядиться ли насчет омовения – отмахнулся. После сна – к Левке, – напомнил себе. Там и омовение… и не только. Поднялся, оставив наяду прибирать со стола остатки винограда и обиженно выпячивать нещипаные бедра.

Посейдон протиснулся в комнату, когда я упал на ложе в своем углу, чтобы провалиться в благословенную темноту на несколько суток. Явился, втащив за собой на цепи странную девицу: из одежды – всклокоченные длинные волосы да бронзовый шипастый ошейник, лицо перекошено в безумной гримасе, с губ капает пена…

– Чу-у-ую! – взвыла девица, едва пересекла порог. – Родню чую!

– Не спишь? – осведомился брат, когда я подскочил, выхваченный из дремоты этим воем. – Хорошо, что не спишь. Разговор есть.

Обшарил глазами полутемный покой и с уверенностью

плюхнулся на застланную пятнистыми шкурами скамью. Покрытую волосами девицу он безошибочным пинком определил в угол, в котором она осталась, повизгивая и хватая зубами цепь.

Гелиос как-то, посмеиваясь, сказал: «Иногда и бессмертие – проклятие. Например, когда знаешь, что не можешь отделаться от собеседника, перерезав ему горло».

На счастье Жеребца, мой меч валялся в углу.

– Что за…

– В своей комнате нашел. Сидел, понимаешь, думал… как раз еще думал: мне вот Гестия с Деметрой говорили, что не то что-то во дворце в последнее время. Нет-нет, а кто-нибудь взбесится. И потом, что с Зевсом-то такое? Не замечали ведь раньше за ним – чтобы кого-нибудь лопал. И только что-то вырисовываться стало, как на меня самого навалилось. Как затмилось: будто рати Крона уже в окна ползут. Ну, я отбиваться… потом гляжу – отпустило. Покои разгромлены, двоих слуг насмерть зашиб. Ну и эту задел. Осколком скамьи по башке. Нацепил на нее что покрепче и к тебе…

– Постой.

Вскочил, закутываясь в гиматий прямо поверх набедренной повязки, плеснул в лицо водой из чаши на столе.

Девица в углу рычала и скалилась – то ли приветственно, то ли насмешливо, и острое лицо ее казалось лицом старухи.

– Что за тварь? Богиня? Титанида?

Посейдон прочистил горло, будто собирался запеть, покривился брезгливо.

– Пока не понял. Она ж не говорит ничего – визжит, зараза, кусается и плюется, еще и обделалась, пока сюда приволок. А я не вглядываюсь, у меня рядом с ней все плывет. То я в вулкане, то еще где… Но разбираться надо, брат, а то Зевс на завтра совет назначил, решать: горы или равнина… не дело, когда эта дрянь по дворцу шастает.

– Разберемся. Держи цепь.

При моем приближении девица – теперь видно было, что она совсем недавно вышла из ребяческого возраста – распласталась на полу. Прилипла, как дикое животное перед прыжком. Подняла нездоровые, желтоватые глаза.

– Родню чую, родню… – зашептала, облизываясь раздвоенным языком. – Что, свора-то испугалась? Вожак засбоил, сучку свою сожрал, вожаки они… такие. Всех жрут, сколько ни увидят, вот попробуйте на него тявкнуть, так он… ихи-хи-хи-хи! Что принюхиваешься – по следу идешь?

Вонь забивала дыхание. Тянуло сладковатым духом разложения и каким-то острым дурманом, просачивающимся

прямо в кожу. Но хуже того – я не мог поймать глаз: она то закатывала их, то косила, то подмигивала тысячью разных способов…

– Охотником себя мнишь? Хи-хи… охотник – это ваш младшенький, вожак… А вот этот – бойцовый. У! У! Хочет вожаку в глотку вцепиться, перервать! А ты, значит, диким прикидываешься? Вольный? Хе-хе, как же, вольный, если ты – сторожевой. Это ведь не я на цепи. Это ты на цепи. Кого охраняешь, а?

– Аид, – хрипло сказал Посейдон. – Заткни ее. Сил нет слушать.

Тварь подалась вперед, касаясь пола оголенными бугорками грудей – бей, мол, мне это в радость!

– Пусть тявкает, – медленно выговорил я. – Собачонкам такого рода побои – в удовольствие. Они гордятся побоями. Бьют – значит, обращают внимание. Ее пинают, а она визжит…

В моей руке легко хрустнул хрупкий девичий палец, и Посейдон чуть не выпустил цепь от визга, который раздался следом.

– …вот так. Слышишь меня, дочь Ночи? Тявкай дальше – и я поступлю с тобой наилучшим образом. Жрать объедки, получать пинки и камни, валяться на солнцепеке – тебе понравится. А свора кобелей, с которыми Зевс охотится, – ждет не дождется.

Посейдон издал неопределенный горловой возглас. Девчонка забилась в угол и смотрела на меня – впервые прямо, не мигая, хотя лицо дергалось, стоило причудливые гримасы…

Комната начала раскачиваться, стены – сдвигаться в душный мешок отцовской темницы. Из пустоты свился тошнотворно-ласковый голос матери: «Хочешь послушать сказку, мой маленький?». Потом резанул уши пронзительный крик – он кричал, а не я!

Он, а не я сидел на корточках, уставившись в жадные желтые глаза, тонул в таком же желтом тумане, медленно затапливающем разум, и что-то вырастало за его спиной – будто крылья, нет, жадная пасть, нет, фигура с крыльями и жадной пастью, кладущая на плечи когтистую руку, а в руке – ошейник…

– *Аид-невидимка…*

Жадное сжатие обернулось легким касанием, прозвучал и сгинул упреждающий шепот Судьбы. Девица в углу таращилась, облизывалась черным языком.

– А за эту попытку я тебе еще и глаза выколю, – добавил я. По щекам медленно ползли капли холодного пота. – Подзаборным шавкам они без надобности.

Она сглотнула и передернула плечами. Подняла тонкую руку

с переломленным пальцем.

– Хорошо охраняешь… Я – Лисса-безумие, дочь Эреба и Нюкты.

– Кто тебя послал?

– Сама.

– Брат, мой меч в углу. Дай-ка…

–Я сама! Сама!

Посейдон поднялся, опрокинув скамью. Рука с цепью натянулась.

– Сама?! Решила, значит, что Крон тебя после такого с распростертыми объятиями примет? Выслужиться сперва хотела?

– Я хотела… служить… – Жеребец даже в угол не пошел, просто сгреб скамью и замахнулся, и девчонка взвизгнула: – Хотела служить вам!

И вдруг встала, распрямила плечи, покрытые то ли серыми, то ли седыми, тонкими, как паутина волосами. Скривила лицо в горделивой гримасе.

– Вы все слепые! Все здесь! Ты обещал мне выколоть глаза – даже так я буду видеть больше тебя, ибо безумие всегда идет наряду с провидением. Слышишь, сторожевой пес своих братьев?! Безумие не лжет – оно снимает налет лжи со всего, оно подобно первозданному Хаосу, в котором нет лжи, в нем – кратчайший путь ко всему! Кроноборец… о, кроноборцу я сделала подарок, он прозрел на миг, он понял, он видел дальше вас всех, он поступил как следует. И вы тоже все…

И заулыбалась гнусно, протянула руки, валясь на пол опять.

– Ручки-ножки поцелую, служить буду… Верная собачонка! Ваша, для вас… Вам приношу то, что дарит провидение. Крон отверг, малодушный… приношу вам!

Долго без кривляний Лисса, порожденная в наказание этому миру, не могла. Безумие извивалось возле моих босых ног, щекотало ступни дыханием и шепотом:

– Провидцами будете… все, все! Что захотите – сделаю… чем хотите – поклянусь. Буду служить, буду ноги целовать… только укажите…

Я поднял ее за волосы, приблизил лицо к лицу – теперь уже без страха заглядывая в туманное марево видений. Голос звучал на диво невыразительно.

– Ты не шавка – ты ядовитая гадина. Мне стоит перешибить тебе хребет, вырвать зубы и выкинуть в пыль – чтобы каждый мог наступить. А когда ты перестанешь извиваться – содрать с тебя кожу.

– Аид… – начал Посейдон.

– Посмеешь ослушаться кого-нибудь из детей Крона – так и

сделаю.

Проблеск иступленного счастья в глазах у Лиссы смотрелся странно.

– Мне… служить?

– Отправляйся на край света. Послужишь Гере. Нужно будет – свистнем.

Безумие закивало и на четвереньках рвануло к двери, едва не утащив за собой Посейдона. Тот натянул намотанную на кулак цепь и высказался вдогонку:

– И если ты только попытаешься сестру этим своим даром… как Зевса… ты же понимаешь?

Потом размотал цепь. Грохот массивных звеньев еще долго слышался по коридору. Жеребец прошелся по комнате, пробормотал о том, что вечно у меня в покоях мрак кромешный, остановился у очага…

– Дела, брат, дела… у тебя вино есть?

Сунул нос в пару амфор, поморщился, кликнул кого-то, послал за «нормальным». Принесенное вино – густое, сладкое, почти черное, благоухало не хуже нектара, и даже огонь в очаге взметнулся повеселее – потянулся на аромат.

Долгое время пили молча: Посейдон опять оседлал свою скамью, я валялся на ложе.

– Почему Гера-то? – спросил он наконец. – Понятно, что от таких предложений не отказываются… пригодится про запас и безумие. И что услать эту дрянь нужно было немедля: Зевс бы ее пришиб здесь, да и сама бед бы натворила со своими дарами. Но почему к Гере?

– Я сказал, что служить она будет детям Крона. Кроме Геры, мы все на Олимпе.

– Думаешь, она сестру с ума не сведет?

– Было б, с чего…

Помолчали. Интересно, почему все же мне к обеду тащат кислое вино? Думают, раз физиономия такая, то…

– А может, ты и прав. Гера вообще очень твердо стоит на ногах. Фетида – это титанида, которая за ней присматривает – тут бывала… жаловалась на такую воспитанницу. Думаю, она там эту Лиссу порядку обучит. Заставит… на задних лапках ходить!

И бухнул хохотом, расплескав на себя вино.

Зная Геру – и на передних заставит, и голос подавать по команде. На то и расчет.

Глаза слипались, и аромат свежих фруктов из чаши казался запахом макового настоя, которым, как говорят, Гипнос, брат Таната, кропит глаза людей и богов, чтобы они заснули.

– Новостей, брат… новостей! Где я только не был. С Океаном

виделся, правда, не сразу получилось… сколько океанид обхаживал, чтобы они мне эту встречу устроили! Ух, и хитрец оказался, все из гостей отпускать не хотел. А у него там еще дочка есть… Амфитрита… глаза грустные, а фигура… эх. Нерей вот тоже… прилип как устрица к раковине. Про тебя спрашивал – наверное, из-за его дочки той, с которой ты… С Гелиосом тоже пришлось прогуляться – познакомился с Эос-Зарей. Да, а ты с Иридой-радугой знаком? Она сама явилась, услуги предлагала… что ты хмыкаешь, обычные услуги, посланницей хочет быть. Она ж носится – глазом не проследить!

Пальцы лениво вращали ясеневую резную чашу – бежали по искусным узорам. Пальцам не верилось, что они не сжимают поводья. Нужно будет проверить, как там устроили в конюшнях моих скакунов. Хозяину подают кислое вино, а лошадям – гнилой овес? Ну, за это шеи посворачиваю. Волны под пальцами. Деревянные. Пенные буруны – только выспаться, и к Левке. Лодка – не забыть на совете оговориться о пристанях…

– Э, да ты уже спишь. Ну, на совете завтра поговорим, если, конечно, Зевсу будет до совета дело.

Вино Посейдон все-таки допил. И уже у двери, стряхивая с гладкого подбородка темные капли, вдруг вспомнил, обернулся.

– А здорово ты ей это наплел. И про камни, и про свору кобелей, и про зубы… понятно, почему о тебе такие слухи.

Ушел.

Шкуры на твердом ложе из ясеня, казалось, ожили: подмяли, пухлые лапы наложили на ресницы – стаскивали в сон.

– *Безумие всегда искренне*, – задумчиво пробормотала Судьба. Почему-то казалось, что она смотрит на дверь, закрывшуюся за братом. – *Лисса и Ата-обман – две вечно враждующие сестры, и оттого они мгновенно узнают друг друга. Если бы ты лгал, невидимка, Лисса услышала бы это…*

– Безумие похоже на меня, – пробормотал я.

– *Разве ты тоже узнаешь обман?*

– Нет, я всегда искренен. Лгать меня никто не учил.

* * *

Посейдон и не хотел – а оказался пророком: назавтра Зевсу было не до советов.

И на следующий день.

И еще через десять дней.

И если бы только не до советов – а то вообще ни до чего.

– Молоты!

Дворец дрожал. Из дворца началось бегство: сначала сатиры, потом нимфы, потом мелкие божества…

Даже кони в стойлах чувствовали себя неуютно: тревожно прядали ушами, и по лоснящейся коже бегали вперегонки волны дрожи при каждом новом вскрике из дворца.

– О-о, молоты! Бьется, грохочет, глушит…

Деревья в саду, который успела развести Деметра, – и те выглядели прибитыми. Казалось, природа решила наконец взять верх над божественной волей сестры: разве могут на каменистых уступах расти такие пышные розы, гордые ясени, мохнатые, с буйными лапами финиковые пальмы? Ан нет, каким-то чудом росли и благоухали – пока не…

– Что там?

– Ой! – подпрыгнула Гестия, голубые одежды которой я с трудом углядел в зарослях олеандра. – Аид! У тебя все лицо запылилось. Лезь сюда, я ототру. Да не через кусты же: исцарапаешься, и Деметра ругаться будет… ох.

Вздох – то ли по безвозвратно пропавшей гармонии кустов, то ли из-за моего лица, на котором невыразительно, но значится: «Еще мне забот не хватает – Деметре угождать».

– Что там?

Оттирать она меня взялась очень просто: послюнила край гиматия и принялась возюкать по почерневшему от пыли лицу, шепотом приговаривая: «Да не вертись же… ну, куда ты…»

– Брату плохо. Посейдон сейчас у него, и Фемида с ним тоже часто – ухаживает. Но ему все хуже. Деметра говорит, что это, наверное, на него напала дочь Нюкты – Лисса-безумие…

– Нет.

– Почему нет?

Потому что Лисса изнывает от скуки в компании Геры – проверено через Фетиду. Та передает – Гера в восторге.

А Лисса, говорит, на себя руки наложить пыталась. Два раза. Забыла, что бессмертна.

– Потому что нет.

Потому что это не безумие Лиссы заставляет брата корчиться от боли, кричать, что внутри черепа у него бродит и прыгает что-то живое, и стонать в ответ на каждый звук.

Полянка – не полянка, а издевательство какое-то. После сплошной серо-желто-зеленой полосы под копытами коней трава режет глаза непримятостью. Цикады разорались по-божественному – моя четверка так с голоду не ржет. Пять шагов до опушенной розовым цветом яблони, развернуться – семь до абрикоса в белой кипени… Восемь шагов – на пути душистой преградой вырастает куст земляничного дерева, цветы – размером в кулак. Развернуться… шесть шагов – что-то невиданное ранее, выше головы, цветущее фиолетовыми гроздьями – очередное

порождение Деметры…

– Аид!

Чтобы положить мне руки на плечи, Гестии пришлось встать на цыпочки.

– Почему ты не хочешь смотреть на меня, брат? Что там случилось?

Я опустил подбородок – и выбросил из-под век то, что старался скрыть: последствия очередной поездки к союзникам. Слова – шелуха. Хочешь увидеть сама, сестра?

На, смотри!

Лицо у царя Страта – одного из пяти великих вождей серебряного века – сонное, добродушное. Тянет слова, глазами лупает по-совиному: «А-а, что-о Зе-е-евс приказа-ал?»

Заросшая бурьяном бородищи бандитская рожа вожака сатиров из Платановых лесов: «Слышь… того, куды кроноборец скажет – туды и попрем. Ты не мнись, ты нам волю его давай, а там уже сами разберемся».

Предводительница воинственных нимф из лесистых взгорий на севере: «А Зевс не смог приехать? Жалко, такой красавчик! А что он мне передавал? Жа-алко. А он не передавал, случайно, где мы собираемся принимать бой? …куда ты? Разве на ночь не останешься?»

Высокий гнедой кентавр презрительно цыкает слюной сквозь зубы: «Ну. Слышали уже! Восемь путей Гелиоса как готовы. Где кроноборец, куда войска выводить?»

Лапифы, четверка великанов, дриады, какие-то мелкие божки…

Эвр-ветродуй смешливо морщит нос: «Эй, Аид! Скажи Зевсу, чтобы поторопился. Кронова армия уже собралась в единый кулак, а ваши войска так и торчат посреди Фессалии порознь…»

– Ничего не случилось. Просто им нужен Зевс! Им – всем – нужен кроноборец!

Гелиос стыдливо прячет колесницу в пушистых облаках – союзничек, второй учитель! Глаза от меня так же прятал: «Ну, конечно, я с вами. Но если без Зевса… понимаешь…»

Листва наливается чернью, птичье пенье в ушах оборачивается неясным тревожным подступающим рокотом, злые языки уже уронили: «бешеный». Мол, Посейдон – омут, бурное море: разберешь – так что угодно снесет, но потом – приласкает, посмеется. А вот Аид – лесной пожар: не знаешь, когда полыхнет, отгорает быстро, только живых после себя не оставляет.

– Им нужен Зевс!

«*Кому*? – осторожно шепчет из-за спины Ананка. – *Им нужен*

вождь, маленький Кронид. Им нужна воля, которая поведет их к победе. И зачем тебе воля Зевса, разве у тебя недостаточно своей собственной?»

– Не вождь! Кроноборец! Оживший смысл! Пророчество во плоти! Ананка Крона!

Цикады заткнулись, листья перестали шелестеть: ну его, бешеного. Гестия, теребя край гиматия, смотрит с сочувствием – она видела две или три такие вспышки, она знает, что скоро все пройдет…

«*Почему ты так уверен, что Зевс – Ананка Крона? Почему так уверен, что в пророчестве говорилось о младшем сыне? Только потому, что он освободил вас и смог внушить Повелителю Времени чувство страха? Почему ты не хочешь спросить у меня?*»

– Незачем. Для них это – Зевс! Они пойдут только за Зевсом! Они с места без него не сойдут. Зевс...

Ясень принял удар беспокойно: вмялась внутрь серебристая кора, брызнула древесина, мой кулак до половины ушел в ствол. Дерево шатнулось, дрогнуло ветвями, а из-за спины ударил вопль:

– Ты что делаешь?!

И точно – бешеный. Тронуть что-нибудь в саду, который развела Деметра, – тут никакой Лиссы-безумия не хватит.

Щеки сестры пылали, широкая зеленая лента, перехватывающая волосы, сбилась на бок, пальцы проделывали с воздухом странное – царапали, протыкали, отрывали…

Шею бы мне свернула – если б могла. Откуда только выскочить успела?

– Бесишься? Ты – бесишься?! Так иди вымещай злость на своей колеснице. Молчи, Гестия! Он у нас воин и умеет только убивать? Испепелять! Так ступал бы… к таким же, как ты, ученик Таната! Что ты сделал с кустами? Такие были чудные цветы… а ветки! Мать-Гея стонет от таких, как вы! Вас нельзя подпускать ни к чему живому – вы оставляете пустоши и пепелища, вы…

Тень вдруг отошла, мрак перестал заливать глаза, напоследок ощутимо стукнув в затылок. Крики Деметры – лучше, чем корыто холодной воды на голову. Поискал глазами, на что бы сесть, нашел толстый, окаменевший древесный ствол, разрубленный надвое (против каменных скамей в своих садах Деметра отчаянно сопротивлялась). Сел, потрогал лоб – мокрый, да и хитон – насквозь…

– Что там?

Гестия тихонько подобралась, щедро рванула гиматий и принялась вытирать мне руку – до ихора рассадил на костяшках, чтоб его… Деметра подошла, посмотрела, хмыкнула. Нагнулась,

оторвала еще кусок от плаща сестры и двинула перевязывать глубокую рану в древесном стволе.

– Гестия не сказала, что ли?

– Прячет глаза.

– Ну и правильно прячет. Хуже ему. Все про молоты кричит. И что внутри – будто кто-то копьем по щиту. Не ест ничего. Ни нектара, ни… сколько я фрукты посылаю… Нас никого видеть не хочет. Ни слуг, ни союзников, ни нас.

Она напела что-то в искалеченный ствол, затянула вмятину тканью и присела напротив кустов – бережно повела рукой, испачканной в сочной зелени, – и ветви начали подниматься, а зелень пышнеть.

– Фемида говорит, что это его собственные видения, – тихонько сказала Гестия. – Что он сам себя не может простить за то, что с Метидой так… и пока не простит, так и будет.

Рука Деметры гневно дрогнула, обломив пару хрупких веточек, сестра тут же охнула и зашептала: «Простите, мои дорогие… а мы сейчас еще лучше, еще пышнее…»

– Фемида?

– Дочка Урана и Геи, правдолюбка большая и законница, – выбросила Деметра сквозь зубы. – Не видал ее? Такая рыжая, груди как два пифоса[7], плечи – шире твоих, и нос уточкой. Она тут уже лет десять наездами, а ему еще при Метиде улыбалась, а сейчас совсем прилипла – не оторвать. Тряпочки ему ко лбу прикладывает! Кормит из рук! А он ее терпит! Чем она его так очаровала?!

– Разговорчивая?

– Слова не вытянешь, тебе под стать!

– Тогда ясно.

Деметра скривилась – опять, мол, твои шуточки.

– Гестия, слетай к ручью, там нектар и амброзия охлаждаются. Покорми этого испепелителя. И фрукты возьми, а то наверняка ведь голоднее дракона явился.

Сестра голубым мотыльком вспорхнула с древесного ствола. Деметра ей вслед насупила темные брови – мол, совсем как девочка носится!

– Посейдон сюда же придет. Скоро, наверное. Чуть ли не спим в саду, а иногда и спим тоже. Во дворце страшно… пусто. Зевс иногда как вскрикнет – кажется, сейчас крыша на голову рухнет. Афродита на свой остров удрала, к нимфам – мол, у нее от этих криков волосы портятся. Почти все поразбежались.

Заметно. Конюшни пустые, лошадей из колесницы самому распрягать пришлось. У подножия Олимпа – толпы перепуганных послов и прихлебателей, а в самом дворце – десяток не

просыхающих сатиров да две-три бледные от ужаса нимфы – и эти недолго продержатся…

– Посейдона он давно позвал?

– Позвала. Пришла эта… утконосая. Покачала своими пифосами и говорит, мол, Посейдона зовет. Срочно. В полдень ушел, пока не было. Щеку вытри, а то будто из подземного мира вылез. Да что…

Натужно затрещали кусты. Цикады, которые только-только начали подавать голоса, подлаживаясь под птичье пение, замолкли вторично.

Посейдон прорвался сквозь заросли как сквозь паутинку и шагнул на поляну, оглядывая ее настолько дико, что Деметра только руками всплеснула вместо того чтобы орать о своих несчастных растениях.

Выглядел средний – будто самолично сожрал Метиду и теперь боится признаться в содеянном.

– А-а-а, – сказал диким голосом и ткнул пальцем мне в грудь. – И ты тут. Уф.

Плюхнулся мимо бревна прямо на траву и попытался пригладить копну волос, стоящую дыбом.

– Это уж… – пропыхтел. – Совсем, значит. Угу, попросил. Да-а…

Гестия подошла, робко сунулась к нему с чашей нектара – Жеребец посмотрел в чашу, понюхал и дрогнувшей рукой выплеснул благоуханную жидкость себе на лицо. Нектар золотом закапал с носа, задрожал росистыми каплями на ресницах.

– Что случилось? – шепот у Деметры – прерывающийся, свистящий. – Ему лучше?

– Это я бы не сказал. Он, понимаешь ли, попросил меня расколоть ему голову.

– Что?!

– Голову, – Посейдон похлопал по темечку. – Молотом. Или секирой, тут он мне выбор позволил. Говорит, бери, раскалывай, а то у меня там что-то стучится, будто тесно ему. Выпустить надо…

– Брату плохо, – прошептала Гестия, роняя амфору[8], из которой пыталась наполнить чашу для меня.

– А почему он просил тебя? Почему не… его? – сестра вроде бы и жеста указательного не сделала, а все ясно: вот ты, брат, бегаешь и задыхаешься, а *этот* бы не стал. Взял бы лабриссу и голову Зевсу – надвое, тварь бездушная…

– Меня уже просил.

Тревожный денек для цикад выдался – замолчали и в третий раз. Боги молчат – куда уж нам жизни радоваться, мы насекомые скромные…

Боги правда молчат. У них дело: старшего брата рассматривать, будто у него лишняя голова выросла.

– Просил?!

– Дней пять назад.

Все. Вот теперь уже и листья не шумят – пропускают прикосновения ветерка. Тут как бы под бурю не попасть…

– Ну и… что ты ему ответил-то?

– «Разбегись и треснись башкой в стену».

Кажется, дверью я тогда бахнул так, что она в куски распалась.

Шесть глаз – шесть озер немого укора. Ну, конечно. Кто жену жрал? Зевс. А кто скотина? Аид.

Не представляю, как это получается. Надо бы спросить у этой Фемиды, раз уж она разбирается в справедливости.

– А что ты… не сказал-то… – Посейдон подумал, махнул рукой и заключил: – А!

Протянул Гестии чашу.

– Брату совсем худо? – тихонько поинтересовалась та, поднимая с травы амфору, в которой еще оставалось изрядно.

На том месте, где пролился нектар, неторопливо и величественно разворачивали лепестки золотистые лилии.

– Ну, видок у него, будто он все-таки послушался Аида и пару раз в стенку-то… Или не пару. И все мне на молот указывал и говорил, что, мол, был бы сын – сын бы ему не отказал…

– А эта? – обернулась от олеандра Деметра, которая вторично врачевала сломанные ветки.

– Кто?

– Эта, рыжая, с плечами как у мужика?

– Ты про Фемиду, что ли? А что Фемида... Смотрит грустно. Лоб ему отварами какими-то обтирает. Но не спорит.

– Скажите пожалуйста, она не спорит! Молчаливостью, значит, решила взять? Покладистостью?

– Да к чему ей молчаливость, с такой фигурой можно хоть все время разговаривать, – Посейдон покатал чашу в руках, вздохнул мечтательно. – Вот вас с Гестией вдвоем слепить, Афродиту добавить – и как раз одна Фемида получится!

– Пифосы, – прошипела Деметра, которая поняла, что здесь ей с Фемидой не состязаться. От прикосновений сестры олеандр прорастал колючками в полпальца.

– Что с войсками? – понижая голос, спросил Жеребец. – Я Зевсу-то пробовал говорить… и что Кроновы уже в движении, и что они себе долину на сбор наметили… а он стонет и все – «Оставь меня!»

– Худо.

– Что, кроноборца им давай?

– Угу.

– А что ты им говорил-то?

А что я им мог сказать? Будет, мол, вам оживший смысл и рок Крона, однако пока что ваш предводитель сожрал супружницу и мается. Только не несварением желудка, а головными болями.

Карту я вытащил из-за пояса просто от задумчивости. Она висела перед глазами, захотел бы – мог бы пальцем в воздухе ее начертить…

Одна низина у реки, где раньше были поселения людей Золотого Века, а теперь даже не руины – эхо руин. Хрисопотамия – долина Золотой Реки. Золотой котел, в который стекаются армии Крона.

Равнина, изрезанная реками, через которую непременно пройдут эти армии – там нет ни городов, только три-четыре селения, там леса, но есть – о, есть широкое поле, обширнейший пустырь, поросший полынью, – преддверие гористой местности…

И горы, в которых так удобно было бы держать оборону.

«*Ты так и не можешь решиться, невидимка? Поле или горы? Обороняться или бросаться в равный бой?*»

«Еще немного – и рати Крона просто беспрепятственно пройдут к Олимпу, потому что наши войска расползутся в разные стороны».

Гестия баюкает в ладонях в ладонях персик, будто замерзшего птенца. Напевает памятное:

Мужа с пира жена зовет –

Заплутал средь хмельных друзей.

Плачут дети, угас очаг –

Возвращайся, хозяин, в дом…

Песня звучит сиротливо: нет Геры – поддержать с негодованием в голосе. И нет Деметры: она что-то нашептывает кустам про пифосы и утиные носы.

«*Какие вы все-таки дети, невидимка*», – вздыхает Ананка, задумчиво встрепывая мне волосы.

Какие… дети. Нет больше костра и неизвестности вовне, вовне – война; в небесах, невидимый днем, торчит

Жертвенник, детьми быть недосуг. Разве что песни остались. И смысл. Что, Ананка? Посмотри на сестер, на Посейдона… на меня, невидящим взглядом упершегося в карту. Нам тоже без него – никуда. Без нашего ожившего пророчества, которое сейчас катается по постели, держась за виски, под присмотром верной утконосой Фемиды.

Равнина… горы… равнина… тьфу ты! Целителя надо искать, к прорицателям обращаться, а не лавагета[9] из себя строить…

– …так ты думаешь – я неправильно сделал, что согласился?

Посейдон, мучительно что-то соображая, заглядывал в лицо.

– Согласился на что?

– Ну, голову брату расколоть, я ж говорил, вроде…

Олеандр под пальцами Деметры осыпался на землю мешаниной пожелтевших листьев.

Цикады заткнулись окончательно и не поднимали голос до следующих суток.

* * *

Аэды – хуже тварей в природе не сыщешь. Кто их вывел под покровом ночи – Тартар знает, а может, это и ему неизвестно. Ходят слухи, что первыми бродячими сказителями стали люди Золотого века – не пропитания ради, а развлечения для.

Еще ходят слухи, что Крон похоронил Золотой Век именно из-за того, что аэдов в нем расплодилось немеряно, и они крепко подружились с новорожденной дочкой Ночи – Атой-обманом.

М-меч тут в руке вознеся П-посейдон Черногривый,

Трижды острее клыков змеехвостой Ехидны,

С треском его опустил н-на башку кроноборца…

Ик… буль-буль-буль…

Не знаю, с кем из детей Ночи дружен этот аэд. Но уже подумываю – не познакомить ли его с Танатом?

– Как, говоришь, было дело?

Когда я выхватил у него мех с вином, он еще некоторое время булькал (тщательно попадая в ритм гекзаметра). Потом утер губы, поправил волчью шкуру, сползшую с плеча, огладил грязными пальцами гладкую полукруглую доску и завел, отстукивая по ней ритм:

С-славили всем существом громкозвучно богини и боги

Мудрую Зевеса дочь, что родилась в доспехе, Афину,

Та же копьем потрясла и воскликнула голосом грозным…

И потянулся к меху, скрючивая пальцы, будто изнывал от жажды. Из-под капюшона – волчьей головы – слюдяным блеском посверкивали глазки.

Вино я сказителю вернул, и он принялся заливать его туда, откуда шел звук: в мешанину волос под волчьей головой.

– Так кто раскалывал Зевсу голову?

Аэд глухо булькнул в мех. «Может, сын, а может, папа», – невнятно прозвучало из булька.

Оружие он только на моей памяти менял трижды: сначала была секира, потом почему-то скамейка, меч вот еще…

Странный аэд: по мере того, как вина у него в организме прибавлялось, речь звучала яснее, а песня лучше складывалась. Под конец меха и вовсе сложилась: и о том, как Зевс попросил

какого-то сына молотом расколоть ему голову, и о том, как из расколотой головы кроноборца появилась с боевым кличем взрослая дочь – Афина…

Праздник, который за этим последовал, аэд вознамерился расписывать до заката.

– Хватит. Иди.

Густо рыгнув в небеса на прощание, сказитель обнял доску и заковылял туда, где лагерем стали сатиры.

Лгать меня никто не учил – да. Мне и не нужно.

Напоить сказителя – а там уж он все сочинит за меня.

– Зачем было что-то измышлять? Почему просто не сказать правду?

Нос у Фемиды, дочери Урана и Геи, и правда малость уточкой – так, немного. Вот про пифосы Деметра была права – в обхвате правдолюбивая Фемида… еще попробуй обхвати.

– Какую правду?!

Вроде бы и шепотом спросил – а аж в ближайших горах отдалось. Что прикажешь говорить, справедливая Фемида? О том, как Посейдон меня за гиматий дергал: «Слышь, брат… ну, разозли меня хоть немного, настроения же нет». О том, что он вдарил по черепу Зевсу не один раз, а четыре? Первый раз – вскользь, еще три – озадаченно кряхтя и приговаривая: «Из чего у тебя голова-то откована…».

Что? Мне сейчас к сатирам пойти и в красках расписать, как после четвертого раза из головы у Зевса высунулась рука с копьем, расширила трещину… и на свет белый Афина заявилась не с воинственным кличем, а с криком: «Сколько можно лупить?!» Рассказать, каким ликованием встретили на Олимпе дочь Зевса? Ты не хуже меня знаешь, Фемида, что ликование выразилось фразой Деметры: «А это хорошо, что она на мать непохожа, мать была страшненькая». А потом уже понеслось кто куда: ты и Гестия – перевязывать Зевсу голову, Посейдон – в конюшню, плакаться лошадям о горькой доле, Деметра просто бегала и голосила, а дочь Зевса…

Эта повела себя спокойнее всех. Поправила чуть сбившийся шлем. Подошла ко мне, сощурила серые глаза, глядя снизу вверх. И выдала:

– Я выбрала бы поле. Сатиры, кентавры и лапифы не умеют драться в горах.

А пир по поводу рождения Афины скомкался и смялся, когда пришло донесение о том, что армии Крона самое позднее – через два дня будут у Хрисопотамии.

Что из этого мне сказать?

Фемида, стоя на протоптанной сатирами тропе, улыбалась

мягко, покровительственно. Голова, перехваченная белой лентой, казалась перевязанной, как у Зевса.

– Ты еще не научился ценить неприкрашенную правду, сын Крона. Поживешь подольше – научишься.

Не ответил и не посмотрел в ответ (взгляд все равно прилипает к формам титаниды, будь они неладны). Вгляделся в ближайший холм – сюда, значит, лучников – и вон туда, к западу. Плохо, что лучников мало…

– Что ты здесь забыла?

– Приехала в лагерь. Ухаживать за мужем.

Это что еще за новости.

Темнота впереди дышала в лицо ожиданием, вязкой, осторожной тишиной. Поле будущего боя было как на ладони: гладкое, будто кто нарочно тесал, всех возвышенностей – штук пять, все на нашей стороне. Длинное – сколько хочешь войск уместится. Из мглы, ползущей от реки, попыхивают нехорошие огоньки – драконы, все-таки драконы, хотя кентавры возле своего лагеря еще какую-то тварь подстрелили. Сварили и сожрали, а что за тварь – так и не поняли.

А наш лагерь за спиной, то есть, несколько лагерей – сияют кострами и звенят приветственными криками. «Во славу кроноборца!» – несется оттуда. Зевс расхаживает от одних к другим – между травянистых лож сатиров, людских шатров, древесных обителей нимф и дриад, плотных палаток лапифов, разящих конских потом стойбищ кентавров. Расхаживает с перехваченной отрезом ткани головой: скромный белый хитон и легкость птицы в каждом шаге, на губах – улыбка, в волосах – невесть откуда взятое ночью солнце.

А вокруг вздымается стон ликования: «С нами Зевс!»

Вернулся… оживший смысл. Ананка Крона.

Жену с собой приволок. Новую – взамен съеденной.

– Что, скоро свадьба?

– Не будет свадьбы. Война…

Фемида держится на тропинке чуть позади. Тропинка – узкая, не то что дорога, по которой кентавры на водопой шастают. Оглушительно пахнет полынью, полынью поросло все поле, полынь глушит запахи лагерей, ее недавно смочил дождь, и капли с запахом горечи остаются на руках и плаще. Моя квадрига, однако, безмятежно лопает полынь, не боясь отравиться – нашел, чем пугать детей Урановой крови…

– Подол намочишь. Давай подвезу.

Со мной в колесницу и мужчины не осмеливаются. Ладно мужчины – Посейдон не всегда рискует: «Я уж лучше на своей, брат… Кони у тебя будто от Тартара родились». А Фемида,

правдолюбивая дочь Неба и Земли, подол хитона приподняла и лезет спокойно. И кони ничего, только Аластор обфыркал полынью.

– Где сейчас Зевс?

– У людей.

Ехать долго: люди Серебряного века подтянулись позже всех, пока докатишь до их лагеря – минуешь все остальные. А они и рады: раскинулись по Полынному полю, лезут в глаза, царапают слух смехом и песнями…

Сатиры – воинственные дети лесов. Рогатые, с козлиными ногами (да и запах самый козлиный) – все бодрствуют, несмотря на поздний час. Визг, гогот, «А кто со мной в рощу к нимфам слазить?», таскают туда-сюда палицы, булавы, кто-то через костер скачет, а вон десятка три вокруг аэда сгрудились, того самого. Песня об Афине у аэда уже кончилась, теперь услаждает слух публики историей о том, как Крон оскоплял своего отца Урана. Со знанием дела поет, даже показывать что-то пытается.

Вид черной колесницы заставляет многоголосый лагерь притихнуть, но ненадолго: «О. Старшему братцу неймется», – «Конечно, неймется, у него ж там баба на колеснице! Так кто к нимфам?»

Лапифы – стан мелькает вдалеке, он самый малый из всех. Вольные титановы племена, древолюди не все определились, за кого выходить в эту битву. Кто-то из собратьев – наверняка на стороне Крона. Между высоких палаток тихо, только меряют шагом поле высокие, сурового вида часовые, вооруженные копьями с острыми кремневыми наконечниками. Провожают пристальными взглядами. Доносится заливистое ржание коней, откликающихся Эфону и Никтею, – среди лапифов тоже есть колесничие…

Нимфы – в роще на окраине поля, набились туда вместе с дриадами. Роща чахлая, а нимф тысяча с лишним, все пытаются укрыться под не слишком густой сенью ветвей. Сплели себе что-то вроде гнезд. В этом стане костров не видно – шорохи, птичьи голоса да грустные, протяжные песни, лишенные обычной игривости. Только духи леса вообще бывают разными.

Вот кто бы сказал, что они владеют луками и мечами? Да еще и в траве противника запутывают.

И видят в темноте чуть хуже Таната.

– Ой, девоньки… – доносится невнятно от рощи. – А с кем это он?

– Ой, не вижу, не вижу… Может, жену себе украл?

– Да кто жену на колеснице-то красть будет…

– А меня вот и красть не надо. Я б к такому на колесницу

сама бы…

– Молчи, дура!

У лагеря кентавров четверка замедляет бег и издевательски ржет: что, взяли недолошади? Да и какой лагерь… все вповалку, вперемешку: копыта, щиты, мечи, пращи, котлы… Храп стоит такой – колесница подпрыгивает. Часовых не видно, очень может быть, что их просто нет. Не иначе как их Посейдон умотал, чтобы не лезли к нимфам и не задирали людей – он с конелюдьми как-то находит общий язык.

Похоже, брат все-таки взывает к их лошадиной части.

– Хей! – четверка разогналась, не натяни я поводья – по горам бы помчались. – Приехали.

Лагерь людей Серебряного века готовился отходить ко сну. Кое-где еще звучали тягучие здравницы в честь Зевса, но больше люди зевали, украдкой поглядывая на сонный (серебряный!) лик Селены-Луны в небесах.

Фемида вдруг тронула за плечо. Указала на путь, который преодолела колесница.

– Вы рано начали, старший сын Крона…

– Что?

Вторая жена Зевса смотрела туда, где из-за темноты не было видно другого войска – но оно уже угадывалось по подступающему глухому рокоту, духоте ночи…

– Рано начали. Да, вы прожили на свете не один день и успели многое повидать – но опытом и умениями вы никогда не сравняетесь с Повелителем Времени. Не пытайся играть в своего отца, Аид, – не дотянешься.

Заткнуть бы ее, да незачем: Фемида не умеет разговаривать долго, сейчас это у нее пройдет.

– Приму к сведению.

– Не примешь. Ты ведь гордый, как… он, – блекло улыбнулась Зевсу, который шел к ней от самого высокого костра. Волосы младшего полыхали, будто был полдень. – Как все Крониды. Я надеюсь только, что ты поймешь это вовремя – пусть даже примешь эти мысли как свои.

Отвернулась, протягивая руки Зевсу – тот снял ее с колесницы как пушинку, хотя Фемида была его выше на полголовы. Дочь Урана и Геи побрела туда, где виднелась стройная фигура Афины – та ни в какую не согласилась пропустить битву…

Зевс подошел ко мне.

– Ну, что скажешь, брат?

– Хороший выбор, – сказал я, кивая в сторону Фемиды.

Молчаливая, мудрая и враз не проглотишь – где еще такое

сокровище найдешь.

– А про битву?

– На рассвете.

– Посейдон тоже так говорит. Драконы уже там, а значит, и остальные скоро подтянутся – этих тварей не очень-то удержишь, бросаются на свежее мясо. Ночью они не полезут: чудовища у него – из ночных, но великаны, лапифы и титаны лучше видят при свете. Пожалуй, что как раз к колеснице Гелиоса нужно ждать.

Выглядел кроноборец отменно: и не скажешь, что пару дней назад по его голове четырежды прогулялась секира. Глаза сияют, щеки горят – будто на свидание, а не в бой.

– Так и будем сидеть и ждать, пока к нему подтянутся все?

– Аид, да ты же не хуже меня знаешь… мы можем пойти вперед. Вырезать этих драконов, двинуть армии к Офрису… только дальше – леса и болота, и в такой местности у них десятикратное преимущество. Нужно встретить их здесь.

В самом деле – что я как маленький, сам же лет тридцать назад эти доводы младшему и излагал.

– Хоть бы ночь была короткой, – Зевс хотел прибавить что-то еще, потом кивнул и зашагал за Фемидой.

Тратить время на сон в такую ночь кроноборец явно не собирался, а я потерял сон то ли три, то ли четыре ночи назад. Только выпряг из колесницы четверку: пусть отдохнут хоть несколько часов перед боем. Потом прихватил хлену[10] и забрался на холм, возле которого стояли наши шатры,– самый высокий на поле, с лысой каменистой макушкой.

Запах полыни волнами шел снизу – похожий на пыльный аромат времени.

«*Хочешь – побеседуем с тобой, невидимка? Самое оно – поговорить перед первым настоящим боем с собственной судьбой*».

«И что скажешь?»

«*Желаешь – сказку тебе расскажу?*»

«О чем?»

«*О войске Повелителя Времени. Прикрой-ка глаза. Вспомни, чему я тебя учила: если постараться, можно увидеть что угодно. Смотри. Слушай…*»

Смотрю в темную даль, которая – не так уж темна и не такая уж даль. Слушаю тишь, которая – не такая уж и тишь…

Огнистые вспышки – пых-пых-пых – это драконы, никто не знает, где их кладки, никто не знает, почему эти твари служат Повелителю Времени. С одной головой, с двумя, с семью, есть такие, что голов за полсотни, но эти – редко… С алмазными когтями, в плотной каменной броне, половина выдыхает огонь,

некоторые так просто очень кусачие…

«*А вон там великаны, это от их шагов подрагивает земля. Слышишь, невидимка?*»

Слышу. Выплодки первых титанов, а иногда и самой матери-Земли, отростки гор, с гор и спустились, на дубины себе выворачивают целые деревья, мозгов – с кулак, а злости – с два Олимпа у каждого. Племен немного, все больше в одиночку живут, явился я как-то в одно южное племя знакомство завязывать – спасибо четверке, удрапали от такого знакомства. Аластор, Эфон, Никтей, Орфней – сроду так не носились, будто поняли приветствие вожака: «Ну, этого в лепешку, а кони – это хорошая похлебка получится!»

«*Тс-с… это подземные твари, маленький Кронид. Рассказать тебе о них?*»

Я сам могу о них рассказать – навидался за время сидения в отцовской утробе… Из глубинных пещер, из болот и трещин в земле, из вулканов – выползают чудовища, порожденные неизвестно кем: их родители нечасто хвалятся таким родством. Гидры с пятью, девятью, двадцатью головами, крылатые змеельвы, каменные волки и родственники Гелло, девушки-змеи с когтистыми руками, охочие до чужой крови, – откуда столько наползло на зов Крона? Говорят, что многие – из подземного мира, обители Эреба и Нюкты, места обитания ночных богов и теней умерших, куда никто по доброй воле не сунется. Вышли, мол, из тамошнего огненного мрака и ядовитых болотных испарений – может, так, я в этот мир не спускался, не знаю…

«*Это лапифы… это демоны и мелкие божки, вставшие на сторону Повелителя Времени… нет, неинтересно… ах вот, титаны…*»

Во тьме и запахах полыни бредут высокие фигуры.Дети Урана и Геи. Потомки детей Урана и Геи. Шагают решительнее всех – усмирять бунтовщиков. Грузный Менетий тащит осколок скалы, Атлант едва ли не касается макушкой неба и усмехается брезгливо: не по душе ему битва, на уме – жена и дочки. Титий, сторукий гигант Эгеон, вещий Япет – этот кажется, вообще просто посмотреть, он же утверждал, что соваться в битву не будет, потому как вещий… Кто помладше, пониже ростом – тех знаю не всех, хотя кое с кем встречались и оставили друг другу хорошие зарубки на памяти: я – мечом, они – палицами и копьями.

«*Смотри, маленький Кронид. Слушай меня…*»

Ночь была муторной и длинной.

Утро зато выдалось на славу: Гелиос твердой рукой отпихнул с неба сестрицу и решительно позолотил своей колесницей небосклон. Полынь умылась росой и приглушила запах – травы

смотрелись в бледную синь неба.

Травам не было интересно, что совсем скоро они будут примяты двумя войсками, испятнаны разной кровью – черной, алой, прозрачным бессмертным ихором.

Ничего, пренебрежительно молчали травы, – отрастем.

Афина стояла чуть позади отца – и все-таки впереди остального войска. В центре. Прямая как стрелка, гордая и не собирающаяся оглядываться на лагерь, где осталась ждать встревоженная Фемида. Нипочем не скажешь, что перед рассветом дочь Зевса совсем не по-взрослому носилась по лагерю, одурев от чувства грядущей битвы, и изматывала солдат: «А где вы расположитесь? А разве рядом с кентаврами не сатиры? А я бы их не ставила рядом, они же друг друга не выносят…»

Посейдон решил сражаться пешим, стоял теперь справа от Зевса, опираясь на копье. Секиру он после памятных событий видеть не мог.

Я был на колеснице – слева.

Время, чтобы занять любые позиции, у нас оставалось: Кроново войско медлило на своей стороне поля – притекло за ночь, качнулось было навстречу с первыми проблесками зари – да так и остановилось, затопталось на месте. Крона не было видно: над головами лапифов возвышались лишь гибкие шеи драконов, торчали великаны да титаны.

– Залипли, – процедил Посейдон, потрясая копьем. – Поняли, с чем столкнулись, что ли?

И в ту же секунду неровная кромка воинов Крона на том конце поля дрогнула. Земля задрожала под тяжкой поступью великанов. Колыхнул небеса боевой клич титанов, и воинственным ревом за спиной отозвались кентавры.

Когда до столкновения осталось совсем немного, мы, не сговариваясь, секундно вскинули глаза в небо: то ли чтобы не видеть перекошенных рож великанов, то ли удостовериться, что наша клятва – Жертвенник – не до конца растворилась в утреннем свете…

В небе над Олимпом, задевая крыльями облака, парил орел.

– Хороший знак! – сказал Зевс радостно.

…первый бой мы позорно проиграли.

[1] Никтей – от Никта, Нюкта – ночь.

[2] Эфон – жгучий, Аластор – мстящий, разрушающий, Орфней – тёмный.

[3] Тельхины - вулканические божества морской глубины, были волшебниками, изготавливали оружие и предметы искусства. Обитали на острове Родос.

[4] Лабрис, лабрисса – двойная секира.

[5] С учетом того, что за века Титаномахии рельеф и названия местностей Эллады значительно изменились, часть названий вымышлена автором.

[6] Нот, Борей, Эвр и Зефир – сыновья титана Астрея, боги ветров.

[7] Пифос – крупный керамический или глиняный сосуд, предназначенный для хранения продуктов.

[8] Амфора – сосуд из глины или бронзы с узким горлышком.

[9] Лавагет – командующий войсками, военачальник.

[10] Хлена – теплый плащ из шерстяной ткани, обычно им укрывались в походах.

Сказание 4. О подземном мире и начале настоящей игры

Здесь, за глухим порогом, Не слышен волн прибой. Здесь места нет тревогам, Всегда царит покой… Созвездий мириады Сюда не шлют лучи, Ни радости беспечной, Ни скорби быстротечной – Один лишь сон, сон вечный Ждет в вечной той ночи.

Л. Суинберн

Спотыкаюсь. Мысль сцепляется с мыслью, память, что свободно лилась до сих пор, хлестала черным потоком, похожим на воды Амсанкта, словно загустевает и не хочет показать себя. Мнемозина, видя выражение моего лица, отступает от меня бесшумно… ты куда, я же только начал! И серебристых листьев вокруг нападало не слишком много, и черта не подведена, и все закончилось, и теперь я могу позволить себе все, что угодно – даже вспомнить тот день.

В конце концов, в кладовых моей памяти завалялась сотня-другая воспоминаний похуже, и мне придется вытащить и их, вытряхнуть пыльный покров, сплетенный из гнева, ненависти, горечи…

Придется – если хочу, чтобы для меня все действительно кончилось.

Чтобы за плечами не было хотя бы памяти.

Чего мне стесняться? Мы были молоды, даже я.

От чего отворачиваться? То поле пропиталось ихором и кровью наших союзников века назад, а теперь на нем сеют и жнут смертные, радуясь богатым урожаям. Боги, если и бывают возле него, проходят, не вспоминая…

…тысячи тел. Движущиеся: сатиры и кентавры живучи, и агония их покидает медленно. В этом почти неестественная гармония, в хрипах и стонах – почти что песня. Все брошены всеми: никто не добивает противников. Никто не подбирает союзников. Войска чудовищ частью перебиты, частью – отозваны Менетием, своим предводителем, мы…

Сбежали.

Отступили, – приходится поправлять себя мысленно. Нет, просто ушли, потому что кулак Ананки, который ударил по нам, был слишком тяжел. И не было сил обернуться и глянуть на тех, кто умирал из-за нас.

Мы были молоды.

Мы начали слишком рано.

Мы все равно победили – века назад, и горластые смертные аэды насоздавали песен, треплют Титаномахию на каждом углу, а Аполлон воспевает наши подвиги на Олимпе, аккомпанируя на златострунной кифаре, да так – заслушаешься.

Правда, Фемида, если присутствует на таких пирах, кривит губы и морщит нос, будто от кифары Сребролукого несет тухлятиной. Но не говорит ничего: знает, что боги просто не умеют петь о собственных поражениях.

Слишком велико искушение сказать себе: это было давно и неправда, мы победили, мы великие, мы…

Может, люди когда-нибудь сделают это за нас?

Тишина падает ко мне на ладонь листиком, кованным из серебра, смыкается над водами Амсанкта погребальным покровом.

Ты отвернулась от меня, Мнемозина?

А я все равно не могу забыть.

Говорят, что победа пьянит – поражение пьянит хуже. Оно бьет в голову без веселья, шумит, как молодое вино в мехах, раскачивает мир и под конец сжимает виски торжественной болью похмелья.

Мы все были пьяны хуже сатиров – проигрышем.

Вожди, лавагеты и рядовые солдаты – правда, на долю тех еще перепали раны, потому им досталось меньше этого чувства…

Словно в глотку тебе насильно залили вино пополам с желчью Ехидны. Пьяный яд, гремучая смесь: горячка битвы еще не остыла в жилах, и пальцы сжимаются в кулак – мол, как же так? Нет оружия?

А оружия нет, потому что – бессмысленно. Не на кого. Там все мертвы, кто не мертв – в агонии, и незачем вождям наблюдать за тем, как мрачные боги подземного мира пируют, вырывая тени из тел.

Вождям положено сидеть в тронной зале их отца – то есть, конечно, в их совместно-собственной – и переваривать обед потяжелее своей жены.

Поражение. Блюдо, обильно приправленное горечью бессилия и яростью от сознания того, что этого не может быть.

Женщин не было: они занимались ранеными. Кроме Афины, но она была и не вполне женщиной. Не сняла даже доспехов и сидела тут же, правда, поодаль от нас, кусая губы и время от времени пристукивая кулаком по коленке. Юная дочь Зевса так предвкушала этот бой – наверное, рисовала его себе как-то иначе…

Жеребцу отменно досталось, он приковылял сюда, сильно припадая на левую ногу и держась за бок, но с ранеными остаться

не пожелал, уперся: «Я с братьями». Теперь сидел и молча пил – глядя в одну точку, чуть приподнимая чашу, словно приветствуя кого-то, кто был виден только ему. Лицо у Посейдона было сосредоточенное и чуть ли не торжественное. Видимо, ему непременно нужно было разбавить желчь поражения – вином.

Младший никак не мог успокоиться. Он то цепенел на своем троне, то сыпал приказаниями, потом сам понимал, что все запоздало… бормотал что-то себе под нос – сыпал планами. Затем вскакивал и расхаживал, будто рвался назад, на поле боя – и нужно было удержать непослушное тело, удержать… Иногда начинал говорить – горячечно, перескакивая с темы на тему, вспоминая, что вот тот-то царек оказался трусом, а этот предателем…

Я снял доспех и закутался в гиматий. Кровила рука: располосовало шипом на хвосте какое-то отродье. Прямой бронзовый меч работы тельхинов, который я взял себе из оружейной, остался на поле боя – осколками, после столкновения с секирой неизвестного мне титана. Лабрисса младшего тоже была зазубрена – я смотрел на ее рукоять, которая высовывалась из тени.

В голове, среди болезненной пустоты, бродило одно: «Мы рано начали».

– Две тысячи… – бормотал Зевс, в очередной раз срываясь с трона, он будто задался целью измерить шагами зал во всех направлениях. – Откуда у него? Все донесения… вся разведка, союзники…! Когда он мог успеть?!

– Да эти твари плодятся каждый день, – сипло отозвался Посейдон. – Только мясом подкармливай.

– Плодятся… а ты куда сунулся?! – только и ждал, чтобы – новую жертву. – Ведь было же обговорено: резерв, не лезешь… у них же на флангах лучники! Полез…

– Да я тебя выручать полез. Тебя как раз окружили, а там великаны эти, а Аид со своей колесницей позади завяз…

– Без тебя выбрался… а! – младший махнул рукой и развернулся ко мне – отыскал новую цель. – А ты… ты вообще… как ты сражаешься?! Как тебе вообще в голову пришло – телом, как смертному?!

– Как учили, – угрюмо отрезал я, трогая рану на руке. Нужно-таки перетянуть гнусную царапину: от запаха ихора уже поташнивать начинает.

– Учатся смертные! Умеют и выбирают – смертные! Ты должен – желать! Приказывать! Повелевать! Бить не телом или оружием, а своей сутью, нутром, мощью, которая за тобой! Ты знаешь, что нас – рожденных после титанов – называют богами?

Ты вообще, представляешь, что такое быть богом?!

Наверное, не сидеть, завернувшись в гиматий и прислушиваясь к постанывающему телу. Впрочем, раз уж появилась возможность ответить…

Поднял глаза, суженные в недобром прищуре.

– Ну и расскажи мне, как это – быть богом. Пиры устраивать? По нимфам шастать? Жен глотать? Строгать детей?! Хороший способ найти союзников!

Зевс молча рванул в тень за лабриссой, а Посейдон подскочил, опрокинув сиденье – и стал между нами, подняв руки, покряхтывая от боли. Чашу он выпустил из рук, и вино опрокинулось, образовав на полу лужу цвета смертной крови.

– Обоим уши надеру! – громыхнул Жеребец, делаясь пугающе серьезным. – Не посмотрю, кто старший, а кто кроноборец! Боги, не боги… мужиками будьте! Проиграли? Проиграли! Первый бой? Это только первый бой. Значит, что-то надо делать иначе, союзников больше находить или еще что. Значит…

Он умолк, согнувшись и прижав руку к пробитому копьем боку – грудь тяжело вздымалась. Зевс, который так и не успел схватиться за секиру, подошел, приобнял брата за плечи, помог вернуться на место. Проговорил, глядя в пол:

– Если он сейчас перейдет в наступление – нам не отстоять Олимп. После сегодняшнего поражения потеряем половину союзников, и как их вернуть… кого еще звать… Я не ждал, что у него окажется столько.

– Никто не ждал, – отозвался я.

Младший кивнул – да какой младший… Постарел он за этот бой. Заострился, как бронзовый меч, закаленный тельхинами. Вон, скулы выступили, со мной сходство проступило. Или с отцом.

А все-таки – юнец, и борода расти как следует не желает. Пусть себе – взрослая дочь… да и вообще, сколько у него уже детей? Сбился со счета. Все равно юнец. Да и все мы…

Мы рано начали.

– Нужно время.

Неверно, младший. Время сейчас против нас, послушное руке отца. Отец вертит им, как хочет, и дни мчатся вокруг нас сумасшедшей круговертью: он успевает набрать союзников, вооружить армии, расплодить чудовищ – мы успеваем в десять раз меньше…

Нам нужно то, что перекроет все его преимущество во времени.

Или же нам нужно *наше* время – отвоеванное у отца – чтобы найти это средство…

– Его даст только перемирие.

Я поднялся, со скрипом расправляя гудящие мышцы. Кажется, в этой круговерти дней мы случайно забыли, что молоды: всё упивались возможностью почувствовать себя повзрослее. Зря. Молодость хороша тем, что редко играет по правилам, она презирает правила, установленные стариками, – а старики под грузом многолетней мудрости не могут даже вообразить, что кто-то способен выйти за рамки.

– Отец не пойдет на это… – начал Зевс, потом тряхнул головой, хмыкнул и заявил весело: – Ну, значит, сделаем так, чтобы пошел.

Молодость хороша уже тем, что умеет *играть*. Старость умеет только выживать и сражаться.

Идти к дверям приходилось медленно, но с каждым шагом мышцы разогревались, вспоминали привычное… быстрее, быстрее…

– Аид, ты-то куда сейчас?

– Туда.

– Зачем?!

Это Посейдонов голос – пораженное бульканье, подавился вином, значит. Средний прост. Проиграли – ну, проиграли. Чего ж возвращаться и смотреть на последствия?

Мы же боги!

– Со знакомым повидаться.

Захлопнул дверь, за которой осталась тишина в лице двух моих братьев.

Хватит играть по отцовским правилам! Хватит действовать по любым правилам – пора их создавать! Так поступают боги, верно ведь, младший? Боги поступают, как я сейчас – идут, на ходу перетягивая глубокую царапину на руке, не внимая стонам, которые несутся со всех сторон, – все покои и коридоры дворца забиты ранеными союзниками. Идут, глядя прямо перед собой и видя только свой путь, отстраняя с него нимф и богинек, которые бегают туда-сюда с чистыми полосками тканей, травами и нектаром… Идут и думают о том, что есть только – цель.

А средства к ней мы будем подбирать сами.

Гелиос – титан по натуре, вот для него и есть правила вроде «нельзя мне вместе с тьмой».

Я же…

Я задумался и не заметил, как шагнул на поле, с которого еще так недавно унесла меня колесница.

Живое поле.

Живыми были совы, коршуны и вороны, которые собирались со всех окрестностей – пировать. Застилали начинающее темнеть

небо. Пикировали на трупы, временами сцепляясь между собой. Нажирались до такой степени, что не могли потом взмахнуть крыльями и ходили, странно переваливаясь с боку на бок, изредка отрыгивали проглоченное – и тогда уж спешили, чтобы набить брюхо опять. Шелестящая крыльями масса.

Мухи и осы тоже были живы – кружили неровными тучами, устилали мертвецов черным смертным саваном, гудели, заглушали хрипы и стоны.

Их было много – хрипов и стонов.

Их было еще немало – живых.

Сатиров, и кентавров, и нимф, дриад и людей века Серебряного, неразумных смертных, принявших нашу сторону по глупости.

Тех, кто умирал под нашим чутким руководством. Или нет, тех, кто оказался в этом месиве под нашим чутким руководством – в грязи, израненных копьями, пронзенных чьим-то бронзовым мечом, со стрелой в животе, с лезвием секиры, которое вгрызлось в плоть; придавленных тушей чудовища. Умирать они должны были теперь – когда никто не пришел, чтобы подобрать их, когда новые господа жизни трусливо отступили, бросив союзников, а Гелиос спрятал свое лицо за тучей: он оставался на нашей стороне и не хотел этого видеть.

Слышать.

Проклятий вперемешку со стонами хватило бы, чтобы отравить самый воздух. Кто-то из еще живых заметил меня – и к проклятиям прибавилась мольба и еще что-то невнятное… надежда на то, что это все ошибка, их спасут, о них позаботятся…

Никогда не задумывался над тем, что такое надежда, знаю только, что она живуча. Теперь знаю еще: она ослепляет. Ждать помощи от меня?

Я прошел мимо мольб, и стонов, и проклятий, и карканья жадного воронья. Мимо разбитых колесниц, воткнутых в землю копий и рассыпанных стрел. Встал там, где уже стихали предсмертные хрипы: три или четыре кентавра лежали рядом и умирали тоже рядом, изломанные двухтелым великаном, который распластался, истыканный стрелами, неподалеку.

Прикрыл глаза в прищуре.

Приблизились хрипы и стоны, сложившись в особую музыку – под глухой аккомпанемент гудения, карканья, уханья, клекота паразитов. Музыка проигранной битвы: кого-то рвет кровью, кто-то пытается пошевелиться, вот чей-то свистящий вдох…

Почти гармония.

Из которой время от времени вычеркивают ноты.

Смолк один хрип – на северной окраине поля. Почти тут же –

на востоке, где лежал резерв Посейдона, выкошенный лапифскими лучниками. Шелест крыльев – это коршуны спускаются на еще теплую добычу. Шелест других крыльев – тот, который я хочу услышать – железных…

Тонкий, холодный свист клинка в застывшем воздухе бранного поля. Единственный клинок, который звучит после того, как все битвы уже закончены. Благословение для тех, кто измучен слишком сильно и зовет обладателя этого меча по имени, умоляя сжалиться, не подозревая, что ему недоступна жалость…

И взлетают в воздух отсеченные мечом пряди волос – тут же в воздухе растворяясь. Символы того, что ты нынче тоже – отрезанная прядь. Иди себе бледной тенью, ищи мир, где тебя примут как своего и дадут успокоение.

Тени появились первыми – недоумевающие, глядящие на покинутые ими тела. Потом из мглы выступил меч – сверкнул на востоке, затем ближе к центру, едва слышно взвизгнул над каким-то сатиром…

Появилась фигура. Исчезла. Появилась. Каждое исчезновение – жизнь, то есть, смерть. Срезанная прядь волос. Новая тень.

Он работал не оборачиваясь, и я не видел его лица – мне и не было нужно. Лицо у него всегда говорило мало. Говорящими были глаза, но вот глаз рассмотреть не удавалось, потому что в мою сторону он не смотрел. И рядом не появлялся. Не мог не знать, что я здесь, – но не появлялся.

Я ждал, вслушиваясь в гармонию боли, где становилось все меньше и меньше живых нот и все звонче звучало воронье. Кентавры рядом со мной уже не могли ни молить, ни проклинать. Скоро двое перестали хрипеть. Значит, ждать осталось недолго.

Мелькнуло лезвие совсем рядом – срезая прядь с головы у гнедого. Рванулось лезвие у меня в руке – на перехват. Меч я подобрал, не присматриваясь к нему, просто вынул из руки у вот этого же самого гнедого…

Железо столкнулось с золотистой бронзой.

– Радуйся, Убийца.

Он поднял меч и отступил на шаг, не пытаясь, впрочем, исчезнуть.

Чуть покривились плотно сомкнутые губы: «Чего тебе, Кронид?».

«Пришел спросить, куда ты пропал после нашего освобождения. Я ждал вас с Гелло, а вы исчезли на полстолетия».

«Тебе-то какое дело? Ты со своей семьей. Ты бог».

«Ты тоже».

«Нет».

Обвел рукой поле, на котором у него нынче вечером так

много работы по милости армий отца… по нашей милости.

«Боги не рождаются в наказание этому миру. Ты знаешь, кто рождается. Я не бог, это знают все. Спроси, кто такой Танат, – и тебе ответят: чудовище. Чудовищу не быть среди богов. Они смотрят на нас с отвращением, они считают себя выше нас… Может быть, правильно считают. Дай мне продолжить мою работу, бог».

«Не зови меня так».

«Как мне звать тебя?»

«Как раньше. Ты навещал меня в отцовской утробе. Ты учил меня драться на мечах. Мы вдвоем удерживали Посейдона…»

Он глядел с хмурым недоверием. Я протянул ладонь, кладя на нее лезвие меча.

«У нас с тобой кровь одного цвета, Танат. Хочешь – смешаем ее?».

Меня пока не называют чудовищем. Но скоро, наверное, назовут – если я и дальше буду избегать пиров и общества нимф. Слова «угрюмый» и «неуживчивый» уже приклеились ко мне упрямыми пиявками – волочатся, куда б я ни направился. Меня это не тяготит.

У нас с тобой много общего, Убийца.

Дернулись губы, и зябко зашелестели железные крылья за спиной Таната.

– Побрататься с тобой – значит побрататься и с остальными Кронидами. Я не настолько чудовище. Такая жертва мне не нужна.

И потом уже привычно, глазами: «О чем ты хотел попросить меня, невидимка?»

«Мы сражались и проиграли».

«Я видел. Я все время был здесь – много работы… Ты, кстати, бездарно дерешься».

«Нам нужно время».

«Вам нужно перемирие, долгое и мучительное, на которое ваш отец все равно не пойдет».

«Не пойдет, если мы продолжим себя вести как он. Как воины. Как зрелые мужи, которые играют по установленным правилам».

«Значит, хотите воевать как мальчишки?»

«Да – потому что когда мальчишка получает по носу, он не стесняется спрашивать совета у тех, кто мудрее его. Не боится искать союзников в игре там, где никто бы не стал…»

Танат прикрыл глаза. Потом приоткрыл – блеснул вопросом: «Чем я могу тебе помочь?»

– Проведи в подземный мир, – сказал я вслух. – Хочу

поговорить с Эребом и Нюктой.

* * *

Это чудесно – дружить с чудовищем. Бог, человек, сатир – кто угодно бы разразился визгом: «Ты пришел ко мне только чтобы проникнуть в мой мир! Ты меня используешь!»

В Убийце начисто отсутствовала подобная чувствительная чепуха.

«Пошли», – сказал он, пожимая плечами.

Чего там, мол. Легко. Нюкту не обещаю, она вон сейчас на небо колесницу выкатывает, а поболтать с Эребом – всегда пожалуйста. Ты ведь помнишь, Кронид, что только безумный осмелится беседовать с первобогом, олицетворяющим Неизбывный Мрак?

А как же, помню. И с Лиссой-безумием я знаком не понаслышке: она после памятной встречи от меня на карачках куда подальше уползает и всякому встречному-поперечному доказывает: «Этот и без моей работы ушибленный».

А еще молодость склонна к отчаянным поступкам.

Сразу я, конечно, в подземный мир не сунулся. Отоспался, зарастил раны, пару раз навестил Левку, дождался, пока появится определенность: отец собирает войска для штурма Олимпа, Офрис – кипит от подготовки, затевается что-то грандиозное…

Тогда решил – пора, других путей нет. Поколебался на мгновение: сказать ли братьям?

Не сказал.

Гелиос готовился выкатить на небо свою колесницу, когда я явился к указанному Танатом месту: мысу, который сейчас носит название Тэнар.

Вдалеке, недовольное чем-то, шипело море, кусало берег пенными бурунами. В шум волн вплеталось почти такое же недовольное ржание: словно из волн набегали на берег попастись табуны лошадей. На самом деле это исходила обидой моя квадрига[1], оставленная у последней чахлой рощи, которая встретилась по пути.

С неохотой расступались скалы – древние, выветренные. Старались впиться осколками в сандалии. Удержать. С каждым шагом мир словно выцветал, и даже небо над головой из бирюзово-голубого стало сперва дымчато-опаловым, а потом блекло-серым, с легким налетом голубизны. Камни выпили тепло и радость из солнечных лучей, и лучи скользили по ним равнодушно – бледные, медлительные…

Убийца ждал неподалеку от того места, где скалы разевали темный зев, приглашавший спускаться. Он стоял у небольшого озера с черной водой. Крутые берега озера были голы – ни

признака растительности.

– Амсанкт, – сказал Танат вместо приветствия. – Последняя черта перед входом.

Мертвое озеро, казалось, больше принадлежало тому, что *за* входом. Всем своим видом оно показывало, что наполнено не водой, но густым мраком.

Ни бога, ни озерных нимф у этого водоема не было – то ли умерли в незапамятные времена, то ли ушли куда-то, а скорее просто никто не пожелал здесь поселиться.

Дохнуло легким холодком – мимо двигалась тень высокого кентавра. Кентавр брел понуро, заплетаясь всеми четырьмя ногами, на ходу повернул голову, взглянул на Таната, простонал что-то и поплелся внутрь – в расселину.

Других теней не было видно.

– Мало умерших, – заметил я. Убийца пожал плечами. «Ты сморозил глупость, невидимка, – сказали его глаза. – Откуда быть умершим?»

Ах да, смерть нынче занята. Выступает проводником для непутевого сына Крона, который за полвека ни разу не удосужился спуститься в подземный мир.

Впрочем, есть те, которые дольше живут – а не спускались. Об этом месте долетает немногое, но ужаса этого немногого вполне хватает, чтобы боги или смертные не рвались сюда ради простого любопытства.

Спуск начался сразу же, как мы шагнули в расселину. Не было ступеней: каменистая, неровная тропа, затхлый воздух и базальт по обе стороны и над головой. Тьма. Ничем не подсвеченная и ничуть не тревожащая, потому что в утробе отца было потемнее… Впрочем, та тьма была живой, дышащей, злобной, а эта – мертвой и настороженной.

Хотя разве мертвое может быть настороженным?

Тишина, которая сперва нарушалась только шорохом наших шагов, наконец начала разбавляться плеском воды и холодком. Медленно из полной тьмы выступил каменистый берег, облизываемый ледяными – на расстоянии чувствовалось – водами. Сложно было угадать, откуда и куда несет свое тело эта река, но казалось, что вода здесь по какой-то важной причине. В ней чувствовалась суровая целеустремленность, обычная для древности.

– Стикс, – негромко уронил Танат.

Я слышал о титаниде этой реки от Посейдона. Тот – от ее отца Океана. Сказано было так: «Если уж нужны вам союзники – я бы вот Стикс попросил, но…» – «Что?» – «Боюсь».

Глядя на реку, неспешно и раздумчиво движущую вязкую

воду с запада на восток, впору было понять, чего так испугался древнейший Океан.

Другого берега не было видно. Над рекой изгибался древней ковки мост – единственный источник освещения. Тонкий, легкий и сам по себе мерцающий лунным светом, он не отражался в ледяных водах – зато позволял видеть их и чувствовать ежесекундно, что ты сейчас в них свалишься. В хрупкие перильца, готовые рассыпаться от одного прикосновения, были вмурованы адуляры – лунные камни.

– Работа Циклопов? – спросил я. Танат пожал плечами. Может, ему не доводилось видеть других произведений подземных ковачей, которых Уран заточил в Тартар. А может, просто было все равно.

Тьма начинала редеть – нет, просто становиться багрово-оранжевой. По правую руку появилась черная, отполированная скала. По левую так и плескали воды Стикса: река опоясывала подземный мир не один раз. Ворота, через которые свободно могли въехать пять колесниц, были зажаты между черной водой и скалой. Бронзовые створки оскалились мордами псов, посверкивали рубинами глаза в тщетной ярости. Ворота стояли нараспашку, и от них уходила скалистая тропа. Пустая. Коварная и короткая.

Распласталась под ногами, приглашая идти вперед, а потом вдруг закапризничала, вильнула влево и уперлась то ли в холм, то ли в курган, то ли в подобие сторожевой вышки. Танат кивнул – поднимаемся. После недолгого подъема выпростался и сказал негромко:

– Гляди.

С не очень высокого холма подземный мир можно было увидеть едва ли не весь: мы стояли на вершине чаши.

Чаши, многократно опоясанной черными водами Стикса.

И довольно скудно освещенной – если бы мне могла мешать темнота.

Багряный сумрак клубился под сводами, временами переходя в огненный полумрак – вот и вся разница. Огонь и тень соперничали друг с другом на необозримых просторах, но сильнее всего была власть огня у самого сердца видимого мне подземного мира. Там вилась полыхающей цепью огненная река: выходила из жерла вулкана на севере, широким рукавом опоясывала высокий остров и уходила на юго-восток, перечеркивая равнину неровной полосой, распространяя во все стороны притоки и огненные ручейки. Это не было потоком лавы: вода горела, словно факел, мириады факелов, и в этом свете легко можно было рассмотреть черный дворец на том самом

острове, который обвивала огненная река.

– Обитель Эреба?

– В кольце Флегетона? – Танат кивнул на реку. – Крона. Он начал строить тут три десятилетия назад. Готовился к войне.

Дворец и без того говорил, что его хозяин готовился к войне. Крепкостенное сооружение с могучими башнями и бойницами для лучников. Недостроенное.

Я не видел обители отца на горе Офрис, но понял, что вижу перед собой творение одного архитектора.

– И?

– Начал строить. Потом перестал.

– Почему?

Убийца повел крыльями. Весь его вид говорил: «Крона спроси».

Огненный Флегетон дотягивался до юго-востока и там вливался в другую реку – суровую с виду, зажатую между каменистыми, гористыми берегами. Вспышки Флегетона гасились ревущей, безумствующей в своих оковах водой.

– Ахерон, – подал голос Танат. Проследил мой взгляд и добавил: – Севернее – Коцит.

Коцит, выходя на свет из северо-восточной равнины, разрывался надвое, коварно змеился на восток и на север и делил свои воды поровну, между Ахероном и Стиксом. Большую часть реки нельзя было рассмотреть из-за плакучих ив, нависших ветвями над водой. Вид у той части, что открывалась обозрению, был донельзя унылый, но о Коците, реке скорби и плача, я уже успел услышать. Не ждал другого.

На юго-востоке, между Стиксом и Коцитом простирались угрожающего вида болота – Стигийские, как мельком поведал мне Танат. О них я тоже слышал – как об обители чудовищ. Взгляд отметил еще несколько дворцов, вулканов и озер, но задавать вопросы я больше не стал: искал глазами конечную точку нашего пути.

Она нашлась легко, стоило только взглянуть на север. Место, от которого отступил пурпур огня – безусловная тьма, в которую, сколько ни вглядывался, ничего не видел. Пятно неразбавленного мрака.

Вход в великую пропасть, порожденную Хаосом и Геей на заре времен – Тартар. Место плена первенцев Земли – Циклопов и Гекатонхейров, которых вверг в Тартар Уран-Небо из-за их уродливости и мощи. Вечное узилище, из которой Крон не пожелал освобождать братьев, хотя мать-Гея и просила…

Тюрьма первозданной силы.

Место, через которое лежит путь к дворцам Ночи и Эреба.

Тартар – глубь из глубей, о котором пока еще никто не мог сказать: нечто это или ничто?

Я молча спустился вслед за Танатом с возвышения.

У ног сонно всплескивала неширокая речка, не замеченная ранее. Мирные хрустальные воды приглашали: зачерпни да выпей. Убаюкивали. Приглашали сесть под один из белых высоких кипарисов, что росли по берегам, – и отрешиться… не думать… не помнить…

Я передернул плечами, отворачиваясь от невинного водоема: у водоема начисто отсутствовало дно. Прозрачность уходила в необозримую, затягивающую глубину, где можно было при надобности потопить Олимп.

– Лета, – негромко пояснил Убийца. – Река забвения.

В молчании мы миновали высокую белую скалу, из-под которой брала свое начало Лета. На камне выделялись вырезанные письмена – смысл, как и язык, оказались для меня тайной, но вот почерк…

Словно вывела знакомая рука. Легкая и насмешливая – та самая, что сейчас из пустоты похлопала по плечу. Молодец, мол. Славно придумал – прогуляться по подземному миру. Шагай, невидимка.

А уж я тебя направлю.

Едва заметная тропа уходила от белой скалы в сторону огненных вод Флегетона. В этом направлении мы с Убийцей и двигались, не сворачивая больше и не глядя по сторонам. Неприветливо посматривал сверху темный свод. Время от времени под сандалии ложился низкорослый цветок с бледно-золотистыми лепестками – чахлый, из непонятных побуждений поднявший голову посреди тропы.

– Асфодели? – спросил я. Убийца пробормотал что-то невнятное. Кажется, мне не следовало уж слишком увлекаться местными растениями…

– А то получишь утешение!

Белое свалилось сверху. Зависло над головой, приязненно хлопая крыльями. Оглушило стуком пестика о дно ступки, которую держало в руках. Перестало на секунду мельтешить перед глазами – и прояснилось в русоволосого юношу в светлых одеяниях, со светлыми же крыльями.

Красавчик, источающий неразбавленное дружелюбие, от которого хотелось спастись в пасти Тартара.

И совершенно дикие черты лица, нет, то есть, черты-то нормальные…

Но на месте Убийцы – я взялся бы за меч, проучить белокрылого. Чтобы не крал чужие лица, а если уж украл – нечего

над ними так издеваться.

Улыбаться, показывая зубы, широко раскрывать опушенные густыми ресницами глаза, пропускать в каждую черточку приветливость…

– Что смотришь? – хихикнул. – Я – Гипнос-Сон, сын Эреба и Нюкты. Брат-близнец Чернокрыла, только ты уж, сделай милость, не путай нас, а?

– Разберусь, – процедил я.

Смех Гипноса слился со стуком пестика о дно ступки.

– Не перетрудись разбираться. Радуйся, Аид, сын Крона! Это ведь ты, так? Ну, кого б еще Чернокрыл приволок. А я все думал – когда ты спустишься… А почему пешком? Братец мог бы тебя и на крыльях подкинуть – или не додумался?

Судя по взгляду, Убийце как раз хотелось испытать на близнеце свой клинок – чтобы не смел изображать улыбающуюся смерть в белом.

– А давай я, а? А то вы так к следующему веку доберетесь. А я у нас в семье… ну, самый легкокрылый, что ли!

Расправил крылья – крепкие, белые, гладкие, в полутьме кажется – даже светятся. Маховые перья одни к одному, на таких – легче пуха взлетишь. Полюбовался. И бросил выразительный взгляд на железную ношу за плечами брата-близнеца.

– Ногами дойду – не рассыплюсь.

– А вот это зря, – порхнула легкая улыбочка по лицу. – Тон такой зря. Я ведь обидеться могу – вот и обнесу сонным настоем. Или в глаза брызну не вовремя…

– Гипнос, – голос Убийцы упал железной болванкой в гагачий пух. – Чего тебе?

Белокрылый близнец смерти перестал стучать в ступке и задумчиво принюхался к настою внутри.

– А на Кронида старшего посмотреть. А то на спящего за столько лет еще не налюбовался… Да мать меня послала, мать! Сказала – проведешь, покажешь-расскажешь. Ну, может, не сказала, я сам напросился, ты же неразговорчивый у нас, а гостю надо узнать о подземном мире.

– Узнаю без тебя, – отрезал гость, не считаясь с чувствами обидчивого Гипноса.

– Ага, – неожиданно легко согласился тот.

Совсем занятой стал: в ступке толчет, по сторонам не смотрит, брови аж свело от серьезности дела – это ведь не что-нибудь, это маковый настой! Перетолчешь – будут спать слишком крепко, недоготовишь – проснутся усталыми…

Толчет.

Не улетает, зараза.

Убийца махнул рукой – мол, все. Теперь уже и не улетит.

Благодарность первобогам – если хоть молчать будет…

Вилась неширокая тропа, тревожимая разве что ногами бесплотных теней. Тени мелькали справа и слева: бродили по полям, среди цветков асфоделя, по временам наклоняясь и погружая лицо в тусклое, мертвое золото лепестков.

Цветы мерно качали головками и с готовностью отдавали запах – горьковато-сладкий, поднимающийся от венчиков густыми волнами.

«Куда? – стонали вдогонку цветы. – Зачем? Здесь покой… Хорошо… Тревог нет… Спокойно…»

Сердце молчало в ответ: оно с некоторых пор прочно настроилось на ритм «Будет. Будет». А ноги слушались асфоделей охотно: ногам хотелось уйти с тропы, утонуть в бледно-желтом море, подкоситься – чтобы все тело окунулось в волны утешения…

– …ого, как тебя корчит с непривычки-то. Мы уже и не чувствуем, а если кто-то извне заходит… хотя кто к нам сюда заходит? А если кто-то заходит – во второй раз не суется. Вот и ты – небось, в первый и последний раз?

Болтовня Гипноса впивалась в мозг, летала и звенела в нем назойливым комаром, разгоняя утешительный дурман, курящийся над полем.

– Вообще-то это для теней. После того как выпьют из Леты, – получают утешение на этих полях. Скитаются тут. Им не надоедает.

Дорога шла чуть под гору, и асфодели заслоняла война между мраком и огнем – пылающий вокруг острова и дворца на нем Флегетон притягивал взгляды. Огонь, коварный лис, напрыгивал на мрак, словно приглашая поиграть – и после вспышки укладывался назад.

– А это Темные Области – асфодель на них не растет. Ничего на них не растет – даже плакучих ив нет. Горы, скалы, равнины, долины – все вперемешку.

Тонкие огненные ручейки – притоки Флегетона – пронизывали ладошки равнин, танцевали вокруг холмов. Стремились к отцу как очень рыжие змееныши. Основная тропа вела к дворцу на острове, и нам пришлось покинуть ее. Взяли восточнее: справа, за полоской асфоделей и частоколом унылых плачущих ив, кипел и булькал огненным кольцом Флегетон. Слева, за парой полянок все тех же бледно-золотистых тюльпанов оказались Темные Области – мешанина фантастических ландшафтов.

Гладкая, будто стесанная скала… брошенное кем-то в

незапамятное времена колесо. Какой-то колодец, холм, под которым лежит камень, кандалы, шипы…

– …узнать, почему к нам не напрашиваются в гости? Ха? Вон видишь Харона? Во-он шагает старик, в пыльно-сером, даже отсюда видно, что рожа невозможная. Старший братец, кстати, по отцу и по матери. Вот если ты к нему обратишься «Радуйся!» – он спросит, что ты тут забыл. Только слова подберет другие, чтобы ты уж сразу понял: что бы ни забыл, искать тут нечего. Единственный, у кого на моей памяти характер страшнее, чем у Чернокрыла – а что ты хочешь от того, кто родился сразу старым?! Вот и ходит тут… вообразил, небось, себя местным стражем или кем еще, все равно ведь делать нечего…

Длинная костистая фигура застыла на противоположном берегу Флегетона, и дыхание огненной реки мотало вправо-влево длинную седую бороду.

Пронзительный, настороженный взгляд чувствовался телом и не пропал, когда Харон, дитя Эреба и Нюкты, исчез с обрыва.

Впрочем, взгляд чувствовался и раньше, как только мы вступили в мир мрака. Смотрело здесь все. Щурился глазом с огненными прожилками надвигающийся Флегетон – проверял на прочность. Зазывно моргали Темные Области: а ты не к нам? А ты зайди. Ты только нам скажи – а мы с радостью…

А что с радостью – этого моргать не хотели.

Недостроенный дворец – базальтовая глыба – смотрел тоскливыми окнами-глазами бездомного пса: «Не за мной?»

Ждал хозяйской руки.

– Харон – он вроде Гекаты… ну, хотя не в такой степени. Ты не знаком с Трехтелой Гекатой? И не надо. Одним лицом улыбнется, а у меня крылья подламываются – ведьма… Богиня колдовства, то есть. И еще скажи спасибо, что под вуалями прячется, а то я как-то посмотрел на нее без покрова – ну и… три дня пестик удержать не мог – все смертные бессонницей мучились…

Через Флегетон переправлялись на крыльях: Танат стиснул поперек груди, звон металла перешел в низкое шелестение, потом вовсе пропал звук – когда нужно, крылья Смерти бесшумны. Огненный поток дохнул приветственно в лицо, хотел было ударить пылающим вихрем, поостерегся, выпустил вместо этого столб пламени, но так, чтобы не задеть.

Крылья Убийцы, когда он поставил меня на землю на том берегу, казались раскаленными докрасна, текли по спине жидким пламенем, хотя на деле это были лишь отблески.

Мы оказались на том обрыве, с которого следил за нами седобородый Харон – еще одно возвышение, с которого можно

было увидеть мир. Правда, не весь, но все же…

Взгляд теперь упирался в спину, я обернулся и послал навстречу свой – над Флегетоном. Вновь увидел бледно-желтые пятна асфоделевых полей, Темные Области – комнату игрушек для Лиссы-безумия…

Тусклым клинком мерцал Стикс, ожерельем модницы серебрилась невинная Лета под высокой белой скалой…

Сколько длился наш путь? Мне казалось – несколько часов, но такое расстояние не преодолеть и за несколько дней. Или здесь не чувствуется время, как в отцовской утробе?

Или здесь нельзя ходить, как ходят на поверхности?

Я повернулся, чтобы увидеть грязно-бурые пустоши Стигийских болот – их большей частью закрывали скалы, между которыми, зажатый, бесновался Ахерон.

Сгибались плакучие ивы к водам Коцита – то ли напиться, то ли выплакать жалобу…

– Кто создал это? – спросил я, прерывая трескотню Гипноса о том, как буянят Циклопы в недрах Тартара.

Бог сна потерял на секунду улыбку, и наконец поверилось: Смерть и Сон – близнецы.

– Отец. Эреб. В давние времена. Никто не знает, прибегал ли он к помощи Геи или еще кого-то… Мать говорила, когда-то он хотел тут править.

– Почему не стал?

Гипнос пожал плечами уклончиво, вновь разулыбался.

– Увидишь – спроси. Только Предвечный Мрак редко позволяет спрашивать. А уж отвечает…

– Мне ответил.

Пестик, которым Гипнос неистово долбил дно ступки, замер.

– Он заговорил с тобой, Чернокрыл?!

– Не заговорил, – отрезал Танат. – Ответил.

– И что сказал?

– «Он – слишком я, но не полностью я».

Опять стало слышно, как под пестиком трещат и лопаются маковые семена.

– И как это понимать?

Танат пожал плечами – нет, передернул. Взглянул туда, где раскрывала хищный ощер Великая Бездна. От Тартара нас отделяла обширная каменистая равнина, кое-где усеянная осколками скал. На восток от равнины лежали бескрайние поля асфоделей, с других сторон ограниченные Коцитом, Ахероном и Флегетоном.

Расстояние было не намного меньше того, что мы уже преодолели, а Гипнос наверху прямо лучился желанием

продолжить беседу.

«Что он пристал? Раз он весь такой легкокрылый – летел бы… к друзьям своим».

«У чудовищ редко бывают друзья, невидимка», – в глазах у Убийцы мелькнула невеселая усмешка.

«А он разве…?»

– А я тебе про стигийских жильцов рассказывал? У-у-у, слушай…

Вот уж точно этот легкокрылый родился в наказание миру. Сравнить братьев – я б еще поспорил, кто из них чудовище.

Танат, видимо, устал выносить близнеца и решил сократить путь. Снова встал за спиной, подвинув хмыкнувшую Ананку.

Свел крылья, закрывая нас двоих.

Когда железные перья перестали касаться лица, перед нами, на расстоянии вытянутой руки зиял вход в Тартар.

* * *

Пасть.

Клыкастая: скалы по краям торчат кривыми и бритвенно-острыми осколками.

Разверстый ход в бездонную утробу распахнулся во всю ширь, приглашая то ли шагнуть самому, то ли швырнуть хоть что-нибудь, кого-нибудь…

Утолить вечный, грызущий изнутри голод.

Великая Бездна без остатка поглотила брошенный в нее взгляд, ухнула разочарованно: только взгляд. Вот если бы сам шагнул…

Впервые тьма была одноцветной, непроницаемой и густой: наклонись, ладонью зачерпнешь. Да нет, куда там – зачерпнуть, она тебя за эту ладонь внутрь и утянет…

К духоте, которая царила в подземном мире, примешался внезапный озноб, хотя холода не было и в помине – только ненасытный голод.

И взгляд, хотя разве может смотреть пасть?

Может.

Жадно, пристально, изучающе. Насмешливо: что – посмотреть пришел? Пришел узнать, что я такое? Ну, так как теперь, Кронид – знаешь?

Пасть, казалось, сейчас вывернется наизнанку, обнажая самую утробу, прорастая чернотой, являя изнанку тьмы…

«Знаю, – шевельнулись губы. – Ты – небытие».

Вечная загадка: как может существовать то, чего нет? Как небытие можно запереть скалами, схоронить в недрах земли? Как оно может уживаться хоть с чем-то – испытывая при этом вечный

голод?

– Гекатонхейры и Циклопы… – зря заговорил, Тартар втягивал в себя и звуки, и голос получился – сиплый, слабый.

– Да, – ответил Танат.

А Гипнос, на которого не действовало даже присутствие под боком жуткого оскала Бездны Бездн, прибавил, хлопая белыми крыльями:

– Буянят иногда оттуда – здесь слышно. Ревут. Тесно им там, что ли.

Тесно… плавать в вечном небытии, в густой каше мрака… Уран-небо надежно упрятал своих первенцев – можно ли выйти отсюда без помощи извне?

А с помощью?

– Вот ведь сосед, – жизнерадостно заметил Гипнос и оттащил меня от края бездны. – Всегда считал, что мать для дворца выбрала самое место. Правда, первобогам или, скажем, чудовищам Тартар не так страшен: Ехидна вот как к себе домой шастает, правда, ходят слухи, что они какие-то родственники. А меня как-то… сбивает с легкокрылости.

Бог сна беззастенчиво врал: легкокрылости в нем хватило, чтобы отравить мне весь путь к скалистому дворцу Нюкты.

Он располагался там, где заканчивался мрак Тартара, но куда не смела подступиться огненная полутьма подземного мира.

Тут, на хрупком пограничье, царствовала прохладная ночь, и темнота была темно-синей, отдавала густо-фиолетовым, лоснилась как шерсть пантеры.

Глыбы базальта уходили вверх, рисуя стрельчатые окна и узорчатые стены. Камни переплетались с тенями в неестественной гармонии, стремясь украсить извне жилище первобогини.

Поблескивали драгоценными камнями двери, кованные из серебра. Мегарон казался необъятным и тоже был усыпан вмурованными драгоценностями: оглянись – и окажешься посреди звездного неба.

По ногам задело прохладой: то ли черный, влажный туман, то ли почти невесомая ткань, отлежавшаяся в холоде…

– Не наступай на мое покрывало, малыш.

И не поспоришь: это для кого-нибудь наверху ты – Аид Угрюмый, старший сын Крона.

А у нее глаза глубже Тартара и улыбка старше Океана, для нее – во дворец забежали мальчишки, друга маме представить.

Прошла-проплыла мимо, обдав шелестом вечно темных одежд и запахом свежести. Мимоходом потрепала за крыло Гипноса:

– Сынок, мир уже заждался вечерней дремы, а ее все нет, разве ты хочешь оставить смертных без сна?

Мелькнули белые крылья: был бог сна – нет бога сна.

– Уйди, – с Танатом она разговаривала не глядя. – Зачем явился? Тебе было сказано…

Мелькнули железные крылья: был бог смерти – нет бога смерти. Этот, правда, хоть посмотрел напоследок.

С тревогой, если только меня не обманывают глаза.

– А теперь идем со мной, малыш. Нам будет уютнее в другой комнате.

Комната и правда была другой. Комнатушка, где места с трудом хватало для стола и двух кресел. Проклятое покрывало заняло в ней весь пол, лезло под ноги: не захочешь, а попадешь стопой в искристую ткань.

За одной из тонких стен комнатки ворочалось и вздыхало что-то непомерно огромное.

– Не суди меня за тон в разговоре с сыном. Так получилось, что я не хотела его… – пауза, – видеть. Дай мне посмотреть на тебя, мальчик. Я почти не знакома с твоей матерью, но хорошо знаю отца и бабку.

Голос похож на покрывало, стелящееся под ноги: неуловимый, обволакивающий… Легкие пальцы касаются щеки.

– Да, Крон постарался хорошо… тебе говорили, что ты похож на него?

За тонкой стеной то ли захрипело, то ли засмеялось, будто видеть могло.

Вот она Ночь: стоит. Стройная, мягкая, нежная, коварная. А перед ней нахохлился мальчишка и посматривает исподлобья.

Хоть ты ему финик дай, чтобы не дулся.

– Похож – особенно когда смотришь вот так. Забавно.

– Ты ведь враждуешь с Кроном?

– С чего ты взял, малыш?

– Ты родила ему в наказание Гипноса, Кер, Немезиду и прочих…

Стены, кажется, растворяются. Шуршит покрывало на полу, движется, обволакивает тканью камни, комнаты нет – мы сидим в ночи на горном уступе. И слова долетают легким эхом, и тяжко дышит дремлющий вулкан…

– Об этом просила меня Гея. Когда сын стал правителем – она ждала: вдруг он одумается. Хотела, чтобы он выпустил Циклопов и Гекатонхейров из Тартара. А вместо этого он сам стал тираном, наподобие его отца. Разве могла я отказать Плодоносной? Впрочем, если бы я знала, что явится в мир…

Глаза у нее – еще более звезды, чем у той… Реи. Лицо почти

сливается цветом с покрывалом и кудрями. Вот она встала и движется – медленно плывет, обволакивая, завораживая…

– Но это я, малыш. А вот что привело в подземный мир тебя?

– Мы сражались и проиграли. Я хотел просить совета у тебя и Эреба…

– Мой муж? – оглянулась на стену, за которой по-прежнему слышалось мерное, хриплое дыхание. – Мой муж теперь почти все время спит. Время его юности прошло. Я не советовала бы тебе его тревожить, и отвечает он только тем, с кем сам хочет говорить. Может быть, я смогу дать тебе ответ, малыш? Расскажи мне о том, что вы решили.

А что мы могли решить? Везде трупы, у всех – пораженческие настроения, а Крон вот-вот возьмет Олимп.

– Нам нечего решать: мы потеряли войско. Нужно время. Нужно что-то, что даст нам перемирие не менее чем на век, но Крон не пойдет на это. Он раздавит нас, пока мы не набрали силу.

– Да, Повелитель Времени таков… – Нюкта воркует, мурлычет, скользит. – Так значит, ты решил просить совета и не побоялся спуститься за ним в подземный мир?

– Чего мне бояться?

– Кто знает, малыш… тем, кто приходит сюда – все равно, за чем, – всегда стоит чего-нибудь бояться. Скажи, как ты находишь то, что увидел? Нашу обитель теней и чудовищ, пристань для тьмы и смерти, куда не проникают лучики света?

Оперлась на маленький столик, подалась вперед, обдавая холодком и запахом свежести. Смотрит прямо в глаза.

– Интересное место. Чья воля направляет его?

– У этого места своя воля, малыш. И толком о ней не знает даже мой супруг, – опять принялась кружить по комнате, не спуская глаз. – Твой отец тоже сказал – «интересное место». Может быть, ваше сходство простирается так далеко, что ты уже знаешь ответ на то, зачем пришел сюда. Скажи мне, малыш, чего хочет Крон?

Ответ родился легко – из прохладной тьмы покрывала на полу, мерного дыхания Эреба за стеной, нашептывания Ананки…

– Убрать нас с дороги, пока мы не стали реальной силой.

– Хорошо. А теперь правду.

– Он хочет победы. Абсолютной победы. Чтобы у нас не осталось даже шанса когда-нибудь встать на его пути.

– Хорошо, малыш. А теперь скажи мне, чего он боится.

– Боится, что с абсолютной победой может и не выйти. Он не знает наших сил. Он опасается…

– Кого?

– Судьбы. Крон боится исполнения пророчества. Он не знает, есть ли у нас в запасе еще какие-то силы… оружие. Он боится припереть нас к стене, потому что знает, что из слабости может выплавиться сила. Если бы он мог – он победил бы, не вступая с нами в единоборство.

– Из тебя получится хороший лавагет, малыш. Ты мыслишь как военачальник.

– Но у нас ничего нет. Ни оружия. Ни сил. Если Крон решится и двинет войска…

– Значит, нужно сделать так, чтобы он не решился. Увлечь его призраком абсолютной победы. Поместить мечту на расстоянии вытянутой руки. Превратить Повелителя Времени в мальчишку, гоняющегося за солнечным бликом на лугу…

В сонных хрипах за стеной звучала мечтательная насмешка.

– Но как это сделать?!

– Есть такое средство, которое позволяет превратить кого угодно во что угодно, – мягкая рука легла на плечо, провела по подбородку. – Оно может поколебать самую твердую уверенность. Воздвигнуть замок в воздухе, а из храброго воина сделать червяка… О, это страшное оружие, старший сын Крона! Пожалуй, серп твоего отца – и то менее опасен… Хочешь – я расскажу тебе о нем?

– Какова цена?

Улыбнулась – белая полоса на смуглом лице, глаза засверкали совсем близко.

– Цена за то, чтобы познакомиться с моей дочерью Атой[2]? Я не потребую от тебя ни даров, ни услуг, ни даже клятвы. Просто скажи мне, малыш… когда я позову – ты откликнешься?

Предатель-взгляд дал ответ за меня. Вышвырнул короткое «да» – в глаза великой первобогине. И прохладные губы, растянувшись в улыбке, выдохнули возле уха – единственное слово, название страшного оружия:

– Молва…

* * *

– Восемь голов! – взвизгнул заполошный голос за дверями мегарона.

– Двенадцать! – не согласился бас.

– Чудо-о-о-вище! – закатился истошный женский визг во внутреннем дворе.

Грохотали копыта кентавров. Бряцало оружие. Гулко топотали по коридорам испуганные союзники. Дворец гудел обезумевшим ульем, весть перекидывалась быстрее огня: ползет… ползет же!

– А кто ползет?

–У тебя голова дырявая, что ли? Ата же, дочь Нюкты!

– А чего это она ползет?

– Ну, ведь чудовище же! Так и ползет! Брюхо – желтое, и когтями помогает…

– Ага, я еще слышала – и рожа страшнее, чем у Таната!

– Цыц! Нашла, кого поминать.

– И огнем дышит!

– Не дышит, а плюется! Ползет и плюется, а следом братец – жизни пожинает…

– Ой, спаси нас Зе-е-евс… А зачем она… сюда-то?

– А кто ее знает – чудище подземное. Наверное, с Кроном в союз вступила. После того поражения…

– Ой, что будет…

– Мне это не нравится, – тихо сказала Гестия, трогая меня за плечо. – Не нужно было ее принимать.

Молва расположилась в роскошном кресле (для особо почетных гостей, работа союзников с Лесбоса!). Прислушивалась к творящемуся за дверью и одобрительно кивала. Кокетливо поправляла на округлом плечике легкомысленную фибулу[3]-стрекозу.

– И когда успела? – буркнул Посейдон, разумея суету во дворце.

– Обязательно было так обставлять свое появление? – вопрос задала Деметра. Зевс ограничился приветствием и заявлением, что принимать Ату для Кронидов – честь. Сейчас он молчал, оглядывая пухлую богиню обмана – будто проверял: а если ее… как Метиду?

Хотя нет, уж очень кругла – в горло не пролезет.

– Нет, о дочь Крона, необязательно, – голосок у Аты – щебет веселой пичужки. – Но ведь все должны знать об этом ужасе, а? Молва! Сама молва восстала из подземного мира и ползет на Олимп! Заключила, коварная, союз с Кроном и решила напасть на его сыновей, пустить в ход…

Она прислушалась.

– Рога! – исторгла чья-то глотка во внутреннем дворе.

– Копыта! – это вопили нимфы.

– Хво-о-о-о-ост! – едва слышный вопль долетел из западной части дворца.

Мальчик, стоящий возле кресла Аты, едва заметно вздрогнул и пугливо обернулся по сторонам. Барашек – светлый, кучерявый, из голубых глаз, кажется, наивность вот-вот выплеснется.

– Она же сюда не доползет? – спросил богиню обмана шепотом, подергав за край скромной синей хламиды[4].

– Где ей, дурынде, тут же кроноборец, – усмехаясь, ответила

она. Мальчишка вперился в Зевса с сумасшедшей надеждой.

На лицах Деметры и Посейдона так и оставалось недоумение, но Зевс кивнул – не переставая хмуриться. В самом деле, все узнают о таком ужасе. До самого Крона на Офрисе донесется, что дочь Нюкты теперь на его стороне, поднялась из недр и спешит пакостить Зевсу (всеми копытами и головами, что есть в наличии).

Кто поверит после этого, что Ата могла явиться на Олимп так?

Явиться – под утро, когда Эос-заря, вооружившись кисточкой и румянами, неторопливо наводила лоск на небеса – готовила их к встрече с золотой колесницей брата. Заря не пожалела ни золота, ни коралловой пыли, ни кармина, ни легкой бирюзы для оттенков – и внутренний двор, где объявилась богиня обмана, казался прозрачно-розовым, а щечки самой Аты горели двумя зрелыми персиками.

Прийти – будто только отлучалась с Олимпа. Дружески потрепать по плечу какую-то нимфу. Засунуть нос в котел, из которого таскали варево прихлебатели-сатиры – вкусно. Пошептаться с ранеными, которых до сих пор полно в коридорах.

Кто поверит – если ее и не заметили?

Может, только мальчишку этого вспомнят, он-то своими глазищами (не глаза – два луга в колокольцах) всех подряд очаровывает. А уж в сочетании со слегка потерянным видом…

Ну вот, Гестия не выдержала: шагнула вперед и взяла мальчика за руку.

– Я могу показать тебе наш сад. Хочешь?

– Ой, правда? Очень! А ты немного похожа на мою маму. У меня мама – Гея…

Зевс подождал, пока Гестия уведет ребенка и их голоса заглушатся воплями: «Ой, ползет-ползет!»

– Гея? – переспросил он.

– Гея, – кивнула Ата, устраиваясь на кресле поудобнее. Голос ее сделался глухим, а лицо вытянулось и стало высокомерным, будто она собиралась предрекать судьбы. – Гея, Мать-Земля измучилась, наблюдая за участью своих детей. Она решила породить еще одного ребенка, из себя самой. И родила Офиотавра – безобиднейшее существо, в котором, однако, таилась огромная сила. Ведь тот, кто принесет его в жертву и сожжет на священном огне его внутренности – высвободит мощь, равной которой не знают и Гекатонхейры. Мощь эта так велика, что сможет пожрать землю…

– Или решить исход войны? – подал голос Зевс.

Лицо Кроноборца было мрачным.

– Так этот мальчик… – тихо начала Деметра. Ата вскинула брови.

– Что? Этот мальчик – сиротка, он заблудился, и я привела его к милости Зевса. Здесь о нем будут заботиться, правда? Не дадут в обиду. Не выпустят вовне, где идет война, а вскоре начнутся и поиски сына Геи, Офиотавра…

– А они начнутся? – спросил Посейдон.

Ата утаскивала со столика виноградины и делала это с удовольствием: подкрасться пальчиками… цап! Ела она их – и то не столь аппетитно.

– Начнутся-начнутся, о Неистовый! Только вот – кто знает, когда. И откуда… Слухи… они ведь сами выбирают, как летать, – цап, цап! виноградины черными шмелями влетают в пухлый рот. – А у молвы столько голов – ах, за всеми не уследить, да и кто там знает, откуда они растут…

– …прямо из брюха, тебе говорят! – к месту возмутился сиплый бас.

Женский голос в ответ выдвинул что-то совсем непристойное.

Грохнула дверь. Вихрь во плоти прошел по залу, остановившись у трона Зевса. Уже в виде Афины: покрасневшей, взволнованной.

– Отец! Мне донесли… Крон оставил свои войска! Сначала он и еще шесть титанов что-то искали неподалеку от обители Геи, теперь отправились зачем-то на Крит, в ту пещеру, где ты воспитывался. Он разослал гонцов в поисках какого-то создания с головой быка и туловищем змеи…

– А что войска? – подала голос Ата – будто сливки пролились. Афина замолчала. Повернулась к гостье, сузив в прищуре серые глаза. Смотрела недолго.

– Что делает богиня обмана на Олимпе?

Ата глаза наоборот – раскрыла пошире. Красивые, только вот миг назад карими были, а теперь – зеленые, что ли?

– Ой, мамочки. А что, Ата уже на Олимпе, да? Доползла? Со всеми своими головами и хвостами?! Ой, храни нас кроноборец!

Прицелилась, подобралась… хвать! И еще одна виноградина скользнула меж губок.

– Что с войсками Крона? – подал голос Зевс.

Афина отвечала, исподлобья сверля глазами гостью – нашла, мол, кого дурить!

– Войска в растерянности и страхе. В них ходят слухи, что у нас в руках какое-то средство, которое может разом испепелить армию Крона. Даже некоторые великаны собираются уйти в свои стойбища…

Ата наклонила голову, приглядываясь к золотому блюду: что

бы еще утянуть? Блеснула внезапной синевой глаз. Личико у нее было блаженно-отрешенным. Ну, Крон, ну, войска… мирной богине какое дело? Пришла вот на Олимп в гости, винограда покушать – а остальное…

Зевс вскочил на ноги – нет, взлетел. Закружил по мегарону, раздувая за спиной плащ орлиными крыльями.

– Посейдон, нам сейчас нужно сделать вид, что у нас и правда есть это средство. Обнаглеть. Два-три отряда, захват крепостей, воинов наберешь из резервов… Афина, все потом, дочь моя, все потом. Я возглавлю поиски… Офиотавра. Отец должен все время верить, что мы ищем его, и все время искать сам, не прерываясь… Аид, ты… ах, ты же телом сражаешься, какой из тебя лавагет, Посейдон, подучи брата, чем скорее выйдет, тем лучше, вы мне оба нужны.

– Сделаем! – радуется Посейдон.

Зевс рассыпал приказания свинцовыми шариками: разбрасывал мелкие, тяжелые слова, а брат, сестра, жена и дочь не отрывали от него взглядов.

Я смотрел на Ату. В ее глаза – черные, как покрывало ее матери.

«Здравствуй, Аид-невидимка, – говорили глаза. – Здравствуй, мальчик, который не побоялся просить совета у подземных первобогов. Я так ждала. Там, внизу, ни одной приличной игры… Поиграем?»

– За мальчиком… за мальчиком – глаз да глаз! Деметра, Фемида! Глаз да глаз! Никто никогда не должен узнать, что Офиотавр – на Олимпе! Он никому не должен назвать свое имя! Никто и никогда!

«Ты можешь не бояться, мальчик, – улыбались глаза обмана, – Крон стиснул нашу приманку железными челюстями. Он не будет отвлекаться ни на что, пока не отыщет Офиотавра, сына Геи. Разве это не прекрасная игра? В поиск. В войну. В великое средство, дающее молниеносную победу. Только такие игры и есть – настоящие…»

– Афина, дочь моя… Нам нужны войска. Союзники. Как можно больше. Рано или поздно бою между нами быть, и нужно подготовиться к этому. Хвала первобогам, время у нас теперь есть…

«А еще у вас теперь есть время. Отравленное время: в нем течет яд обмана. Но это ваше время. Можно хорошо поиграть. Поиграем, мальчик, не побоявшийся сойти в царство мертвых?!»

Кивка так и не было – зачем ей это? Был – угол приподнятых губ. Легкий прищур глаз. Насмешливый шепот Ананки в тон мыслям…

«*Поиграем*».

* * *

– Это просто! Просто, понимаешь, дубина?! Последний титан уже понял бы! Это ты! Твоя натура! Просто, понимаешь?!

Полированная скальная поверхность внутреннего двора подпрыгивает под ногами. На плиты ложится смачный плевок.

Солнце палит глаза и вот-вот заставит кожу обуглиться, и нестерпимо мечтается о прохладе подземного мира. Что оно вообще так разжарилось? Наверняка Гелиос снизил лет колесницы – посмотреть, что происходит на Олимпе.

А ничего там не происходит. Просто два юнца. Который помладше и покоренастее – бегает взад-вперед и орет. Хорошо так орет – небось, до Гелиосовой колесницы долетает.

– Ты не слышишь? Не понимаешь?! В смертные решил записаться?!

Тот, что постарше и повыше – ссутулился и смотрит исподлобья. Аж с небес видно, что недобро смотрит.

И меч у него в руке не с добром поигрывает.

Ох, поорет младший еще минутку – а потом такое начнется…

Младший готов орать до завтрашнего утра, а после – еще пару часов. Черная с просинью грива топорщится, лицо побагровело, руки в бока – и без пощады к собственной глотке:

– Чего смотришь – дырку протрешь!! Злишься? Да хоть ты тресни от злости, бей как бог! Бей!

Посейдон поднимает левой рукой щит, правой – тяжелую булаву.

Я делаю вдох – ровный, посылающий воздух в каждую клеточку тела. Меч – не взятый из оружейной, а выкованный для меня тельхинами – приятно тяготит ладонь. Неплохое оружие, щит тоже неплох – круглый, лишенный глупых узоров и украшений, подчиненный одному: защищать тело хозяина.

Посейдон все ближе. Бить будет с бокового замаха вправо – излюбленная тактика, вон рука дернулась. Уйти влево и назад, потом сблизиться, пустить в ход щит…

– Какого?!

От рыка Посейдона испуганно качнулась в небе колесница бога солнца. Нимфочка, решившая подсмотреть за зрелищем из-за колон, бессильно сползла на землю. Брат отшвырнул щит – тот высек искры из плит внутреннего двора при падении.

– Опять за свое? Сколько раз повторял тебе – приказывай?

– На кой мне приказывать, когда я умею?

– Неправильно! На кой тебе уметь, когда можно приказать?!

Гелиос точно замедлил бег своей колесницы – вот ведь

старый сплетник… Посейдон, на котором из одежды была только набедренная повязка, казался вынырнувшим из морских глубин. Мою эскомиду[5] можно было выжимать.

А волосы намокнуть от пота не успевали: их тут же высушивало ненавистное солнце.

– Ну? Чего застыл? Бей! Бей как бог!

Посейдон поднимает булаву – за щитом идти поленился.

Я делаю вдох – ровный, посылающий воздух в каждую клеточку тела…

Уклониться от свистящей булавы слева до смешного просто – обтечь удар сбоку и…

– Какого?!

Если кто-то слышит эти ругательства Черногривого – об Аиде Мрачном сочинят еще более впечатляющие слухи.

Особенно о том, что в утробе у батюшки Аид Мрачный приобрел вместо мозгов прямую кишку ишака.

– Ты ушел от удара! Это удел смертного!

– В чем удел бессмертного? Лупить напрямик изо всех сил?

– Хоть это понял… напрямик! И изо всех сил. Ни на пядь, понятно? Что бы ни случилось: копье, стрела… Стой! У тебя есть щит – этого достаточно. А теперь бей! Бей как бог!

Посейдон поднимает булаву.

Я силюсь не сделать вдоха – соблазнительно ровного, посылающего в тело раскаленный воздух…

Я в очередной раз пытаюсь забыть, чему меня учили.

Я не ухожу от удара: я встречаю его щитом.

Щит – в щепки. Рука – тоже (по первому ощущению).

Приплясывает в небе колесница Гелиоса: кони злорадно оскаливаются, отсюда видно; никогда не любила меня эта упряжка…

– А! Безнадежен…

Черногривый застонал и провел пятерней по потному лицу. От его восторга, когда Зевс попросил пояснить мне, «как дерутся боги», не осталось и следа.

Теперь вот он под нос бормочет: знаю, мол, почему сам Зевс за это дело не взялся…

– Объяснять не пробовал?

– Нет! Нельзя это объяснить, сколько раз тебе повторять?! Как дышать тебе объясняли? Как пальцем тыкать – рассказывали?! Да не смотри ты на свой меч, он тут ни при чем, нужно – чтобы дрался ты! И какое оружие ни возьмешь – все равно дерешься ты! Самим собой! Булава – это я, понимаешь? Мой приказ, который я посылаю впереди себя! Сгусток воли!

Брат тяжело зашагал к кувшинам, выстроившимся на столике

у колоннады, щедро плеснул в чашу воды, начал жадно глотать, отфыркиваясь и бормоча: «Объясни ему… как же… как баб любить – сам разобрался?».

Влажная спина перекликалась цветом с блеском моего клинка – золотистой бронзой.

– Хватит, – сказал я.

– Ага, хватит, – прохрипел Посейдон, выныривая из своей чаши. – Зевс нам двоим покажет – какое «хватит»… Тут этого Офиотавра искать по всему миру, а первая же стычка с титанами – и ты не при делах. Щит возьми мой. Становись. Бей как бог!

И опять – уклон, вздох, треск щита…

– Какого?!

– До старух-Грай[6] уже дошло – до него не дошло!

– Поднимайся! Бей как бог!

– Я сказал – как бог!

– Смотри, у меня в руках только щит! Бей!

– Это не удар!

– Вставай!

– Отдышишься, когда ударишь!

Такое чувство, что никогда не отдышусь: в груди вместо воздуха – раскаленная медь…

И солнце сверху.

И прохладная ладошка на раскаленном плече.

«*Спроси его, что для него удар. Спроси – что он сам в момент удара*».

Посейдон недоуменно нахмурился, когда я повторил вопросы.

– Удар и удар. И я как я – все вместе. Море, например, или недра земли, или вот еще лошади бывают… почему-то…

Кажется, он сам удивлялся тому, что говорит.

А мне не к месту вспомнилась птица на пограничье между водным и небесным вихрем. И трое юных богов над пропастью.

– *Я ставлю на небо.*

– *Я ставлю на море.*

– *Я…*

«*Ты понял, маленький Кронид?*»

«Да. Кажется, я начинаю понимать».

– Что застыл? Бей как бог!

– Не могу.

– Почему?!

– Солнце.

…едва открыв глаза, я упал и забился в агонии. Меня вырвали из привычного мира, утопили в красках и запахах, а она осталась там, за плечами – выпестовавшая меня…

Тьма.

Тень колонны подмигнула – передала весточку от давней няньки. От той, разноцветной, из отцовской утробы: «А я никуда от тебя и не уходила!» Тени лежали близко – от кувшинов, от колонн, от стен…

От деревьев в саду Олимпа, от самого Олимпа, от людей, в неосвещенных углах, в запертых комнатах, в подвалах… дотянуться и взять!

Мрак из углов и закутков – в мой клинок. Тьма, которую помню по утробе отца, – в мой клинок. Ночные тени, и берег Амсанкта, и блаженная полутьма подземного мира – в мой клинок…

Ко мне, к той частице, которая со дня освобождения страстно ненавидит солнечный свет, сплетни о том, что Аид Мрачный приносит с собой темноту всюду, куда ни пойдет…

Мрак в глазах. Мрак – глаза.

Мрак – все и во всем, захочу – и стану новым его оттенком…

Это он – не я. Это он – и я…

Не уходить от удара, а быть сразу повсюду, как тьма, даже когда есть солнечный свет – она здесь, свет – лишь отсутствие тьмы, лгут те, кто говорит иначе, Эреб и Нюкта родились раньше света и дня[7]…

– Бей как…

Меч ушел вперед, не дожидаясь приказа руки – сгустком тьмы.

Сотрясся Олимп от столкновения лезвия и булавы.

Нет – от столкновения взглядов!

Сущностей!

Тряхнуло еще раз – ударила мощь по мощи, сила по силе, золотистая бронза – по меди…

Три! Четыре!

Хищный оскал сам собой ложится на лицо.

Еще!

Упоительный танец на грани боли.

Солнце больше не смеет обжигать кожу: устрашилось, подалось подальше в небеса.

Еще!

В карих, расширившихся глазах Черногривого – недоумение, будто он видит совсем не того, кого ожидал. Плевать – еще!

Два оружия разлетелись в пыль, не выдержав заключенной в них мощи.

Медленно, нехотя схлынуло ощущение силы и… *связи.*

Посейдон таращился на остатки булавы в своей ладони. Лицо у Черногривого пунцовело ярче маков, из которых Гипнос

приготавливает свой сонный настой.

– Ну… – вытиснул он из груди. Подумал и добавил, – ты… – еще подумал и закончил: – даешь.

И вдруг откинул голову и захохотал. Смеялся всем телом: ртом, растрепанными, стоящими дыбом волосами, раздувающимися боками, мощной грудью…

Плиты ходуном ходили под ногами от этого хохота, а может, от того, что Посейдону из-за моей спины негромко и радостно вторила Ананка.

– Да ты ж… а говорил все: не могу, не могу… Ну, как же… И булава – вдребезги! Ну, пошли, брата порадуем – кажись, еще один лавагет нашелся. Тьфу ты, опять у тебя морда мрачная? Пошли, выпьем, что ли, брат?

Нимфочка, которая осмелилась наблюдать за нашим боем, удостоилась игривой улыбки Жеребца и с мнимой скромностью потупила глазки.

– Да что ты все… Сделай лицо повеселее, а то ведь Ата во дворце, такого на века придумают! Не рад, что ли?

Я промолчал. И не отозвался на вопрос Судьбы – тот же, что и у брата:

«Разве ты не рад, маленький Кронид?»

Радости не было.

Было стыдно.

Я бездарно дрался.

* * *

– Хорошо, – сказал Зевс, когда мой удар сбросил его в пропасть.

Младший сам был виноват. В последнее время ему лучше всего думалось именно над пропастью, к которой вел коридор прямо от мегарона. Пройди в узкую дверь, прошагай длинным, темным, ничем не украшенным коридором – и вот тебе площадка между небом и бездной. Вытесанная из скалы – отросток от костей Олимпа. Десять шагов в ширину, двенадцать – в длину. И никаких перил.

На этой площадке кроноборец и решил меня испытать: «Говорите, научился бить по-божественному? А ну-ка, где моя лабрисса…»

Лабриссе повезло остаться на площадке: славное оружие выдержало мой удар. А Зевс, когда понял, что сейчас грохнется в бездну, первым делом отбросил секиру подальше от края.

И ухнул вниз с довольной ухмылкой.

Из пропасти брат вернулся крупным сизым голубем: уселся

на свое же оружие, распушил перья и обрел нормальный вид. Серьезно кивнул мне.

– Хорошо.

– Ого, – сказал Посейдон. – Это как ты сейчас-то – в птичку…

– Несложно, – поморщился младший. – Хочешь – сам попробуй на досуге. Только на что оно – непонятно. Разве что к какой нимфочке подобраться.

По возмущенной физиономии Посейдона так и читалось: «И ты говоришь – непонятно на что?!» Глаза у Жеребца полыхали азартом – ясно же, что займется превращениями непременно и даже не на досуге…

Зевс рассматривал меня, щурясь: я стоял спиной к солнцу.

– Хорошо. Теперь за тебя я спокоен. Правда, пока силы много вкладываешь, но кто там знает, может, так и лучше, к тебе по доброй воле в бою никто не сунется…

– В бою?

– Возьмешь под начало лапифов с юга – там общим числом две тысячи, смотри, чтобы не передрались между собой – чересчур воинственны. Сатиры пока разбрелись по лесам, сам знаешь – непостоянны… Из кентавров и людей добери, сколько тебе нужно. Большую часть расположишь на горных перевалах. На равнинах возведешь укрепления. Кто знает, сколько продлится эта охота за Офиотавром… Нужно закрыть кроновым войскам пути к Олимпу. С крепостями поможет Афина. Стройте города погуще – там разберемся.

– А кем ты собираешься их заселять?

– Разберемся, – Зевс озорно мигнул то ли мне, то ли богине облаков Нефеле, неспешно гнавшей по лугу кудрявые стада. – Посейдон нынче удерживает союзников и ищет Офиотавра – вот где будут настоящие схватки!

Посейдон с опозданием приосанился. Он последние несколько минут бормотал мечтательно: «Птица – это хорошо… а если в дельфина? Или в коня? Это ж ого-го!»

– А ты?

– В стороне не останусь, брат. Без меня игра будет недостоверной – так что и к тебе… изредка, правда… и за Офиотавром – это почаще… И к союзникам.

Глаза Зевса искрились почти как волосы – пойманным солнцем. В белом хитоне, с синим гиматием – не бог, а кусок неба с облаками да и только. Один в один – старый Уран со всеми его недомолвками.

– Какое «и» ты оставил при себе?

– К тельхинам.

– За оружием?

Посейдон говорит: «Вот все в брате люблю, но за эту улыбку в морду бы съездил!» А нимфы от этой улыбки – дразнящей, игривой, загадочной – аж с ног валятся, колени у них слабеют.

– Нет, не за оружием… Аид, а ты знаешь, как появились люди Серебряного века?

Пожал плечами – откуда? Вот куда делись люди Золотого века – Гелиос объяснял.

– Их создал Крон. Взамен тех, что истребил. Может, хотел ошибку исправить, а может, решил вылепить под себя… Только он их *создал* – понимаешь? Я уже не одно десятилетие думаю: если он смог…

Здесь, на площадке над пропастью – неуютно все-таки. Небо это… солнце. Будто в пустоте висишь, а сейчас еще и тени ни клочка. Одно хорошо: кроме Ананки тут вряд ли кто подслушает.

– Понятно, – помедлив, сказал я.

«*Какой у тебя наглый брат*, – восхитилась Судьба (помянул, называется!). – *Кто бы знал, что он туда замахнется… И ты не будешь спорить, невидимка? Тебе ведь достается самая неинтересная часть. Потомки вспомнят Зевса, который создал новое племя людей – а у него получится, не сомневаюсь! Вспомнят Посейдона, который охотился на Офиотавра, отбиваясь от отрядов Крона. Припомнит ли кто-нибудь – кто все это время сидел в крепостях, строил укрепления и оборонял города?*»

«Знаешь что? Не я назвал себя невидимкой».

Обиделась. За волосы дернула. Жаль – я б еще что-нибудь умное сказал.

Например: если неинтересно – это еще не значит, что просто.

Ата встретилась мне во дворце для пленных – только на Олимпе могут построить для этого дворец! – где я пытался набрать себе каких-нибудь рабов. Прежде удавалось как-то общими обходиться, а тут – Зевс махнул рукой в приступе щедрости: «Лавагету положено».

Легко сказать – положено, как же… Рабы из пленных или перебежчиков клялись, что лучше сдохнут на месте, чем хоть шаг сделают за мной. Мелкие божки от невозможности сдохнуть скрипели зубами и смутно надеялись на побег.

А мне еще войско набирать. Если и там такое же будет…

Богиня обмана появилась из-за плеча, когда, исчерпав терпение, я взял одного из божков за грудки с твердым намерением показать, что он сейчас пожалеет и об упрямстве, и о бессмертии.

– Глупцы! – испуганный голос наполнил широкий покой. – Разве вы не знаете, с кем спорите? Разве не понимаете, что он может читать в ваших сердцах? О Великий! Пощади недостойных,

ибо они не знают главного: Зевс решил приговорить к ужасной казни всех, кто не пойдет за тобой…

Рабы позеленели. Желания подыхать в их рядах было уже не столь заметно.

– Казнить? – спросил я и отпустил божка. Тот где стоял там и сел. – Чего казнить-то?

– Жрут много, о великий, а припасы не бесконечны, – вздохнула Ата. – Пойдем же со мною: Афина и я уже позаботились, чтобы у тебя были лучшие слуги. Тебе незачем давать последнюю надежду этим отбросам.

Она еще не договорила, а отбросы уже начали присягать мне на верность. Сперва по отдельности, а там и все вместе – простершись ниц.

Я хмыкнул и покинул душный, пропитанный запахом говяжьей похлебки зал. Ата выскользнула следом, раскинула руки – и хитон ее зарябил рассветными оттенками.

– Игра! Какая это игра! Тебе ведь понравилось? Понравились их лица, когда они поверили?

– Ничего себе, – согласился я, трогаясь по скалистой дороге. Ата увязалась следом.

За несколько дней богиня обмана прочно обосновалась на Олимпе: куда ни пойдешь – а там она.

У Афродиты – заботливо подбирающая для богини любви новую прическу: «Душенька, с твоим лицом тебе, конечно, все идет, но если уложить косы вот этак – ты сияешь ярче Тириона-Дня!»

В комнатах Гестии – за рукоделием и песнями. «Ага, золотое очень хорошо смотрится на коричневом!»

У Фемиды – слушающая страстные поучения и глубоко скорбящая: «О, Хаос предвечный… знаешь, у меня ведь как будто только что глаза открылись. О, бездна Тартара – взгляни на меня, я плачу!»

В конюшнях с Посейдоном: «Хо, вот это копыта у этого рысака! Во носиться будет!»

В коридоре напротив Афины: «Настанет день – и тебя сбросят с Олимпа» – «Ну что ж, мудрая дочь Зевса, я и на земле не пропаду»…

Должно быть, она была в восторге – не счесть ролей.

Но чаще всего она обхаживала барашка-Офиотавра: «Какую сказочку хочешь? О звездах? А хочешь – о Золотом Веке? А о том, как могучий Зевс дрался с семиглавым драконом?»

В кухне, в компании нимф, среди сатиров…

Ко мне вот только не являлась, так что я ждал чего-то подобного.

«Значит, по крепостям? – взгляд растекается сочной темнотой, лицо вдруг помрачнело, заострилось. – Ну что ж – пусть. Поиграть можно и в крепости, и защищая рубежи…»

Я усмехнулся. Отвернулся, чтобы не видеть ее глаз, свернул на мраморную дорогу, которую мостила другая группа пленных. Белую дорогу с богатыми разводами, не чета гранитным плитам, которые раньше тут лежали. Под величие Кронидов.

– Не нужно играть в меня, дочь Ночи. Еще оскомина останется – не отплюешься.

Тронула локоть, мурлыкнула:

– Какой же ты хочешь, чтобы я была с тобой? Веселой? Скорбящей? Я могу быть сварливой, как Деметра, а могу звать тебя «милый» – хочешь?

– Деметры не надо. А хотя… будь любой. Главное – не мной.

– Какой ты странный. Богам, смертным, кому угодно – всегда приятнее видеть вместо собеседника свое отражение. Жесты, слова, ожидания…

– Плохо смотрят.

– На отражение?

– Да.

Поблескивало изумрудным льдом горное озерцо, вокруг которого Деметра уже успела насадить кипарисов. Мы спустились к озеру и отразились между зелеными льдинками, на фоне скалистых олимпийских уступов: я и обман в кокетливом розовом хитоне.

– Ты смотришь лучше?

– Иначе. Я вижу не то, что хочу, а то, что есть.

И уж поверь мне, Ата, мое отражение – не то, что я хотел бы созерцать дни напролет.

На другом берегу озерца трудился скульптор. Вдохновенно высекал Зевса, кого-то разящего. И все поглядывал на нашу пару с недоумением: вон, девушка себя за плечи обхватила, холодно ей, а спутник черным столбом застыл рядом и не подумает гиматий предложить…

– Значит – ты выбрал презрение? Ты, друг моего железнокрылого брата, – отвергаешь меня? Отвергаешь обман? Значит, мы не будем играть?!

– Нет, не отвергаю.

Тихие, жалобные всхлипы утихли. Ата смотрела огромными бледно-голубыми глазами.

– Но ты не хочешь обманываться, – чуть не улыбнулся – с такой правдивой скорбью это прозвучало. – Ты для этого слишком хорошо… видишь. Чего же ты хочешь от меня?

– Я хочу научиться.

– Научиться – чему?

– Лгать.

Сначала смешалась, а потом раскрылась и расцвела. Щеки и губы – розами, глаза – пышной зеленью после заморозков.

– Следи за мной, сын Крона. И постигнешь науку.

[1] Квадрига – упряжка, четверка коней.

[2] Ата – богиня обмана.

[3] Фибула – металлическая застежка для одежды, одновременно служащая украшением

[4] Хламида – короткий шерстяной плащ.

[5] Эскомида – легкий хитон с прорезью для руки, открывающий грудь.

[6] Грайи – три сестры-богини, олицетворяющие старость. На троих имели один глаз и один зуб.

[7] В греческой мифологии Эфир-Свет и Гемера-День произошли от Эреба и Нюкты

Сказание 5. О родниках Ярости, Восторга и Страха

Распахнулись врата.
И трибуны ответили воем:
Там где смерть для одних –
для других неплохая игра.
Г. Нейман

Почему тебя здесь нет, Ата?

Мы с тобой долго были добрыми знакомыми.

Мы славно сыграли – в наставники и ученики.

Так славно, что я было поверил: ты будешь со мной до самого конца. Нет, отступила, обиженно поджав губы: мол, что, невидимка, забыл мою науку?

Не забыл. Отбросил. Здесь, на черте пограничья, после окончания битвы, обману больше нет места. Пусть он – в устах аэдов, в умах других богов, в глазах смертных…

Нет места тому искусству, о котором ты говорила мне тогда с вдохновенной улыбкой: «Высшая точка лжи – это когда в нее веришь ты сам».

Я больше не верю самому себе, Ата, дочь Ночи. Я разучился правдоподобно лгать себе. Потерял верное оружие, за которым не раз тянулся до и после жребия.

И ты отвернулась от меня.

Ушла – не вынесла беспощадной правды, с которой я извлекаю из памяти воспоминания.

Утро задалось муторным. Рассвет разлился кубком крови на полнеба, солнце, поднимаясь алым ленивым диском, уронило на крепость раннюю духоту, как предчувствие беды.

Отвязавшаяся коза бродила под самыми стенами, тыкалась мордой в каменные ребра, выискивая живую поросль. Коротко рявкнула чья-то глотка – медная, луженая. Раздался лязг копья.

Полуголый мальчишка сосредоточенно журчал на стену: музыка крепости набирала силы…

А у ворот опять мечтали о бабах. Стражники на воротах почему-то всегда мечтают о бабах, хотя продажных женщин в крепости – сколько угодно. Еще иногда клянут мир: сам слышал. Что, мол, сидим тут на этих камнях, одна схватка в месяц! Вот нам бы – в настоящую битву!

– К Посейдону бы!

– Да хоть бы к Афине: слыхали, как она с тем драконом сладила? Вот это баба, понимаю.

– Еще чего? А к Зевсу не хочешь? Не с твоим рылом!

– Это что это ты про мое рыло сказал?!

– Сказал – что им только в лохани рыться!

Крепыш с медно блестящей лысиной и носом сливой начал приподниматься – защищать честь любимого рыла.

Увидел меня и вовремя сделал вид, что вставал поприветствовать. Остальные оглянулись и тоже повскакивали.

– Сидите. За ночь не было ничего?

– Волки шныряли, – подал голос самый молоденький. Он немилосердно шмыгал носом. – Два или три. У ворот. Шныряли, но не выли.

Кивнул и оставил стражу завтракать внизу. Вскарабкался на стену, вгляделся в серую гористую равнину, в диск солнца, в дорогу, которую мы загородили крепостью… нет, ничего.

– Неймется, – шепотом полетело снизу. – Который день уже…

А и правда – который?

Дошел по стене туда, где отесанные камни смыкались со скалистыми складками на теле Геи. Зачем-то потрогал холодный с утра базальт. Прикинул в сотый раз: не получится ли у кого влезть, чтобы напасть сверху? Нет, никак.

– Ну, вот теперь на свое рыло посмотри! – победно рявкнули снизу. И звук, как кулак во что-то влип.

Вечно у них с утра потасовки вместо разминки. Но теперь уже не убивают. Медные люди чересчур воинственны, но от привычки сцепляться до смерти я их отучил.

Крепость дышит пыльными каменными улицами, всей своей сотней домов: разрослась в последний год. Строилась как охрана перевала, а вот, понабежало откуда-то каких-то торговцев, селиться начали, воины из ближайших селений невест понаприводили. Может, и город будет.

А война… а какая война? Крон где-то бегает, Крониды тоже чего-то ищут…

Двое ищут. Третий черной тенью меряет переулки нового обиталища людей медного века.

– Идите уже… пока он добрый! – долетает с запахом жареного лука из дверей харчевни.

– Это? Добрый?!

– Был бы злым – давно бы уже тут все лежали. Идите!

Братец-Зевс стал у тигля на славу. Хорошие у него творения получились: здоровые, быстрые, глаза блестят. Правда, не такие мощные, как люди серебряного века, зато плодятся быстро – в создателя.

– Господин!

Лицо у воина красное, как диск восходящего солнца. Медное,

обрамленное такого же цвета усами и бородой. И, видно, это из новеньких, что десять дней назад прибыли: еще не уяснил, как со мной себя держать.

Как себя держать, если лавагет с виду моложе тебя?! Я, правда, раздался в плечах, хотя… с Посейдоном не сравнить, так что не считается.

– Мы думали… соревнования сегодня… в центре города… для всех… а?

– На кулаках, борьба, бег и на пращах. Мечи не вынимать.

А то знаю я, чем заканчиваются эти их соревнования.

Воин возвращается к своим – в луковый чад, из которого несется вопль ликования: «Я ж говорил, он добрый пока!»

Нет, я не добрый, я просто не знаю, чем заняться…

Пора бросать это место. Застрял здесь, потому что перевал важный, а на севере дела похуже. Там крепость больше, но жалуются, что соседи серебряного века совсем озверели, цены заламывают, на улицах буянят, набеги какие-то устраивают…

Строители, которые должны укреплять стену, спят брюхом кверху. Чернявый каменщик из потомков сатиров присел на двух других, ковыряясь в зубах. Прочих совсем не видно.

– Камней ждем, – пояснил снисходительно чернявый. – Скоро прибыть должны.

Духота влажной тряпкой обволокла лоб, шлемом сдавила виски. Не терплю шлемы: ни один-то мне не подходит.

Время текло вязко и противно, увязнув в утренней жаре. Зачем-то ходил в конюшню, где квадрига уже успела до дрожи в ногах запугать остальных коней. Конюхи косились страдальчески: неймется бешеному, что ты сделаешь…

Крепость проснулась, забурлила глухо, мерно. Плеснула двумя-тремя потасовками на улицах. Пришлый наемник-лапиф, пошатнувшись, толкнул в плечо. Схватился за свое плечо с криком: «Потише, рвань!»

Дальше остался недоумевать уже на стенке. Или в стенке. Все-таки непонятно, что из чего нужно извлекать.

Может, стоит панцирь надевать побогаче? Афина вон так и носится: в сияющем, парадном, работы тельхинов. В прошлый раз, когда пришлось навестить племянницу, меня какие-то обожатели близко не желали подпускать к «великой богине».

Еще все пытались дознаться, где я такую колесницу угнал.

Афина потом смеялась. Предлагала их превратить во что-нибудь на скорую руку, хотя они и так уже превратились: в зеленый студень, когда услышали, как дочь Зевса назвала меня по имени.

В доме пусто. Он стоит на возвышенности, и его даже в

насмешку не называют дворцом, хотя мегарон ничего – просторный, и колонны даже есть: ложные, кто-то от нечего делать в мое отсутствие присобачил.

Старуха-рабыня шаркает веником из засохших листьев. Проскальзывает служанка: молоденькая, темнокожая. Новенькая: еще улыбаться не разучилась. Повинуется жесту, подходит, подставляет бедро под ладонь…

Скучно. Наведаться к Левке? Был недавно. И туда лучше – ночью, когда волны играют диким серебром.

В оружейной грохот и ругательства: там складывают трофеи. Дошли у воинов руки: последний бой был двенадцать дней назад.

А может, не руки дошли, а просто интересно в оружии покопаться.

Распорядитель Хипат ругается во всю глотку. С тех пор, как попался какому-то подземному отродью, которое схрупало ему правую руку до локтя, Хипат зол на всех. Умолкает, только когда меня видит.

– Что там?

– Да щиты, – дылда-распорядитель досадливо машет на здоровенных невольников-лапифов здоровой рукой. – Все в кучу свалили. Наволокли откуда-то из наших кладовых, а говорят, что трофейные. Что я, ковки не узнаю? Это ж союзников наших щиты, копья! А…

Лапифы тупо смотрят на копья, больше всего во взглядах – желания загнать их распорядителю в глотку. Вот только про казни, назначенные лавагетом, уже прошел слушок. Своя шкура дороже.

– О камнях вести не приходили?

– А-а, это… ночью гонец прибегал, – Хипат вроде бы и мой распорядитель, а знает обо всем в крепости, за это калеку и держу. – Они там на Кронову ловушку натолкнулись. Ну, временну́ю. Потеряли одну телегу и двоих людей. Сейчас к нам как раз идут – скоро будут.

– Я встречу.

– Приказать колесницу запрячь?

– Незачем. Пройду пешком.

Однорукий кивает и начинает канитель со щитами сначала. Лапифы уже серьезно решают, что страшнее: мои казни или общество настырного распорядителя.

Плохо будет, если они на него все-таки кинутся: на двух невольников меньше. Он и одной рукой неплохо убивает.

Утреннее солнце жжет так, будто Гелиос спросонья возненавидел землю. В воздухе – медовое марево. Встречать камни со мной набирается десяток воинов – все лениво выбивают

ритм по каменистой дороге. Запеть – и то не пытаются.

Кто-то на небесах кубок с предчувствием развернул: разлито в воздухе. Идешь по дороге, будто по грани: ступи еще – и все кувырком покатится.

Откуда?

Телеги с камнями встретили – не успели час прошагать. Провожатые отсалютовали копьями на радостях, сами какие-то издерганные. Раз уж при виде лавагета оживились…

– Видели что-то?

Старший из сопровождения поморщился, утер с медно-красного лица пыль.

– Да сначала ловушка эта Кронова… потом двое наших сцепились. И волки еще крутились поблизости.

– Сильно крутились?

– Близко не подходили – и не разглядишь. Но подвывали – стало быть, волки. Провожали, тварюги!

И сплюнул в пыль.

В тот же миг тревожный крик ударил с неба, солнечным кулаком по маковке. Голос Гелиоса, второго учителя, выкрикивал несомненное: «Аид, берегись, берегись!»

А потом эти твари хлынули из-за недалеких скал.

Каменные волки. Порода чудовищ, родившихся у корней Офриса и расплодившихся быстрее саранчи.

Пыльного цвета ублюдки, в холке ниже меня на голову, шкуру не всякий меч возьмет.

В своре было не меньше сотни, катились лавиной серых валунов, только без грохота, бесшумно…

Не отбиться.

Не сбежать – на груженных-то камнями повозках с пешим конвоем!

Меч влетел в руку сам.

– К крепости! – рявкнул я.– Режьте поводья, бросайте груз!

Камней еще наберем – к карьерам шесть часов пути – а лошади наперечет…

«Бей как бог», – ласково попросила Судьба, движением ладони отправляя вперед, в бой.

За прошедшие годы наука Посейдона успела стать родной: мрак – в глаза, мрак – глаза, только собой, только своей сущностью, не уворачиваясь, напрямик и изо всех сил…

Колыбель-тьма приняла в объятия нежнее томной нимфы. Меч перековался в ножик мальчишки, который играючи рубит маковые головки: раз, и два, и три…

Но в маковых головках была та же сила, что и в мече – может, немного меньше. Каменные волки вышли из гор, из тьмы под

ними, их учили не бояться богов.

За прошедшие годы я успел постичь еще науку: даже богу может не повезти, если против него – сто голодных пастей.

Пастям плевать: бог – не бог… У пастей есть одно: голод.

Воины, не внявшие приказу и сунувшиеся в бой за своим лавагетом, давно стали кровавой кашей у ног. А ведь жаловались: послала Ананка командира, Зевсова братика. Сам ни полслова, характер скверный, а рожа – себя с похмелья так не боюсь. Хоть бы его пристукнули, что ли.

Чего лезли?

Когда легкую кожаную броню на плече пробили клыки – боль почему-то не пришла. Подумалось равнодушно: все, держал, сколько мог. Теперь главное – чтобы не в куски, за эти годы чего только не было, отлежусь…

И тут тьма-колыбель выкинула неожиданное: взорвалась лошадиным хрипом, яростным ржанием, вздыбилась четырьмя вихрями, влетела в свору обезумевшими ветрами…

Борей? Зефир? Нот? Эвр?

С чего им вступаться за сына Крона? Они же мне в лицо смеялись (Борей так точно): «Воюйте себе! А мы полетаем…»

Ветры не сминают жадные пасти копытами. Не оскаливают белоснежные зубы, не трясут гривами чернее ночи, не пахнут пронзительным конским потом…

Четверка моя! Квадрига без колесницы! Аластор! Никтей! Эфон! Орфней!

Позже узнаю: их не смогли удержать ни привязи, ни стойла: разорвали, разворотили. Охрану у главных ворот перепугали до медвежьей болезни. Чуть не смяли по пути тех, кто бежал в крепость от места битвы…

Ярость – страшнее голода. Четыре вихря скакали по головам волков, полыхая огненными глазищами, и вместо того, чтобы рычать, подземные твари начинали скулить. Четыре порождения Урановой крови – кони без упряжи – дрались рядом с кровью Крона, кровь толчками вытекала из моего плеча, заливала левую руку, и мне казалось, будто я ражу с колесницы…

Потом волки развернулись. Трусливо махнули хвостами и рванули за скалы, забыв о добыче. Кто посмелее – потащил за собой трупы своих товарищей. Матерый вожак с черной холкой подобрал в зубы собственную отсеченную лапу и нагловато затрусил за оставшимися в самом конце.

Смоляные вихри сделались четверкой коней, и я сначала застонал – потом в голос закричал, проклиная кого-то, то ли Крона, то ли хлипкие стойла и гнилые привязи…

Раны были страшны.

На боках, на спине, на холках, на бабках – следы укусов, у Аластора вырван кус мяса из шеи. Кони дрожали, покрытые буроватой, пенной кровью – наследием Урана. Орфней страдальчески скалил зубы, Эфон презрительно пинал копытами тушу волка с разбитой головой. Никтей медленно опустился на колени, пытался подняться и виновато ржал, тыкаясь мордой в ладонь своему возничему.

«Вставай, – шептал я, будто от моего шепота он правда мог подняться. – Вставай. Лучше бы меня… меня!»

В груди пекло, будто туда ткнули заостренной головней, одинокая мысль моталась в висках отрубленным хвостом волка: в крепости нет даже нектара и амброзии, до Олимпа – сутки на колеснице…

Подобрался Аластор: он хрипел из-за раны в шее. Прижался мордой к щеке, обнюхал, исхитрился лизнуть – невиданная нежность! Недоуменно фыркнул: откуда соль взялась?

Соленая вода – глупый признак слабости и смертности – ела глаза и капала с подбородка. Промывала дорожки в пыли и крови битвы.

Рапсоды сочиняют, что боги плачут иначе, чем смертные. Будто бы от их слез цветы вырастают и раны исцеляются. Будто бы благоухание от них – лучше амброзии, а на вкус слаще меда.

Не знаю насчет цветов. Раны от них точно не исцеляются. Мог бы – исцелил…

Гелиос с небес с тревогой прокричал о том, что может спуститься и помочь. Честно прокричал, хоть и неуверенно.

Эфон жалобно заржал, кося на меня агатовым глазом…

Позже я сам не понял, как очутился на Олимпе.

Да, боги могут переместиться с места на места, – говорил Посейдон. Ты знал об этом? Ага, – кивал я. Могут покрыть расстояние в день – за два шага, – уточнял Зевс. Или даже за один. А могут тучей или ветром обернуться. Ты учился этому? Не-а, – мотал я головой… Не учился – значит просто умел? Наверное, умел, – пожимал я плечами. А Посейдон разводил руками и говорил, что ладно, мол – покрыть расстояние. Ладно – что он по-божественному не то что ходить, а бить как следует не умеет, а тут прошел. Но ведь он же еще четырех жеребцов приволок с собой, это-то как возможно?!

И выходило, что никак.

Тучей ли, ветром, шагами, тенью – никак.

А сделал.

– Эй, кто-нибудь!

На Олимпе вечно все меняется. Не побудешь пару десятилетий – и все, не узнать. Площадка у дворца разрослась,

внутренний двор обзавелся новыми пристройками, да и сам дворец распух, будто утроба беременной: вот-вот дворчат народит!

А лица вообще каждый раз новые: приедешь – и оказываешься неузнанным. Вот и сейчас: мальчишка, который в скором времени обещал стать юношей, выскочил не пойми откуда, бросил: «Радуйся!» – и кинулся к четверке, будто перед ним были обычные кони.

Никтей и Эфон мотнули головами, оскалили зубы – а потом успокоились, задышали шумно, но ровно.

– Они все в ранах! – крикнул малец, не догадываясь, что только чудом остался цел. – Почему так?

Аластор хрипел и выбрасывал кровь сквозь ноздри – вот-вот упадет…

– Воду тащи! Нектар…

– Не надо нектара, дядя Аид! У меня есть хорошая мазь. Ее тетя Апата[1] принесла от своей подруги Гекаты. Когда дядя Посейдон где-то гулял, его кони тоже поранились. Он даже плакал.

Верю, Жеребец над лошадьми может… Стоп. Меня ведь на Олимпе два десятка лет не было!

– Знаешь меня?

Мальчишка уже обтирал спину Никтею, и рассмотреть его не удавалось.

– Конечно, знаю. Мне о тебе тетя Апата говорила. И тетя Гестия тоже. И еще я тебя запомнил, когда мы с тетей Апатой сюда пришли…

Выглянул наконец: глаза – два озера, вобравших всю синь неба. Белые волосы на голове – мягкими кольцами.

Сын Геи за сорок три года подрос лет на пять, не больше.

Вдвоем мы отвели четверку к конюшням: кони шли сами, только Аластора пришлось поддерживать плечом и зажимать открывшуюся рану в шее. Навстречу кинулись конюхи… куда там! Все четверо (даже Аластор) – на дыбы. Копыта – в бой, зубы – наголо: подходи, голубчики.

Пока я усмирял лошадей и пугал конюхов (долго пугать не пришлось: узнал кто-то в лицо), Офиотавр успел сбегать за мазью. Обмывали коней, поили водой с амброзией и смазывали раны – вдвоем, и сын Геи не замолк ни на миг.

– А ты приехал на охоту, да? Мне Ирида-вестница сказала, что будет охота. И псари свору готовят: лучшую. Дядя Аид, а ты возьми меня с собой: я тебе копье понесу. Или лук понесу.

– Я не лучник.

– Тогда я еще что-нибудь понесу. А то меня совсем отсюда не

выпускают. Мне даже с остальными, которые сюда приезжают, играть не дают. И на колеснице не дают. А я же хорошо управляюсь с лошадьми, да, дядя Аид? Дядя Посейдон говорит – хорошо…

Малец – прирожденный колесничий, если его не пришибла моя четверка.

Никтей приглушенно заржал от боли – ткнулся в плечо. Сын Геи подвинул к нему ведро, благоухающее амброзией.

– Ты же возьмешь? Да? А то тут скучно. А тетя Деметра мне не велит ходить на конюшню, сбегать приходится, а она ругается, ты же ей не расскажешь?

– Деметре? Точно не расскажу.

Отвык я видеть обожание в глазах. Да и вообще – видел ли когда-нибудь?

– А там, вне Олимпа, интересно, да? А почему меня отсюда не отпускают?

– Потому что там война. Ты видел когда-нибудь войну?

Посмотри на меня мальчик – и перестань спрашивать. Вот я стою, с виду – старше тебя лет на пять, не больше. С остатками слез на пыльном лице: я плакал, понимаешь, сын Геи?! Я – Аид, Мрачный Брат! Я – старший сын Крона!

Смотри на меня! Я не сплю без меча. Видишь панцирь? Забыл, когда снимал. Разводы благоуханного ихора на панцире видишь? Косой шрам по руке? Следы от клыков?

Война во плоти. Хуже Афины, которую уже считают покровительницей воинственных – успела девочка развернуться!

Хотел бы ты увидеть игру, где плачут такие, как я?

Так вот, это – еще передышка, которую мы получили за твой счет, Офиотавр, сын Геи.

– Но ведь, наверное, там не все так страшно? – ласково улыбаясь, предположил он. – Дядя Посейдон говорит: война – даже весело.

Веселее некуда.

Мальчишка еще что-то говорил, но я уже не слушал. Радужные крылья ненавязчиво показывались из-за статуи скакуна, которую кто-то умный воздвиг прямо возле конюшни. Исчезнут-появятся-исчезнут…

– Дядя Аид, ты иди-иди! – встрепенулся Офиотавр, заметив, как я вглядываюсь во двор. – Тебе же, наверное, всех-всех увидеть надо, тетя Гестия о тебе все время говорит… и тетя Апата. А с мазью я сам, тут уже совсем немножко…

Будто в ответ на его слова Никтей вскинул голову и заржал – отозвались из соседнего стойла кобылы Деметры.

В белом мраморном коне было подозрительное сходство с

Посейдоном. Глаза, грива… кажется – вот, сорвется с места, поскачет в то стойло, откуда слышны кобылы. Вон – ноздри раздул, уши насторожил, да и другие подробности… шутник скульптор, хоть и мастер.

Правда, крыльев радужных у коней не бывает.

– Что тебе, вестница?

Ирида выпорхнула из-за лошадиного крупа не сразу. Выдержала традицию – говорящую паузу. «Напросилась на свою голову в союзники – приходится с этим чумным разговаривать!» – вот и вся пауза.

– Радуйся, Аид. Собиралась к тебе лететь.

Вечно она выглядит так, будто только что с постели или сейчас заснет. Веки – припухшие, румянец полусонный, а слова-горошины из губ-стручков так и сыплются.

– Но вот, завернула сюда, на минутку, можно сказать – и тут такая удача. Какими судьбами? Надолго?

– Многими. Посмотрим.

Может, и задержусь – пока четверка совсем не оправится…

– Ну, раз мне не нужно никуда лететь – я тебе сразу передам новости? Или мне передать кому-то другому, чтобы тебе пересказали? Или завернуть позже? Ты ведь после битвы? Доложить о ней Громовержцу?

– Давай свои новости.

Ноги держали плохо, а тут еще сказались перемены на Олимпе: непонятно, как к дворцу пройти. Наросли откуда-то анфилады, алтари, храмы, а может, чьи-то жилища… Или не жилища? Вон из того, серомраморного, мычанье слышится.

Тьфу ты, да тут сараи – и те с колоннами!

Хорошо хоть, Ирида знала дорогу. Стрекотала крылышками впереди. Успевала быстро перезаплетать русую косу. И одну за другой выпаливала новости.

Крон нынче на далеком западе: услышал, что сын Геи скрывается среди лестригонов[2], а лестригоны пока не определились, на чьей они стороне, они вообще ни про какие стороны – ни сном ни духом. Кольями Повелителя Времени встретили. Свиту ему ополовинили сгоряча.

Давно пора.

Люди медного века плодятся быстрее саранчи, одно плохо – слабосильные малость. Но количеством кого угодно задавят: вон, подались на север и восток, царств каких-то единым махом насоздавали, выдумщики, так что скоро прибудет помощь…

Без тебя знаю. Мне уже лет тридцать помощь обещают, а крепости полупустые, если бы Афина не зажала свои рубежи намертво – рати Крона гуляли бы на полях у Олимпа.

Титан Океан обещал просить свою дочь подземную титаниду Стикс присоединиться к Зевсу и его братьям на этой войне.

С Океана станется сто лет просить, а потом еще сто – доносить до нас, что Стикс сказала «нет».

Зевс просил своих братьев как можно скорее прибыть на Олимп, чтобы подготовиться к небольшой божественной охоте…

Какая охота?!

– Он не сказал. Сказал – увидим. Может, на кабана. А может, на дичь покрупнее. Но просил быть как можно скорее и обязательно.

Ирида-вестница – богиня осторожная. Держится подальше: так, что прыжком не достать. Не хихикает. И все посматривает – не нальются ли глаза у Аида Мрачного чернотой?

А то знаем мы его, бешеного…

Последний посланец по воздуху ноги унес. Притом, что летать не умел сроду.

– Сам Зевс скоро прибудет на Олимп с северо-запада, – и скороговоркой, единым выдохом: – Мне что-нибудь передать?

В другое время – нашел бы, что передать. От такого «передать» не только вестница – небось, сам кроноборец бы покраснел. Но раз уж я нынче на Олимпе…

– Передай, что буду.

С облегчением фыркнула семицветными крыльями в небеса.

А дворец-то – разросся. И украшений опять прибавилось, от золота некуда деваться. Коридоры какие-то, переходы, по углам парочки целуются… Двери золотом окованные. До вечера бы бродил, если бы случайно не свернул к своим покоям.

Надо же, и мне дверь золотом оковали. Правда, с воображением ковали: вблизи – просто узоры, а издалека такая рожа, что еще и не каждый подойти осмелится.

А внутри – темнота, хоть глаз выколи. Как было.

Скинул доспех, стащил хитон – какие опасности на Олимпе! Смыл с себя кровь, пыль и пот (и остатки бессильной соли с лица).

Сон навалился сразу – видно, не сердится белокрылый брат Таната.

А то ведь дружбу вязать являлся.

И не один раз. С чашей своей этой, а потом еще с нектаром и с вином. Чудовище.

В последний раз душевно получилось. Летел бог сна по красивой дуге, а смертные внимали в изумлении…

А может, сердится Гипнос, кто его знает: в сон вплелись волчьи глаза, гибнущая в своре кроновых тварей квадрига, мой игумен[3] Эпикур: «За Зевса! За Кронидов!» – ему первому

перекусили горло… И вой, волчий вой в ушах.

Да не просто в ушах, а рядом! Жутко, надрывно, под дверью!

Действовал я в полусне, без раздумий. Привык за годы.

Раз – не открывая глаз, схватить меч, лежащий на ложе слева (положил, не забыл все-таки!). Два – прыжком с кровати.

Три – навстречу противнику, через комнату. Дверь на себя. Меч…

– Аид, Аид, что ты делаешь?!

Что я… Да ничего я. Стою, понимаете ли, в коридоре. Держу за грудки противника – почему-то Деметру. Острие меча смотрит ей в горло.

А Деметра смотрит на меня – с таким выражением, будто хочет сказать: «Ну, я всегда от него этого ждала».

А вокруг – зареванная Гестия, зареванная Ата, Афродита златоволосая… что, тоже зареванная?!

Пальцы я разжал от визга Деметры. Сестра сделала шаг назад, окинула меня взглядом с головы до ног и заорала повторно – громче.

Что за… а, ну да. Выскочил в чем был, то есть – ни в чем.

Из коридора послышалось сперва раздумчивое «Хм» Аты, потом неуверенное «Бррр!» Афродиты.

Гестия (тут только она не меняется!) задрала голову, посмотрела мне в глаза и спросила прямо:

– Аид, ты зачем вот так?

– Я говорила, что он меня ненавидит! – взвыла Деметра. – Что ты хотел со мной сделать?!

Я взвесил в руке меч и буркнул:

– Мечта всей жизни…

Собрался было нырнуть в комнату, но Деметру властно оттерла с пути Фемида.

– Его нет, Аид!

– Что? Кого?

– Мальчика!

Гестия всхлипнула. Съехала по стене Ата, горестно завывая: теперь хоть понятно, кто под дверью выл…

– Офиотавра? Во дворце?

– На Олимпе.

Вот и все. И сна нет: в голове ледяные штормы закручиваются, ветер воет, да нет, воет – это Ата, она еще и о стенку головой стучится, размеренно так – залюбуешься…

– Сейчас.

В доспех не успел все-таки облечься: Фемида чуть дверь не снесла своими пифосами, или как там Деметра выражается. А за ней остальные: ах, что я так долго вожусь? Ах, сколько можно

сандалии натягивать? Ну, какой мне щит, какой шлем, мальчика нет, я что, не понимаю?!

Плюнул, подпоясался чем-то наспех и выскочил в коридор, пока не вытолкали. Так и летел: без плаща, растрепанный со сна, зато при мече и в окружении толпы рыдающих богинь.

– Обыскали все?

– Все углы… несколько раз… я спрашивала своих дочерей – Ор, привратниц… они не видели…

– То есть, он не покидал Олимп.

– Нет, он покинул Олимп, минуя их…

Фемида еще держится, старается идти в ногу, остальные – вприпрыжку, Афродита вообще отстала, волосы поправить, и Ата со своими стенаниями где-то позади осталась.

А дворец гудит. Да если бы дворец: Олимп гудит. В каждом строении суета, нимфочки бегают, хариты осматривают покои, заглядывают в каждую вазу и под каждое покрывало: а не завалялся ли там сын Геи?

– А он не мог… через землю? Он же сын…

– Он просто мальчик…. просто смертный мальчик! У него нет никаких способностей!

Что ж ты на меня орешь-то Деметра, будто я эти способности у мальчика украл?

– Кроме одной, – тихо и строго поправила Фемида. – Он не выносит зла. Он совсем не выносит зла…

Интересно, оплеухи маленький поганец выносит как – нормально? С десяток как только найду, не меньше…

Я сам не знал, куда мы шли. Наверное, и богини этого не знали: просто покорно петляли по коридорам за мной, а вокруг раздавались крики: «А на кухне смотрели?» – «А в спальне у Афродиты?» – «Мы нашли какого-то белого мальчика: не ваш?» Я просто двигался, потому что нужно было не стоять, а нестись куда-то, сыпать вопросами…

Раз – когда парня в последний раз видели, никто не знает. Он же тихий: засмотрится на бабочку какую-нибудь, его и не заметно. Гестия присматривала за ним после полудня, потом должна была прийти Ата, Ата задержалась с Деметрой…

– Да заткнитесь уже, понял!

Два – сейчас дело к вечеру, значит, полдня мог пропадать неизвестно где. Пока обыскивали Олимп, потеряли время… Зевса нет, Посейдона нет, были бы – ко мне бы никто не пошел, а так – попался под руку, брат-порубежник…

– Ирида есть?

И эта куда-то упорхнула. Не свору же поднимать, в самом деле, как он вообще мог выскользнуть с Олимпа, куда его могло

понести, разве что только…

– Навоз! – в ужасе воскликнула Афродита, и я понял, что мы уже не во дворце, что кривая вывела нас мимо всех новопостроенных храмов, к конюшням.

Конюхи тоже искали. Старательно заглядывали то в один денник, то в другой, чесали в затылках: «А как мальца-то звали этого?» – «А так он не говорил. Все выдумывал, что Офиотавром его зовут, шутил», – «Ха-ха, Офиотавр – и на Олимпе! Малость не в себе был паренек»…

Повернулся к своей зареванной свите: все тяжело дышали, загнал я богинь по пути.

– Быстро. У кого лошади по воздуху могут идти? А, что вас спрашивать… Эй! Кто там есть, из конюхов!

Конюшни разом вымерли. Потом из какого-то стойла от хорошего пинка вылетел рыжий божок – совсем мальчишка. Плюхнулся у моих ног, поднял голову – и…

– А-ва-ва-ва…

Толку с него – все равно что с богинь этих…

– Конюшни знаешь? – кивка не разобрать, так трясется. – Чьи кони могут везти по воздуху?

– З-з-з…в-в-в…

– Братовы упряжки я знаю, их нет сейчас. Чьи кони из тех, что есть?

Я не сразу понял, что он не просто трясется с выпученными глазами: нет, он их мне за спину выпучил. Будто Ананку углядел. Обернулся…

– Мои? – озадаченно сказала Афродита. Прозвучало немного гнусаво: златоволосая зажимала носик. А уж смотрела на недалекие стойла и вовсе так, будто оттуда могло по сотне подземных чудовищ выскочить.

– Где они обычно стоят? Ну?!

– Аид!

Гестия зря воззвала к моему милосердию. Стоило конюху услышать мое имя – он лишился чувств. Правда, перед этим кивнул в сторону высокого белого строения (с дельфином над входом!) в стороне от прочих.

В стойле стояла одинокая белая кобыла. Увидела меня, захрипела, затрясла мягкой гривой, попятилась по благоухающему нектаром сену…

От моего удара кулаком в стену стойло заходило ходуном. Из-под потолка ссыпалась лепнина, а резная конская голова из мореного дуба на яслях покрылась сеточкой трещин.

– Аид? – тихонько сказала Гестия, трогая меня за руку. Прочие уже отошли на безопасное расстояние: как же, бешеный…

Я вышел во двор и оперся спиной о скользкий мрамор. Сколько же этого мрамора на Олимпе, в самом деле…

– Мальчик хорошо управлялся с лошадьми.

Кружок зареванных лиц. Хочу проснуться. Ведь даже Афродита осмелилась поднять нежно-шафранный гиматий и приблизиться, правда, нос так и зажимает.

Абсурд какой-то. Война дышит в затылок абсурдом, а из-за чего…

– Взял лошадь, поехал прогуляться. Пошлите гонца к Гее, вдруг он к ней…

Да нет, ведь не бывает такого везения. Он же приключений хотел. Поиграть. Войну посмотреть.

Что они глядят на меня, будто я куда-то нестись должен?!

– Он взял… мою лошадь?! – с кристальным удивлением, Афродита.

– Да, он мог затеряться в облаках… О, предвечные силы, да мы же даже не знаем, куда он…!

А это Фемида, с ужасом. А это Ата, опять воем зашлась, вообще хорошо.

Точно – не знаем. И пропажу кобылы не заметили, потому что мальчика искали, всех переполошили. И не догнать: если б он хоть на колеснице, а то – на кобыле! В кентавра поиграть решил, что ли? Сверху я, а снизу лошадь?

Деметра уже раздавала какие-то приказы: надо же, конюхов вокруг собрала! О том, что нужно запрячь все колесницы, собраться и обыскать окрестности… Дельно, сестра, не ожидал.

– Аид! Ты ведь тоже будешь искать? Ты ведь лучший колесничий из всех, которые здесь…

Верно, Гестия. Только вот колесницы у меня сегодня нет: моя четверка вряд ли оправилась от ран. А чужих запрячь не получится: другие кони меня не выносят.

Все, проворонили. Зевс мне голову снимет. Почему мне? А просто со всеми за компанию. Было у нас время, был обман, игра в победу была…

«*Почему ты думаешь, что сейчас ее нет, невидимка?*»

Не знаю, почему. Вообще мыслей нет. Копошатся две-три где-то глубоко – слепыми крысенышами. Что-то все о том, что вокруг Олимпа сейчас тварей всяких расплодилось… да и не только вокруг Олимпа.

– Можно было бы попросить Нефелу[4], – вздохнула Афродита. Она все рвалась уйти подальше от конюшен и сжечь свой гиматий, «чтобы не пах лошадьми». – Может, она могла бы подсказать… с высоты.

Я выругался так, что конюшня заходила ходуном по второму

разу. Кинулся бегом через двор, выкрикнул, не оборачиваясь: «На колесницы все! И искать!» И – не останавливаясь, извилистым путем мимо дворцов, акведуков, статуй, развесистых деревьев – по белой дороге, во дворец. Теперь по коридорам, колонны, опять статуи, двери, богато разукрашенные стены, и вот мегарон, а вот та самая дверь, на площадку, где Зевс пробовал мои силы... «Господин, но это место – только для уединения кронобор…» – высунулся какой-то смазливый виночерпий, – «Прочь!»

Белый клин, вгрызающийся в посветлевшее перед сумерками небо. Нефела выпасает свои облачные стада нынче далеко, и здесь только я, только пронзительный ветер, в порыве страсти кусающий за губы… И золотая колесница над головой, понижающая свой лет к западу.

Мне пришлось свистеть и махать руками целую минуту, пока Гелиос понял: его не просто приветствуют, а требуют спуститься. Потом звонко хлопнул вожжами по спинам скакунов – и огромный золотой диск пошел на меня, разрастаясь.

Хорошо, что божественные тучи всегда скрывают вершину Олимпа. А то было бы смертным зрелище: солнце зацепилось за вершину. Пристроилось во всем обжигающем сиянии ко дворцу Кронидов, будто возница в гости решил заскочить…

А на самом деле заскочить решил кое-кто другой.

– Поехали, – сказал я, прыгая в колесницу. Сияние ело глаза нестерпимо, и верная тьма, плащом укрывшая меня по моему приказу, съеживалась под немилосердными лучами. А тут еще возница: постоял, посмотрел, почмокал губами на лошадей – и как шибанет горячей ручищей по плечу!

– Сто лет не виделись! Ты почему не забегаешь?

– Война…

Плечо отшиб напрочь. Отвык я от таких приветствий.

– А, да, ты ж рубежи теперь бережешь. А Посейдон вот заходит. Ну, так что там с воронами твоими – подлечили?

– Подлечили, угу.

Земля внизу проплывала странная: плащ бродяги, наскоро прошитый кусками. Там заплатку черно-зеленую приделали, а там посветлее, а вон еще нитку пустили, серебряную, в глаза блестит…

А я еще и от солнечного блеска полуослеп. И как тут разглядишь…?

– Видел твое мастерство: ты стал лучше править. Ну, ты сам понимаешь. А до меня вот слухи долетали, что вы какого-то сына Геи ищете. Со змеиным туловом и бычьей головой. Что ж меня не попросили-то? Я бы помог…

– Спусти-ка пониже. Видно плохо.

– Можно и пониже, тут как раз на холода жаловались, вот и устроим теплынь перед закатом. Слушай, что за поветрие такое у лапифов с севера – на этих медных, людей-то новых наскакивать? Вроде как они и не мешают им… Я думал, лапифы вам союзники? Да и вообще…

– Все равно ничего не вижу. Слушай, я тут мальчика ищу. С белыми волосами, кучерявый, глаза синие… ты не видал?

Гелиос задумчиво помолчал, успокаивая лошадей: Ламп и Бройт ярились в упряжке, меня учуяли.

– Вот как, – наконец выговорил медленно. – А мальчик-то чей?

– Да какая разница – чей? Свой собственный!

– А-а, – и улыбка, но не сразу. Утюжит загрубелой ладонью блестящую бороду. – Ну, это я понимаю. Посейдон говорил, ты нимф недолюбливаешь…

– Какие, в Тартар, нимфы?! – и ведь не объяснишь, не скажешь – откуда мальчик, даже имени не назовешь. – А, ладно. Там еще кобыла белая была. Он с ней… или на ней… в общем, ищи кобылу.

Все. Слишком много сразу вывалил. Глаза у Гелиоса – с колеса от его колесницы.

– Хм… кобыла еще?!

– Да, белая. Афродиты. Так что должна быть заметной.

– Афродиты?

И ничего не сделаешь с этим титанским сыном: нормальный-нормальный, а начнешь его новостями глушить – и встречай тихое недоумение на лице и ступор. Основательный такой, хозяйственный, как все у Гелиоса.

Сплюнул ругательством под ноги, свесился с колесницы, надеясь хоть что-нибудь рассмотреть в безумном лоскутном покрывале внизу – куда там, чуть сам не вылетел. Гелиос втащил меня назад за ворот хитона, покашлял и кивнул вниз:

– Так вон же там белая кобыла!

– Где? Спуститься можешь?

– Больше не могу. Землю пожгу. Вон-вон, по лугу бегает, присмотрись!

Присмотрись… мне впору лицо руками закрыть от палящего жара, родной мрак утомился, не спасает, на ладонях начали волдыри вспухать…

Увидел наконец: носится по зеленому лоскуту белая точка. Может, мушка какая решила прогуляться взад-вперед…

– А мальчика там нет?

Гелиос покачал головой. Смотрел он озадаченно.

– Ты что – спуститься хочешь?

Вот уж о чем я не подумал, когда на колесницу солнца сигал. Теперь уже и думать поздно.

– А что толку хотеть. Я же не Зевс – птичками порхать.

– Птичками, говоришь? – хмыкнул Гелиос, кого-то высматривая в облаках. И вдруг свистнул, замахал руками: – Эй, давай-ка сюда!

Резанули воздух белые перья. Донесся маковый аромат.

А потом сразу неприятно знакомый голос над ухом:

– Ого, Аид! А что это ты делаешь у Гелиоса на колеснице? На спор, что ли? Братишка-Мом утверждает, что ты превыше всего чтишь наше подземелье, а тут… Возницей солнца, что ли, заделаться решил? Или просто компанию составить по дружбе?

– Тебя жду, – выговорил я, кивая Гелиосу на прощание.

Надо отдать богу сна должное: на землю он меня доставил. И не просто на землю, а к той самой кобыле, то есть, к той самой поляне.

И остался висеть над головой – толочь в своей ступке сонное. Вид – занятой до крайности: даже и не думай отцепиться.

Может, и не стану.

Белая кобыла шарахнулась в заросли ивняка еще до того, как мы спустились. Послышался плеск: в зарослях скрывалась речка. Ладно, пусть, нужное я успел рассмотреть: вид у лошади был не загнанный, разгуливала довольная, пожирая за неимением сена с нектаром сочную траву.

Офиотавра поблизости не было. Не было и следов: лошадиные копыта примяли упругие стебли.

Ушел куда-то в холмы, скорее всего – в холмы, здесь вся местность будто земляными волдырями набухла, а между ними – леса, ручьи и рощи… В какую сторону мог уйти? На севере лес помрачнее, вряд ли его туда потянуло, зато к западу холмы сплошь цветами поросли, речка выскользнула – поманила завитком… наверное, туда.

Гипнос увязался следом. Дурной белой ласточкой летал кругом, распугивал других птах. Еще и по ступке своей долбил с редкостным ожесточением.

– Потерял кого-то, а?

– Потерял. Мальчика. Белобрысый, с синими глазами, увидишь – усыпляй сразу придурка. Там разберемся.

Сломанная сухая ветка легла на ладонь – признаком надежды. Ну, а вдруг давно сломали? Нет, вот еще следы на мягкой поляне, будто кто-то лег и лежал в тени холма, перебирая алые цветы и глядя вверх…

– Понятно, – протянул Гипнос. – Давно на мальчиков потянуло?

– Да что с вами такое со всеми, – вздохнул я. – Посейдон со своими нимфами. Зевс с детьми. Гелиос…

– А что – Гелиос? Посейдон бабник, это я сам слышал. А я… а может, я ревную!

– Чт…

Бог сна сложил белые крылья, грохнулся в травку и скорчился от смеха. Чашку он в падении уберег, теперь баюкал ее, прижимая к груди. И еще что-то всхлипывал, вроде: «Боги и смертные, внемлите… Аид Угрюмый в ужасе… ой… я воинственнее половины титанов, меня воспоют аэды…»

– Память о тебе они воспоют, – буркнул я, трогаясь дальше. – Еще такая шуточка – перьев не соберешь.

Брат Таната приглушенно фыркнул в свою чашу.

– А лицо! Лицо-то какое у тебя было! На амфоре… нет, на фреске… нет, лучше сразу в мраморе высечь, век бы любовался.

Тоскливым предчувствием заныл левый висок: далеко впереди, за рощей, неторопливо взвивался в небо дымок. К востоку.

А едва заметная тропка – звериная, ехидная – петляя, уводила на запад.

– Дымит, – заметил и Гипнос. – Откуда бы это, тут до ближайшего селения – пешему полдня топать. Тихая долина под носом у Олимпа: разве что великаны захаживают. Слетать?

– Слетай. И если что…

– Всех усыплять?

– Пожалуй.

Сам я направился по тропке на запад. Белокрылый понесся к дымку, и с неба еще долго долетало его веселое тарахтенье, что он-то усыпит… а если вдруг мальчик там будет в компании? И ух, какое у меня было лицо…

Вот и хорошо. Хорошо, что тихо: пока пробираюсь по звериной тропе, есть время подумать. Подумать надо, только о чем – забыл: мысли-крысы одурели от свежего воздуха, понеслись вскачь, наперегонки, только одна кривляется, наглая, жирная: а если вдруг… мальчик там будет в компании?

Офиотавр и правда отыскался в компании. Меж двух холмов, сразу за рощей. Ягненочек сидел, привязанный обрывком грязной веревки за ногу к молодому дубку. А компания – два великана – хозяйничала понемножку.

Один высекал огонь для костра, второй оглядывал огромный медный котел и вертел с засохшими на нем остатками козла. Выбирал, видно.

Заросли скрывали меня с головой, и в наступающих сумерках видно было куда лучше, чем днем. Можно было рассмотреть и

кремневый нож, висевший на поясе у того, что покрупнее, и тяжкую палицу в траве. Залысины в рыжих космах и рваный шрам на щеке у младшего. У старшего не хватает двух пальцев и зубы растут кривовато.

Ветер дул от меня, но запах мочи и застарелой крови все равно забивал дыхание. Вокруг набедренных повязок великанов зудела туча мух.

– Кыш, - сказал младший. – Надоели. Так, это… огонь уже, брат.

Искры с двух осколков кремня упали на сухие ветки, дали всходы – огненный цветок. Старший закивал одобрительно.

– Поужинаем – и вперед, ага? Ночь идти. А тут от горы этой… близко, ага.

– Так, это… перебредем?

– Перебредем, ага…

«Гора эта» – Олимп… Кроновы дезертиры, а может, из вольных племен какие-то пустились в путь, искать, где посытнее. Нанесло на мою голову – с ними же просто так не справишься, с двоими! В первые полстолетия войны досыта в драки с такими насовался – спасибо квадриге, что успевал уйти с руками-ногами.

Теперь-то, конечно, можно драться по-божественному… Хотя, была б моя воля – я бы не лез.

А на лице у Офиотавра страха не было. Лежал себе в сторонке, ягненочек, посматривал на разгорающийся костер с кристальным детским любопытством. Еще и вопросами сыпал:

– А вам костер, чтобы греться, да? Или чтобы ужин варить? А что у вас на ужин, а то мне уже есть хочется… А я могу помочь. Я тете Гестии однажды помогал, когда она похлебку варила, для раненых…

«Не выносит зла», – напомнила в памяти Фемида. Если бы не выносит – а то не знает! Эх, мать-Гея, лучше бы ты его родила с бычьей головой и змеиным телом.

– Так это… во дает, – радостно гукнул младший великан, вслушиваясь в болтовню мальчишки.

Ладно, что можно сделать? Если Гипнос объявится – хорошо, если не объявится – лучше о таком не думать, из оружия – меч да тьма, но после поездки на Гелиосовой колеснице я едва ли готов к такому бою…

«*Для тебя будет лучше, невидимка, если Гипнос не появится*».

Как всегда вовремя. Хмыкнул из зарослей, отгоняя ладонью назойливую муху.

«Почему это?»

«*Потому что тогда тебе придется выполнять задумку Аты самому*».

Старший потопал с котлом к недалекой речке за водой. Момент был подходящим.

Только вот старший Кронид колодой лежал в зарослях: врос – с места не двинуться…

Крысы-мысли успокаивались. Охлаждались от бешенства. Лапками сучили размеренно и чинно.

Ата задержалась, – сказала Гестия. Должна была присматривать за мальчиком – а задержалась…

«Зачем?»

«*Потому что для этой игры не нужен мальчик-Офиотавр на Олимпе. Потому что есть уже другой – сын Геи с бычьей головой и змеиным туловищем. Тот, которого Крон ловит по всему миру*».

А этот, значит, просто опасен. Мало ли кому проговорится: он же не умеет молчать! И взаперти не удержишь: лезет к конюхам, к рабам, к нимфам… И наверняка же еще своим именем называется.

Помеха для обмана. Для настоящей игры. Для чудной, великолепной игры с Кроном.

«*Пойми, невидимка… мальчик обречен. Он был обречен, когда пошла молва про Офиотавра, внутренности которого дарят силу. Его имя, его родство с Геей – смерть для него. Даже если вы выиграете эту войну – его не оставят в покое…*»

Мертвый мальчик улыбался синими глазами в начинающее темнеть небо. Напевал. Бабочку увидел: аж дыхание затаил. Поймал на ладонь, зашептал что-то лазурнокрылой.

Ягненочек в загоне. Жертва, не подозревающая, что она уже определена для алтаря.

И только дело времени – когда…

Конечно. Ата же не станет убивать сына Геи, навлекая на себя гнев великой богини. Кто виноват, что мальчик сбежал и попался в лапы к великанам? Какой-то безымянный мальчик.

А Офиотавр – он недавно был на крайнем западе, где у волн Океана скитается безутешная Рея, мать богов. Слыхали?

Дыхание – рваное, хриплое, колышет тонкие ветки кустарника. Крысы в мыслях лихорадку какую-то подцепили: разодрались не на шутку.

Нужно уйти. Отозвать Гипноса. Гестия будет плакать – ладно, пусть. Зевс погневается и перестанет. Может, сам поймет, что это лучший выход. Что лучше сейчас, пока это безвредно для нас, что все равно ведь мальчишку – на алтарь Игры…

Старший притопал назад. Злой, как я с похмелья. Вытащил из котла ужа длиной локтей в семь, хмыкнул – червячок! – сдавил пальцами: только брызнуло.

– Ногу подвернул, ага, – бухнул котел, лысину поскреб. –

Жрать хочется.

– Так – это… свежевать будем?

– Кого? – к месту вставил мальчишка. – А мне еще тете Афродите надо ее лошадь вернуть… Ой, ножик…

Наконец-то сообразил – полностью, не полностью, но голову в плечи втянул, глядя на широкое кремневое лезвие, с зазубринами и отколами. Глаза распахнулись в недоумении шире неба, губы дрогнули вопросительно…

Где там Гипнос? Хотя пусть бы не появлялся, пусть бы не видел…

Кривой нож – над испуганным ягненком.

Ягненку ведь все равно – умирать.

Какая разница – раньше? позже? Зарежут на жаркое? Придержат в отдельном загоне – откормят для алтаря?

– Нежный, – хмыкнул великан. – Года два таких не едал.

Его брат неторопливо готовил вертел: отирал от остатков старого козла, а то как бы не пригорело.

Крысы мыслей прыгали, вертелись, кусали друг друга, сливались в единый, пищащий в ушах ком…

Небо готовилось рыдать и в отдалении жалко всхлипывало громом.

Синь пока еще незамутненных небес – в отражении ножа, сливается с синью пока еще широко распахнутых колокольчиковых глаз, ненадолго, сейчас смоется алым, предпиршественным соком…

Ата так и задумала – конечно.

– Оставьте мальчишку.

Мысли-крысы замерли. Дрыгнули лапками – разом.

Сдохли – все, как одна.

Глупость – страшнее яда не сыщешь.

* * *

Тот, что с лысиной и обвислым пузом – сообразил быстрее. Его брат только начал, повернувшись ко мне:

– А ты что за…

А этот второй определил сходу:

– Зараза! – и за дубинку схватился. А я стою на этой поляне дурак дураком, в руке – меч, ни доспехов, ни шлема: хитон и волосы по плечам, как вытолкали. В голове – свалка подохших мыслей, только одна извивается, живая: это вообще я сказал? сделал?

Судьба из-за плеч молчит задумчиво и советов не дает. Этот, Офиотавр, моргает большущими глазами из-под ножа, нож-то никто так и не убрал. Внимание от него отвлечь, что ли, а то ведь

и его на жаркое пустят… и меня. Правда, меня скорее в расход, но уж лучше одного, что ли.

– Я сказал – оставьте мальчишку.

– Дядя Аид! – ахнул ягненочек. – А зачем вы тут… они же просто играют… играют?

Все. Отвлекать великанов и не надо: оба в меня вперились, тот, что с ножом, ближе подходит и свою палицу ногой ощупывает. На рожах – счастье несусветное, щербатые усмешки аж за уши поползли, у старшего – за правое, у младшего – за левое…

– Так это… Аид, значит? Так это… того… братик Зевса, значит?

– Слышь, так это… награда за него, ага? Три сотни овец, ага? От Крона тогда приходили, ага?

Три сотни? Обидеться впору, за Зевса, небось, тысячами исчисляют. Или, может, я еще не напакостил отцу как следует?

– Три сотни? Да я вам сам столько дам. Больше дам. Ухожу отсюда с мальцом. Плачу пять сотен овец.

– Так это… жирных?

– Жирных.

Младший призадумался – поскреб башку лезвием ножа, звук – будто по камню полоснуло. А старший заухмылялся с идиотской хитрецой, вертелом покрутил.

– А малец-то этот – тоже шишка какая-то, ага? А если Крон за него нам баранов – ага? Ему ж вроде нужен какой-то сын Геи, а…

Прыжок – и мой меч снизу вонзился великану в брюхо. Вошел с натугой, чуть ли не со скрипом…

Все равно ведь договориться не получалось.

– …га? – договорил крупный и посмотрел вниз удивленно. – Ты чего? Гад, ага!

Нет, не получалось. Вон сейчас младший какую-то мысль родит…

– Так это… если Аид, то он же дядьку Лина прибил!

А сейчас они вспомнят, что дядька Лин был хорошим мужиком, и начнут бить. Меня.

Я рывком выдернул меч, нырнул под вертел – тот прошел над самой головой, но медленно, пока еще в раздумьях… Перескочил через очаг, пять шагов – и буду возле Офиотавра…

– К роще, дурак! Развязывай узел! К роще беги!

Только бежать и осталось, пока они не…

Голубоглазый Офиотавр смотрел на меня с тишайшим, ягнячьим интересом: а что это он несется и орет? А кому орет? А какая это такая игра, что я ее еще не видел?

– К ро…

Передо мной тяжко ударила окованная медью палица, не отклонился бы – в землю бы вдавила. Волосы колыхнулись от густого, чесночного рева, засвистел над ухом кулак размером с мою голову.

Все. Теперь уже только драться.

Резанул мечом по руке, ушел от кривого ножа, рубанул по ноге – чуть кисть не вывихнул…

– Го-го! Кусается, титаненыш…

– Котлом его лови!

Гром наверху уже завывал, рвал звуки от ушей, туча-прожора объелась синевы, вспучилась и зарыдала, задымил костер, через который я сиганул уже в который по счету раз…

– Дядя Аид – это игра, через костры прыгать?

Игра, игра… славная забава, как в детстве, в Кроновом мешке. Тут тебе и плющилки-стучалки, и резалки-кололки, а уж догонялки-ловилки какие!

Посейдон не должен был тут появляться – но будто пролился в память с дождевой водой, дал пинка: «Бей как бог, дурень!»

Меч слился с ладонью, и потянулись тени – от ревущей в небесах тучи, от великанов, от котла, деревьев, глупых, мелких комаров… Дым, полетевший в лицо, обернулся родной темнотой, подземной, предвечной нянькой; мир опустился в безмолвие, когда мы – я и мрак, сделали шаг и вытянули вперед руку, останавливая летящую медную болванку размером с половину моей колесницы.

Лежать, котел. Ты нам не нужен. Лишний в игре.

Тут сейчас будет совсем другая игра: мрак в глазах, мрак в глаза…

– А-а-а! – заревел старший, когда меч (мрак? я?) вонзился ему в брюхо, не как раньше вонзился, а сущностью.

Второй великан упал, отброшенный мановением руки, тоже заорал, но тьма была глуха к крикам, тьма клинком подалась вперед, направляя, подталкивая верной ладонью: сначала первому поперек горла, потом второму – в глаз, а этого, третьего, который от боли корчится – его можно напоследок…

Меч – приказ – сущность – замерли…

Мальчишка бился и выворачивался, будто его опутывали незримые щупальца, захлебывался невидимой дрянью, и чья-то рука хватала за горло: вот-вот хрустнет белая шейка…

«Не выносит зла!» – охнул голос Фемиды в голове, через секунду после того как я отпустил родной мрак – в тени, в ночь, в бездны. Еще не понимая, отпустил.

И мальчик перестал кричать – оказывается, он кричал. Теперь только подвывал, прикрываясь руками. Младенец, который

увидел чудовище и забился в угол.

Чудовищем был я.

Братья поднимались на ноги. Старший еще стоял на четвереньках, держался за живот и клял «дурака, мечом растыкался», а младший уже нашарил дубину и зверски таращил глаз. Второй глаз заплыл лиловым – то ли я успел, то ли мрак помог.

Как назло, великан стоял между мной и Офиотавром. Надо было сразу – как с квадригой: пацана в охапку – и на Олимп…

А теперь – хоть ты к Гее взывай, вдруг да защитит сыночка.

Или, может, не к Гее…

– Ну!!! – заорал я, задирая голову в небеса.

Туча дрогнула, перестала рыдать и опасливо отползла подальше, к горизонту. А помощь явилась тут же, без промедления.

Прилетела каменной чашей. Прямо в маковку младшему.

Чаша столкнулась с головой с глухим треском, отскочила, упала набок – и над поляной поплыла одуряющая сонная маковая вонь. Я отскочил, закрывая лицо ладонью, а старший великан не сообразил: кинулся к брату, спросил: «Ты чего?» – потрогал траву – и повалился сверху.

Гипнос спрыгнул на поляну почти сразу и сходу возмутился:

– Кронид, ты дурак, что ли – так орать?! Я уже как раз приглядывался, как их лучше усыплять, а ты под руку… – поднял чашу, посмотрел, можно ли что собрать, – На пару сотен осталось, не больше. А остальным – бессонная ночь. Что ж ты делаешь, а? Ведь мне же теперь икаться будет до следующей ночи. А может, и дольше. А может, жертвы перестанут приносить, храмы строить не будут…

И носом шмыгает: белый бурдюк с несчастьем. Глаза – как у щенка жалобные, а из глаз – торжество: «Ты от меня только благодарностью не отделаешься!»

– Чего тебе?

– Да ничего. Какие могут быть расчеты между друзьями, а? Я ж не Чернокрыл, который сразу – в зубы. Да я за друга…

– Нет у тебя друзей, – сказал я. Подумал было пристроить меч обратно на пояс – раздумал. – Чашу свою прибери. И говори – чем могу отплатить.

Бог сна от обиды вдвое надулся: «У Чернокрыла есть – а у меня нет, значит?! Да чтобы ты знал – у меня половина подземного мира… и Олимпа… и… и титаны…»

Так и прибирал свое зелье, не затыкаясь ни на минуту. И все повторял что-то о том, что раз так – он так придумает, чем оплатить, так придумает…

Я рассматривал храпящих друг поперек друга братьев. Старший лежал хорошо, удобно, горло прямо под луну выставил. Или под меч, это уж как выйдет.

Мальчишка всхлипнул от давно потухшего кострища. «Не выносит зла», – устало напомнила невидимая Фемида.

Кто там знает, что с ягненочком случится, если я тут глотки резать начну.

– *Разве тебе не все равно, невидимка?* – мягко удивилась Судьба. – *Разве не проще будет – чтобы осталось имя…*

Проще. Чтобы осталось имя. Призрак быкоголового, за которым носится отец. Чтобы – не на алтарь, а сразу – концы в воду, и нет помех нашей игре – самой настоящей игре, самой прекрасной, в абсолютную победу…

Синие глаза не отражаются на лезвии меча: скован из черной брозны.

– Дядя Аид?

Лезвие дернулось вперед, разрезая веревку.

– Идти сможешь?

Судьба за спиной многозначительно хмыкнула. Ягненочек потянулся, откинул белые кудри.

– Да, наверное… Только мне почему-то спать хочется, очень… А чем это таким пахнет сладким?

Гипнос от своей чаши виновато развел руками: ничего не сделаешь! Вся округа парами мака пропиталась.

Я стряхнул ненужную сонливость: веки отяжелели, тянуло прилечь прямо у разворошенного очага. Вернул клинок в ножны.

– Нужно возвращаться. Ночью здесь опасно.

А не уснуть мы не сможем – и это опасно вдвойне.

Гипнос успел уже улепетнуть, оставив после себя стойкий дурманный аромат сна. Небось, отправился вынашивать – какую благодарность мне навязать. Теперь и мальчишку с ним не отправить. И Гелиос уже до своего дворца добрался…

– Опасно? А как это? Ой, а что это с этими, двумя… А мне еще лошадь надо тете Афродите вернуть…

Мальчишка явно заговаривался, тер глаза рукой. Дать бы ему с десяток затрещин прямо сейчас, да времени в обрез: в северном лесу волки начинают подвывать, быстро темнеет.

А ну-ка…

– Дядя Аид, я же не маленький! – возмутился парень, когда я поднял его на руки. – И не девочка!

Да ты вообще непонятно кто, сын Геи, ягненок на алтаре нашей игры. Вот и лежи смирно, пока я пробую новые умения.

Прикрыть глаза. Отогнать сон: не промахнуться бы. Вернее стрелы нацелиться на Олимп. Шаг…

Стопы колет разрезаемое время. Смутная дорога – не для смертных. Мальчик ежится на руках: неужто все-таки мрак почувствовал…

Два… мир вокруг ломается, оборачивается тысячью нитей, дивным орнаментом на амфоре, болота сливаются с лесами, реки – с небом…

Три.

Под ногами – трава сада Деметры на Олимпе. Пахнет цветущий миндаль.

Два синих родника заглядывают в душу.

– Дядя Аид… а эти великаны…

– Ну?

– Они ведь не взаправду, да? Просто так играют?

«*Скажи ему, невидимка. Скажи ему – «нет»*».

«Он не услышит».

– Да. Просто играют.

– Я тете Фемиде так и говорю. Ой, какая тут трава душистая! А мягкая-мягкая, как ковер!

Перемещение отняло последние силы, и сонное зелье Гипноса вступило в свои права: подкосило колени, трепетно уложило в траву, замедлило дыхание…

Селена-Луна сияла чуть ли не ярче своего брата, сотней пик колола глаза: зазеваешься, не прикроешь – и в глазах так и отпечатается: чернота ночи, а в ней два серебряных диска.

Я не моргал.

Кудрявый барашек разметался по траве, бесцеремонно подобрался поближе к боку и засопел вовсю. На носу у него сидела ночная бабочка – пушистая, как весенний цветок. Видно, неслась на цвет глаз-колокольцев, а теперь недоумевала: куда девалась голубизна?

«*Ты хочешь, чтобы это сказала я, невидимка?* – тихо спросила Ананка. – *Ты все сделал правильно. Спи, маленький Кронид. Хватит копаться в себе. У тебя будет на это время, когда все кончится*».

Так нас и нашли спящими в саду – Деметра, что ли, свои владения обходила и наткнулась. Я проснулся уже от разноголосого визга, когда она позвала остальных. Ах, ребенок спит прямо на траве. Ах, у него все волосики перепачкались, а хитон порвался! Где этот Аид его таскал? А губки, губки какие бледненькие, немедленно нектаром поить и молоком!

Мальчика на руках утащила во дворец Фемида, остальные вокруг нее разве что хороводы не водили. Гестия было дернулась в мою сторону, но Деметра за руку уволокла сестру за собой.

Лиловая бабочка вспорхнула из темно-зеленой, сумеречной

травы и пристроилась на ярком хитоне Аты. Богиня обмана пощекотала пышное крылышко. С улыбкой смотрела на меня – сперва сверху вниз, потом снизу вверх, когда я подошел.

– Разочарована?

– Чем? – в глазах – две луны. Серебристые, полные…

– Я испортил твою игру.

– Ты сделал ее более изощренной. Острой. Опасной. Мне нравится это. Давай поиграем так.

Сад был полон пением соловьев и вздохами влюбленных нимф. Деметра жалуется, что после ночей вся трава примята: с кем только успевают?

– У нас под землей говорят: в каждом выборе твоя Ананка. Выбирать надо умеючи. Различать необходимость с жестокостью. Свое желание – с долгом. Но если бы все всегда выбирали только необходимость или только долг – это была бы скучная игра.

И засмеялась, глядя на мое лицо.

– Что ты слушаешь меня, будто я мойра? Я – Ата! Я чушь несу! Иди спать, Кронид, тебе завтра еще на братской охоте развлекаться.

Ах да, свора же, братья, странный вызов Зевса…

Над головой стояла ленивая луна. Богиня обмана покатывалась со смеху.

Ждала какой-то еще прекрасной игры.

* * *

– А Зевс говорил, что будет кабан.

Посейдон поскреб в затылке. Как-то неловко закряхтел, покосился на свое оружие – копье с ясеневым древком и гладкий, длинный нож на поясе.

В самый раз – для небольшой божественной охоты.

Тварь вздыбила черные иглы на загривке, оскалила клыки – длиннее среднего меча, кривые и в засохшей крови – и издевательски хрюкнула.

Рыло добычи находилось на четыре локтя выше моей головы.

Охотничьи псы жались к ногам, поскуливали, и в собачьих глазах явственно читалось: «Братцы, зачем мы этот след брали-то?»

Троим собакам было уже не подняться: валялись на поляне окровавленными комками шерсти. Храбрейшие. Лучшие из своры.

А Посейдону уже не хотелось шутить над тем, что, мол, я совсем позабыл, как ходят на охоту, раз приперся со щитом и в доспехах.

– Угу. Зевс говорил.

Короткий ответ Посейдона заглушило очередное издевательское хрюканье.

Близко посаженные глазки чудовища пылали подземным огнем.

Кроновы рати.

Повелитель Времени нынче тоже вышел на охоту: рыщет по миру за призраком абсолютной победы, Офиотавром, сыном Геи. А многочисленной армии скучно. Расползается армия. Кто хочет мирной жизни, как титан Атлант, – начинает дома обустраивать и детей рожать; кто верит в скорую войну… пакостит потихоньку. Горят поля и деревни, разоряются города, заводятся разбойники на дорогах – отчего б не поразвлечься, когда у военачальников другое на уме?

Теперь вот оказалось, что и чудовищам скучно. Что им до какой-то победы, их выращивали в темных ущельях у Офриса, выкармливали кровью пленников, только для одного – чтобы они убивали. Вот и сбегают – выполнять то, для чего родились, претворять в жизнь мелкие, кровожадные смыслы. Невтерпеж.

– Выбрались… поохотиться, – тоскливо хмыкнул Посейдон. – Отдохнуть, как же. Ну так пошли, что ли?

Если со среднего слетел задор – то у меня задора и так не было. На братскую охоту меня вытащили по обыкновению – силой, еще и Гестия в спину подпихивала: «Мрачный брат, сколько можно? Ты так совсем разучишься развлекаться!»

Развлечение пригнуло голову и низко захрипело-зарычало, из ноздрей летели дымящиеся брызги. Хвост – шипастый, и уж точно не кабаний – нервно ходил из стороны в сторону.

– Давай! – решился Посейдон, занося копье.

Брызнула сухая, комковатая земля из-под мощных копыт. Проклятый хряк порхнул навстречу одним прыжком – громадной, щетинистой кровожадной бабочкой, копье Жеребца ушло вперед как-то неуклюже и застряло в мощной хребтине, а потом рядом вскипел вихрь: колючий, жадный, дико визжащий, клыки-глаза-копыта – успевай уворачиваться.

Не успел.

То есть, оба не успели. Посейдон поймал удар копытом и покатился прямо на собак, мне повезло еще меньше: тяжелая голова, увенчанная кривыми мечами, врезалась в грудь, подняла на воздух и перышком швырнула вверх и вбок – почувствуй себя Танатом Бескрылым.

Дыхание прервалось, по груди – словно стадо кентавров протопало, но доспехи выдержали, и перед тем, как грохнуться на землю, я мысленно поблагодарил Ананку, которая не так давно хмыкнула из-за плеч: «*Охота, говоришь? Будет вам охота – ты*

хоть воинское снаряжение не забудь».

«*Не за что, невидимка. Но лучше б ты еще и шлем прихватил*».

Вот уж точно – лучше, согласилась макушка, которая с размаху познакомилась с корнем дерева.

Небо на несколько мгновений поплыло, окрасилось невиданными оттенками, проросло леопардовыми пятнами – заболел Уран, что ли? Прикрыл глаза, ощупал голову – и правда, шлем бы…

– Аид, берегись!!

Черная туша надвигалась, взрывая копытами землю, – неторопливо и неотвратимо. Тяжелая лобастая башка опущена, горящие глаза сверлят с неотступным упрямством – вот точь-в-точь Афина, когда Фемида пытается ей за что-нибудь выговорить.

«И кто у нас теперь добыча?»

Хрюкает, зараза. Чудовище не чудовище – а самая что ни на есть свинья.

Добыча встала, поднимая одной рукой щит, второй – меч. Другого оружия не было: доспехами озаботился, а вооружиться забыл.

Хотя зачем оружие, если боги всегда бьют самими собой?

Чтобы смотреть хряку в глаза, пришлось задирать голову.

«Добыча – ты».

Алые, близко посаженные точки на миг усомнились – притухли.

Остановился. Хрюкнул длинно, недоверчиво. Осмотрел с ног до головы.

Потом раскрыл пасть и полыхнул пламенем.

«Фу-у-ух!!» – дыхнуло жаром, разбилось о щит, какой-то ушлый язык прогулялся по волосам, и загудела, раскаляясь, бронза.

– А-а-а, скотина!!!

Посейдон еще не впал в неистовство, но уже разозлился. Не тратя времени на то, чтобы поднять оружие, выдернул с корнями какое-то деревцо толщиной в ладонь, размахнулся и врезал как бог, то есть, со всей дури и напрямик – по массивному, обращенному к нему заду.

Тварь перестала выдыхать пламя и озадаченно выпучила глаза. Коротко фыркнула двумя струйками дыма из ноздрей.

И с яростным ревом развернулась к Жеребцу, с маху перекусывая занесенную для второго удара дубину.

Тонкой палочкой хрустнула вековая ель от удара в нее черной игольчатой туши. Посейдон укатился от валящегося на него ствола, зверь взвился в прыжке – притоптать, протанцевать копытами! Но тут рванулись и повисли на ляжках у кабана двое

серых псов – любимцев Посейдона.

И мой меч вошел в черно-бурый, воняющий сладкой падалью бок. Времени рассчитывать не было: я подскочил вплотную и тоже саданул по-божественному, до рукояти, так, что пальцы укололись о свалявшуюся шерсть.

Выдернуть меч не успел: от боли тварь не шарахнулась подальше, а дернулась на меня, ударила всей тушей, я снова не устоял, мягко бухнулся спиной на подстилку из трав и иглицы, а небо над головой закрыло щетинистое брюхо в засохшей грязи и бороздах старых шрамов. Брюхо подрагивало и тяжело вздымалось, копыта нетерпеливо ранили землю: где, мол, этот… который в бок? Хрюканья сверху больше не было: хрип пополам с рычаньем.

А Зевс говорил, кабан будет, как же…

– Аид!!!

От вопля Посейдона пригнулись деревья, а вепрь на миг присел, чуть меня при этом не раздавив. Решил ли брат, что я ранен, или еще что-нибудь такое себе нарешал – но из-за поваленного ствола он выскочил уже во второй степени гнева: с покрасневшим лицом, ножом – это против такого чудовища-то! – и половиной ели в волосах.

Даже бить по-божественному не стал – так, по-посейдонски. Просто прыгнул навстречу, водой обтек лязгнувшие рядом клыки, схватившись за ухо, для опоры, рванулся к горлу…

Лезвие ножа нашло не горло: вонзилось в щеку возле челюсти; взвизгнув, тварь полыхнула огнем и прыжком исчезла с поляны вместе с Посейдоном: тот держался за ухо как клещ, будто решил именно его оставить трофеем.

Птицы, примолкшие было, бесстрашно воспели все – и треск ломающихся кустов в отдалении, и всполохи огня, и затихающий вопль: «Подземная скоти-и-и-и…»

Рядом с моей ладонью медленно поднимался парок из глубокого следа от копыта. В след по капле набегала вода: здешние леса полны ручьев и речек, да и болота часто попадаются.

Свистнул свору – нет, псы тревожно переминались с лапы на лапу и таили в глазах недоверие. Зевс сколько раз недоумевал, почему я свору не заведу, пока Посейдон не пояснил основательно: «Раз – псы от него разбегаются с воем, за кого только считают? Два – у него и с лошадьми так, кроме этой его четверки бешеной. Три – ты его квадригу видал? Вот теперь представь, какую он собаку заведет. Ну, и надо оно тебе?»

Бежать было легко – ничего, что панцирь. Лес вокруг стоял немой и хмурый, отмахивался ветвями от тяжелых облаков в

небесах. Все не мог понять: вроде бы, и не влезал ни во что, а тут набежали какие-то, кусты поломали, дорогу новую проторили, да какую – колесницы пускать можно! Сосны – в щепки, землю изрыли, черной кровью залили – хоть засевай…

«Ку-ку», – насмешливо заявила птаха с ветки над головой.

Журчавший у ног ручеек растекся, вспух, наглотавшись ила и мелкого мусора, и влился в яркое, украшенное кувшинками и тростником, болото. Корявые деревца подбежали к самой трясине, семь-восемь отважились – скакнули по кочкам дальше, и остановились, опасно нагнувшись.

Следы обрывались в глубине зеленой, поросшей мхами и болотными цветами похлебки. О своем шептался переломанный тростник.

Ни Зевса, ни Посейдона, ни хряка этого проклятого. Деметра будет заламывать руки и причитать, что я отделался разом от всех.

– Йы-ы-ы-ы!!!

Взвились и закружились две перепуганные пестрые выпи. И еще… взвилось. Болото. Ком слизи, тины, ряски – ревущий, крутящийся: копыта, ноги, руки…

Навалился слишком быстро, или я не успел отскочить – не суть. Суть… суть – в болоте. А может, в чем-то другом, а в болоте – я, с панцирем, без щита и шлема и с непониманием: а как вышло-то?

«*Каждому – свое*», – рассуждает Ананка. Ага, каждому свое: щит на берегу, я – в болоте, хряк и Посейдон…

– Придушу тварь!!!

…тоже.

Аэды глотки рвут, когда воспевают божественные охоты. Собаки, вепри, стрелы, олени прекрасные, величественные кличи…

О болотной жиже, треске ломаемого тростника, перепуганной болотной и лесной живности – ни слова.

Клубок, в котором не разберешь – клыки? меч? борода? щетина? – навалился, втянул в себя, выволок на берег, покатал спиной по грязи (пару раз перед глазами мелькнула босая пятка Посейдона), – и отшвырнул в сторонку. Болото рябило в глазах, было уже повсюду: сверху, снизу (частью – так и внутри), вокруг ноги обвилась какая-то черная гадина с разверстой пастью – стряхнул пинком, не глядя.

Вепрь – теперь уже частью зеленоватый и с тремя болотными лилиями на башке – взбивал копытом грязь, с хрипом отплевывал из ноздрей коричневый гной. На нас не смотрел. Клыки, иглы на загривке, копыта – все было нацелено на Зевса.

Младший возник оттуда, куда пропал – то есть, из ниоткуда. С легкой улыбкой на губах шагнул навстречу хряку, поворачивая в пальцах нож – гладкий, как лист, из золотистой бронзы, с обмотанной кожей рукоятью.

Кудри блеснули солнцем, которого не было в небесах.

И вдруг метнулись, взлетели в воздух – Зевс покрыл расстояние до чудовища в мгновение ока, небрежно, как-то с ленцой оперся ногой на клык, взмыл в прыжке, приземляясь точно за плотно утопленную в тулове голову. Мелькнул еще блик – нож – и исчез, вонзившись в горло вепря.

Четыре раза – за одно краткое мгновение.

Агонии не было: зверь с опозданием вздыбил иглы на хребте, удивленно посмотрел на бога, который только что был на спине, а теперь вот – в нескольких шагах… коротко хлюпнул полной крови пастью и завалился на левый бок.

Зевс потер руки – испачкал, то ли пока взлетал, то ли когда погружал нож в горло. Глянул на небо с укором – и Нефела поторопилась разогнать свои стада, давая дорогу Гелиосу. Кроноборец осмотрел белый хитон – нет, чистый, не запятнал! – сорвал пучок травы и вытер нож, который успел вытащить и прихватить с собой.

Лес ожил, задышал зеленой грудью, зазвенел птицами, только потревоженные выпи ревели где-то в глубине болота. Да еще двое Кронидов стояли – капали тиной на изрытую землю.

– Хороши, – сказал младший, оглядев нас. Покачал головой. – Боги… Вдвоем одну свинью не смогли прирезать.

Посейдон отцепил от руки пиявку, решившую поживиться ихором – урвать бессмертия.

– А ты, значит… ждал, пока прирежем?

– Ждал. Пока не надоело. Сначала думал – вы развлекаетесь, а потом понял, что вы за ним решили по всей Фессалии носиться.

Посейдон выставил босую ногу, пошевелил пальцами. Не отрывая от них взгляда, спросил:

– Из-за деревьев любовался?

– С деревьев. Белкой.

– Решил, значит, посмотреть, на что мы способны? – подал голос я.

– Вроде того.

Посейдон выковырял тину из уха и подошел к младшему. Улыбнулся так, что на зубах засияло второе солнце. Положил Зевсу руку на плечо.

– Так в чем вопрос-то?

И двинул младшего по челюсти кулаком той руки, которая была свободна.

Облака – овцы Нефелы разбежались вовремя. Нам тут лишние свидетели не нужны. Мы, знаете ли, Крониды, свои вопросы разрешаем сами – не зря же клялись, что втроем…

– Да пустите, что вы, сдурели, что ли?!

Вот и втроем. Двое, то есть, и один. Двое отвечают на вопрос – на что они способны. А один замечания раздает.

– Да что ж вы… да вы всерьез?! Да я…

– Аид, вали этого гада! Ах, превращаться вздумал? Отрывай ему, что там под руки попадется!

Плюх! Бабах! Шлеп! Ответы на большие вопросы просто так не даются. С трудом рождаются. В корчах, с мычанием, ругательствами – куда там какому-то хряку. Можно сказать – даже в муках.

– О, руки, руки ему вяжи!

– Гиматий давай.

– В Тартар посажу-у-у-у, куда лупите?!

– Заламывай! Рот затыка… а! Лягается, чтоб Крону так лягнулось!

– Еще… не так…лягну…

– Аид, держи, уйдет, уйдет стервец!!

– Куда он уйдет…

– Я… в-вам… пуф… сейчас…

– Во, правильно! И по хребту!

Гелиос с колесницы и не оглянулся – видно, нашел себе зрелище поинтереснее. Афродиту, например, соблазняющую улыбками какого-нибудь красавчика-лапифа.

А тут на что смотреть? Утомились трое Кронидов вопрос решать: а на что они способны? Вот и присели… двое.

На третьего.

– Хорошо сидим, – сказал Посейдон, когда мы малость отдышались. Сунул в зубы травинку. – Почаще выбираться надо.

Я промолчал, счищая щепочкой с панциря толстую корку грязи. Тина скорбно капала с хитона, и у ног образовалась маленькая лужица.

– А печень у этой твари, говорят, вкусная, – брат кивнул на тушу, кровь из которой сочилась в болото. – Разделать, поджарить с травами… а? Лучше нектара пойдет. Закатим, а?

– Давай.

– А вина можно спросить ну хоть у бога этого ручья, мы с ним вроде как знакомые. Посидим у костерка на славу! Все равно ж потрошить нужно.

– Нужно.

– И вообще, что делать с добычей-то будем? – он поерзал. – Шкурку не хочется попортить…

– Уже попортили, – отозвался младший снизу. – Весь хитон в грязи.

Жеребец совершил особо наставительный прыжок.

– Э, брат, что ты думаешь? Я б зашил его в шкуру этой твари да закинул бы в болото, так он, зараза, кроноборец! Офиотавр, войска, опять же…

– Можно и не зашивать. А вот в болото я бы его тоже закинул.

Посейдон хрюкнул одобрительно. Осмотрел свой хитон, стянул, плюхнул в сторону болотной тряпкой.

– Ну ты того… посиди на нем малость – с него не убудет. А я пока вина раздобуду.

И убрел куда-то выше по течению русла – видно, к тому самому своему знакомому божку. Шел, насвистывая, почесывая под лопаткой, еще оборачивался – что, сидишь, брат?

Сижу, куда ж я денусь…

Стоило Посейдону скрыться из виду, как Зевс крутанулся бешеной змеей, извернулся, высвободился – и припечатал меня к земле коленом.

– Ах, ты на братьях, на братьях сидеть?!

Волосы его выжигали глаза своим сиянием. Я поморщился.

– Такие братья, что на них только сидеть. Уйди, пока в зубы не получил.

Хмыкнул, но колено убрал. Оглядел заляпанный хитон, махнул рукой, нашарил свой нож и двинулся свежевать убитую тварь.

Пока я отмывался от вязкой тины, пока разводил костер и нарезал веток, на которые было бы удобнее низать печень – мы молчали. Посейдон – и тот не нарушал тишины: вернулся с мехом вина, покосился на меня, цокнул укоризненно языком и пошел рвать травы для жаркого.

Назойливая птица со своим «ку-ку» все не унимается – миги считает.

Облака в небе разбрелись, уплыли на другие небесные пастбища. Собрались трое братьев, сначала поохотились, теперь вот отдыхать будут, что там интересного…

– Чего звал? – сказал я, когда печень, уже присыпанную морской солью и натертую чесноком, нанизали на прутья и повесили над костром.

Посейдон вырывал кабаньи клыки – на шлем пойдут. Дергал прямо пальцами.

Зевс вытирал листьями лопуха испачканные кровью руки.

– Поговорить нужно было. Без лишних глаз и ушей, а на Олимпе, да и всюду…

Жеребец дернул еще клык, смерил – с палец длиной.

Фыркнул.

– Ага, а мы б не догадались. Думали, просто на охоту решил нас вытащить. На кабана. Кабан, как же…

– А вы привыкайте к таким охотам. Скоро таких вот свинок больше, чем овец у Нефелы будет. Плодятся быстро, сволочи…

– Кроновы рати, – сказал я из тени дерева. Хорошая тень, и дерево хорошее – последняя могучая сосна перед болотом.

– Кроновы рати. Отец забыл о своих войсках. Сейчас им владеет только одна мысль – как найти Офиотавра. Это дало нам время, но его войска от безделья творят такое, что…

– Мы удерживаем рубежи.

– Аид, нам мало удерживать рубежи. Кто знает, сколько там продлится эта охота, пока… – замялся, не захотел произносить «мальчик умрет», – отец догадается. У нас должно быть войско. Чтобы мы могли сразиться наравне – по своим правилам. Чтобы могли…

– Да ты Афродите это объясни, – посоветовал Посейдон. – И пусть глазами похлопает. Мы-то знаем. Что – как там твои люди из меди, подрастают?

– Подрастают, – Зевс все вытирал и вытирал руки, пачкая их теперь зеленым соком. – Воины… и я еще не раз и не два встану у тигля. Только этого мало. Нам нужны старые союзники. Нам нужно больше, чем старые союзники…

Вот опять он пытается разжевать до кашицы и в рот положить. Нам нужно перетянуть на свою сторону часть союзников Крона. Чудовищ. Всех, кто захочет идти за нами.

Последний клык Посейдон обломал. Сунул в рот порезанный об осколки палец.

– И как это сделаешь? Чтобы – после того поля и за нами?

– Я спрашивал совета у Аты…

Замолк. Выкинул надоевшие листья. Взгляд – быстрее крыльев Ириды: сначала на лицо одного брата… дернулся Посейдон, гримасу состроил: «Нашел, к кому за советом ходить». На лицо другого… нет. Этот как всегда в тень уполз – невидимка.

– Что сказала?

– Сказала, что они пойдут только за силой. А в святилище силы – три родника, и у каждого свое имя. Восторг, Ярость и Страх.

– Ага, вот бы какой водицы попить, - пробормотал Посейдон.

Собрал выдранные клыки в холщовый мешок, наградил на прощание тушу пинком и уселся по другую сторону костра от Зевса.

– Мало играть в погоню за Офиотавром, – через силу выговорил тот. – Мало удерживать рубежи. Нам придется…

– Разделиться, – сказал я.

Не будешь же смешивать воду из родников.

Светлые глаза младшего брата смотрели в тень двумя звездными Жертвенниками. Открывали дорогу в недавнее прошлое – к мирной улыбочке пухлых губ, щебету голоса:

«*Светел, светел источник Восторга, кристальной струей он изливается в свою чашу, и сладка вода в нем. Восторг дает веру и защиту – и потому к этому источнику жадно припадают те, кто ищет веры и ищет высшего над собой…*»

Кто-то должен истреблять чудовищ. Кабанов, разоряющих селения. Драконов, глотающих младенцев. Кто-то должен под корень извести каменных волков – чтобы даже и в песнях не дошло. Светочем и опорой стать до небес над притихшими после Полынного Поля городами и селениями – и внушить новую веру, вдохнуть новые песни…

Зевс, кажется, говорил то же самое, но это было не нужно, слова – шелуха, я смотрел…

«*Буен и весел источник Ярости, бурным ключомбьет он из своего вместилища, хмельными брызгами разлетается, ударяясь о камни. Ярость туманит разум, заставляет завидовать и желать славы. Ярость груба, но снисходительна ко всем – и оттого к ее источнику идут те, кто ищет наживы и равного рядом с собой…*»

– Да…

Да, Зевс, то есть, да, Ата. Кому-то – сотрясать землю. Пить и буйствовать с колеблющимися титанами, вожаками кентавров. Ломать шеи в состязаниях – чтобы вокруг ахали: «Во мужик!». Хриплым голосом, обнимая кубок вина, выкрикивать призывы о том, что Крон – сволочь, и давно пора бы уже навалять… Быть такими же, как они – и привлекать их на нашу сторону.

Воздух пропах чабрецом, болотом и дымом.

«*Горек источник Страха…*»

– Да понял я! – это раздраженный Посейдон. – Аид, скажи ему уже – что он нас, за нимфу какую дурную считает? Восторг, Ярость – чего тут странного. Про Страх только не понял. Вроде как, если чудовищ истреблять – тоже страх наведешь. И если с теми же великанами дружбу водить – так кого угодно в страх вгонишь, вон, Аид тебе может рассказать…

– Не тот страх.

Жаль, Зевс глаза в костер уставил. Жаркое переворачивает, а сам зыркает искоса – мол, братик, никогда нельзя сказать, чего ты знаешь, а чего не знаешь.

– Аид, может, ты?

– Я дальше своих рубежей не вижу. Так, слухи, Ирида…

И щиты знакомой ковки – в наших трофеях. Те, что мелькали

раньше в наших войсках.

И знакомые имена вождей – в устах наших пленников. Имена, которые звучали среди наших союзников.

Лапифы, люди, кентавры…

– Уже поняли, вижу. Они идут к Крону. Хотя где ты найдешь того Крона, он обезумел в своей погоне за победой… Они пытаются доказать ему свою верность. Нападая на поселения наших союзников. Закрывая торговые пути. Они начали приносить ему жертвы. Это ширится, как пожар…

Огонь оранжевыми язычками облизывал руку кроноборца. Ласкался с ложной томностью – авось, забудется, тогда и ужалить можно.

– И серебряные… люди Серебряного века… Их ведь создал Крон. Правда, раньше они об этом не вспоминали, а теперь вот вспомнили. Хорошо так… вспомнили. Здесь есть одно селение…

Улыбка у Зевса – мягкая, лежит на губах легче солнечного луча. Голос – будто очередной нимфе нашептывает: «Какая ты, ах какая…» (нет, это не Зевсово, это… к Левке пора, наверное). Глаз не видно, видно только – огонь извивается, избегая взгляда кроноборца.

Боится.

– Здесь, к югу недалеко, пешему смертному – полдня пути. Большое такое селение. Мой гонец должен был встретиться там с послом от лапифа Атанаса…

Посейдон хрюкнул недовольно – то ли вино кислое, то ли слышал что-то такое об этом царе древолюдей. А кто не слышал, опять же? В битве на Полынном Поле сгинул его отец (за что сынок, надо полагать, был ему очень признателен), и все эти годы царь мямлил, посылал воинов мало и не самых лучших, где мог – откупался овцами, или сукном, или еще какими дарами, и Ирида как-то прощебетала, что вот, слышала от Мома-насмешника, брата Аты, что этот лапиф ищет, как бы укрыться за широкими плечами Крона…

– Почему в селении?

– К себе во дворец он нынче наших послов не пускает. Только если на чужой территории.

– Переметнулся, значит, – Посейдон сделал добрый глоток.

– Да, окончательно. Но если на чужой территории – согласился. С-снизошел…

Нежное шипение с губ, которые воспевают в страстных песнях нимфы. Огонь съежился, посинел – огню стало холодно.

– Чем кончилась встреча?

– Встречи не было. Мои посланцы прибыли в селение раньше. Они не успели даже попросить встретить их как гостей.

И поднял глаза – серые, как гневное море. На, мол, брат, смотри, если тебе оно надо. Смотри – я явился к ним в обличии бродячего сказителя, и…

–Хайре[5], досточтимый, хайре! Ты вовремя. Мы дадим тебе пищу и ночлег и позволим выступить перед дорогими гостями, если они захотят тебя слушать. Но сперва восславь вместе с нами великого Крона, Повелителя Времени!

Зелень плюща и фиговых деревьев. Ильмы над добротными домами. Плешивый староста маслится от чести, которая посетила его селение – посланец царя Атанаса, сам…

Окровавленный алтарь и насаженные на колья головы, в юношеских глазах отпечатался отчаянный крик – их травили собаками, и женщины и дети избивали их камнями за одно только слово: «Крониды…»

– Оборванец! Кусок овечьего дерьма! Расплату он обещает?! Твои Крониды трясутся на своем Олимпе. Брысь отсюда, пока сам не лег на алтарь…

Посейдон поперхнулся, выпучил глаза. «Ку-ку», – весело заявила птаха.

– И ты их не убил?

Наверное, Зевс все-таки что-то говорил, пока я всматривался.

Зевс пожал плечами. Он все улыбался – задумчиво, трепетно. Всматривался в даль – что видел там?

Разоренные селения людей века медного? Вырезанные племена сатиров? Надругательства над нимфами?

Это ширится, как пожар – вот, что видел. Это охватывает ряды наших бывших союзников. Были – союзники, теперь – отступники. Они думают, что война уже кончилась. Что Крону осталось только протянуть руку и сжать в кулак победу. И вот их присяга Повелителю Времени – затравить всех, кто произносит «Крониды».

Они не знают, что мы еще воюем.

– Значит, думаешь, что начать лучше оттуда.

Зевс кивнул, а Посейдон не переспросил – что начинать.

Доказывать, что еще воюем – что же еще.

Наводить страх.

«*Горек источник Страха, и зябко змеится он по камням. Страх ослабляет и сковывает, и заставляет желатьизбавления. Страх может быть разным – обжигающим, яростным, ледяным – но каким бы он ни был, все будут стремиться от его источника – к источникам Восторга и Ярости…*»

– …истребить! Понимаешь, Посейдон?! Это значит – начисто! Это значит – не оставить женщин или детей! Оставить лишь страх!

Посейдон смотрел жалобно. Не на младшего – на меня. Мол, братец, у тебя тут лабриссы не завалялось? Я б ему сейчас по башке, этому оратору – с большим удовольствием!

– Уймись, – Зевс задохнулся на полуслове. – Все всё поняли.

В свое время мы нашли, чем привлечь на свою сторону лапифов, и людей Серебряного века, и кентавров. Время показать, что другой стороны для них не может быть. Иначе…

– Чудовищ истреблять, на нашу сторону переманивать и, стало быть, быть палачом, – радостно подытожил Посейдон. Он у нас прямее Гелиоса, когда надо. – Эге, Аид? Тебе, видно, переманивать придется. Ты ж с этим, как его, Железнокрылым, дружбу водишь. И с Нюктой, или нет? Ты б там сошел за своего. Навербуешь нам армию, страшнее, чем у папашки, а…

– Ага. Ты пойдешь драконов резать, а Зевс – предателей.

– Ну, и… а что? – Посейдон заморгал, запустил пальцы в отливающую синевой копну на голове. Копна задвигалась – будто змеи вились между водорослей. – А как тогда?

Птаха над головой выдохнула последнее «ку» и замолчала, любопытная. Вильнул дымок от костра – бедром танцовщицы.

– Никак, – отрезал младший. – Будем тянуть жребий.

Посейдон аж просиял – жребий! Конечно! Как сам не догадался! Тянуть – вот прямо сейчас! Вот найдем три соломинки или три камня в шляпу бросим – а там уж Ананке выбирать, кто Восторг, кто Ярость, а кто Страх.

Средний носится по берегу ручья – камни подходящие ищет. Вот… вот для восторга… а этот для страха, а вот вообще дрянь какая-то, ее лучше выкинуть. Младший присел перед костром, обхватил себя за плечи, шевелит губами, глядя в пламя. За печенкой совсем забыл присматривать: подгорать начала.

О чем думаешь, Зевс? Что Ананка – не податливая нимфа? О том, что будешь делать, если вдруг тебе – играть за страх?

Селение. Крики. Предсмертные хрипы. Алые брызги во все стороны и мальчик с волосами, наполненными солнцем – в гуще резни. Легче крыльев Гипноса, быстрее Таната – молниеносный, белый, обжигающий страх…

Только волосы тускнеют, напитываются кровью…

«Это значит – не оставить ни женщин, ни детей!»

Мир дрогнул. Комок тошноты подкрался к горлу – горький, мерзче болотной дряни.

Вернулся Жеребец, гордости – выше Олимпа. Нашел кувшин с широким горлом (видно, у того самого своего ручейного друга выпросил). И три камня отобрал: белый, красный и черный. «Во! Гляньте! На ощупь одинаковые! Во, кинем на дно кувшина, потом, значит, руку туда засунешь – и жребий! Жребий!»

Трясется земля, крутится смерч, разметывает в неистовстве дома и людей, сносит в единое месиво скотину, домашнюю утварь, цепляющихся за матерей детей – и топорщится лошадиная грива бога по имени Страх. Страх слепой, яростный, панический…

Только глаза тускнеют, смех оковывается железом: какой Жеребец? Был Жеребец, весь вышел…

Мир тряхнуло по второму разу. Комок в горле зашевелился, налился вкусом горячей меди.

Свистнул нож, раскалывая кувшин в руках у Посейдона.

– Я пойду.

Дрогнула спина Зевса. Только – спина. Лицо так и окаменело в сумрачной гримасе… да что ты, кроноборец, это мое выражение лица!

– Аид, не пори…

– Что? Посейдона пугать предателей отправишь? Сам пойдешь?!

Зевс взлетел на ноги, наподдал ногой (босой!) костер, Посейдон только охнул: жаркое пропало!

– И пойду! Пойду! Думаешь – я не смогу?! Пожалею?! Думаешь – я годен только вот так, перед всеми, в бою: «Ах, Зевс с нами! Сожрал свою жену, родил дочку из головы, герой до небес!!!»

– Чего вы орете? – недоумевал Посейдон. – Решено же – жребий…

– Какой жребий?! – гаркнул я (довели – аж сосны пригнулись). – Что – зря сегодня за этим хряком гонялись? Неясно, кому чудовищ истреблять?

– Плевать! – ощерился младший. – Думаешь – струшу?

– Думаю – нет. Просто будешь не на своем месте.

– А ты – на своем?

Силен братец. В глаза ведь смотреть не побоялся. Посейдон вон давно уже в костер уткнулся – то ли печенку обугленную из спасает, то ли веток подбрасывает.

Потому что знает – на своем. Потому что тот, кто дружен с Танатом Жестокосердным…

Я махнул рукой.

– Себя-то послушай. «Зевс с нами…» Сиди уже… Восторг.

Ты же хотел меня об этом просить – нет, что ли? Так что ты из себя Мома-насмешника корчишь, братец, сказал бы прямо, а то – жребий…

– Хотел, – негромко сказал Зевс, не отводя взгляда (только скулы чуть побелели).

– Так и попросил бы.

Или он хотел, чтобы я – вот так, сам…?

Не хотел бы – так и стояло в отчаянных зевсовых глазах. Ничего уже не хотел бы, лучше бы сам пошел, лучше бы…

– У меня плохо получится внушить восторг, – сказал я, выходя из тени дерева и хлопая брата по плечу. – Или проявить ярость. И то, и то обернется страхом.

Посейдон не выдержал – зафыркал от костра, и на лице Зевса медленно выступила улыбка – будто крючьями вытягивали насильно. Младший, кажется, хотел еще что-то говорить, но я уже отмахнулся и вернулся на свое место под деревом.

– *Кроме всего прочего, страх любит темные углы, невидимка…*

Больше мы не говорили. Так, просыпали словесную труху между делом, пока разливали вино и ждали, когда поджарятся новые куски печени. Кажется, Посейдон сетовал, что не удастся сделать из Офиотавра колесничего – малец, мол, с лошадьми ладит. А Зевс жаловался, что Фемида мучается из-за мальчика и точно догадалась о его судьбе…

Не помню, сетовал ли я на что-нибудь. Вроде, сказал какую-то гадость.

Когда вино закончилось, а остатки печени, остро пахнущие травами, начали остывать, я опять поднялся. Нашарил меч, который Посейдон с трудом выдернул из бока мертвой твари.

– Селение к югу за полдня пути?

Черногривый моргал осоловело и непонимающе: «Какое селение?». Зевс ответил сразу, будто и разговор не прерывался:

– К югу. Там больше сотни домов. В окрестностях столько нигде нет.

– Гонец Атанаса там?

– Вчера прибыл. Пойдешь сейчас?

Я пожал плечами – чего тянуть-то?

– Тебе нужно будет… воинов набрать. Хотя бы…

– Наберу. После. А сейчас – сам.

– Ты знаешь, что делать?

Не умею я улыбаться. С Гестией раньше получалось что-то похожее, а вот когда нужно выдавить из себя… Кривая гримаса, будто зубы болят.

– Работа несложная. Восторг внушать потруднее.

Шагая между шершавых стволов, я движением руки привел в порядок хитон и панцирь. Богу просто выглядеть прекрасным, или грозным, или еще хоть каким. Пожелал – и ни тебе болотной тины, ни слипшихся от грязи волос, ни доспеха измятого. Захотел – вернул в первозданное состояние. В крепости со смертными потолчешься – и забудешь, что можно вот так рукой провести, кидаешься стирать-сушить-штопать по старой памяти.

Тучи столпились в небе снова – любопытными овцами. Смола

и иглица примешали свой запах к острой вони черной крови, которая заливала землю. Стонала над изувеченной пихтой дриада, оглянулась на шаги, тихо взвизгнула, шлепнулась на землю и боком уползла за покореженный ствол.

Правильно. Не кто-нибудь – новоявленный Страх по лесу гуляет. Попадешься на пути – накинется, костей не соберешь.

Ананка вон – и та молчит. Пожевывает, небось, губами, как сварливая старуха: опять невидимка чудит. А может, не пожевывает – кто ее знает. Может, испугалась.

Лучи колесницы Гелиоса скользят между крон, чертят карту на порыжелой, присыпанной иглицей земле. Где там нужен страх? Тут, и тут, и вот тут еще…

– Взял, значит… жребий?

Ата встретила меня на опушке. К колеснице она не приближалась: так, сидела, веночек плела из лютиков.

Выедающий глаза венок – как солнце или ее улыбка.

– Ждала? – спросил я. Ата заулыбалась (ямочки на щеках зарделись довольно), подвинулась, еще и ладонью показала – чего там, тут двоим места хватит.

Нестерпимо хотелось сесть – пусть себе и на солнцепеке. И никуда не идти, а эти отступники в деревне – гори они гаром…

Остался стоять.

– А я вот все думала. Зевсу тогда про эти источники вру и думаю: хватит у него сил как у Владыки поступить, или намудрит чего-нибудь? Ведь вам же столетием раньше разделяться надо было – может, и толк вышел бы. А Зевс на меня смотрит! И глазами хлопает! Ну как, предлагал он жеребьевку?

– Предлагал.

Дочь Нюкты взмахнула желтым венком – да и пристроила его себе на голову. Раскраснелась от удовольствия: искусство! Да какое еще – видно, долго тут сидела.

– Ах он, кроноборец, – и розовый пальчик. – Ах, он! И что тебе досталось?

– Ничего не досталось. Сам взял.

Дрогнул одинокий клевер, вплетенный в лютики по ошибке. Глаз Аты я не видел: рассмотри еще из-за желтой полосы – а губы рассмотрел, дрогнули. С удивлением.

– А мать про тебя правду говорила. Вырос мальчик, вырос… Так поступают Владыки. Они берут. Берут именно то, что предназначено им. И не выпускают до конца.

– Страх, значит, мне и предназначался?

Чего спрашивал, когда и так ясно?

Глаза Аты – как у Зевса прямо… только с сиреневым отливом. А так – одно и то же: мать, в испуге кидающаяся от меня в волны,

тревожные шепотки нимф: «Ой, мамочки… угрюмый… вернулся…», сатиры шарахаются, глядят искоса…

«Эге-е-е-ей!» – орет с колесницы Гелиос и машет рукой: заметил ученичка.

Да какой ты страх, – машет. Воин – да. Бог – это как посмотреть (вдвоем одного хряка не смогли прирезать!). Колесничий вот неплохой. Посланник, разведчик… невидимка.

– Ну, конечно, тебе, – мурлычет Ата, и ямочки так и перекатываются по щекам. – Твоим братьям нельзя. Они бы не выдержали, ты, наверное, понял это? А из тебя получится хороший страх – ледяной, черный. Тебе только нужно научиться быть безжалостным…

– Нужно – научусь, – собрался было уходить, да на локоть легла рука. Когда дочь Нюкты успела встать и подойти? И венок где-то затеряла, только в высокой прическе путается одинокий лютик: желтое – в черном.

– Мать была права еще в одном: умеешь ты производить впечатление… на подземных, – помолчала, мягко улыбаясь. – Не знаю почему, но я помогу тебе, Аид. Дам подсказку. Ты хотел постигнуть искусство обмана? Высшее искусство обмана – когда в него веришь ты сам. Это труднее всего, но это и дороже всего. Это тончайшая грань, за которой – уход от сомнений и бесконечность превращений. Ты понял меня? Научись лгать себе – и станешь, кем хочешь…

Наверное, она все-таки сидела на этом шлеме.

Медный, начищенный, глухой – с плотными нащечниками и наносником – он блестел так, что в него можно было смотреться, и я невольно заглянул в медную гладь.

Хмурый, по смертному счету – чуть за двадцать стукнуло, волосы спутались (да ведь проводил же ладонью, божественным приказом – не поддались!), взгляд исподлобья – упрямый. Солдаты в крепостях жаловались. Закажешь аэду послушать про старшего Кронида – а аэд чуть ли не волосы драть начинает: а что про этого петь?! Подвигов не совершал, то он там, то он тут – и морда ко всему еще кислая.

Я?

Черты тонули в красноватом блеске – в зареве горящих деревень, в алой смертной жидкости, которой скоро литься на землю, в закатах, к которым поднимутся крики, полные безымянного ужаса, и был другой образ – изломанный, со стиснутыми в узкую полоску губами, с бездной в глазах…

Он.

– Да, – сказал, отбирая у нее шлем и надевая. – Я – Страх.

И Ата чуть склонила голову – глаза совсем утонули в щечках.

Наверное, я играл правильно.

* * *

– К-кто ты?

Наглым он оказался – этот гонец. Широкоплечий, рыжегривый сосуд, а в нем – величия под самое горлышко.

Еще и горлышко ко всему изрядное. Или, может, это в нем непрожеванный барашек стоит – откусил гонец слишком много. Вот горло и отвердело, аж голову наклонить нельзя. Хоть ты что хочешь сделай, а поприветствовать посланника Кронидов не получится.

А вообще, и так обойдется посланник.

Староста, в доме которого гонец разлегся на пиршественном ложе – тот кивнул. Одарил приветствием – хоть сдохни на месте от чести такой – а сам медленно поскреб серебристую бородку пятерней. Озадачено.

Мол, вроде как, такого на алтарь на пристроишь. То есть, попробовать-то можно, конечно (взгляд на наемников-кентавров – охрану гонца Атанаса). Без свиты, опять же, явился…

Присоединиться к трапезе или отдохнуть так и не предложили.

Осознание силы было во всем.

В беспечности вороной стражи, постукивавшей копытами вдоль стен. В испачканных жиром губах. В спокойной уверенности, смотревшей из глаз жены старосты, которая усердно потчевала дорогого гостя, гость явился вестником мира с Повелителем Времени, гость поставит на место зарвавшихся божков, теперь, после их поражения на Полынном Поле – можно…

Они не знают, что мы еще воюем.

– Вступит ли басилевс[6] Атанас в битву на стороне сыновей Крона?

Шлем досадно приглушал звук, душил и натирал немилосердно, утешало одно – ему недолго осталось истязать мою голову.

До первого ответа.

Гонец медлил: кость попалась больно вкусная. Пока обсосешь со всех сторон, потом пальцы оближешь, потом вина глотнешь – когда отвечать-то дурному гонцу?

Нерадивому гонцу, неумелому: хоть бы раскланялся, что ли. Или окольными путями к вопросу подошел…

– Что ты хочешь услышать в ответ? Мой царь не привык изменять свои решения в такие краткие сроки. Он размышляет. Но покровительство Повелителя Времени…

А дальше я отбросил шелуху как несущественное, вглядевшись в зеленые, с мутным донышком глаза. «Гоните в шею, – сказал загордившийся басилевс, – В Тартар таких союзников».

Я потянул с головы шлем, и сочный кусок ягнячьего мяса встал поперек глотки гонца, и рука женщины безвольно уронила на пол деревянный черпак.

Едва ли они знали меня в лицо. Но Ананка из-за спины вовремя подула морозцем.

– К-кто ты?

Через четверть часа наглости в гонце поубавилось – остался горловой хрип и этот вопрос.

Сначала он просто сидел и наблюдал, как валятся тела стражников: один удар – одно тело, заржать успел только четвертый, и тот повалился, нелепо раскинув копыта.

Потом униженно выл, когда я не спеша обмотал его веревкой и направился вон из деревни, волоча за собой. Потом на утесе, откуда открывался вид на деревню, – ползал у моих ног, что-то слезливо лопоча о детях, о том, что во дворце басилевса – заговор, о каком-то гонце от людей Серебряного века, о расколе в кентаврских племенах…

Потом я вздернул его на ноги, он посмотрел мне в глаза и успокоился, как перед непременной смертью, и задал этот вопрос.

– Гнев Зевса, – ответил я.

Гонец покивал даже с какой-то рассудительностью – мол, верно, а как еще могло быть. На меч мой косился, как на лицо возлюбленной.

– Отправишься к своему господину. Если застанешь их – и к остальным заговорщикам. Скажешь: с предателями Олимпа теперь говорит Аид. Пусть поразмыслят, на чьей они стороне. Иначе их дворцы станут похожи на эту деревню.

Когда я назвался, он совсем ослаб в коленях – повис на вытянутой руке, как новорожденный щенок, которого собираются топить. Глаза от страха сжались в полуслепые щелочки.

Но уже понял, что жизнь ему оставят, и потому держался.

– На… эту… деревню?

За спиной начиналась дорога. Скверный, ухабистый путь для местных – коз пасти. Может, еще женщины по этой дороге в соседние селения на ослах шастают. На дорогу я опустил гонца. Взмахнул рукой, указывая на соседний холм, повыше того, на котором мы стояли.

– Взойдешь на вершину – оглянись.

Все-таки я его не до конца развязал – ничего, лапиф живо укатился по дороге, помогая себе свободными конечностями.

Удалился быстро и беззвучно, как вестница богов Ирида, и пение иволги, стрекотание цикад очистило воздух, прогнало хриплое пыхтение напуганного смертного.

Колесница второго учителя Гелиоса поблескивала червонным золотом, готовясь опуститься за горизонт. Небо цвело, как щеки записного пьяницы – жизнерадостно-красными оттенками, алые блики пали на селение под холмом, на котором я стоял.

В селении была суета. Запирали, чем могли, ворота в крепком частоколе, сновали у дома старосты растерянные воины – видно, прибыли с тем самым гонцом, а теперь понять не могут: кто его уволок? Куда? Как это –на веревке?

Злорадно орал осел – с упоением, приветствуя закат. И хохотал какой-то босоногий мальчишка, за которым мать гонялась с хворостиной, пытаясь загнать его домой.

Частью заката пылал огонь в ладони.

Огонь гнева.

В моей ладони.

Богу легко призвать огонь – достаточно пожелать, и он придет: от очагов смертных, от горнов тельхинов, из недр земли, из пастей драконов, из самого Флегетона…

Богу легко пожелать – и пламя с ладони метнется вниз, полыхнет гневом Зевса, покажет – мы еще воюем, покажет – никто из предавших нас не спасется. Ни они, ни те, кто с ними, ни даже те, в чьи дома они войдут, чтобы пировать.

Пламя рванется вперед, неся с собой страх, у которого будет мое имя.

Гоготали, хлопая крыльями гуси, подворачивались под ноги бегущим воинам. Кто-то высокий с двузубыми вилами кричал, махал рукой – чтоб открыли ворота. Гонца собрались выручать.

Было слишком душно, и небо все сильнее топило в темноте краски заката. Ласточки вспарывали крыльями воздух у самой земли – к дождю.

Распахнулась дверь одного из дальних домов селения. Молодой хозяин выскочил на улицу с мечом, его за руку удерживала то ли юная жена, то ли дочь…

Цветок багрового пламени на ладони подрагивал в такт рваному пульсу: «Будет? Будет?!»

– Убийца.

Звякнуло железом слева – здесь, где ему еще быть, тут сейчас будет много работы…

– Направь мою руку, Убийца. Я не могу.

Я плохой ученик. Бездарно дерусь. Теперь вот еще искусство обмана не усвоил.

Легко сказать себе: я гнев. Я – палач. Я страх, а страху

жалость неведома, он набрасывается на всех и всегда…

Трудно в это поверить.

Голос Таната в пропитанном нестерпимой духотой воздухе звучал глуховато, устало.

– Мне нельзя вмешиваться. Никогда. Не раньше, чем мойры перережут нить.

Выдоха не было: воздух окаменел в груди. На плечи опустились тяжелые ладони, своей надежностью согнули спину.

– Разве тебе не приходилось убивать, маленький Кронид?

Танат молчал – как всегда, лучше бы говорил. Его молчание так и вопило: «Опомнись! Ты – воин, невидимка! Воин! Я учил тебя быть воином, а не убийцей! Чудовище – это я!»

– Разве ты не назвал себя гневом Зевса, невидимка?

Первая холодная капля дождя наискось перечеркнула пылающий лоб. Вторую на лету перехватил огонь на моей ладони – сжевал с довольным шипением и разгорелся ярче.

– Разве не сказал: «Я сделаю это сам»?!

Голосов Ананки было слишком много, все – хором, все – одновременно, как дождь – на голову…

–Разве я рассказывала тебе, что такое милосердие?

– Разве не хочешь выиграть эту войну?

– Разве не сказал ты себе, что пойдешь ради этого до конца?

Каждое слово ложилось пощечиной, и капли дождя не охлаждали горящие щеки.

Деревня внизу начала разбегаться. Прикрыли ворота, так и не решившись организовать поиски. Заперлись за крепким частоколом от дождя. Крикливая женщина переорала ишака, загоняла куда-то гусей…

– Чего боишься, Аид-невидимка?!

Ей уже приходилось кричать: дождь разошелся не на шутку. Бессильный потушить божественный огонь на ладони, он накинулся на огни в деревне, согнул траву и заставил зареветь с удвоенным экстазом надоедливого осла – тот, видно, ждал помывки.

На горизонте гасла полоска: Гелиос отправлялся отдыхать в свой дворец.

Странно, как можно видеть все сквозь плотно зажмуренные веки.

– Скажи мне, – в рот тут же попала дождевая вода, она густо ползла по лицу, превращала в черную грязь волосы, облизывала ноги, – это – ты? Это – моя Ананка?!

Слова – шелуха. Ответ родился внутри, сказанный ее голосом: «В каждом выборе – твоя Ананка».

В ту секунду, как колесница Гелиоса скрылась из виду, я

раскрыл ладонь, давая свободу гневному пламени.

Закат в небесах погас.

Закат разгорелся на земле.

Огонь поднялся навстречу дождю тысячей яростных раскаленных копий. Огненный вал взвился над бывшей деревней, заплясал в насмешку над валом водяным, багряный цветок с ладони расцвел сотней других – маленьких и побольше… В гуще пламени мелькнули крылья Таната: Убийца спешил исполнять свои обязанности.

Хочешь, все же побратаемся, Танат? Смешаем кровь – не свою, зачем, можно найти сколько угодно чужой. Мне, знаешь ли, теперь часто придется иметь дело с этой жидкостью: разве не кровь гуще всего пахнет страхом?

На соседнем холме изваянием ужаса замерла фигура лапифа. Скрюченная, пришибленная зрелищем, а может, не зрелищем, а моими словами: «их дворцы будут похожи на эту деревню». Гонец различил, что я смотрю на него, вздрогнул и со всех ног бросился по дороге – донести страх своему царю, своему народу…

– Хорошо, невидимка. Он запомнил.

Уран-небо досуха выжимал темно-синие тучи – выворачивал их наизнанку. На землю рушились небесные озера, вода летела на плечи водопадами, будто дед решил потопить карателя-внука, будто – старая ханжа – после свержения обрел чувство жалости.

Багровая ярость огня устала воевать с водой и позволила ливню довершать начатое. Пламя свилось в жирный черный дым, довольное сделанным. Шум дождя и мгновенно побежавшие ручьи исправно глушили все – и стоны снизу, и шепот Ананки за плечами.

Впрочем, я все равно знал, что она говорит.

– Ты упрямый, маленький Кронид… ты справишься.

А может, о том, что все идет как нельзя лучше: милый барашек Офиотавр заперт на Олимпе, Крон рыщет по всему миру в поисках призрака победы, и Восторг, Ярость и Страх разошлись сегодня верными тропами…

Я не ответил ей – по-ребячески глупо. Смотрел сквозь пелену воды на черный дым, играющий с пламенем в вечную игру – кто кого. Потом повернулся и побрел туда, где мокла под дождем недовольная квадрига.

Поездка не удалась: вожжи с чего-то раздрожались, а земля подскакивала под колесами, будто ее одолевает тошнота.

[1] Апата – вторая версия имени Аты.

[2] Лестригоны – мифический народ, дикари-людоеды

огромного роста.

[3] Игумен – пятидесятник, руководитель отряда воинов.

[4] Нефела – богиня облаков.

[5] Хайре – (греч.) радуйся. Одно из обычных приветствий в античной Греции.

[6] Басилевс или басилей – в древний период – глава племени или союза племен. Позже – правитель небольшого поселения или города.

Сказание 6. О том, что перемирия не вечны

Мне снился сон. Я был мечом.
Людей судьей и палачом.
В короткой жизни человека
Я был последнею свечой.
О. Ладыженский

«Меня боятся называть по имени».

Века поглотили правду о роли старшего сына Крона в Титаномахии.

Аэды предпоч ли не давиться суровой истиной – и выкинули из песен деяния, оставив эпитеты.

Мрачный, Угрюмый, Неуживчивый.

Безжалостный.

Черным Лавагетом меня прозвали люди Серебряного века, о которых сейчас и песни не слагают: нечего и не о ком слагать. Век умылся водами Леты.

Век пресекла неумолимая рука – чья? Кто там теперь скажет. Этого тоже нет в песнях.

Кому охота разбираться, какими способами Олимп карал отступников. Аэдам хочется того, чем можно усладить слух почтенной публики. Истории о женитьбе Зевса на Фемиде и об их детях. Рассказа о том, как Посейдон похитил дочь Океана Амфитриту на своей колеснице и как стала она его женой. Песни о том, как суровая титанида Стикс изъявила желание помогать Кронидам в их борьбе и привела к трону Зевса своих сыновей. Повести о том, как кроноборец Зевс с помощью титана Прометея сотворил новый век – Медный – и люди этого века были горды и воинственны. Слухов о том, как Посейдон уговорил титана Атланта оставить сторону Крона и поселиться вместе со своими дочерьми Плеядами на краю света…

Кому охота петь о пожарищах деревень, разрушенных городах, уведенных в плен жителях. Кому какое дело до того, было ли лицо и имя у гнева Зевса?

Века не сохранили имени или лица.

Века оставили себе страх.

Волны играют в догонялки – ласково, шутя. Грозят друг другу – «вот, настигну!»

Смывают с песка следы ушедшего – что морю пролетевшие годы?

Море нынче в настроении пошалить. Покатать круглые камешки в водах прибоя. Выбросить на песок что-нибудь этакое – игрушками надо делиться. Море принимает в себя свет Луны-Селены и серебрится в ответ: «А я могу не хуже!»

Занятый этой игрой песок-скрипун неохотно откликается на тяжелую поступь, заглатывает подошвы сандалий. Обвиняющим глазом сощурилась перламутровая ракушка: чего тебя принесло, ночью-то?

А море радуется: тянется лапами прибоя, приглаживая берег, утихомиривая…

«Это же Аид, – шелестят волны. – Спокойно…»

Море в своем простодушии готово принять всех.

– Милый! Ах, как хорошо…

В бухте мы одни: иные нереиды брызнули врассыпную, как только заметили мое приближение. Берег опустел, будто по песочку не спеша прогулялся Убийца со своим неразлучным оружием.

Я редко бывал здесь за годы нашей игры в абсолютную победу – может, и зря. Первые полстолетия не был вовсе: учился быть богом и утверждал себя в роли страха.

Приполз, когда от того, что приходилось творить, самому стало невмоготу. Долго лежал на песке, чувствуя, как морская бирюза вымывает из глаз черное с алым, бездумно вслушиваясь в созвучный морю шепот над ухом: «Тише… тише… видишь, как хорошо? Это все кончится… отмоется… очистится…»

Нереиды впервые не решались появляться, даже среди волн, а звезды с морем сговорились и делали вид, что не подслушивают.

«Тошно. Ата была права, Зевсу нельзя в это лезть. Да и Посейдону».

«Расслабь плечи, милый – вот так…»

«Кто-то уронил это слово – безжалостный. Мне казалось – быть безжалостным просто».

«Жалость – тоже внутренняя свобода. Как любовь и дружба. Это умение отдавать, а отдавая – всегда обретаешь взамен».

«Что можно обрести таким образом?»

«Себя».

Глупый юнец – бросаю я-теперешний в лицо я-прошлому. Быть безжалостным легко, особенно когда находишь в этом не радость, но долг.

Долг – умение забирать.

Мысли путаются, как волосы – текучие серебряные с жесткими черными.

«Тебе хорошо?»

«Меня боятся называть по имени».

Кое-кто, говорят, и на эпитетах заикается – поможет ли это в битве, которая рано или поздно случится?

«Имена – ничто. Я вот не зову тебя по имени – разве ты недоволен?»

Белые зубки блестят между свежих губ. Серебро смеха – серебро волос – серебро ночи…

– Что ты знаешь о Стикс?

Ни морщинки на гладком лбу. Тонкие пальцы рассеянно нанизывают на длинную нить ракушку за ракушкой.

– Она титанида, дочка дядюшки Океана. Я однажды была у нее во дворце – на крайнем западе. Мне не понравилось. Камни, холод, серебряные столбы… струи этой реки, которая потом идет в подземный мир… А ее сын меня хотел ущипнуть, правда, я не разобрала – какой, они как-то все время вместе ходят.

Да уж, Кратос и Зел, Сила и Зависть всегда ходят вместе. И неотвязно таскаются за матерью – в этом нам выпал шанс убедиться.

Она явилась прямиком на Олимп и облюбовала себе комнаты неподалеку от покоев Афродиты – под озадаченное молчание самой богини любви. Статная, высокая, величественная, волосы уложены в подобие шлема, серый хитон серебрился, вышитый сотнями тонких нитей. «С какого боку к ней подойти-то?!» – резонно вопросил Посейдон, углядев такую гостью.

Гостья явилась на поклон к Зевсу сама – вместе с детьми. Двое здоровенных близнецов застыли по обе стороны от матери, сверля ее взглядами, – что-то скажет?

Поклон был коротким, речь – того короче. Прибыла, чтобы быть в союзе с Кронидами и сражаться рядом с ними, когда и как – решать самим Кронидам. Привела сыновей к трону Зевса. Готовы служить кроноборцу.

И никогда не гуляющие по раздельности Сила и Зависть заболтали головами: ага, готовы служить.

– А муж у нее из младших титанов – Паллант. И совсем не грозный, во всем слушается жену. Ну, он все больше во дворце, откуда начинается ее река, почему-то он редко оттуда показывается. Грустный такой, все время вздыхает.

Трудно быть весельчаком с такой-то женой. Деметра, презрительно морща нос, выдала третьего дня: «Вот с нашим неуживчивым была бы парочка!» – когда поняла, что Стикс это слышала – стала олицетворением кротости и сбежала куда-то в сад. Титанида, впрочем, не особенно возражала: скользнула по моему лицу колючим взглядом и приподняла угол рта в надменной улыбке.

– Папа говорил мне, что дядя Океан приказал Стикс вам

помогать. И привести с собой сыновей.

Сомневаюсь. Океан недобро посматривает в сторону Олимпа со свадьбы Посейдона – вернее, с того момента, как Жеребец умыкнул Амфитриту на своей колеснице. Внешне-то старый титан смирился с зятем быстро, чертогов ему подводных надарил…

А дела на несколько десятилетий разладились. На фоне полного миролюбия. Так, по мелочам: то шторм не по делу вскипит, то чудище какое-нибудь где не надо вылезет, мели, опять же, какие-то странные образуются. Посейдон чешет затылок, Океан честно пучит глаза и стучит себя кулаком в грудь, а лучше не становится.

Еще больше сомнительно, что Стикс послушалась бы приказа.

Море, не знающее владык, охотно принимающее жильцов и гостей, целует ступни. Осторожно поднимается выше, застенчиво пытается утащить с собой – чтобы было чем играть в лунном свете. Волны подстраиваются под ровный голос Левки, поющей о том, как дороги нереидам случайные грозы, качаются в такт – выше-ниже-выше, потом успокаиваются и продолжают сонно перебирать гальку да перекликаться с луной.

– Стикс сейчас на Олимпе, да? Как ее встретили?

– Афина на шаг не отходит. Все мудрости набирается. Посейдон уже успел сцепиться то ли с Зелом, то ли Кратосом.

– Наверное, с обоими, они же все время вместе…

– Да уж. Рожи вспухли у обоих. Афродита ломает руки и вздыхает, что у нее сплошь суровые соседки.

– Она не любила Фемиду, да?

Фемиду вообще мало кто любил. Трудно любить олицетворение правильности. Одним своим присутствием на Олимпе она выводила из себя всех, кто хоть раз преступил законы совести. А уж их ежедневные схватки с Атой потрясали Олимп до основания – не из-за того ли Зевс принял решение расстаться с женой? Знаю, что младшему тяжело далось это решение. Но знаю еще, что одно он не мог выносить совершенно точно: глаза Фемиды, когда к ней с доверчивой улыбкой подходил Офиотавр.

«Ты это видел, Аид? – гремят морские глубины отзвуками памяти. – По головке его гладит, а сама на меня… Глаза – как два копья. На ложе не затыкается ни на минуту, все о том, что мы ломаем мальчику жизнь».

«Возьмись за вожжи», – хмыкаю в ответ я-прошлый.

«Доведет – возьмусь. Брат, сил моих нет! С утра до вечера по всему миру… то за чудовищами, то стычки с титанами, нынче вот Ата сеет слухи, что Офиотавра видели на крайнем севере, среди вечных льдов. Глаз не смыкаю. Прибываю домой – и хоть ты в Тартар от нее беги. Замучила поучениями».

«Слопай, как Метиду, глядишь – еще толковая дочь появится».

Когда я в следующий раз оказался на Олимпе – Фемиды уже не было. Ушла тихо и незаметно, без боя сдав дворец торжествующей Ате. Кажется, о богине правосудия скучали только ее дочери – три привратницы-Оры. Да еще Офиотавр: барашек все тыкался туда-сюда, повторял: «А тетя Фемида не вернется? А она же будет нас навещать? А почему она говорила мне, что для меня горе – быть среди вас?»

Сына Геи, за столетие повзрослевшего ненамного, успокаивала победоносно ухмыляющаяся Ата-обман.

Море мерцает наивно: какое, мол, такое столетие? У вас там разве – столетие? Странно, мигают звезды. А мы не заметили.

– Ты сегодня тревожнее моря.

Левка отводит руку от узоров, которые я, задумавшись, вывожу на влажном песке. Касается губами запястья.

– Снова перестал спать?

В первый раз я потерял сон перед первым поражением. За век еще было с десяток случаев, последний пришелся на появление Стикс с сыновьями.

Гипнос не знает, почему это происходит. Я пробовал трясти брата Убийцы – поймал как-то за крыло при исполнении… Легкокрылый чуть свою чашу не выронил – все уверял, что он тут ни при чем.

– Так ведь – и хотел бы, – пестиком взмахнул, – да некого! Понимаешь ли, я тебя в эти ночи просто не вижу.

И Ананка отпирается – говорит, понятия не имеет, что должно случиться. Говорит, свиток свой разворачивала – нет пока что ничего важного.

Кто там ее знает – может, и врет.

– Красиво, – Левка заинтересованно склоняет голову на бок, проводит пальчиками над моими рисунками на песке. – Это дома, да? А вот это пещеры, – непонятно, как она читает это – среди невнятных точек, линий, завитушек. – А здесь ворота, на западе… Что это?

– Мое завтра.

– Ну, тогда я спокойна. В конце концов, до завтра еще далеко.

Холодная ладошка на лбу. Ластится к ногам наигравшееся с луной море. Мерцающее покрывало Нюкты дышит сверху вечностью. И можно урвать время между горячими поцелуями – обмануть себя. Поверить, что не было прошедшего века и темных от гнева глаз Фемиды: «Вы подумали, чем ваш обман может кончиться для бедного мальчика?! Что еще вы готовы положить на алтарь вашей проклятой войны?» Не было черно-красного в

глазах, меня не боятся называть по имени…

Плещет море.

До завтра еще далеко.

* * *

Рубка шла нешуточная.

Пятьсот на восемьсот.

Серебро против меди.

И люди Серебряного века – неразумные и потому перешедшие на сторону титанов – ухмылялись из-под украшенных перьями шлемов, взмахивая блестящими мечами, вздымая тяжелые копья, обрушивая на головы противника палицы…

Потому что их было – восемь сотен, а противников – пять.

Нет, уже четыре: левый фланг потерялся где-то у высокой гряды камней, канул словно в тартарскую бездну – и битва велась двое на одного.

И люди нового, Медного века огрызались как могли: медными секирами, дротиками, когда придется, и стрелами. Резали воздух и плоть лабриссы. Медной яростью скалились шлемы и загорелые лица.

Старый век воевал с новым. Старый век насмехался над новым: куда ж вы, торопыги? Да, ваша кровь горяча: вы быстрее, и увертливее, и яростнее, и думать умеете лучше и скорее. Но самый высокий из ваших не достанет коротышке из наших до груди. Да, вы быстрее рождаетесь и быстрее взрослеете, а мы покидаем свои дома лишь через сто лет после рождения – что с того? Зато копье, которое у нас перышком вращает едва научившийся ходить мальчишка, вы едва ли сдвинете с места вдвоем.

Гляньте, как разлетаются ваши шлемы под нашими ударами! Вместе с черепами. Вы бьетесь из последних сил, словно ждете какой-то подмоги – ее не будет, подмоги, скоро мозг нового века зальет это ущелье… Где там ваш лавагет, крысюки медные?

Вот смех! Лавагет расселся прямиком на скалах, над битвой. Сам в битву не лезет. Даже меча не достает. И доспех – неправдоподобно легкий: кожаный нагрудник да бронзовый, круглый с насечками шлем. Щита – и того нет.

Хитон – не поймешь, какого цвета: заношен вконец. Хламис – то ли черный, то ли серый – от пыли не рассмотреть.

Вот уж дурацкий лавагет: юнец юнцом, ему… сколько там… двадцать пять? Это если по счету медных. Сто-то хотя бы есть? Это если по правильному, серебряному счету.

Нет, наверное, ста – вон, борода совсем короткая. Лицо остроскулое, загорелое – словно со скалами здешними хочет этим лицом слиться. Брови как волосы – чернее черного, словно не выгорают на солнце.

А взгляда не видно, и почему-то кажется: хорошо, что не видно. В бою не присмотришься: палицей и мечом нужно махать, – а только кажется: вот хорошо, что не видно у него взгляда. Не хочется такой взгляд в грудь или в затылок получить – вместо стрелы.

Сидит лавагет на скалах, наблюдает. Кривится. Под нос себе что-то бормочет чудное: «Убийца, не запаздывай…» или «Убрать Авдотия из десятников», или «Копья – хорошо… лучники мажут». А, да ну его вообще – пусть сидит на своих скалах до самой победы, а мы сейчас этих… медных… куда ты полез, червяк в доспехах? Сейчас мы их тут положим, а потом и его со скал стянем и пойдет потеха…

А в бою нужно копьем махать и мечом. Эх, сиииила! Эх!

Медные наконец дрогнули. Попятились, сбитые с толку последним, яростным кличем серебряных: «Во славу Крона!» – втянули шеи, сдвинули щиты, начиная тесниться к узкому концу ущелья, а серебряные грянули еще громче: «Крон – во веки времен!» – и удвоили натиск, медленно и тупо смеясь – они вообще все делали медленно и тупо. Кое-кто вскинул голову – поглядеть на изменившееся лицо дурацкого лавагета…

На скалах никого не было. Только пронзительный, разбойничий свист, взявшись непонятно откуда, отражался от камней.

Да конское яростное ржание неслось вдогонку свисту, настигая его… ближе… ближе…

Колесница влетела в войско серебряных из ниоткуда – черная, бронзовая, и черным казался воин на ней. Воин правил одной рукой, без усилий удерживая четверку чудовищного нрава коней.

Во второй руке у возницы был длинный – длиннее обычного – меч.

Меч, который разил, не прикасаясь – словно у него было другое, невидимое лезвие, имя которому: приказ.

Смех еще не замолк в глотках у серебряных, когда их начали убивать. Не сражаться с ними – истреблять, словно просто пришел час. Булавы, копья и мечи не успевали за колесницей, вскипел и опал сплошной вихрь из человеческих смертей, аспидно-черные кони ржали – словно хохотали над недоумением на лицах недавних победителей…

– Кх-рылья? – прохрипел, падая, тот воин, что еще недавно

смеялся над дурацким лавагетом на скалах: когда ветер раздул плащ за плечами страшного возницы, воину померещилось: это железные крылья.

– Крылья, – согласилось что-то из пустоты. Что-то звякнуло чем-то за плечами. Потом свистнуло – тоже чем-то, только острым, и дальше воин Серебряного века мог наблюдать битву только как тень.

Осознание пришло поздно: серебряных погубила медлительность. Ужас, подкравшийся и напавший так внезапно, сдавил горло, и не сразу осмелились выкрикнуть в воздух имя этого ужаса:

– Аид!

…и все равно их это не спасло.

– Это Аид!!!

Мне начинает нравиться, как они кричат это. Звучит будто «Это конец!».

Или, может, даже страшнее.

Я смахнул с лица кровавые брызги. Смертная кровь всем нехороша: и пахнет мерзко, и на вкус – не отплюешься, и пачкается как зараза: после боя не отмоешься.

Нетерпеливо цыкнул на квадригу, которая стала столбом: видно, хотела, чтобы я полюбовался на дело их копыт и своего меча. Что там смотреть… живых нет. Есть те, кому перерезали нити, а Танат еще не успел к ним со своим клинком: в последнее время он не может за мной угнаться…

Впрочем, могу поставить мою колесницу: все равно ведь скажет, что я бездарно дрался. С тех пор, как я худо-бедно овладел умением сражаться при помощи божественной сущности – я от Убийцы иного не слышал.

Снял шлем: тот неприятно стискивал виски. Опять тельхины будут руками разводить: ведь должен же сидеть! Если бы я мог – я дрался бы с непокрытой головой, но поймать в лоб случайную палицу – это ведь и богу неприятно.

Остатки моего отряда – двести с лишним человек – угрюмо посверкивали глазами на фоне медных доспехов и оружия. Явно считали, что я потянул с вмешательством, но оспаривать не пытались: наслышаны были, чем такое может кончиться.

– Трофеи на телеги и к Олимпу.

Простояли при преимуществе противника… будем считать, в три раза, если не в четыре… с полчаса. Недурно.

Потренировать стрелков, а так можно в элиту войск писать, прошлое поколение людей этого века в таком положении десяти минут бы не выдержало.

Задвигались. Трофеев наберут изрядно, в этом скалистом

лабиринте люди серебряного века целый город пещерный устроили. Еще и набегами на окрестные селения занялись. Сто лет пора было взять это место…

Вокруг кипело движение. Кто-то колол копьем противника, не испустившего дух – никак, ранили раньше, чем я вмешался. Из дальней пещеры слышался рев ребенка, разбавлявшийся женскими мольбами. И то и другое звучало странно замедленно – все у них неторопливо, у этих серебряных…

И тупо.

К чему, например, выскакивать из пещер всем сразу, когда можно организовать оборону? Места здесь – отменные для крепости, только пару рвов да ловушек в нужных местах – а потом мы бы их из пещер три века выковыривали.

Голос ребенка оборвался, а мать надрывно взвыла – и тоже умолкла, подтверждая отданный заранее приказ: пленных не брать.

Серебряный век умирал под медным ножом.

– Эвклей!

Да где ж он, этот… если нырнул в чье-нибудь жилье за трофеями – клянусь, я его… вон как раз подходящая булава валяется.

Недолюбливаю говорить. А уж когда приходится кричать…

– Эвклей!

– Чего тебе?

Он со всеми держится так – коренастый, вечно заляпанный с ног до лысины едой и на ходу что-то жрущий. Даже когда полвека назад я вытаскивал его из кроновой временной ловушки – он умудрялся жевать и хамить. Благодарность в его устах звучала так:

– Ну, и на кой ты меня выволок?

В ответ я двинул ему в зубы – сразу стало не жаль потраченного времени – развернулся и пошел к колеснице. Он догнал меня почти сразу.

– Плащ у тебя обтрепался, – сказал недовольно. – Бог, а ходишь в рванине. Надо бы получше раздобыть…

С тех пор и прилип как муха к меду – не стряхнуть. Сам себя объявил моим снабженцем и распорядителем, и пусть на Олимпе пока так и не поняли, кто он такой – бог, демон, даймон[1], еще какая-то загадочная сущность – дело свое он знает. Правда, начальства не признает, вот и сейчас:

– Чего надо? – красная, поросшая волосами ручища сжимает туго свернутую лепешку, узкие глазки недовольно щурятся. – Хитон ты опять во что превратил?

– Присмотри за этими, – мотнул головой в сторону войска. –

Чтобы не перепились и не передрались из-за добычи.

– Сделаю.

Солдаты, оживленно грузившие на телеги трофеи, приуныли – видно было издалека. Если их пугал лавагет, то перед снабженцем лавагета они трепетали больше чем перед Зевсом-кроноборцем.

– Я к Прометею – он не шлет гонцов. И нужно найти сотню с левого фланга.

– Угу.

За спиной вспорхнули еще несколько женских воплей. Улетели в небо, потревожив Гелиоса. Второй учитель свесился с колесницы, покачал головой укоризненно. За полтора века, что мы играли с Кроном в пророчество и абсолютную победу, отношения с Гелиосом совсем разладились. У меня: Посейдон-то в конюшни на краю земли заглядывает, да и с Зевсом Гелиос, кажется, на короткой ноге…

Но вот с *тьмой* ему нельзя.

С Прометеем мы столкнулись лоб в лоб: выскочили друг на друга на одном из ущелий, которое здесь заменяло улицы. Обменялись кивками.

– Что у тебя?

– Я посылал гонца, – сын вещего титана Япета, сам, по некоторым слухам, вещий, устало потирал лоб. – Не дошел?

Ну, значит, не дошел. Или не туда послал.

– Повсюду ловушки Крона… более двух сотен потерял я в петле времен. Оттого бой и был тяжелым, – вздохнул. – Погибли, увы, многие из лучших, а всего потерь – не менее полутысячи…

У Прометея под рукой была тысяча воинов. Я взял себе меньше да лучше: пять сотен проверенных, закаленных в боях. Титану, к тому же, предстояло отвлекать на себя внимание, рассредоточив войска по нескольким ущельям, где они бы заняли исключительно плохие для боя позиции.

Впрочем, стратег он хороший, это признает даже Афина. С тех пор как Прометей вместе с братом присоединился к войскам Зевса, они с Совоокой отлично спелись.

Со мной у него – взаимное раздражение: я его раздражаю молчаливостью и жестокостью, он меня – говорливостью и жалостливостью.

– Пленных опять в живых пооставлял?

Выглядит он старше меня и уж точно мощнее, а вспыхивает смешно – как мальчишка.

– А какой прок убивать беззащитных детей и женщин?! Зачем лить кровь? Какой вред они могут причинить, пусть даже и уведенными в рабство? Или и ты думаешь, что детей нужно

убивать, пока они не выросли?

Когда я останавливаюсь и смотрю на него – в голубые глаза, полные жалости ко всему живому – он начинает заслоняться рукой. Будто там, за моей спиной видит кого-то… нет, что-то. Не Ананку.

– Да. Детей нужно убивать. Пока они не выросли.

Отец на одном таком споткнулся…

Дальше идем молча: отчитываться Прометею не хочется. Он молчит о том, что я – чудовище (довольно распространенное мнение). Я молчу о том, что он – дурак.

Он же не знает, добренький. К нему в шатер не шагал его единственный друг, задевая железными крыльями полотняный порог. Друг не бросал ему в лицо:

– Пленные, которых вы берете, зовут меня. Хватит, невидимка.

Он же не видел, что творят с этими пленными люди Медного века, которые известны своим кровожадным нравом – вот уж сотворил братец-Зевс, так сотворил! Что они делают с медленно вырастающими детьми, которые в десять лет не могут даже позвать Таната, ибо говорить осознанно начинают к двадцати…

Интересно, видел он обратное: что женщины Серебряного века делают с детьми века Медного, как они отдают их в качестве игрушек своим отпрыскам?

Делали. Отдавали.

Серебряный век нынче умылся кровью – это было последнее крупное селение, с остальными легко справятся отряды Посейдона.

– Стоп, – шепчет Прометей.

На ловушки Крона у него прямо-таки нюх. Указывает на знак на скале: все верно, змея с увлечением лопает свой хвост.

За знаком – пыль, кости и груды позеленевших доспехов: все, что осталось от сотни с моего левого фланга. Висит скелет на скалах – подтянувшись, в отчаянном рывке.

– Век минул для него за миг, – бормочет Прометей, оглядывая окрестности. – А после время застыло.

Теперь будет стоять еще век – упущенное наверстывать.

Границы ловушки определялись на глаз легко. Двести шагов на триста: ущелье в этом месте как назло было широким.

– Я ее сам уберу, – высунулся Прометей. – Тут ничего сложного, я сам, а ты посмотри дальше…

Не хочешь в обществе Кронида Мрачного по скалам шастать – так и скажи. Путей в каменном лабиринте хватает.

Вторая ловушка открылась шагов через сто – не стеснялся отец, лепил направо-налево в надежде, что хоть кто-нибудь на

штурм полезет. Эта – не такая простая, но тоже знакомая: «Время стоит, но оно идет». На замедление противника.

Остатки моего левого фланга умудрились угодить в ловушку вместе с солдатами прометеева войска и не особенно горевали. Делились выпивкой, у кого была – закуской. Кто-то травил похабные истории – между прочим, о драматическом расставании Зевса и Фемиды.

Расставания никто не видел, а потому оно успело обрасти историями.

– А потом она, стало быть, говорит: «Да глаза б тебя не видели!» – бдыщ, и ослепила сама себя!

– Да просто платок вокруг глаз завязала, да и все…

– Не-е-е-е, я слышал, что обет дала еще!

– От кого слышал-то? От лавагета вашего? Безжалостный поделился, э?

Меня они не замечали: я казался им сгустком пробегающих мимо секунд. Для них время стояло – и все же шло. Сними я ловушку через сто лет – они их и не заметят, так и будут байки травить и удивляться тому, что вино в мехах кончилось…

Знак на скалах – змея занята трапезой из собственного хвоста. Четыре луча. Купол ловушки шагов на двадцать выше головы… повозимся, нужно только увидеть…

– Этот поделится, как же. Все больше взглядом.

– Что вы за ним таскаетесь? От него на Олимпе хуже чем от Крона…

– Ваш-то Прометей лучше, что ли?

– Сравнил! Что ты за скотина такая неблагодарная? За жизнь свою кого благодарить должен?

– Папу с мамой.

– А папа с мамой кого? Кроноборца и Прометея! Если б они твоих предков из меди не сделали…

– Хо, это нашего-то Пирра предков? Чем хотите поклянусь: у всех из меди, а у него…

Потасовка вспыхивает лесным пожаром. Люди медного века падки на драки: поведешь в поход – половина перережет своим же глотки в междоусобицах. Прометей сетовал: нужно, мол, было как материал не медь брать, а бронзу. Зевс махнул рукой – куда уж теперь переделывать…

Полминуты – а потом мои солдаты разнимают драчунов и пресекают попытки остальных лезть в драку.

– П-пустите! – хрипит краснорожий, усатый зачинщик. – Жалко, что ли?

– Извини, – хладнокровно ответствует Атрей, мой сотник. – Привычка. Лавагет отучил со своими сцепляться. Он за такое

знаешь, что творит? У-у-у…

Свиваются, переплетаются нити времени. Кольцуются в ловушку. Время покорно своему Повелителю: взял мускулистой рукой, загнал в узкие рамки – изволь лежать. Времени больно: оно хочет течь как обычно.

Мои воины цинично, со смаком расписывают способы борьбы с междоусобицами, которые я же и практикую. Приукрашивают малость, а так вполне…

Солдаты Прометея серее окрестных скал. К закускам не приглядываются – ну их…

– Ну и фантазия у вашего.

– В подземном мире за своего, вот и фантазия.

– Правду говорят, что он оттуда почти не вылезает?

– Врут, собаки. Кабы не вылезал – мы б с ним не таскались по всей Элладе. В прошлый год только четыре похода… Но вот с Жестокосердным на короткой ноге. Еще с братцем его – Гипносом.

– Этот хоть нормальный.

– Кому нормальный, а кому сон на посту… а-а-а-а, и сейчас охота спать…

– Да у тебя без всякого Гипноса глаза слипаются!

Обнаженное время подрагивает под пальцами, покусывает подушечки. Распустить узел в куполе – и снимутся нити ловушки, только увидеть, за что тянуть…

Посейдон снимает отцовские ловушки легко: лупит со всей дури тем, что под руку попадется. Распыляет всех, кто в этот момент находится в ловушке – зато и думать не надо.

– Гипнос-то… не сказал бы, что наш к нему хорошо. В прошлом месяце было дело, когда с великанами Волчьей Долины разбирались. Часовых выставили, сами уже ко сну готовимся. И тут из палатки лавагета вылетает этот – во всем белом и с чашкой, значит. Как от пинка. А вслед ему голос нашего: «Отстань, дрянь липучая!»

– И что?

– Что-что… Гипнос крылья расправил, засмеялся, говорит: «Какой он миленький, когда в хорошем настроении», – и как брызнет из своей чашки! Чуть к рассвету глаза продрали…

Братец Таната любит пошалить. Или явиться невовремя с большим желанием поболтать. Холодный прием его не смущает: «А ты еще не забыл, что ты мне должен? Ничего-ничего, во мне дружелюбия – на двоих хватит!»

На сорок тысяч у него дружелюбия хватит, когда уже отвяжется, зараза белокрылая…

– *Маленький Кронид…*

Рука дрогнула, не по делу задев какую-то временную нить. Голос Ананки я узнаю из тысячи.

– Пришло наконец, – буркнул под нос, разумея недавнюю бессонницу и предчувствие, не год и не два висевшее в воздухе.

Тон у нее был покаянным – проглядела…

– *Пришло.*

– Откуда?

– *Как всегда, мой мальчик. Откуда не ждали.*

– Давно?

– *Ты был в битве. Мне незачем было подавать голос.*

Основной узел ловушки наконец поддался. Солдаты закрутили головами, повскакали с мест, увидев меня, Атрей докладывать кинулся… Я поднял руку.

– Бой закончен. Грузите трофеи вместе с остальными.

Кажется, он еще что-то хотел говорить: по поводу того, что они тут наболтали. Сдержался. Атрей у меня сотником уже пять лет, привык: лавагет молчит – и ладно. Нужно было бы – уже казнил бы.

Сильно подозреваю, что в мои войска он рвался как раз за эту видимую простоту.

Черная змея на серой скале за спиной настойчиво трапезничала своим хвостом.

Небо ослепительной синевой соревновалось с сапфирами.

Легкая пыль вздымалась из-под сандалий – я опередил свою сотню, я спешил назад, к войскам, словно там меня мог ждать вестник того, что произошло…

– *Ты догадлив, невидимка.*

Эвклей, жующий на сей раз куриную ногу, выскочил откуда-то слева, с дикими глазами. Буркнул:

– Иди… Там тебя… искал. Еще бог называется. Где, говорит, а то я тебе кишки вырву…

Посланец? Бог?

– Брат!

С каких пор Посейдон заделался посланцем у нашего младшего?

– Что? Что там?!

Здоровый румянец с лица Черногривого сполз, копна волос стоит дыбом, вид – дичайший, будто он только что вынырнул с морской глубины, да и дышит так же тяжко.

– Офиотавр…

Прометей появился вовремя – словно с небес свалился. Есть у него это качество: когда все бегут подальше, предчувствуя скорую бурю, он, наоборот, несется туда, где кипят страсти.

– Прими войско, ухожу, – бросил я, вскакивая на колесницу.

Ударили вожжи – как в щит копьем по звуку. Черногривый едва успел вскочить следом.

– Почему колесницей-то? – перекричал шум в ушах. – Можно же просто шагнуть!

Шагнуть, перенестись, вознестись – это у меня получалось через раз. Если бить, повелевая, худо-бедно выходило, то ходить путями богов, исчезая в одном месте и почти мгновенно возникая в другом, я умел отвратно на редкость.

Впрочем, Зевс говорит, что богам уметь и не нужно: нужно – желать, приказывать…

Ну, так значит – я не желал.

Но сейчас, нещадно истязая коней под истошные вопли младшего брата («Не трогай лошадей, кому сказал, а то я тебя этими вожжами!») – мимолетно сожалел об этом.

Квадрига уловила чутко: за промедление шкуру спущу. Земля под копытами бешеных скакунов сливалась в сплошную буро-зеленую ленту.

– Рассказывай.

– Сам мало что знаю. Прилетает Ирида-вестница, ломает руки, мол, Зевс в гневе, слал за тобой, а она без понятия, куда ты со своими отрядами нырнул. Ну, это отговорка, просто она к тебе лететь боится. Сказала только: с Офиотавром неладно. Так я подхватился – и к тебе…

– Насколько неладно?

– Да видно – совсем. Ты б ее лицо видел. По всему – младший ее перепугал чуть ли не до потери бессмертия.

– Но неладно?

– Да, сам понимаешь…

Понимаю. Это не колесница подпрыгивает по кочкам Фессалийской равнины: квадрига несет так, что колеса едва касаются земли. Но сама земля вздрагивает, будто грудь женщины, пытающейся сдержать рыдания.

Потаенная дрожь у склонов Олимпа: всего лишь один сын из многих, только один из многих, я, Мать-Гея, не буду плакать, я не буду плакать, я не бу…

– Доигрались, – просвистел сквозь зубы Зевс, встречая нас во внутреннем дворе и втаскивая в гинекей[2].

С сыном Матери-Геи Офиотавром было совсем неладно.

Его тень как раз в это время, наверное, любовалась искусно кованным мостом через черные воды Стикса.

Истерзанное тело вытянулось на ложе в одной из комнат прислуги: светлые волосы слиплись одним большим колтуном, глаза-колокольцы раскрыты в немом удивлении, алый рот приоткрыт в последнем усилии – задать вопрос…

«Почему вы так со мной?»

Сына Геи мучили долго и со вкусом – видно по раздавленным пальцам, порезам и ожогам на юношеском теле…

Самый страшный след наискось пересекал грудь, открывая разрубленное сердце.

Фальшиво донельзя завывала над сыном Геи Ата: «А какой был краси-и-и-ивый»… Впрочем, в воплях богини обмана слышалась и истинная тоска – по прерванной искусной игре.

У изножия ложа стояла усталая, но спокойная Афина.

– Железносердный был у него совсем недавно, – негромко сказала она, легким поклоном отмечая наше появление. – Мальчик умер быстро.

Сердце невинного сына Геи удивленно выглядывало из страшной раны, какие наносят только адамантовые секиры. Кровь была алого цвета, но не густой – словно бы фруктовый сок запятнал разрезанный хитон, веселой влагой окропил ложе…

– Как? – спросил я наконец, взглядом приказывая Ате умолкнуть.

Зевс дернул щекой.

– Он в последнее столетие рвался на волю, – голос у младшего выходил глухо. – Все спрашивал, почему ему нельзя выйти, даже если война… ну, ты знаешь. Я приказал присматривать за ним Аргусу Стоокому – не объяснял, конечно, зачем.

– Знаю.

– А он поспорил с Аргусом, что тот не сумеет одновременно продержать все свои глаза закрытыми, пока из разбитого пифоса вытекает вода. Аргус – из рода титанов. Он простодушен.

Из угла, где сидела Ата, больше не доносилось ни звука. Ну конечно, Офиотавр ведь не сам придумал этот спор… Ладно, все после.

– Дальше.

Зевс тер лоб ладонью, к которой пристали следы застывшей меди – наверное, сюда принесся прямо от тигля, в котором выделывал очередное поколение людей нового века.

– Дальше… сбежал. Еще Фетиду повстречал – попросил прокатить, а она и согласилась. Она же не знала…

Никто не знал. Просто белокурый юноша, кучерявый жертвенный барашек решил праздно прогуляться по военной Фессалии. И гулял, восхищаясь красотами гор и рек, приветствуя мелких божков и нимф, погружаясь в цветы, – пока на его дороге не встретился…

– Кто?

– Титий…

Посейдон сплюнул сквозь зубы, пробормотал что-то изощренное.

Родной противник, можно сказать. Один из тысячников Крона, известный лживостью и вероломством. Не раз сталкивались с ним во время военных стычек, и плоды этих столкновений – мои разбитые мечи, расколотые щиты, тела солдат, а иногда и раны – у меня или Посейдона.

Кажется, в день того, первого проигрыша Черногривый получил копьем в бок именно от него.

– Непонятно, как он на него наткнулся. Судьба какая-то, что тут скажешь… Титий, видно, понял не сразу. Сначала просто хотел повеселиться. Может, развлечься с красивым мальчиком. Вот только…

Вот только мы так и не научили красивого, простодушного мальчика быть не мальчиком. То есть, молчать.

А Титий, несмотря на то, что он титан, не настолько простодушен, чтобы пропустить мимо ушей знакомое до боли имя – Офиотавр…

Резануло под веками мимолетным прозрением. Титан – щербатый, грузный, недоверчиво ухмыляется, поигрывая секирой.

– Это какой Офиотавр? Сын Геи, что ли?

И распахиваются в радостном недоумении глаза-колокольчики безобидного барашка:

– Да, моя мама – Гея-Земля… а откуда вы знаете?

– Я опомнился… – младший ронял слова, понурив голову. – Прибыл туда, когда Титий собирался отправляться на Офрис к Крону. Схватка была короткой: он отступил, я забрал мальчика. Но было поздно. Титий выпытал из Офиотавра все – от момента его рождения до… все.

С хриплым криком распростерлась у ног нашего маленького идола Ата – решила, что игра сильнее страха.

Нет, она играет и страх тоже. Вон – воет о том, что гореть деревням и вдоветь женщинам…

– Крон знает о нашем обмане. Он начнет войну.

Мудрым считают не того, кто первым понимает – того, кто первым произносит вслух. Афина успела за века снискать себе славу мудрой, Метиду с ней даже в сравнение не ставят.

Посейдон перенес вес с одной ноги на другую, но ничего не сказал.

Крон знает о нашем обмане. Потому что если мы держали рядом с собой Офиотавра и не воспользовались шансом – значит, шанса и не было.

Он начнет войну – к которой мы едва ли готовы.

Надсадно, на одной ноте скорбела богиня обмана на полу:

драла свой пеплос[3], расшитый лживыми улыбками. Когда заканчивается такая игра – можно дать себе волю и поскорбеть.

– Встань и утихни, – велел я, и Ата умолкла с недовольным видом. – Твоя игра не закончилась.

– Так ведь если Крон… – начал Жеребец удивленно.

– Крон знает – но не союзники.

Побледнела Афина, переводя серые глаза с истерзанного тела сына Геи на своего дядю, Черного Лавагета. Что ты хочешь спросить, мудрая дочь Зевса? Верна ли твоя догадка о том, что я собираюсь заканчивать начатое? И после того как жизнь юного Офиотавра оборвалась?

Еще как собираюсь. Мудрой быть недостаточно, дочь Зевса. Хочешь воевать – учись быть еще и безжалостной.

Ата поднималась, деловито оправляя на себе пеплос. Недовольно осматривала фибулу, оторванную в пылу притворных стенаний.

Глаза богини обмана алчно поблескивали.

– Вы хотите создать какую-то историю, Неумолимый?

Я перевел взгляд на Зевса. Тот кивнул.

– Да. Хотим создать историю.

* * *

Пламя было живым. То заходилось в буйном танце, дрыгалось, как хмельное, распускало по ветру оранжевые и алые косы, то вдруг наливалось лиловым и начинало раскачиваться медленно и угрожающе, как копейщик, готовящийся к броску. Пламя слизывало благовонное масло с сосновых поленьев – смаковало по капельке, каждой новой искрой подтверждая: угощение удалось на славу.

«А Зевс послал своего вестника – орла, ему ведь и птицы покорны! Титий уже и огонь жертвенный развел, и все приготовил – вот тут-то орел у него тело Офиотавра и выкрал… из-под носа, можно сказать!»

«О-о, слава кроноборцу! От чего избавил…»

Ата знает свое дело. Зевса славят не только союзники – и те, кто колебался ранее. Пламя безумствовало, опьяненное ароматом масел и сухой сосны. Язычки метало, словно море – брызги в час прибоя. Огонь настойчиво хотел подарить каждому свою частицу: плясал, отражаясь, в кольцах зевсовых кудрей, брызгал искрами на гиматий Посейдона…

Обегал меня – на панцире черной бронзы не очень-то отразишься.

Тело Офиотавра не желало гореть – хранило спокойствие и

неподвижность внутри диковинного живого цветка. Тело хотело к матери-Земле, назад, туда, откуда вышло, и даже невыносимый жар костра не мог стереть с лица юного мертвеца вопрос.

«Почему вы так со мной?»

Боги не отвечали. Боги молчали.

Боги хоронили смертного.

«А потом, значит, они сами совершили сожжение. Но только окружили жертвенник своей силой… Почему? Что почему? Вас, дурных, уберечь хотели! Кто там знает, что бы началось, если бы они вдруг – к такой-то мощи…»

«О-о, хвала кроноборцу! О нас радеет…»

Пламя плясало в глазах – серых и карих. Тонуло в черных. Связывало троих хуже клятвы над бурей – одним преступлением.

Наконец вспыхнуло, победоносно взревело и рванулось к небесам, унося пепел единственного сына Геи, который никогда и ни в чем не был виноват.

После мягкий пепел осядет на землю – и она еще раз содрогнется, напоследок, и утром выступит слишком обильная роса…

– Вот ты мне, Аид, скажи, – хрипло вымолвил Посейдон, когда костер во внутреннем дворе дворца на Олимпе отгорел, – есть у меня еще время допиться до розовых кентавров перед последней битвой?

За спиной хмыкнул Зевс.

– Время найдется, – ответил он за меня. – А хмель тебя возьмет?

Кроноборец имел в виду последние новости о размерах и мощи армии отца.

Все, чего мы достигли за сто пятьдесят лет, выглядело ничтожными потугами. Укрепления – башенками, которые строил мальчишка в песке. Войска союзников, готовые прийти на помощь, – стадами блеющих овечек, рассеянными по долинам.

Впрочем, наши разведчики не всегда добирались до нужных рубежей, так что рассчитывать приходилось на молву да на богов ветров – сыновей Эола. Но эти легкомысленные мерзавцы никогда не бывали щедры на верные сведения.

И, однако, все сходились на одном: если Крон отбросит в сторону неуверенность и все же решит наступать – Олимп он слопает с хрустом, как хорошо приготовленный кус баранины.

– Так ведь тем более нужно пить, – с достоинством ответил Посейдон. В карих глазах Черногривого читалось твердое желание: опрокинуть сначала с десяток чаш нектара, потом вдвое больше – вина, а потом пойти на берег и долго орать песни в компании морских нереид, вызывая ревность у тихой и

обиженной Амфитриты…

Когда у Жеребца бывало такое выражение лица – остановить его не смогли бы и все армии Крона.

Правда, напиться ему все равно не дали. Ата явилась в сопровождении брата – сухонького, желчного Мома-насмешника, прозванного Правдивым Ложью за великое почитание искусства давать мудрые советы, которые потом приводят к страшным последствиям. Не раз и не два этот божок пытался напроситься в союзники, а вот теперь явился вестником и речь расплескал диким медом, с самого приветствия:

– Радуйтесь, о могучие сыны Звездоглазой Реи и Крона Повелителя Времени! К твоим стопам припадаю, о великий Зевс, многократно опетый аэдами. Кланяюсь тебе, Посейдон, Земли Колебатель, чья слава вздымается выше гор! И тебе мой поклон, о Аид Беспощадный, ужас несущий врагам!

– Радуйся и ты, сын Ночи, – в голосе Зевса прозвучала неприкрытая ирония. – Что тебе нужно?

Желтоватое, со странно вывернутыми губами лицо Мома лучилось поддельным восторгом. В отличие от своей сестрицы Аты, он даже не пытался играть, находя особенную прелесть в том, чтобы выглядеть фальшиво.

– Моя мать, жена Эреба, Нюкта, приглашает посетить ее в ее дворце.

Всколыхнулось безмятежное небо внезапной чернотой – видно, пепел Офиотавра не желал опускаться вниз к матери-Гее. Желал полетать среди стад Нефелы, посмаковать свободу…

А казалось – на синь набросили темное покрывало.

«Скажи мне, малыш… когда я позову – ты откликнешься?»

– Когда она приглашает нас?

– Нынче днем, – Мом обнажил остренькие зубки. – В иное время вы можете ее не застать.

И тут же сменил тон – засюсюкал униженно:

– Но она понимает, да, она понимает, что великие сыновья Крона очень заняты. Война со Временем – это ведь так непросто! Великие сыновья Крона могут и не выкроить минутку – навестить старую богиню в ее уединении все втроем. Что ж, тогда – это мне мама сама передала! – тогда пусть у нее погостит хотя бы один. Тот, который хорошо знаком с ее сыновьями, –почтительный, но злобный смешок. – Тот, кого она когда-то познакомила со своей дочкой…

Ата кокетливо хихикнула, теребя выбившийся из высокой прически локон.

«…если я позову…»

– Передай почтенной Нюкте, что звать так громко было

необязательно, – тяжело выговорил я. – Я иду.

Брат и сестра – Обман и Злословие – смотрели с неприличным предвкушением. Мом пощелкивал узловатыми пальцами, словно уже кого-то тащил за плечи под землю.

Как торговец едой, у которого досужий покупатель понадкусывал все лепешки с медом, а потом попытался удрать: «Куды?! А платить?»

Куда это ты собрался на войну, Кронид? А расплатиться за ценный совет, который дал вам полтора века передышки?

Пальцы Ананки больно сжали плечо – опасность!

Нет, это пальцы Зевса. Младший сверлит глазами Мома из-под насупленных бровей, а в голосе у него столько меда, что посланцу Нюкты захлебнуться впору. От зависти.

– Мой брат хотел сказать – *мы* идем. Разве могут любые дела удержать нас от такого визита…

– Да мы уж сколько веков хотели наведаться, – с голоса Посейдона можно было масло сцеживать.

Прошло целых десять тяжелых ударов сердца («Будет! Будет!!»), прежде чем Мом Правдивый Ложью смог опять расплыться в улыбке.

* * *

– Во местечко. И какой ненормальный тут будет жи… да хватит уже пихаться!

Жеребец засопел и поотстал от Зевса: мало ли, вдруг опять локтем в бок прилетит. А Мом-насмешник, сын Ночи, всем затылком выразил, что нет-нет-нет, он ничего не слышал. И вообще, ему не до того: тут торжественная встреча, гостей дорогих провести надо…

Знать бы еще, почему этот гаденыш выбрал путь через Стигийские болота!

Зыбкие тропинки: того и гляди, в трясину нырнут, так и ходят под ногами.

Змеи из-под ног – на каждом шагу. Серые, изумрудные, черные.

Болотные огни – и то непонятно. Может, огни, а может, глаза.

Туман, испарения…

Еще и жильцы сползлись со всех концов: посмотреть на Кронидов. Выстроились вдоль пути и скалят клыки, шуршат хвостами, машут когтями… радуются, заразы.

Не каждый век можно повидать в подземном царстве: Восторг и Ярость!

Восторг – в белом хитоне, синем гиматии, грудь колесом, в волосах – солнце, которого здешние подземелья века не видели. Губы – пурпуром, глаза – звездами: идет, не касаясь болотистой

дряни, не пачкая сандалий, вскинув голову. И молчит. Или безошибочно называет местность: вон там еще изгиб Стикса, а вон в той стороне Ахерон, там вон была бы Лета, если бы свернуть, а там вот Коцит… да еще изредка приложит локтем брата – Ярость.

А то мало ли что этой Ярости в голову взбредет. То гидру какую-нибудь пуганет, то змею пнет так, что змея аж под свод взлетит, то в болото ногой провалится – легко провалиться, если так топать! Про Ехидну вот заявил: «Ого, какая образина!» – шепотом, да, но таким громким, что по всем болотам прошло. Идет Ярость: панцирь искусной ковки тельхинов, гиматий морской волной отливает, на руках браслеты звякают… И – во всю глотку:

– Нет, ты подумай… А мог бы спокойно напиваться!!!

В ответ – тихий голос то ли из самого болота, то ли из полутьмы:

– Я с собой вас не звал.

– Зевс, слышишь? Надо было этого бешеного вообще наверху оставить. Связать и в кладовку запереть. Мы б и без него не заблудились.

– Нюкта удивилась бы. Звала одного – приперлись двое других...

Черными разломами тянут руки близлежащие скалы. Каждый звук трясина сначала всасывает в себя, потом отплевывает – многократно искаженным.

– Ага, как же, он не звал. Потом тебя из темниц Эреба вытаскивать? Или из речки этой горящей? Вообще, кто там знает, что им в голову взбред... Ах, теперь ты пихаешься?!

– Мое дело – что бы ни взбрело.

Чудовища шеи скрутили: с кем это разговор ведется, откуда голос? А, вот, идет какой-то: мало того что весь в темном – так еще и голову капюшоном прикрыл. Позади держится: слуга? стражник? как его по имени-то?

– Аид Сварливый, хо! Деметра все бурчит, что от тебя слова не допросишься, а я так скажу: лучше б ты правда рта не раскрывал. Может тебе того… по нимфам лишний раз пробежаться, авось полегчает?

– Спасибо за совет, братец. По бабам – это у нас ты, я – по делам, а то у нас тут война намечается.

– Заткнитесь оба, – звучит твердый глас Восторга. – Что с тобой такое, Аид? То правда слова не допросишься, а то… сказано вместе – значит, вместе! – и понизив голос: – Долго нам еще?

Мом-насмешник тут же оказывается рядом. В глаза

заглядывает преданной собакой. Ах-ах, он нас ведет самой лучшей дорогой, но что уж тут поделаешь, такой мир, вот сейчас свернем, сейчас выйдем из болот…

Зевс улыбается Мому, каким-то слизким тварям и дворцу Гекаты в отдалении – разом. А смотрит все равно на меня.

– Как выйдет.

Если прицепится эта тварь белокрылая с чашкой и пестикой – близнец смерти, тоже мне… дорога покажется длинною в вечность. И до дворца Нюкты доберемся с гудящей головой, будто правда пили до розовых кентавров.

Свернули все-таки на асфоделевые поля. Гипноса не видать, только высокая фигура Убийцы пригрезилась в серо-алой мгле – и тут же сгинула, а Мом задергался, зачастил, что ничего, уже близко, зато как нас встречают!

Да уж, и тут от торжественности никуда не делись. Сонмища теней стянулись со всего подземного мира, в глазах – пустота и отрава Леты; мрачные боги столпились с оружием в руках; Геката – богиня колдовства с неподвижными вуалями на трех лицах. Провожает пронзительным взглядом костяной остов в длинном хитоне – Харон. Вот сейчас проскрипит в лицо: «А ты что тут забыл?» – мне как-то проскрипел…

– Ну… дела, – выдыхает Посейдон. – Тут всегда так?

– Нет.

Сколько я тут бывал за прошедший век? Десять раз? Двенадцать? Все больше из праздного любопытства – посидеть у Белой Скалы, понаблюдать, как бездумно бредут к ней тени мертвецов, как наклоняются они над водами Леты словно и после смерти тоже можно чувствовать жажду, припадают бесплотными губами – и идут дальше уже без страдания, в дурмане полученного забвения. Бродил по скалистым кручам Ахерона и как-то столкнулся с титаном этой реки – простодушным, нещадно лупящим жену. Привыкал к асфоделевым лугам – после пятого или шестого раза уже мог лечь лицом в заросли бледно-желтых цветов без того, чтобы погрузиться в «вечное утешение». Пару раз гостил у Убийцы, в поражающем своей пустотой дворце на западной окраине Эреба…

Мир неуклонно бывал разным каждый раз.

То он прихорашивался ядовитыми парами, то угрожал выплесками подземного огня, то стонал и прикидывался бессильным, и асфодели тряпками стелились под сандалии…

Сегодня он был отражением глаз Аты и Мома – сыновей Нюкты и Эреба.

В мире проглядывало нехорошее предвкушение. Мир пытался запугать: вязкий страх поднимался из белесых завихрений

тумана, стонов Коцита, выплавлялся из огоньков Флегетона – памяти недавнего костра… Полз по пятам, но пока отступал перед черным гиматием.

Чувствовал, что под ним скрывается родственник.

Темные Области, потом мимо дворца, сиротливо зыркающего пустыми окнами, потом через мост над Флегетоном, потом по скалистой пустоши, до зева Тартара…

У приветственного оскала Великой Бездны Зевс постоял немного, задумчиво вперив взгляд во тьму. Потом присоединился ко мне и Посейдону.

– Да, – задумчиво молвил он, – давно стоило тут побывать.

Посейдон за его плечом состроил гримасу, говорящую: «Ну, тебе, может, и стоило».

– Радуйтесь, великие сыновья Крона!

Нюкта встретила возле входа в Тартар… какая Нюкта?! Вот эта, юная, с синими лентами в волосах, с искристой улыбкой и звонким голосом – Нюкта?! А покрывало, тьма веков в глазах, прохладный и вкрадчивый шепот – где?

Вот это – озаренный огнями, разукрашенный ночными цветами – ее дворец?! Этот вот, где коридоры полны слуг и звучат музыкой, где звенят трелями соловьи, шелестят крылья, раздаются приветствия и здравницы Кронидам? А где тишина, и мрак, и холод по ногам, и ледяной блеск самоцветов с потолка мегарона?!

– О, славнейшие, храбрейшие и достойнейшие, я и помыслить не могла, что мне выпадет такая честь: принимать вас у себя! Не побрезгуйте же отдохнуть и потрапезовать в моем скромном жилище: сегодня у меня пир в вашу честь!

Зевс лучится: ну как же, красотка какая! Посейдон уже всех служанок взглядами перещупал, подмигивает: мол, а что, не так уж тут страшно, и вообще, пир…

Какой пир?!

А самый настоящий.

С полными кубками вина, с нектаром, амброзией, плодами земли, жареной дичью. С аэдами, воспевающими доблесть Кронидов. С танцовщицами – гибче Стигийских змей.

С Момом-насмешником, отпускающим злорадные шуточки в адрес глупости Кроновых войск.

И с заботливой хозяйкой: Нюкта-Ночь разрумянилась, вовсю смеется над шутками сына, восхищается подвигами Зевса, сама подносит вина Посейдону…

А я дурак. Сижу как обворованный: почему на меня не взглянули? Что я-то не так сделал? Почему со мной она была другой? Ведь звала-то она меня?

Или же просто знала, что за мной в подземный мир спустятся братья.

Вино отчаянно отдает желчью – признак поражения…

«*Еще нет, маленький Кронид, еще нет…*»

Зевс улучил миг посреди рассказа Посейдона о схватке с каким-то великаном.

– Разожми пальцы, – прошептал на ухо. – Ты кубок смял.

И подмигнул совершенно трезвым глазом.

А ведь и правда – смял. Стыдобина… а еще у Аты учился.

Такое ощущение, правда, что и братья брали уроки у богини обмана: после пира, когда Нюкта пригласила нас совершить омовение и отдохнуть, Зевс с таким жаром кинулся расписывать, как нам дорог каждый час, что Крон наступает, и мы непременно, но только вот в следующий раз…

Посейдон вообще слезу пустил от избытка чувств.

А Нюкта замахала руками с пониманием: ох, конечно, славным Кронидам нечего делать в ее скромном обиталище, у них ведь столько забот, кто их будет удерживать?! Ей уже хватило радости нас лицезреть. Может быть, мы бы обрадовали еще ее мужа на прощание, а потом…

Конечно – кивнул Зевс. Как не обрадовать. Ведите.

Мой тревожный взгляд он поймал на лету и слегка пожал плечами: а что делать? Не зря же сюда шли. По дороге чуть ли не все царство подземное осчастливили своим видом – так давайте еще и Эреба за компанию обрадуем.

Пока нас вели к незнакомым узорчатым дверям – в памяти плавало то сонное хрипение (что-то не слышал я его в этот раз во дворце), то ощущение невидимой громады за стеной, то удивление Гипноса: «Он заговорил с тобой, Чернокрыл?!» И вопрос – острее драконьих зубов: зачем Первомраку снисходить к нам троим, зачем, зач…

Перед тем, как шагнуть в раскрытые двери за братьями, я оглянулся.

Нюкта смотрела на меня. Наконец-то – только на меня.

С торжеством.

А за спиной матери замер Убийца, пальцы правой руки скрючены: не пустить, удержать… нет, не успеть, некого удерживать.

Все, шагнул невидимка.

Теплая волна хлынула в лицо – будто море, нагретое за день солнцем, плеснуло. Или кровь.

Оттенки приходили медленно, тягуче, неохотно: мелькнули волосы Зевса, панцирь Посейдона…

И косматое, черное, огромное – над ними, вокруг них.

Распирающее стены и потолок, многолапое, стучащее огромным сердцем…

«Клетка», – мелькнула внутри нежданная мысль. Заперт… почему заперт? Заперты – это скорее мы здесь, а он-то…

«*Мальчик мой, слушай меня… Прижмись к стене, вот так. Будь незаметным. И не сопротивляйся*».

Хотел еще спросить: чему, кому… и тут хлынул мрак. Отовсюду, ласковым ядом, туманом, дурманом асфоделей, проникающим сквозь кожу, обволакивающим в насмешливый взгляд: что, поборешься?

Но вместо того, чтобы бороться, я впустил его в себя. Призвал науку Аты и солгал, что мы – единое целое. Сладкие щупальца поползли дальше, накатила томная волна: «*Да! Ты – это я!*» – и отхлынула от крошечной скалы, единственного островка внутри: «*Я – Аид-невидимка*».

Голос извне – тяжелый, глухой, нутряной и древний…

«Боитесь?»

– Нет! – это два голоса, Посейдона и Зевса, и крик долетает слабо, как шепот.

Я молчу. Нет, не молчу: мои губы шевелятся, повторяя слова Эреба:

«Зря. Вы вмешались то, чего не понимаете. Ничтожные букашки перед мощью своего отца, вы впутались в дела мироздания, о которых не имеете представления. Вам не победить сына Урана…»

«… победить… сына Урана», – шепчу я, но незаметно, просто немного тверже обрисовать губами, просто проглотить «не»…

Глаза закрыты. Почему-то вижу искаженные лица братьев. Посейдон весь в испарине, руку поднял, будто его что-то давит, у Зевса вздулись вены на шее…

Улыбаюсь.

«…без помощи. Я предлагаю сделку».

– Какую?

Нет, это не я. Это тот, другой, предвечный – моими губами. Тот, который знает, что этот вопрос – уже согласие.

Потому что у глупых мальчиков больше нет выбора. Потому что им нужно наконец играть как боги – дадим им этот шанс, ладно уж. Еще посмотрим, осмелятся ли, но сначала… сначала…

«Открыто вступать с вами в союз этот мир не будет. Мы не вмешаемся. Но если вы поклянетесь, что в случае победы в подземном мире воцарится Кронид – я укажу вам, где средство этой победы».

Вспыхивает изумление на одном юном лице, на втором… Клятву – чтобы получить в дар подземный мир? Получить что-то,

а не отдать?! Клятву – что только после победы? Не сейчас, а после?!

Может быть, мальчишки хотя бы подумают… хотя куда им думать.

– Клянусь, – слышится голос Зевса… два? Или три? Даже если бы поклялся один кроноборец – хватило бы за них всех, в подземном мире сядет Кронид…

Великая мощь теснится в грудной клетке: выпростаться, сделать вдох, захохотать радостно: нельзя, разорвет на части, заперт…

Улыбка полна яда. Смотреть на два бледных лица кронидиков забавно. Ожидают. Ответ ловят всеми ушами. Ну, и будет вам ответ.

«Ваша победа у вас под ногами. Осмелитесь поднять эти силы – и она родится от подземной воды, заплещет белыми крыльями. Не осмелитесь – сами окажетесь под ногами у Крона».

Смех царапает глотку, его хочется отплюнуть поскорее: чужой! У Посейдона лицо вытянулось в недоумении. Лицо Зевса светится страшной бледностью.

«Благодарю, о Предвечный. Я понял».

Была ли безнадежность в его голосе – или послышалось?

«Помните вашу клятву, Крониды…»

Кончилось, отступило.

Нюкта так руками и всплеснула, когда увидела нас: ой, как это она забыла предупредить? Беседовать с Эребом – это ж надо с навыком, а мы без привычки, но это ничего, вот у нее есть хороший укрепляющий настой, Геката варила, – мигом в себя придем…

Бледный до синевы Зевс молча потянулся за кубком. Жеребец ежился и тряс головой, будто пытался отогнать стаю летучих мышей.

Я стоял рядом и смотрел на братьев с недоумением. Поймал цепкий взгляд Нюкты, тоже сгорбился, схватился за кубок…

Отвернулся, чтобы выпить – и тут же попался в захват к Танату.

Убийца сжимал железными пальцами за плечи и ввинчивался в глаза взглядом, так, чтобы – до донышка, с отчаянием рудокопа, который идет к золотоносной жиле на глубине…

– Ты чего? – буркнул я вполголоса.

Убийца моргнул.

«Невидимка?»

«Не, Афродита бородой обросла и в черный гиматий оделась. А ты кого ждал?»

Разжал пальцы. Косой взгляд на мать – та сверлит взглядом.

«Никого».

«Совсем никого?»

«Или кого-нибудь. Всякое бывало».

– Сюда кто-нибудь когда-нибудь входил? – спросил я тихо.

Нюкта теперь хлопотала возле Жеребца: твердила, что он озяб, бедняжка, ванну предлагала…

– Входили… многие. Титаны и боги. Последним был Перс, отец Гекаты, он у нас правил потом, хоть и недолго.

– Входили – и…?

– Входили и выходили. Разными, – молчание. – Иногда.

Так и не понял: выходили иногда разными или просто иногда выходили, а иногда… А подробнее объяснять Убийца не захотел: качнул головой: «Не могу, не спрашивай», – всплеснул крыльями и исчез – как не было.

Нюкта опять проводила до Тартара, посетовала на дела, рассыпалась в благодарностях за такой визит. Посматривала недоуменно, но о чем мы там с ее мужем болтали – не спрашивала.

От Мома-насмешника удалось отвязаться на половине обратного пути: Посейдон только обмолвился, что вот, злой он чего-то кости бы кому переломать… а Мома уже как не бывало.

Шли и молчали.

Асфодели – хитрые глазки на бесконечных полях. Косятся-провожают. Дорога под сандалиями мелькает все быстрее.

– Жуть какая-то, – выговорил Посейдон. – Меня как льдом изнутри до костей… да придавило – до сих пор колотит. Ну, я сначала растерялся, а потом зубы сжал, поднапрягся – держался… Зевс, а ты?

Младший хмуро кивнул. Он ступал твердо, но зато на нем лица не было.

– Да, только меня жаром. Пришлось побороться. Аид?

Буркнул что-то невнятное – а что скажешь? «А я не заметил»? «А мне понравилось»?!

– Не впустую ли мы клялись? Эреб с его загадками…

– Это не загадки, – огрызнулся младший. – Тут все ясно.

– И?

– Что – и?! Что – и, я тебя спрашиваю?!

– О чем он говорил? Какое средство предлагал?

– Не все ли равно?

Торчит у дороги кипарис – одинокий и будто недоумевающий, что забыл здесь, когда собратья – по берегам Леты. Проходит мимо еще одна тень – знакомая с лица, может, из моих воинов, а может, встречались в бою.

В глазах у тени – стылое равнодушие.

– Как это – все равно? Да ведь если там – средство для победы, то нам бы в самый раз… Если это выход…

– Не выход, – отрезал Зевс. – Забудьте. Забудь, – это уже только мне. – Забудь и думать не смей, ясно?! Думать не смей!

Яростно подскочил, в прыжке облекся в перья, плеснули крылья, взлетел под своды подземного мира орлиный клекот, и тень огромной птицы растаяла впереди.

Значит, младший и впрямь догадался. Только вот разгадка оказалась не очень-то...

Посейдон посмотрел туда, где таял росчерк орлиных крыльев.

– Во как, – сказал со значением. – Ну так… того… пить будем у меня или с нимфами все-таки?

Да шел бы ты, брат… к нимфам своим. Отмахнулся. Слова Эреба и поведение Зевса – ладно, понятно… Взгляд Убийцы – вот что…

– Я вот все не понимаю – зачем он взял с нас эту клятву? – вдруг спросил Посейдон. – На что им Кронид на троне? Своих, что ли, у них там нет?

Вот что не так. Открытое предупреждение в глазах. И невозможность сказать подробнее – даже глазами.

– Кто знает – может, и нет. Меня больше волнует – почему Зевс так легко дал эту клятву….

Что ты смотришь на меня, брат, будто у меня за спиной белые крылья полощутся?!

Черногривый и правда смотрел. Странно искривил губы – будто хохотать хотел, да потом раздумал.

– Аид, тебе выспаться надо, что ли. Если уж я понял… Он поклялся, потому что клятва не имела никакого смысла. Крон собрал свои рати. Отбиться у нас не выйдет. А это, что Эреб сказал… додумался там Зевс, о чем речь, или нет, а только – тоже не выход. Понимаешь? Не сядет Кронид в мире этом подземном. И нигде не сядет. Вот дойдут они до Олимпа… а потом уже никто нигде не сядет. Ну так того… вино-то будешь?

* * *

– Считаться!

– Не буду считаться, у тебя считалка уродская!

– Сам урод!

– А вот и не урод! Сказал – я за Кронидов!

– Еще чего. Ты на свою рожу посмотри – тебя только в Тартар…

– В зубы сейчас дам!

– Подземный! Подземный! Иди играй за Крона!

– Ну и буду за Крона, значит!

– Ну и предатель!

– Сам предатель! А я за Кронидов. Мой папка за Кронидов и я за…

– А ну, брысь!

Чумазые лица поднялись на голос. Ватага мальчишек разноголосо ойкнула и кинулась по двору подальше.

От черной тени – на солнце. От черной славы – поближе к тетеньке Гестии с подружкой. А оттуда можно и язык показать – этому, как его, про которого все шепчутся, а по имени – непонятно как…

Откуда на Олимпе соплячни успело наплодиться? Главное, непонятно, чьи, все на разные лица, а наглости – будто Хаоса дети.

Деметра жалуется, что у нее в саду на каждом дереве штук по восемь таких висит, сгонять не успевает.

Смоквы, камни, самодельные копья (одно и настоящее – стащили у кого-то, втроем поднимают) – мелькают в воздухе. Кулаки, волосы разных цветов, смуглые спины, гримаски…

Не нужно было вообще выходить. Мне бы к себе уползти – в тишину и темноту, может, мысли перестали бы мельтешить, как крылья Гипноса. Только где ж там уползешь: припрется не просыхающий в последние дни Посейдон, будет петь и предлагать выпить. В коридорах – ошалевшие лавагеты, Эвклей, Прометей, Ирида с новостями сразу отовсюду… В конюшне – и то не скрыться: там Фемида. Что в конюшне делает Фемида, спрашивается, если я считал ее покинувшей Олимп?! Стоит, смотрит с укоризной, из глаз – что-то про Офиотавра…

Взять колесницу, забрать свои отряды… зачем? Страх больше не нужен. Страх нынче бессилен. Страх скоро поползет к Олимпу кроновыми ратями – в войну поиграть.

– Не показывай дяденьке язык, – это озабоченный голос Гестии. Плечистый мальчишка с глазами Посейдона только нос морщит, но тут подает голос подружка сестры:

– А то останешься без языка.

Стикс. Это если по голосу. А по виду – так совсем не подземная титанида. Волосы расплела, сама без черных доспехов (и без близнецов за плечами), лицо задумчивое и пополневшее будто.

Мальчишка вздрогнул. Воробышком нырнул в стаю остальных, с воинственным воплем: «Я – за Кронидов!!»

Дурак. Был бы умнее – не стал бы играть за Кронидов.

Я бы точно, наверное, не стал.

Кронидам скоро придется довольно-таки плохо: Кронидов скоро не будет… Крониды решили поиграть в абсолютную победу не с тем.

И Крон послушно играл. Метался по всему миру. В страстном безумии старался добраться до Офиотавра – от одного конца света до другого.

А что он войско попутно набирает и под шумок покоряет новые народы – так просто случай подвернулся. Эй! Ну и что, что у меня рати разрослись многократно! Я, может, об этом и не знаю, я за Офиотавром гоняюсь…

У Стикс глаза на висках, наверное. Я от них с Гестией шагов за тридцать сижу, устроился под колоннами, опершись спиной на белый мрамор – так все равно нашла взглядом и ухмыляется.

В последнее время только и делает, что ухмыляется.

– Ваш страх невесел, – читаю я по губам. – Ему бы в каком-нибудь селении поразмяться, а он застрял в четырех стенах.

Гестия молчит и не смотрит. Глаза заплаканы – из-за Офиотавра, небось.

Кто там знает – может, и из-за меня.

– Нечестно!

– Честно!

– А так в войну не играют!

– Маме своей такое скажи!

– Да ну вас совсем! Это у вас и не война даже, а… а я даже не знаю!

Стикс ухмыляется. Я сижу в тени белой колонны, закрыв глаза и соединив ладони, – а знаю, что ухмыляется.

Да. Это у нас не война. А даже не знаю, что за дрянь получается.

Влезли мальчишки в дела мироздания. Величия набрались – за щеками не умещается. Положили войско в первом же бою – и сунулись побеждать Крона Криводушного на его поле: обмана и интриги. И опять…

Я бездарно дерусь, Танат, первый учитель. Я зря сказал, что нам нужно воевать как мальчишкам, мы, кажется, увлеклись этим слишком сильно, а Крон совсем не против, чтобы мы никогда не начали играть как взрослые…

Через двор медленно брел Посейдон, размахивая амфорой. Игра. Сунься сейчас к Черногривому враг – такого огребет, что на краю света только отдышится. Ничего, что Жеребец и шатается старательно, и поет, хихикая под нос, и во, растянулся, амфору расколотил. Ага, правильно, брат, дальше можно и на четвереньках. Это уже без разницы. Кронид не сядет в подземном мире. Нигде не сядет.

Если, конечно, я не пойму, о чем говорил Эреб.

Пальцы подрагивают – будто прясть собрался, на мече не дрожат никогда. Если видеть во тьме, легко, а обманывать себя –

наука из сложных, то вот видеть правду во тьме собственного разума…

Не складываются оттенки. Сплошь белые пятна мельтешат вопросами: с чего брату мне угрожать? А угрожал ведь: «Думать не смей!» Не просто же он так.

Посейдон отгоняет детей, которые вздумали на нем верхом покататься: «Я Жеребец… но… ик, не настолько!» Во двор выбегает Афина: легкая поступь сандалий, ветер со свистом разбивается о боевой шлем: «Дядя! Дя…»

И молчание, ага, это она Посейдона увидела. Теперь схорониться бы за колонной, пока отомрет… поздно. Заметила.

– Аид, – племянница зовет меня по имени, «дядя» – только от сильного волнения. – Вернулись разведчики. От Офриса.

– И?

– Живые. Двое остались в живых. Они говорят: Крон отпустил их. Сказал, что не будет сейчас выступать, потому что хочет, чтобы подтянулись все…

Зря к племяннице никто не сватается. «Зануда», «строгая сильно», «мужик» – это поняли. А раз бы посмотрели бы на нее в предбитвенном волнении: раскрасневшуюся, с горящими глазами, со спадающей на лоб вечной непослушной прядью…

Наверное, тут любой бы пропал.

– Аид, он назвал даже сроки. Десять дней – а потом его войско сдвинется с места. Он мог лгать, но эта… Ата… говорит, что не услышала лжи, а она разбирается. Я начинаю думать, что он просто безумен.

Десять дней, да пока еще дойдут – это ничего, это есть время подумать, если бы только не было визжащей малышни, пьяных песен брата и дотошной племянницы…

– Это знак Ананки! – грудь у Афины под панцирем ходит ходуном. – Мы можем обернуть козни Крона против него самого, подготовиться, выстроить укрепления, ловушки – и встретить их так…

О, Прометей еще. Но этот не во дворе – так, мнется где-то у выхода, взволнованным дыханием морщит и без того усталый воздух. Как же – войска начали собираться! Оттуда тысяча, оттуда пять сотен, а вон там на севере недавно Черный Лавагет прошел – так вообще две с половиной тысячи прислали и еще несколько обозов на откуп. И медные люди в бой рвутся – воинственный народ, им только скажи, куда…

– …куда? У нас прибавилось союзников среди водных и морских божеств. Эта долина, где Пеней принимает в себя воды Энипея[4], думаю, будет мудрым выбо…

– На Полынное Поле. И дело с концом.

Там и лагеря есть, куда поставить, и стервятники с давних пор прикормленные. Курганы, правда, воздвиглись – ну, и это не помеха.

В серых глазах – гроза. Не детская обида, а мрак настоящего гнева.

Красиво.

– Что с тобой? Что с вами?! – кивок в сторону упорно ползущего куда-то Посейдона. – Разве вам все равно? Ведь близится война, ведь…

– Нет, – просто встревает Стикс.

Кивнул, не раскрывая глаз – короткая благодарность подземной титаниде, что подошла и вмешалась. Не хочется говорить.

– Что, мудрая дочь Зевса – разве тебе не сказали, какова армия у Крона? Разве ты не сопоставила ее с тем, что соберете вы? Спроси у вещего Прометея – вон он стоит. Это не война – это идет истребление. Воин собирается истреблять играющих детей.

– Но я не…

– Пойдем, девочка. Вы должны делать то, что можете: собирать войска, определять, где встретятся армии, вооружать их, распоряжаться обозами… И ты делаешь это хорошо.

– Но если…

– Делай это и дальше. А его не тревожь, у него теперь свое. Придумывает, как сделать так, чтобы началась война. Настоящая.

И не понять, что она там знает, а что не знает, эта подземная.

Мыслей все равно нет – а может, были, но пропали. Не понимаю. Что за силы можно поднять. Почему – под ногами. Почему так опасно. Почему молчит Ананка и ни звука – от Аты…

– Вот и отец тоже совсем… – бросает Афина, уходя вслед за Стикс. То ли с обвинением, то ли с печалью.

А что отец тоже и совсем? Отец пропадает на своей любимой площадке. Бури лицом встречает. Ждет, пока доиграем. Или он предпринять решил что-нибудь?

– А я Крон, а ты меня ничем не убьешь!

– А… а у меня волшебное копье! Тельхины ковали!

– А мне, может, плевать на тельхинов, да!

– Ты чего плюешься, ты в меня попал!

Глаза – синие, зеленые, серые, карие; волосы – белые, золотые, русые, каштановые; хитоны, пряжки, набедренные повязки… уже одного цвета: перемазаны вконец.

– У-у-у! Я дракон! Сейчас пламенем дохну!

– Вали его! Хитон в глотку!

– Я тебе сейчас башку срублю!

– А у меня три башки! Нет, девять! И одну срубишь, а две еще

вырастают!

– Дурак, так не бывает…

– А я за Кронидов, я тебя все равно не боюсь. Я вообще ничего не боюсь!

Зевс вот боится – чего? Того, что может быть хуже победы Крона. Что? Тупик. Виски разнылись, спать опять перестал, ну, оно и понятно, тут такое грядет, что вовек Ананка со своим свитком не расхлебается. Интересно, отец нас – опять в брюхо или в темницу понадежнее?

– А я тебя цепями закую!

– Не по правилам! Бога нельзя – цепями…

– Цепи же волшебные!

– Все равно не по правилам.

– А давайте в Крона, как он детей отрыгивал, играть? Буэ-э…

– Фу!!!

Гестия не окрикивает детей, не успокаивает. Тихонько играет с огоньком на ладошке. Не буду подходить. Иначе опять увижу это проклятое: «Почему ты так со мной?» – только уже из других глаз. Рассказывали ли сестре, чем я стал за это время? Наверняка же Деметра ничего не пропустила.

Вроде бы я – Страх, а не понимаю, чего боится Зевс. И к чему Эреб говорил о «силах». Не о силе. И почему победа должна родиться от подземных вод. И ведь это же просто, я понимаю, что это просто – а не могу…

Ладно, посмотрим, что Зевс будет делать. Может, хоть это как-то натолкнет на мысль. Не вечно же ему торчать на той площадке и бури в лицо принимать.

Точно, не вечно.

Что, спрашивается, будет делать предводитель, пока один брат пьет, а второй вот-вот с первым глушить начнет – от невозможности добраться до истины?

…женится!

Наверное, младшему это казалось хорошей приметой: новый виток войны – новая жена. А может, просто решил – напоследок-то… Но все-таки решил – в третий раз, и, кто бы мог подумать – на Гере.

На свадьбу я не пошел. Во-первых – нашли, когда. Войска Крона прихлынули к Офрису, ползут в нашу сторону – медленно, не торопясь, чтобы мы успели собрать всех, чтобы не пришлось наносить второго удара. Союзники опять начинают разбегаться – что им ужас перед Черным Лавагетом, вот Крон с его войсками – это да…

Самое время для свадебных пиров.

Во-вторых…

Новость мне принес Гипнос: не отстал все-таки и на Олимпе с желанием побалагурить. Вообще-то, на Олимп его, как и старшего, не приглашали, но кто ему, сыну Ночи, законы пишет? Брызнет настоем из чашечки – брякнешься мордой в кубок амброзии.

Он подловил меня в час трапезы, хихикая, подлетел к столу и вывалил все как есть: Зевс и Гера, свадьба, торжество.

В ответ я поперхнулся и окатил его нектаром. Еще несколько мгновений пытался осознать…

Потом впервые в жизни захохотал.

По-настоящему. Так, что из глаз брызнули слезы, заболело в груди, а вокруг затряслись стены. От чистого сердца – без всякого злорадства, просто было очень, очень смешно…

Мне потом говорили, что титаны на земле поежились от этого звука, видимо, посчитав его великим знамением.

Гипнос с забрызганной нектаром физиономией молча пялился на меня. Что я-то? – говорили его глаза. За что мне-то? Я новость принес, а он… Аид Громкоржущий, понимаете ли.

– Зевс и Гера… – я опять не удержался от хихиканья. Эта новость била в голову лучше хмеля. – Уж лучше бы Деметра или Гестия. Что это он к ней так воспылал.

Легкокрылый хихикнул за компанию. Бесцеремонно шлепнулся в кресло.

– А у него с ней пару веков уже. Если не больше. Фетида говорит – превратился он, стало быть, в пташку, чтобы Геру охмурить. И петь начал, печально так: «Ку… ку… ку-ку…»

А я ему говорил, что он не той головой думает? Надо было спрашивать: он вообще думает?

Кругом война – а он в птичку, понимаете ли.

– В общем, она умилилась, к груди ее прижала, а он ее… ну… гм…

Гера умилилась. Не могу сказать, чтобы мы долго там вместе просидели, в батюшкином животе, но я успел уяснить: если она кого-то прижмет к груди – то чтобы задушить.

– Ну и куковали бы себе, – в сердцах сказал я. – К чему церемонии разводить. Или она еще и в тягости?

Гипнос плечами пожал – кто там знает? Налил нектара поровну – мне и себе.

– Он сам настаивает, – сказал сын Ночи вдруг без малейшего отзвука улыбки. – Она самая красивая из сестер. А ты – старший из братьев.

– Ну и что?

– А то, что он боялся, что ты его опередишь…

Тут я окатил его во второй раз. И смех у меня стал

окончательно ненормальным. Он, что же, думал, что я и Гера… что мы с Герой…

Клянусь серпом Крона – да я лучше на Гекате женюсь! Видел два раза издалека… страшна!

А лучше на ней.

Когда я отфыркался в очередной раз, Гипнос смотрел на меня странно.

– Скверный характер, говорите, – пробормотал, не обращаясь ни к кому особенно. – Ну-ну. А торжества как же?

– Будут им и торжества, и подарок, – покладисто согласился я, все еще слегка задыхаясь. – Хочешь – можешь сам слетать. Сообщить, что я не явлюсь.

– Ты лучше Чернокрыла попроси. Чтобы он, значит, вестником.

Ну, если Танат заявится моим вестником, – тогда, конечно, поймут. Такой отказ прозвучит не просто внушительно…

Смертельно, как это у Убийцы в заводе. Только ведь – кто поверит, что он с добрыми намерениями. Раз на лицо взглянуть…

– Просто скажи им, что мне не по душе свет и ликование. В общем, меня там не будет. Это сам по себе подарок.

Но я, конечно, не стал портить отношения с младшеньким уж настолько. Свадебные дары отослал через Эвклея. Ему – трофейный щит, доставшийся мне в последнем сражении – крепкий, гулкий, скованный еще циклопами из небесной меди – как намеки на будущие сражения…

Ей – расшитое золотыми цветами покрывало, которое мои вояки прихватили в каком-то сундуке при последнем штурме.

Правда, моими дарами остались зверски недовольны: на щите красовался Крон, заглатывающий младенцев, и все сочли это нехорошим намеком. А на покрывале, как выяснилось, дикие тюльпаны – асфодели, и Деметра сообщила об этом общественности в самый подходящий момент, приправив смачным: «Какая ж он все-таки скотина!» Видимо, это тоже сочли чем-то таким…

Словом, мнение о моем характере укрепилось в очередной раз, а самым блестящим из свадебных подарков стала яблоня, которую подарила молодым бабушка. Золотые яблоки, позволяющие оставаться вечно юными – из недр своих специально вырастила, для «милой Герочки», значит.

А я сидел у себя в чертогах, потягивал нектар, с содроганием представлял лицо «милой Герочки», и мне почему-то казалось, что мы еще наплачемся из-за этих яблок.

Еще мне почему-то казалось, что сегодня братец-Зевс благодаря своему желанию утвердиться обрел свой личный

Тартар.

Тартар. Тартар… если подумать, ведь это же…

Очень хорошая мысль…

[1] Даймон – дух-защитник.

[2] Гинекей - женская половина дома

[3] Пеплос – разновидность хитона с отворотом, прикрывающим плечи.

[4] Пеней – главная река Фессалии. Энипей – один из основных ее притоков. Место слияния Энипея и Пенея находится приблизительно между Олимпом и Офрисом.

Сказание 7. О рождении молнии, трезубца и войны

Нет, недолго пить осталось из отрадной чаши жизни;
Из очей росятся слезы: не дает покоя Тартар…
Анакреон

– Циклопы, – сказал я тогда. – Гекатонхейры.

Она медленно обернулась ко мне. Смерила глазами, в которых зелень травы мешалась с густой коричневатостью распаханной нивы.

– Сын Крона, – сказала. Так, будто Крон не был ее сыном. Будто не она уговаривала его отрезать детородные органы ее мужу, а его отцу.

Бабушка у меня боевая, а потому представлял я ее себе малость иначе.

А она стояла передо мной – иссохшая и потемневшая, с нездоровым румянцем во всю щеку. Роженица, уставшая от родов. Измученная болью.

Предвечный Хаос – да ведь я сам сейчас стою на горной дороге, то есть, на ее недрах. И смотрю ей же в глаза.

В этих глазах – ни следа хмеля и ни следа радости, хотя я ее специально подловил после пышного застолья по поводу свадьбы Зевса.

– Они будут биться за нас?

Она мрачно усмехнулась, разглядывая мое лицо.

– Они будут биться против него.

– А ты?

– А что я?

– Они заключены в тебе.

Она медленно покачала головой, как бы говоря: не все так просто…

– Во мне и подо мной. В той бездне, куда я и сама не могу заглянуть, как ты, Кронид, несмотря на твое могущество, не можешь голову сунуть себе в…

Одно слово – и я понял, что бабуля у меня таки боевая.

– Ты поговоришь с ними? Призовешь их нам в союзники?

– Зачем?

– Чтобы закончить войну.

Улыбка у нее напоминала трещину в земной коре.

– Мой муж боялся своих детей и заточил их во мне. Это было больно… я умоляла сыновей отомстить. Восстать на него. Оскопить подлеца, чтобы я не могла рожать – я устала рожать…

Крон согласился. Сверг и оскопил. И те, кто были заключены во мне, остались заключены. Появились войны, бедствия… мне еще больнее. Что будет, если вы закончите эту войну, Кронид? Как вы будете править? Не будет ли так, что мне станет еще больнее?

Я молчал, глядя на нее. Глаза в глаза, пока землистые губы Матери-Геи не тронула улыбка.

– Мне не нужно говорить с ними или убеждать их. Достаточно дать им свободу – но кто из вас осмелится шагнуть для этого в Тартар? Не ты ли, старший сын Крона?

Я молчал, глядя на нее…

Я молчу, глядя в лицо невидимке из прошлого, которого – видно.

«Ошибка?» – спрашивает тот глазами.

Пожатие плеч сбрасывает с них серебро тополиных листьев.

– Ты не в себе, – говорит Ананка.

«Не знаю».

Хорошо, когда в ответ собеседнику можно только думать.

Хорошо, что она заговорила.

Хорошо, что я уже миновал Лету, – сонно плещется у ног Забвение.

Хорошо, что нет стражи.

Только Трехтелая Геката попадается навстречу – нет, не так уж и страшна все-таки – останавливается, смотрит… Долго смотрит. Я уже должен скрыться из виду, а все чувствую на спине взгляд Трехтелой – что она там такого рассмотрела? Решил старший Кронид прогуляться по подземному миру. По лугам асфоделей в свободное время побродить. Там, знаете ли, наверху очень скоро начнется безнадежная битва – так, может, Аид Угрюмый решил отсидеться и пришел себе место для жилья выбирать?

А что направляется он к Тартару – так Лисса уже всем раззвонила, что у меня что-то не то с головой. И ведь даже не насладилась местью: от богини безумия презрительно отмахивались со словами: «А ты только сейчас узнала?»

– Неужели тебе совсем не страшно, невидимка?

Было дело. Страх попытался подкрасться, наивно полагая, что перед ним – всего-то хмурый воин двадцати с небольшим лет, страх втиснулся было внутрь – и через секунду бежал, в панике закрываясь руками.

Видели вы когда-нибудь, как ваш страх, спотыкаясь об острые камни и расквашивая колени, уносится прочь? Презабавнейшее зрелище – ну, то есть, если бы я умел смеяться.

– Зевс сказал, что не может решиться, невидимка…

Он много чего наговорил, когда до него дошло, что я понял…

Он вообще мне обещал морду набить – прямо и безыскусно. Посейдону опять пришлось нас разнимать – чересчур практичного меня и чересчур широко мыслящего нашего предводителя.

– Гекатонхейры могут вывернуть наизнанку этот мир! – слова младшего со свистом вспарывали воздух в мегароне. – Поменять небо с землей местами! Если решиться на такое…

– Кто тебе говорит о Сторуких?! – шипел я, выкручивая запястье из захвата Жеребца.

Потом Зевс понял и вознамерился пойти сам – и тут уже Посейдон выпустил меня и пообещал набить морду младшему.

– Оставишь войско перед боем?! – грохотал Черногривый. – А если ты там так и останешься в этой дыре – кто тебя вытаскивать станет?

– Кому как не мне? – низко и грозно спрашивал Зевс. – Кому?! Если кто-то и должен спуститься в бездну, то…

И вот здесь Ананка решила проявить юмор, сделав своим перстом Геру.

Новобрачная совершила то, на что никто другой бы не осмелился: влезла в спор среднего и младшего Кронидов.

– Уж кого бы посылать! – выкрикнула она, указывая в мою сторону. – Сам же мне говорил, что он в подземном мире скоро совсем своим станет!

Мегарон затопила тишина. Замерла с некрасиво открытым ртом Афина – кажется, она собиралась говорить то же самое. Нахмурилась Гестия, стиснув пальцами горящий на ладошке огонек.

Зевс повернулся ко мне – будто только что вспомнил. Посмотрел в лицо. Понял, что еще минута – и я рвану в Тартар вообще без приказа. С безмерно усталым вздохом махнул рукой.

– Если ты сможешь, брат.

Таната нынче рядом нет, как и Гипноса – не чета первому моему спуску в Эреб. Хотя в тот раз была увеселительная прогулка. В этот…

Скрипят под ногами камни. Асфодели грустно качают венчиками: не хотят ложиться под сандалии. Можно было бы махнуть вперед по-божественному, но мне нужно вот так: пешком, с каждым шагом все быстрее, наращивая решимость, стискивая губы, отталкивая глупости, лезущие в голову…

Идем вдвоем – я и Судьба за плечами.

И мир вокруг словно сминается, как асфодели под ногами; дорога мелькает быстрее… быстрее…

Пышет жаром Флегетон, обвиваясь вокруг недостроенного дворца на острове – когда я успел миновать половину Эреба?

Огонь побеждает тень. Тень наползает от конечной точки

моего пути – и душит огонь.

– Почему ты идешь? – вспыхивает внутри вопрос. Дробится, долетая из-за плеч короткими отзвуками – такими же острыми, как и первый.

Почему идешь?

Почему ты?

Почему?

На каждый отзвук – сорок тысяч ответов. Вроде «потому что силы неравны» или «потому что отец собирается стереть нас в порошок».

Я отвечаю проще: потому что это – ты, моя Ананка.

Я прав или нет? Я правильно научился слушать тебя, даже когда ты молчишь?

Смешок странный – полный гордости и сдавленного торжества, его не сразу втягивает в себя даже жадная, полная черноты пасть, которая распахивается впереди…

Остановиться – значит усомниться. Замедлить шаг – струсить. Все просто. Притормози перед густой и клейкой чернотой, которая уже почти касается лица – и станешь двадцатипятилетним воином, а не богом, у которого за спиной – два столетия войны.

Перед шагом в бездну из-за плеч вновь раздается голос, звучащий нежно, чуть ли не влюбленно:

– *Однажды, маленький Кронид, тебя назовут Непреклонным…*

Голос побеждается сгущенным мраком, в который я окунаюсь.

Ощущения падения нет. Второго шага нет.

Вообще ничего нет.

Исчез невидимка, которого когда-нибудь назовут Непреклонным… а это кто-то говорил?

Неважно – этого кого-то тут тоже нет.

Можно ли здесь вообще – быть?

Тьма, которую нельзя назвать просто тьмой, в которой я не различаю ничего – даже черного цвета. Живая, пульсирующая дыра в мироздании, где нет ни времени, ни пространства, теряет значение все, что происходит наверху, и только древний голос хихикает где-то – за плечами? внутри?

«Ба, да это кто-то новенький? Ничего, сейчас, сейчас…»

Бездна лезет внутрь, раздирает мою сущность острыми когтями, настойчиво приглашает: давай, стань как я, останься, стань единым со мной, пустотой, дырой, бездной…

Ты уже недалеко. Ты уже не дышишь и не можешь говорить. Ты здесь – значит, тебя нет. Нынче твое имя – безымянность и невидимость…

Да. Безымянность и невидимость – мое имя.

– Я – Аид…

Что же ты? – не унимается небытие, лезущее внутрь (впивается, цепляется, сочится горькой едкостью в каждую брешь!). Лишь порождения Геи и первобогов Ночи могут свободно существовать здесь. Разве ты – титан или чудовище?

– Бог…

А что это – бог? Как это – быть богом? Богзначит – власть? Здесь есть только одна власть – это бездна. Бог значит – сила? Что ты знаешь о силе, юнец, имя которого – невидимость? Хочешь – я покажу тебе силу?

…вихрь. Дремлющий. Совсем рядом, рукой подать – коснуться. Густой, вязкий и въедливый мрак небытия не способен не то что потопить – даже приглушить эту мощь, тихо рокочущую бок о бок с ним. Великая древность спит сотнями голов – и даже во сне источает силу, первобытную силу, и от этого только хуже: с одной стороны тебя рвет на части тартарская пустота, со второй – сносит, затягивает в себя вихрь этой мощи: зазеваешься – и станешь песчинкой в водовороте…

На пограничье между пожирающей меня бездной и вбирающей в себя чуждой силой, первой силой земли – удержусь ли?

Я удержусь.

Их не нужно освобождать – просто пробудить от сна, а потом они сами отыщут выход, расколют твердь и выплеснут свою мощь на солнечный свет, заставляя в испуге померкнуть солнце и небо – упасть на землю…

Зевс был прав, нельзя этого делать.

Я был прав: это крайнее средство.

Гекатонхейры, Сторукие, порожденные Геей-Землей от избытка собственной плодоносности, сонно ворочаются внутри бездны, куда вверг их Уран. Бездна Сторуким нипочем: уютная постель. Они – настолько бытие, что окружающая их пустота не наносит им ущерба… что они наполняют ее, делая ее – менее пустотой.

Только поймать хрупкую грань между мощью узников Тартара и мощью самого Тартара, между небытием и бытием. Встать на дорожку, сверни с которой – и тебя утянет навсегда, растворит твою сущность, все равно, в пустоте или в силе.

Встал? Иди, невидимка.

Дыши, невидимка – там, где нельзя дышать. Слушай – там, где нельзя слушать.

Чувствуй – там, где чувствовать запрещено.

Путь бесконечен, потому что времени нет, и нет тела, но ты ведь к этому привык с детства, не так ли?

– Хо-го! Бронт-то мухлюет!

– Аы-ы-ы! Больно!

– Наковальня. Стероп, ты в игре?

Безумия в Тартаре не может быть: его богиня сюда бы не сунулась. Это мираж или происки Великой Бездны… Не может в самом сердце небытия идти бесхитростная и вполне беспечная игра… какие тут игры?!

– А-а-а-а! Клещи!

– Молот!

– Огонь у меня!

Проливается свет – не солнечный, а словно изнутри меня, будто создания, рядом с которыми я теперь нахожусь, источают внутренний огонь. От них тоже веет мощью – но не такой бескрайней, как у Гекатонхейров. Это мощь хозяйственная, спокойная и выверенная и потому более живая.

– Лоб-то, Стероп, подставь!

– Ы-ы-ы-ы…

– Так его, так!

– Клещи!

– Бронза!

– Гора!

Басит великая тьма, надрывается пустота от веселого гула, отползает, перестает рвать на части. Приходит осознание – что сделать. Рука словно не существовала до того – но вот, появилась, взметнулась вверх.

И все оставшиеся силы – в приказ, который заставит открыться выход.

Как я попал наверх – исчезло из памяти. Память упиралась загнанной кобылицей: ни в какую не хотела признавать, что меня, старшего Кронида, бога, которого назовут Непреклонным – просто вытащили из Тартара те самые существа, к которым я явился освободителем.

Осознание себя пришло только на зеленом пригорке, где я лежал, откашливая вязкие остатки тартарской темноты. Стряхивал оставшуюся позади бездну, а то она, несытая, тянулась следом, отлипала медленно, с чавканьем и чмоканьем.

Прохлада вечера казалась после Тартара ослепительным полднем.

Три Циклопа, сияя круглыми глазами, недоуменно переговаривались с высоты.

– Чо это с ним?

– Худо, что ли?

– Гх… – Стероп вообще не любил выражаться словами, он все больше чесал затылок и ковырял пальцами в зубах.

Тяжкое, тянущее ощущение древней мощи вблизи… Грубые, словно вырубленные из недр земли торсы. Округлые, до смешного массивные руки и ноги. Головы тоже круглые, единственные глаза наполнены древним огнем – древнее колесницы Гелиоса. Толстые землистые губы растягиваются, улыбки ясно видны на гладких, безбородых лицах, улыбки открывают неровные, желтые зубищи. Пальцы – совсем ко всему остальному не подходят: мощные, но тонкие, изящные – одобрительно прищелкивают.

– О… сел. Эй, паря, ты кто?

– Аид, – остатки небытия со свистом покинули легкие, – невидимка…

– Э… – вытаращил единственный глаз самый рослый. – Невидимка? А чой-то тебя видно?

Второй – на нем кокетливо висела набедренная повязка из чего-то когтистого и, кажется, пойманного в самом Тартаре – закивал и загудел, что да, непорядок какой: невидимку видно.

Третий издал глубокомысленный звук и поковырял пальцем в зубах.

– Имя такое, – признался я.

Рослый потряс головой.

– Плохо назвали-то. Врали. А я Бронт. А это Арг…

– Барана бы, – раскатисто вздохнул Арг, поправляя свою повязку.

– Баранов, – поправил третий, вынимая палец изо рта.

– Стероп, – представил Бронт и его. – Бараны-то есть, невидимка?

Ох, кажется мне, что главный баран здесь – как раз невидимка!

– Есть.

На острове Лесбос, где поселились Циклопы, они первое время занимались истреблением вина и овец, да еще в таком количестве, что одно время казалось: остальные войска окажутся без продовольствия. Зевс беседовал с ними, как со всеми союзниками, и вернулся мрачным.

– Без толку. На уме у них – бараны, вино и «бабу бы вот еще»…

– Может, меня послать? – развеселился Посейдон. – То есть, я с ними скорее общий язык отыщу.

Зевс махнул рукой.

– Да чего там искать… Драться за нас они не будут. Этот, Бронт, мне так и заявил: «Не, драться – это не любим. Ковать вам будем». Союзнички…

– Может все-таки – Гекатонхейров? – пробормотал Жеребец.

Зевс поглядел кисло, но морду больше за такие предложения никому набить не обещал.

Понимал: или мы выпустим на свет из Тартара Сторуких, или в Тартар спихнут нас самих с нашими войсками. Волновались рати у Офриса: готовились хлынуть к подножию Олимпа. Крон, как всегда, прятался за спинами своих военачальников, но зато был полон желания отомстить нам сполна за обман с Офиотавром.

Избегать настоящей войны мы больше не могли.

Но совет Эреба, за который мы заплатили клятвой, тоже был не так уж плох: как оказалось, Циклопы умели не только овец пожирать.

За час до встречи двух войск посреди Фессалии в ладонь Зевса легла первая молния.

* * *

Белое пятно. Разрыв – будто выжжено.

Каким он был в боях до того, как получил из лап смущенного Арга прославленное оружие?

Две сотни лет противостояния – ведь были же схватки, стычки, бои, атаки, нападения…

То первое поражение. И ночевка в стане великанов-пастухов, каких-то титанских детей, когда нам втроем пришлось стоять спиной к спине в кромешной тьме, прорезаемой только желтыми глазами – без конца и края. Еще вспоминается столкновение на островке Итака, когда мы старательно делали вид, что разыскиваем Офиотавра, а подручные Крона и впрямь его разыскивали.

Посейдон помнится хорошо: с утробным воплем бросающийся на врага, дрожит земля под ногами, набухшее от гнева лицо, он и сам как будто вырастал, и копье казалось в его руке меньше тростинки.

Зевс же – белое пятно. Высверк блестящей, похожей на молнию лабриссы. Ослепляющая вспышка солнца в волосах. Воющие и прикрывающие глаза противники…

Всё.

У всех так. Каким он был в бою? Молния в руке!

Он был… ну, там точно была молния!

Молния.

Словно он был молнией до того как Арг протянул ему это произведение кузнечного труда.

Молния лежала на ладони Зевса – белая, отлитая из холодной, обжигающей ярости. Молния нетерпеливо

подрагивала, натирая кожу ладони до волдырей.

Молнии хотелось – вперед, где рати Крона.

Зевс, встрепанный и выглядящий до смешного юным, с отрешенным выражением смотрел на свою ладонь – на скованную из ледяного пламени стрелу на ней.

Молчал – нет, не молчал, прислушивался.

Будто мог услышать отсюда, из долины в центре Фессалии, как стонет на Олимпе рожающая своего первенца Гера.

За грубым хохотом титанов и великанов. За хищными выдохами драконов – небосвод на юге налился алым, как болванка в кузнице. Подогрели – хоть сейчас можно мясо на углях печь. За упоенными звуками глотания слюны – от чудовищ, которые тоже бы от мяса не отказались, хоть от жареного, хоть от такого. За хохотом лапифов – тех из вольных племен, что склонились на сторону Крона, пировать идут – не воевать…

За звуками войска, которое мы успели сколотить за годы обманчивого перемирия: резкими командами, бряцанием щитов, ржанием кентавров, нестройными песенками сатиров и отрывистой бранью людей Медного века.

Нет, не слышно родовых криков Геры – зато скоро будут другие стоны, побольше и погромче.

Дул в сторонке на обожженные пальцы Посейдон, люто поглядывая на ладонь Зевса.

– Оружие, тоже мне…

Черногривому тоже достался подарочек от Циклопов – трезубое копье, его настойчиво протягивал Бронт.

– Для силы, значит, чтобы, – повторял он, поглядывая почему-то на Зевса и с опаской.

–А острий-то столько зачем?

– Так для силы-то… тебе для силы-то одного мало будет!

Посейдон бросил дуть на пальцы и покрутил в них новообретенное оружие. Пробормотал удовлетворенно: «Легло-то как! Аж руке горячо…»

Стероп наворачивал круги вокруг меня – нет, вокруг Эвклея. Вредный распорядитель и Циклоп прониклись обоюдной симпатией, потому что: «Баранья ляжка под дикий чеснок – это да!».

Стикс в черных доспехах замерла, глядя туда, где алело небо, – в глазах титаниды отражался мрачный холод вод ее реки. Двое ее сыновей, Сила и Зависть, каменели за материнской спиной, готовы ловить каждый жест, каждый вздох. Ни жеста, ни вздоха не было – и застывшие бледные губы не предвещали победы, которую обещал Эреб…

Афина была с войсками: воодушевляла красотой, восхищала

мудростью, стращала умом. Зевс ее туда и отослал с самого начала, заметив:

– Боевой дух будет выше Урана. Такой уж дар у дочки: что солдаты, что лавагеты… как посмотрят – проникнутся: «А я что же, не мужик?!»

И осекся – снова прислушался.

Мойры сказали – сын будет… вот Зевс и не мог оторваться мыслями от Олимпа.

– Не по вкусу-то? – крякнул Арг. Молний у него был полон колчан – чуть надел на толстенную ручищу.

Зевс вздрогнул, взглянул туда, где зловеще алел горизонт…

Преображение свершилось немыслимо быстро – куда и делся отрешенный взгляд, растерянный муж, ждущий первенца.

Пять загорелых молний-пальцев сжались вокруг одной – белой.

– По вкусу, – вздернулся упрямый нос к небесам («Приду – узнаете!»). – Еще как по вкусу… Братья!

Высверк в серых глазах. Ярче колесницы Гелиоса. Нет слов – такой взгляд читать не надо, такой взгляд просто переливается в тебя и течет по венам вместо ихора – прозрачной молнией, покалывая кончики пальцев.

И тебя наполняет до краев. Счастливая одержимость мальчишки, которому дали настоящее оружие, и ощущение от последней рухнувшей преграды, и радость от того, что это сегодня – сегодня решится! Сейчас или никогда, братья… сестры…

Сейчас или никогда!

Он не спрашивал: в этот момент мы молчаливо доверили ему решать за нас всех, только Стикс опустила подбородок одобрительно, а троим богам, клявшимся над обрывом, в этот момент не нужны были и жесты.

– Да. Сейчас или никогда.

И к Прометею, который встревоженно вглядывался попеременно в лицо каждого Кронида.

– Передай Афине – пусть отводит войска за Пеней. Всех, кто смертен. Кто бессмертен – пусть выбирает сам. Мы встретим армию Крона грудью.

– Мы втроем! – взлетает к небесам трезубец Посейдона, и лучи потревоженного Гелиоса послушно нанизываются на острия.

– Втроем! – хором орут радостные Циклопы, изображая скалы, усиливающие звук.

– Клятва!

– Клятва! – отголоском летит с неба, в вышине которого болтается невидимый днем Жертвенник.

– Сейчас или никогда!

– Сейчас! – металл и лед переплетаются в требовательном голосе Стикс.

– Сейчас! – ревут Сила и Зависть – они всегда повторяют за матерью…

– Сейчас… – кивает заляпанный жиром Эвклей, вприпрыжку уносясь обратно в обоз.

– *Или никогда?* – ехидно усмехается за спиной Ананка, но ее почти не слышно – все происходит слишком быстро… молниеносно.

– Мы втроем!

– Втроем…

Стероп хватается за голову, орет в спину что-то вроде: «Куды?! Забыл!» – поздно, не слышно, неважно…

Время пускается вприскочку, оно тоже хочет быть похожим на молнию. Нынче новая мода – молнии.

Белый высверк. Трое напротив войска. Трое, клявшихся на алтаре. Прочие бессмертные – горстка – позади.

– Мы втроем! – раскат радостного грома в голосе Зевса.

– Втроем!! – колет трезубцем крик Жеребца.

– Втроем? – шепот, слетающий с пересохших губ, заглушает отчаянный вопль Ананки за спиной: «*Чем ты будешь бить, маленький Кронид?!*»

Меч скользит из ножен – верный спутник из бронзы, ковка тельхинов – не Циклопов…

Вы воюете как мальчишки, – кричит, надрываясь Судьба, и ее обвиняющий перст тычется между лопаток – сквозь броню чувствуется.

Войско Крона. Трое напротив него.

Распахивает крылья орел в поднебесье.

– Хороший знак, – улыбается Зевс, швыряя прежде молнии улыбку в грозную мешанину тел, движущуюся на нас.

В армии Крона нет даже приблизительного порядка – все смешались со всеми, рты – пасти, пальцы – когти, доспехи – крылья, шкуры, дубленая ветрами кожа…

Вздымаются клубы пыли в небо, с которого летит подбадривающее ржание лошадей Гелиоса.

– Хороший знак! – кричит Посейдон – нужно кричать, потому что остальное глушится рокотом наступления на нас титанов, чудовищ, лапифов…

Лавина.

Трое перед лавиной.

Молния. Трезубец.

И старый клинок, выкованный тельхинами, а не Циклопами…

– *Чем будешь бить, невидимка?!* – захлебывается в истошном крике Судьба.

Железные крылья – легкий росчерк в воздухе, над войском Крона.

– Хороший знак, – шепчу я за секунду до того, как утонуть в битве.

Белый высверк. Молния.

Всё.

Сейчас или никогда.

Огонь в небесах – в мой клинок. Тьма в разверстых пастях – в мой клинок.

Упоительный танец на грани боли.

Обжигающая мощь течет сквозь кричащие мышцы, единые с верным мечом. Преданная тень тянется помочь – от Посейдона, от Зевса, от деревьев, драконов, от всех и всего…

Ужас и крики боли – в мой клинок…

Их ужас и их крики боли, ибо мир для них обернулся молнией.

Они вспарывают небо, полосуют дряблое облачное брюхо Урана и хлещут противников невиданными небесными бичами, и каждая молния кажется продолжением руки Зевса, непринужденно стоящего в воздухе вровень с горами. Выше голов самых высоких титанов.

Распластались в воздухе блестящие кольца волос. Взгляд холоден и суров, и сам Уран не прочь убраться подальше от своего внука, расстелиться под ним, что ли, на землю упасть…

Но на земле – три острия в неослабевающей руке Посейдона.

– Что, взяли, твари?!

Три клыка, терзающие ряды лапифов, вгрызающиеся в драконов, перемалывающие, сокрушающие, не всем оставляющие время на посмертные вопли…

Последние минуты жизни, отчаяние и глухая тоска – я пью вас, как нектар, и значит – вас пьет мой клинок…

– Это Аид! Аид!!

Мне нравится, когда они кричат это. Звучит, будто «это конец!»

Я бью своей славой.

Раздувшейся черной тенью, жуткой памятью, оставленной Черным Лавагетом по себе за столетие.

Я бью словами Аты: «Горек источник Страха…», разрушенными и сожженными поселениями, убитыми пленниками, взятыми крепостями, пытками, своим именем карателя. Бью пустыми глазами женщин-рабынь на ложе, алой маской своего лица – когда оно бывало забрызгано смертной

кровью. Отвращение, ненависть, ужас, исступление, непонимание, отупляющая боль, злорадство победителей – в ход идет все, и наш с мечом танец восхитительно синхронен.

В нем тонет грозный крик Афины, лед Стикс – титанида гасит драконье пламя только взглядом – грохот наступающих Силы и Зависти, свист палицы Прометея…

Блик. Черная молния.

Так легко утонуть в самом себе.

Так легко разить. Черпать и черпать из бесконечного источника. Обращать ужас и гнев противника, тень за его спиной – в себя, в безошибочно находящий цели меч…

Так легко…

…легко…

Пока ты не встретил кого-то, кому наплевать на твою славу.

Красный блеск раскаленного адамантия – в глаза. Напитанный черной славой меч с радостью принимает вызов.

Щерится в лицо Титий – точно, он, убийца Офиотавра, как удачно, Титий, станцуем?

Среди ледяного холода Стикс, и соленого неистовства Посейдона, под бичами-молниями, секира против меча, слава против… чего?

У титанов нет славы. И чужую они не очень-то уважают.

Секира раскалывает щит, от удара трещит рука, меч перерубает рукоять секиры, распадаясь в крошево сам, мир рушится и дробится – почему-то приходят на ум мелкие катышки овечьего сыра.

Упоение боем вытекает вместе с ихором из разрезанной чьим-то случайным мечом лодыжки, бой так просто увидеть со стороны, когда ты выше, гораздо выше всех, как колесница Гелиоса…

Или лежишь среди убитых, а эта колесница неторопливо пересекает небо, насмешливо двоясь, – восемь коней, куда Солнцеликому такая упряжка?

Зевс – стоит на воздухе, вокруг распотрошенное небо. Посейдон – три клыка заставляют дрожать землю…

Третьего брата не видно что-то, ну, это ж ясно – Аид-невидимка…

Афина, Стикс, Прометей, бегущие остатки войска Крона.

О Эреб и Нюкта, мы опять воюем как мальчишки, а у мальчишек есть это поганое свойство – добиваться того, что они хотят.

Перед тем, как небо и битва обратились в одну сплошную белую вспышку – мне показалось, что вдали не жалобным, а торжествующим криком разразился младенец.

* * *

Внутри черепа что-то колотилось. Казалось, в нем распрыгалась новая Афина – решила от нечего делать родиться из головы у Черного Лавагета. Или, может быть, Ананка взяла медный щит и лупит наотмашь – старается вызвать из дурной головы хоть одну мысль…

У Судьбы не получалось: в мозгу было блаженно и прискорбно чисто. Взгляд перебирал картинку за картинкой, не останавливаясь.

Стикс брезгливо оттирает свой разящий ужасом жезл от драконьей крови. Видно, разить пришлось не только ужасом.

Кратос, почесывая ухо, рассматривает останки своей палицы.

Зел перебрасывается фразами с Посейдоном – близнецы впервые отошли от матери.

Хмурится, опираясь на копье, Афина: наклонила голову и уставилась на поле битвы, заваленное грудами тел. Две русые пряди выбились из-под шлема и нахально свешиваются богине на лицо.

Среди трупов – опаленные проплешины. Следы молний.

Кое-где – мелкое крошево: там прошелся удар Посейдона.

Войско Крона расколочено вдребезги, и Гелиос вытягивает шею с высоты: хочет увидеть, что ж там такого мы наворотили…

– Втроем!

Посейдон разъезжался в неудержимой улыбке от уха до уха, а чудесный трезубец держал бережно, на весу. По спине хлопнул так, что чуть хребет не переломил.

– Ну, что скажешь, а? Наконец-то! Видал, как было? – кивнул в сторону Зевса и его колчана – улыбка исчезла, но только на миг. – Вот это – я понимаю: бьешь как в масло… Ну, брат – теперь дело за Кроном! Да, а ты-то сам как? Я увлекся малость… не видал. Кстати, а тебе они что преподнесли?

– Потом, – отмахнулся я, морщась. Левая стопа была вся в теплом ихоре: случайный меч разрезал сзади крепиды сандалей и скользнул выше, к икре. Ничего, неглубоко.

А вот шлем был расколот, словно скорлупа ореха. Я стащил его, повертел и выбросил. Все равно был неудобный, скажу Эвклею – пусть новый раздобудет.

– А и правда, – послышался над головой вкрадчивый голос Зевса, – чем Циклопы отблагодарили своего освободителя?

Бешеные глаза кроноборца сомнений не оставляли: все знает. И с трудом удерживается, чтобы не истратить на меня последнюю молнию из колчана.

Правда, он выдержал на лице благопристойную мину:

подождал, пока Посейдон отвлечется на Прометея. А потом наклонился и затряс за плечи, шипя мне в лицо:

– Ты б еще с голыми руками полез! И что ты хотел этим доказать?! Идиот…

– Все мы идиоты, – волосы слиплись то ли от пота, то ли от ихора – зацепило все-таки, даже через шлем. – В-втроем, как же…

А что было делать? Орать посреди боя, что, мол, братцы, а меня-то обделили, так что, пожалуй, вы уж не втроем, а без меня?

Зевс плюнул под ноги, пробормотал, что лучше бы я прикрывал спины, зашагал к Прометею сам.

«*По-моему, он прав, невидимка*», – сипло выдохнула над ухом Ананка – никак, горло сорвала?

– Идиоты всегда правы, а все мы здесь – идиоты.

Обиженно заткнулась, только по плечу царапнула – мол, чем ты опять недоволен-то?

Сокровище победы слегка расплывалось перед глазами: пронзительная голубизна сапфиров, золотой драгоценный блеск, кораллы – из чешуи драконов; аквамарин и нефрит – хитоны древолюдей-лапифов; мрамор, железо, алебастр – скальные твари; янтарные, изумрудные, аметистовые – застывшие глаза чудовищ…

Богатая добыча, только вот…

Ох, и здорово он меня секирой – спасибо, что плашмя. И объяснить не могу, что не так. Вертится ужом: не так с этим детским плачем, и с тем, что мы воюем как мальчишки, и с обманом об Офиотавре…

Войска Крона разгромлены. Все ли? Есть ли резервы?

Нет, не то.

Прометей замер, раскачиваясь и держась за голову – что, и его тоже садануло? Видно, спасать кого-то полез – вот и получил. Ах нет, с ним что-то другое, вот наклоняется Стикс, спрашивает… «Что ты видишь?»

Видение у Прометея – прозорливый он наш.

И еще эта фраза дурацкая прицепилась – если уж Жеребец что ляпнет…

«Теперь дело за Кроном».

Фраза крутится, натирает виски, как очередной неудобный шлем. Ананка сочувственно хихикает за плечами – подсказала бы лучше…

Теперь дело за Кроном – и что? Взять Офрис у нас все равно не хватит ни сил, ни войск, ни молний.

Зевс выслушивает Стикс, машет рукой Посейдону, машет мне.

– Нужно вернуться в лагерь.

Лицо у новоявленного Громовержца непобедительное.

Хмурое, встревоженное, и скулы белеют. Ноздри раздуваются.

– Что за спешка-то? – удивляется Посейдон, он как раз расписывал Кратосу возможности трезубца. – Можно было бы гонца послать – хоть бы и Афину, пусть бы сообщила, что боя не будет, нам бы встречу подготовили…

–Афина остается. В лагерь идем мы.

– Что он прозрел? – спрашиваю я.

– Идем в лагерь. Сейчас.

Не совсем сейчас, но в пять шагов – вполне по-божественному, если учесть, что до лагеря было не меньше десятка стадий. Прошли победители, презирая расстояния: один – сжимая трезубец, второй – держа руку на колчане, стрелы из которого не требуют лука…

И меня протащили вслед – Посейдон еще ворчал, что мне теперь нужно еще и объяснять, как ходят боги. Зевс молчал.

А ко мне на третьем шаге непрошенным гостем заявилось понимание. Обустроилось внутри нагло и по-хозяйски. Вслед за собой запустило через порог уверенность.

Я понял, что сказал провидец-Прометей, который не стесняется швырять свой дар направо-налево.

«Теперь дело за Кроном», – сказал он.

Я понял, что он увидел – сквозь расстояние.

Вот это.

Мелкий серый однородный прах, покрывший землю. Толстым слоем – на траве, на камнях, в оврагах. Тонкой взвесью – в воздухе. Оплавленные валуны выступают местами – скорчились, прижались к земле. Пеней взбивает серую пыль в однородную бурую грязь.

Повсюду – куда ни взгляни. Все обозримое пространство – серая, покрытая мягким слоем равнина. Ни единого дерева – да что там дерева, даже куста.

Пыль.

У пыли запах пепла, костей и времени.

В пыли лежат медные мечи – зеленые, полуистлевшие. Остовы круглых бронзовых щитов. Оскалился жалобно шлем – один-одинешенек, остальных не видно.

Прогнившие, проеденные неизвестной силой, почерневшие панцири – отдельными пятнами, то здесь, то там.

Пара добротных котлов – здоровых, общих, с толстыми стенками.

Еще что-то выступающее – исковерканное до того, что и не разобрать, но мои глаза разбирают: остатки колесниц.

А войска нет – исчезло. И лагерь куда-то запропастился. Палатки, ложа, телеги, овцы, свиньи, ослы, деловитые рабы, мехи

с вином, амфоры с медом, мешки с горохом и ячменем – и в помине нет. Люди медного века, кентавры, сатиры, мелкие божества, дриады, нимфы – будто не было.

Пыль. Оплавленные камни.

Серая пустыня.

– Кто мог… – сквозь зубы начал Зевс и умолк. Перестал окидывать безжизненную пустыню взглядом, словно наткнувшись на препятствие.

Фигура посреди поля из-за серой взвеси, разъедающей горло и лезущей в глаза, казалась просто валуном. Впрочем, Танат Жестокосердный и был неподвижен словно камень, на котором он сидел в полной задумчивости позе – крылья сложены, голова опущена на грудь.

Пыль взлетала из-под ног Зевса маленькими жирными облачками, отчего казалось, что у сандалий вдруг выросли крылья.

– Зачем явился сюда, сын Ночи?

Убийца лениво поднял глаза. Скользнул взглядом по Посейдону и Зевсу. Мне кивнул с нарочитой учтивостью.

– Где еще мне быть, сын Крона? Для меня здесь – самое место.

Зевс недвусмысленно потянулся за последней молнией. Посейдон и вовсе рванулся вперед, вознося трезубец… и остановился в двух шагах от бога смерти, нависая над ним, но не нанося удара.

Руку его держало отвращение – не страх.

– Присел отдохнуть? Много жизней нынче пожал?

– Достаточно – вашими стараниями.

Полыхнула вынутая из колчана молния. Танат и пером не пошевелил, а мне пришлось занимать позицию перед Зевсом и оттаскивать назад Посейдона.

– Уймитесь. Его клинок таких следов не оставляет.

– Ну, тебе лучше знать, – прошипел Черногривый. – Вас же с ним водой не разольешь.

Зевс посторонился, сделал приглашающий жест – мол, раз не разольешь, то и говорить с ним тебе.

Молнию, правда, прятать не стал.

Глазами бы спросить, но в присутствии братьев не попереглядываешься…

– Что случилось, Убийца? Что за оружие могло сделать такое? Какая сила…

– Ты знаешь, какая, невидимка, – не притворяйся глупее, чем ты есть. Крон вынул из ножен свой серп, которым до этого пользовался лишь раз. Серп, который выплавила для него мать-

Гея из адаманта.

Серп, который лишил Урана способности к продолжению рода и о котором мы благополучно забыли в этой войне.

– Ты видел, как он наносил удар?

– Был не здесь. На вашем поле боя. Здесь мой меч не взял ни пряди: не успел.

А вот это уже плохо. Не просто плохо. Это уже смахивает на окончание войны.

Мальчишки показали себя воинами, нанесли настоящий удар – и в ответ тоже ударили по-настоящему…

– Да. Серпу Времени не нужны помощники вроде моего клинка. После него не остается теней, которые можно было бы исторгнуть. Все, чего он касается на земле, – пыль.

Излишне громко сглотнул Черногривый, недоуменно поглядывая на свой трезубец.

Мальчишки зарвались – и их осадили. Показали, что рано играть в победу, когда еще не начинали по-настоящему играть в другое…

– Ты здесь, чтобы рассказать нам о том, что было?

– Вы не догадались бы сами?

– Тогда что?

– Я – голос.

Я позволил себе слабость: прикрыть глаза и попросить, чтобы этот голос никогда не раздался. Но в напряженной тишине послышалось:

– Голос вашего отца.

– Голос отца? – на лице Зевса непонятная улыбка. – Надо же, какое вместилище он выбрал. Ну что ж, звучи.

Легко сказать – звучи. Губы Таната покривились: будто в рот желчи пополам с кислотой набрал, а выплюнуть – никак.

Голос Крона получился скрипучим, неровным.

– *Нынче день, когда родилась война. Это – подарок к ее рождению*, – обвел безжизненным жестом серую пустыню вокруг себя. – *Если вам будет, что сказать на это – глашатаем от вас на Офрисе я хочу видеть старшего*.

– Ага, вот прям нарядим в белый хитон, даров дадим и на Офрис отправим! – взорвался Посейдон, стискивая кулаки. Танат дернул углом рта.

– *Только старшего. Для него найду время*, – здесь, видимо, полагался смешок, но бог смерти не счел нужным передавать его. – *Пока война мала – от нас еще зависит, когда и как она возмужает*.

Танат замолчал. Ветер с тихим шелестом разносил мягкую пыль под ногами.

«*Это будет опаснее, чем в Тартар*», – шелестели вместе с ветром слова Судьбы…

Зевс опомнился первым.

– Не думай даже… – это мне, сквозь зубы. – А ты, раз уж теперь на его стороне, передай Повелителю Времени…

Зевс, к счастью, вовремя остановился. Посейдон тоже промолчал – а уж у него лицо прямо-таки светилось желанием передать, да еще ого-го, сколько всего.

И кажется, остановил их – я, не сделав ни единого жеста и так ничего и не сказав.

Так или иначе, братья смерили глазами меня, потом взявшегося за меч Таната, переглянулись и убрали оружие – не сказать чтобы с большим желанием, но все же.

Потом не сговариваясь зашагали обратно к полю боя, где гнили сокровища нашей победы. От мертвого – к мертвому, оставляя меня и Убийцу наедине.

«Вы получили, что хотели, – лучше бы Танат не переставал говорить, взгляд у него всегда был острее слов. – Он признал вас как равных себе. Разве не так?»

«Так».

«Почему не ликуешь?»

«Не умею».

А может, не знаю – что такое война на равных с Кроном Временщиком. И понятия не имею, можно ли ее выиграть.

Даже с крайним средством.

– Вы победите, – вдруг сказал Танат. Вслух. Прозвучало безумно – над полным серого праха полем, над местом очередного поражения…

– Что?

– Победите. Победишь. Рано или поздно, но это будете вы.

– Откуда ты взял…

– Так сказал отец.

Наверное, будь тут Гипнос – он заорал бы: «Он заговорил с тобой, Чернокрыл?!»

Я молчал, глядя, как ветер вздымает к небесам то, что осталось от нашего войска.

– Я слышал, как с ним говорила мать. После того, как вы ушли тогда. «Я увидел их, – сказал он. – Они могут стать Владыками. Но они проиграют Крону».

Я фыркнул – утешительно, нечего сказать…

– Молчи. Слушай дальше. Потом отец спросил, почему Кронидов было только двое. Мать ответила, что вы зашли к нему втроем. Он долго молчал. Потом сказал: «Я ошибся. Они станут Владыками». Потом смеялся.

– Смеялся?

– Долго. И больше ничего не говорил.

Больше Убийца не добавил ни слова. Поднял подбородок, показывая, что мне нужно последовать за братьями. Кивнул на прощание. Со свистом свел крылья.

Исчез, не желая лезть в то, что – только для Кронидов. Втроем.

Втроем мы потом и сидели у костра – не возвращались на Олимп, а именно что сидели на границе меж полем победы и полем поражения, словно там установилось какое-то хрупкое равновесие. Чудом не попавший под удар Крона Эвклей увивался возле бараньей похлебки, Циклопы расселись чуть в стороне и закусывали – не хочется даже знать, чем. Зел и Кратос слушали бесконечную повесть Прометея о кузнечном мастерстве. Стикс замерла над свалившейся с ног от новостей Афиной – рука ледяной титаниды по-матерински поглаживала русые волосы дочери Зевса.

Ирида прилетела перед закатом: передала Зевсу радостную весть о рождении сына. Новоявленный Громовержец только дернул щекой. Пробормотал: «Война?» – и отмахнулся от удивления вестницы: «Откуда ты знаешь?!»

И потом уже я – и то был разговорчивее его. О Посейдоне и говорить нечего.

– Охо-хо… у нас же были резервы? Не может быть, чтобы он всех одним махом…

– У него тоже могли быть резервы.

– Армии у него все равно нет. Ну и что, что у нас тоже нет – найдем. Не сунется же он сразу, раз переговоры предложил. Зачем ему вообще переговоры?

– Потому что от мальчишек можно отмахнуться. А с равными разговаривают.

– А что он тебя-то позвал?

– Значит, наблюдал за боем.

– Боится нас, стало быть?

– Да. Трезубца и молнии.

Зевс молча каменел в темноте, подсвеченный отблесками пламени, и черные волосы на сей раз ловили огненные блики. Похлебка стояла у ног брата нетронутой.

– …Гекатонхейры, чтоб им пусто было. С Циклопами не вышло – так что, теперь освобождать их?

– А если даже так…

И вечная пауза, в которую ни один из нас не решается вставить слова, пока не подает голос Зевс – выражая главное и самое трудное:

– Нужно что-то делать с этим серпом.

После этого молчали уже все.

Арг поманил меня из наполненной чавканьем и сопением темноты незадолго до рассвета. Похрюкал виновато о том, что вот оно как бывает… и что барана бы, да, и вина…

Потом наклонился и протянул шлем.

Суровое порождение черной бронзы с невысоким гребнем и искусно сделанными нащечниками. По поверхности разбегались узоры – взвивались языки пламени, извивались змеи, обольстительно и жутко улыбались чьи-то пасти, тянулись костлявые руки… Узоры менялись, и оттого смотреть на шлем можно было вечность.

– Для силы? – спросил я, безразлично оглядывая дар.

– Куды для силы! Для имени. А то какой ты невидимка, если – видно…

Сказание 8. О родственных чувствах и пользе исчезновений

Вчераошапке-невидимке
тыпрочиталасказкумне,
омальчикеипоединке
сдракономвсказочнойстране.
С. И. Кирсанов.

Вчерныхскладкахночисладкомне
Невидимкойреятьвтишине,
В. И. Иванов.

Человек может стать тенью – и его не будут видеть люди, но будут – боги.

Бог может стать невидимым, но и его будут видеть боги.

Лишь одно делает равно незримыми друг для друга – и богов, и людей.

Черная, взлелеянная молотами Циклопов бронза моего шлема.

Скованная песня.

Закаленный ужас.

Мой символ – где он сейчас, символ? Там же, где нынче скипетр-двузубец, и колесница, и алые плоды гранатов…

Не со мной.

Видимо, выполняет то, для чего его сковали. Делает кого-то незримым. Ужас внушает.

Шлем Владыки Подземного Мира, шлем Аида-невидимки…

– Невидимки? – грохочет память голосом Бронта. – А чой-то тебя видно?

Таращит круглый глаз Арг. Стероп ковыряет в зубах – ему до Тартара, видно меня или нет, ему б барана и вина пару пифосов, только чтобы пифосы побольше.

Отражение в черной воде устало качает головой в ответ на голоса Циклопов. Могли бы и понять. Видно – потому что я здесь. Уйду – станет не видно…

– Как – не видно? – пучит глаза воображаемый Бронт. – Для всех?

Арг мычит и мотает лохматой башкой. Стероп замер с пальцем во рту.

Как так бывает – не видно для всех?!

Человек может уйти в подземный мир – и его будут видеть боги.

Бог, даже если он покидает Олимп или тонет в черных водах Стикса – всегда зрим для остальных.

Лишь одно может заставить и человека, и бога уйти надежно и для всех… Забвение.

Отражение творит невообразимое. Улыбается не моей улыбкой – широкой, слегка безумной. Подмигивает – вот уж чего я никогда не делал!

Шепчет два слова, которые я читаю по губам – его или все-таки своим?

«Хочешь – исчезну?»

– Дура!

– Убери свой меч. И иди поиграй в песке, братик, а то еще порежешься.

– Дура! Д-девка! Щит готовь! Я сейчас… я покажу…

– Нет-нет, я не буду с тобой драться… Воины не воюют с детьми.

– Ты… тоже мне, воин! Сиськи под панцирь спрятала и ходит! Иди за прялку!

– Ты сегодня невоздержан на язык, Арес. Нектар ударил в голову? Ах нет, нектар тебе еще рано, мамочка разволнуется, если узнает, что ее сынок пьет что-то, кроме молока.

– Не смей так о моей матери, ты… у тебя вообще матери нет!

– Хвала Ананке и первобогам. Иначе из меня могло получиться что-то вроде тебя, братец. Представлю – вздрогну.

Афина улыбается холодной, презрительной улыбкой. Горделиво выпрямленная, в аккуратном белом пеплосе; на нос сползла упрямая русая прядь, неподвластная заколкам. Серые глаза с мнимым испугом щурятся сверху вниз на брата: могло ли получиться из Афины Промахос[1] вот такое? Вот такое костлявое, с торчащими иголками волос, в драном хитоне, с багровым лицом и глубоко посаженными злобными глазами?

Нет, вряд ли.

– А что из тебя получилось? Девка, а думаешь, что мужик! Ну да, кто ж тебя полюбит, ты ж такая вся из себя умная, что кони дохнут…

Насмешливый прищур перетекает в смертоносный – будто из лука стрелять собралась. Афина терпелива не в отца, но у Ареса с рождения талант говорить гадости.

Зевс, который сына не выносит, упорно утверждает: первое, что он услышал от наследничка: «А я думал, папа выше».

– Мой ум – тяжелое бремя, братец. Как-никак, мне досталась и твоя доля тоже. Но если уж тебе так хочется схватиться – рада буду преподать урок. Еще один.

Аресу только того и надо – он кидается вперед с готовностью

и неистовым ревом, сжимая в детских пальцах меч.

Мальчишка чуть достает сестре до груди – впрочем, для шестимесячного возраста результат неплох.

Деметра пересекает двор, сортируя на ладони какие-то семена. Останавливается неподалеку от меня и смотрит на парочку, поджав губы.

– Что опять не поделили?

В ответ – неопределенное движение плечом. Эти двое всегда найдут, что не поделить.

Арес устроил из нового гиматия сестры подстилку для ощенившейся охотничьей суки. Афина уговорила отца не отпускать брата с Посейдоном на Родос, к тельхинам. Арес наябедничал Гере, что Афина рассуждала о ее ревнивом нраве. Промахос, когда Циклопы спросили ее совета о подарке для наследника, – посоветовала сделать что угодно, кроме оружия. Арес сказал какому-то вожаку кентавров, что Афина жаждет его любви. Мудрая дочь Зевса в разговоре с Афродитой помянула, что первенец Зевса до третьего месяца жизни мочил пеленки…

За день – по десять причин и по дюжине беспричинных стычек, и иногда кажется, что рано или поздно это соперничество затмит собой Титаномахию.

– Ты! Я тебя…

Арес нападает слепо. Мальчишеская ярость застилает глаза, рот скривлен, волосы колют воздух, бог войны лезет напролом, не думая, не глядя, не различая, три четверти ударов нанося впустую…

Афина, насмешливо улыбаясь, отражает удары. На ее стороне – возраст и опыт настоящих боев, и неистовство брата ее не смущает.

Вот опять выбрала момент и кольнула в живот.

– Я попортила тебе хитон, братик? Могу одолжить у Афродиты ее новенький, цвета колокольчиков, тебе пойдет.

– А-а-а!!!

Перед Афродитой маленький бог войны цепенеет уже не первый день, так что такой укол – посерьезнее острия меча.

И опять – слепо, напролом, яростно…

– Когда ж это кончится? Допрыгаются…

Деметра неодобрительно качает головой и вздыхает. Я забрасываю в рот финик.

– Что за манеры лопать пищу смертных, а потом не прикасаться к нектару? Бог, тоже мне…

И удаляется, бормоча, что рождаются же вот такие, у которых все не через голову…

Прежде, чем я успеваю поставить ее на место хотя бы

взглядом.

Ананка весела сегодня – так и звенит из-за плеч в тон птичьему пению:

– *Хорошо, что у нее нет дочерей, правда, невидимка? Правда, такой и дочерей не надо – готовая теща.*

Надо же, насколько ее мнение совпадает с мнением Убийцы – тот, кажется, тоже Деметру в тещи произвел.

Сыр попался слишком соленый – еще и острит из-за специй.

Ветерок колышет ткань хитона вокруг колен – сегодня прохлада особенно ощутима, а здесь, в тени она делается почти ночной.

Зевс в отъезде, как и Посейдон: ободряют и внушают восхищение молнией и трезубцем. Я там ни к чему – народ и без того достаточно напуган Кроновым Серпом.

А во дворе идет дневная суета – основательная, привычная. Пахнет нагретыми фруктами, благовониями, песком, которым чистят доспехи. Булькает котел. Звонко хохочет Нефела – она со своими облачными стадами как раз пересеклась с колесницей Гелиоса. В гости, небось, зовет.

И носятся по внутреннему двору брат и сестра в неравном бою: для одного – слепая ярость, для второй – наслаждение собственным превосходством, которое так приятно продлить.

Узоры шлема под пальцами, кажется, изменяются – нащупываю две фигуры в бою, потом двух змей, свившихся друг с другом… вот одно войско идет на другое…

– *Зачем ты за ними наблюдаешь, невидимка?*

Деметра спросила бы проще: «Тебе-то что за удовольствие?»

– *Сколько ты видел их стычек – двадцать? Пятьдесят? Зачем?*

– Жду.

– *Чего?*

– Когда сходство станет полным.

Кажется, она пристально изучает схватившихся в поединке брата и сестру. Финик у меня из-под локтя стащила потихоньку… тоже кажется.

Преимущество любимой дочери Зевса неоспоримо: бой воина и мальчишки. Мальчишка наскакивает, рвется, прикладывает все усилия, а воин играет – что еще сделаешь, с таким-то противником?

Вот с треском разлетается меч, и первенец Геры и Зевса летит задницей на каменные плиты.

– Мне помочь тебе встать, мужчина?

– Дура!

– Пожалуйся отцу. Скажи ему, как глубоко тебя ранят слова женщины.

Война вскакивает с яростным воплем, подхватывает какое-то копье и опять идет в атаку на мудрость – попытка за попыткой, смешно смотреть…

Нефела хохочет. Хихикает в кулачок златоволосая нимфа, пробегающая двор с амфорой. У котла булькает от смеха сатир – котел, кажется, тоже булькает… от смеха.

Во всем дворе невеселы только я и Ананка.

– *Они меняются ролями*, – шепчет Судьба. – *Воин слишком уверен в том, что он воин, а потому начинает играть. Мальчик воюет, как воюют мальчишки, но он уже воюет, а не играет.*

– Промахос изменила своей мудрости. Взгляни – она бьет беспечно. Рано или поздно она пропустит его удар.

– *И ударит его в ответ по-настоящему, невидимка.*

– Да. Ударит по-настоящему.

Во дворе юность бросается в атаку на мудрость, безумие – на опыт, упрямство – на хладнокровие.

Во дворе бьется недавно родившаяся война – и Ананка не смеет спрашивать меня, что ж я там такого вижу в неуклюжих движениях мальчишки, который вместо погремушки в первый же день после рождения взял в руки меч.

Мой, между прочим, уволок.

– Ты… ты!!

Война страшна. Летит, глаза незрячи от ярости, оружие полосует воздух, представь на месте воздуха воинов – и поймешь, как будет биться этот сын Зевса, когда вырастет.

Не только врагам – союзникам не поздоровится: со всех сторон тела…

– Ах… паршивец!

Натиск взял свое над опытом – на миг. Искусность проиграла силе. Беспечность обернулась промахом, и вот уже Афина держится за плечо, в глазах – непонимание, пеплос – прорван… Струйка ихора бежит по руке. Серые глаза медленно темнеют от гнева, подбородок грозно опускается вниз – и удар без промедления. Ответный. Настоящий, который не остановишь щитом.

Будь мальчишка смертным – хоронить было бы нечего.

Арес покатился по плитам двора колючим колобком – волосы-иголки так и замелькали. Поднял лицо, глядя на сестру.

Засмеялся разбитыми губами – со злобным счастьем.

– Я ж говорил – ты девка!

Промахос двинулась было к нему, но тут во дворе показалась Афродита, помахала рукой.

– Афи-и-и-и-ина-а-а! – призывно раскатил двор. – Мы с Гестией жде-о-о-м!

Гелиос придержал свою колесницу, отвлекшись от сплетен с богиней облаков: нужно было послать вниз побольше лучей, чтобы они запутались в золотых кудрях Киприды. Завздыхал сатир возле своего котла, закапал в котел слюнями.

Афина махнула в ответ.

– Иду! – крикнула и отправилась к богине любви, не взглянув больше на брата. Афродита что-то спросила у дочери Зевса, потом повернулась и кокетливо помахала Аресу – прежде чем исчезнуть.

Маленький бог войны отмер только через минуту после этого жеста.

– *Тебя она не поприветствовала,* – шутливо укорила Ананка.

– Поприветствовала.

– *Она же тебе не махала.*

– Зато поежилась.

В понимании Афродиты я – «бррр», поэтому других приветствий удостаиваюсь редко.

Под пальцами – все новое: капризно изогнувшийся локон, срезанный с чьей-то головы, переплетающиеся цветы – наверняка асфодели, что еще он может отображать, этот шлем? Драконы. Кривой серп приготовился разить…

– Дядя! Видал, как я ее?

Больше первенцу Зевса делиться триумфом не с кем. Мать не поймет и придет в ужас: «Ты опять кинулся на Афину? Она тебя ранила? Ну конечно, ранила, ох, нужно омыть раны, нужно залечить…»

Остальные Ареса уже успели возненавидеть.

– Угу.

– И… и как?

На губах – намек на улыбку, словно осадок на дне амфоры.

– Бездарно дерешься.

– А вот и нет. Я дерусь изо всех сил. Значит, я дерусь хорошо, понятно? А это у тебя твой шлем? Который сковали Циклопы?

– Да. Хтоний.

Подземный – не помню уж, кто уронил. То ли Посейдон, когда на узоры смотрел, то ли Гера визжала, что такая дрянь только из подземного мира могла взяться. Может, и Арг говорил что-то, мол, медь для сплава брали из очень глубокой жилы, особой… Вцепилось слово в вещь челюстями – и не отпускает.

– Он делает тебя невидимым?

– Он делает невидимым любого. И все, к чему ты прикоснешься. Еще вселяет ужас в сердца.

Арес посмотрел на шлем в моих пальцах пренебрежительно. Фыркнул носом.

– Это же не оружие воина.

– *Хочешь знать, за что этого мальчика так ненавидят?* – поинтересовалась развеселая Ананка.

Деметре он заявил, что цветочки выращивать и дурак сможет. Гелиосу – что ему нужно искать другого общества, кроме своих жеребцов, а то «навоз и ржание – скучновато». Гестию спросил, нет ли у нее какого-нибудь дела, а то она, кажется, вообще ничем не занимается. О Посейдоновом трезубце выдал, что «ну, таким точно не промахнется». Не испугался даже к Стикс подойти и поинтересоваться, почему у нее такие тупые дети – в отца, что ли?

И таких фраз – по нескольку десятков каждому… впрочем, Афродите, кажется, ни одной не перепало.

– А что – оружие воина?

Арес презрительно оттопырил губы.

– Ну, вот копье. Или меч. Еще палица, лук, праща, дротик, – хмыкнул, скосился на шлем. – Молния еще или трезубец.

Ноги у мальчишки напряглись – отскочить. Обычно неумение держать язык за зубами я карал оплеухами.

– Да. Это все оружие воинов. Оружие силы. Оружие войны. Это – нет.

Гера появилась во дворе, тревожно всматриваясь во двор из-под ладони – искала «своего мальчика». Арес засопел и попытался было схорониться за моей спиной, но вылетел оттуда как от хорошего пинка: Ананка расшалилась не на шутку. Или просто не потерпела соседства.

– Арес! – Гера преодолела половину двора вихрем. – Что ты делаешь в его обществе? Я тебе говорила… Ты опять порвал хитон! А это ихор? Внутрь сейчас же! И если еще раз услышу от няньки, что ты…

Видно, общение с Лиссой все же повлияло на сестру – только проявилось это сейчас.

Арес закатил глаза и направился ко входу на женскую половину, временами оборачиваясь и бросая подозрительные взгляды за мою спину. Гера задержалась на миг дольше – прожгла глазами:

– Оставь моего сына.

В ответ я прикончил очередной финик. Жена Громовержца взмахнула гиматием, вернула себе надменность и царственную осанку и направилась удушать отпрыска любовью.

Булькал котел – густо, наполняя двор небожественным, крепким запахом баранины и лука. Сатир напевал что-то бодрое – звал собратьев и нимф присоединиться. Нефела и Гелиос в небесах разошлись: она погнала стада тонкорунных облаков на

юг, он колесницу – по извечному пути, на запад…

Пальцы скользили по черной поверхности – ужасающая красотой и искусностью ковка…

Прихотливые изгибы реки. Отроги гор. Пасть. Щит. Клыки.

– *Это не оружие силы*, – в голосе Судьбы больше не было веселья. – *Не оружие воина. Не оружие войны. Но ты так и не сказал, что это.*

– Оружие хитрости. Оружие лавагета. Оружие победы.

Пальцы вновь пошли по завитушкам на черной бронзе – молния, трезубец, меч Таната… серп.

Губы пошевелились, облекая в слова решение.

– Ты хотел меня видеть, отец.

* * *

– Ты хотел меня видеть, отец.

У подножия Офриса гулял отчаянный северный ветер. Борей успел где-то основательно хлебнуть, теперь дул во всю мощь, не считаясь с тем, что пора была летняя, когда наливаются соком фрукты и распускаются самые яркие цветы. Хмельной Борей горстями зачерпывал от костра густые смоляные клубы дыма – швырял в небо. Упрямо подворовывал аромат жареной баранины, в равных пропорциях мешал с запахами вина, дикого лука, пота, чьим-то пением, смехом – и разносил по всей Фессалии, аж до Олимпа собрался добросить, чтобы и там порадовались: вот, весело живется в лагере Крона.

Кто-то ритмично и тяжело выбивал по дереву диковатый ритм. В синих, разбавленных огнем сумерках свистели копья и сорванные голоса вскрикивали: «Без промаха!» или «Куды кидаешь, мазила?!» На залитой лунным светом площадке свились два мускулистых гиганта – срослись в борьбе.

Какой-то титан отвернулся от костра. Лениво бросил: «Крон, это не твой старшой пожаловал?»

Второй чуть нагнулся вперед, к огню, и стало видно его лицо: худое, остроскулое, будто неумелый скульптор тесал, да позабыл сгладить углы. В черных кудрях опасной змейкой путалась седина, и в бороде серебристая прядь текла ручейком между двумя ровными черными берегами.

– А что, не видать, что ли? – голос оказался не гулким, как я помнил, а высоким, сипловатым. Хотя, когда сидишь у кого-то в брюхе – многое кажется иным. – А ну-ка двиньте задницы, пусть парень обогреется. Эгеон, да хватит уже лапы за бараном тянуть! Седьмого лопаешь! Или у тебя на каждую руку – по брюху?

Сторукий исполин, сидевший в отдалении от костра, гулко вздохнул и вернул золотистую от жира тушу на место. Какой-то

титан тут же принялся ловко оделять всех сидящих мясом. Двоетрое сдвинулись в сторонку, и место у огня нашлось не только мне, но и двум спутникам.

– Это с тобой Эвклей, что ли? – прищурился Крон, когда распорядитель плюхнулся по правую мою руку. – А я все думал – куда он из той ловушки делся. Я ж его не навсегда туда посадил – так, поучить, а то дерзок стал – спасу нет.

– Кому надо – тому дерзок, – буркнул Эвклей, который уже успел уволочь к себе поближе целую баранью ногу. Тартар знает, как он собрался ее сожрать и не лопнуть. Хотя у Эвклея по этой части талант побольше, чем у отца, глотавшего собственных детей…

– А кто там второй?

Второй, слева, молчал и скорбно каменел лицом, и Борей не решался швырять в него своими порывами – от уважения к внушительности мины.

– Да это, вроде, сынок Япета, – сказал кто-то. – Который вещий. А Япет разве не здесь?

– Прислал сказать, что не приедет, – голос, густой как сливки, пролился от высокого и до крайности с виду могучего титана со светлой бородой, аккуратно собранной в косицы. У титана был вид семейственный и основательный, стало быть – Атлант, который заявил о своем выходе из войны и поселился где-то на краю света с дочерьми-Плеядами.

А дочери, наверное, там, где слышен женский смех и крики: «Поймала!» – «Майя, так нечестно!» – «А давайте пойдем посмотрим драконов!»

– Праздник нынче, – Крон кивнул на подножие Офриса, занятое гульбищами, кипевшее от спортивных игр, звеневшее от диковатых напевов. – Самый долгий путь Гелиоса… самая короткая ночь, то есть. Значит, самая дорогая. Вот и собрались, почти все, отметить. Даже Паллант где-то тут бродит, о своей женушке вздыхает – как бы ее на Олимпе кто не увел, а то я слышал, у Зевса к этому способности, да?! Я-то думал, она с тобой тут появится – с мужем повидаться лишний раз…

Прометей окаменел лицом особенно скорбно: в спутники ему меня навязала как раз подземная титанида.

Эвклей-то навязался сам – едва я тайно взялся за сборы. Распорядитель, сочно хрупая грушей, почесал лысину и заявил:

– В одиночку к Офрису, как же. Дурень.

И потопал собираться, то есть, искать самый засаленный хитон – «Чтобы аж кони от запаха быстрее бежали». За время пути через Фессалию хитон малость проветрился, но есть у меня нехорошие подозрения, что по дороге нас ни разу не остановили

именно из-за него.

А Прометея Стикс притащила к конюшне, когда я уже четверку выводил.

– Он едет с тобой, – сказала голосом, леденящим, как воды ее реки (хотя она и чашу с нектаром таким голосом передать просит).

Слова будто пролились за шиворот Прометею, который скрючился и виновато заморгал.

– Шутишь, – бросил я, не удивляясь тому, что титаниде известен мой замысел.

– Он поедет с тобой к Офрису.

«*Соглашайся, невидимка*, – смачно посоветовала Судьба. – *И Деметру с Герой за компанию прихвати: если уж брать с собой тех, кто тебя раздражает*…».

Впрочем, нрав Стикс известен – спорь не спорь. Упрямство Прометея тоже не сегодня – так завтра воспоют аэды.

– Колесницу пусть берет свою. Отстанет – ждать не буду.

Прометей не отстал. А уже когда устраивались на ночлег, ровно на полпути, вдруг обронил глухо и не по-своему коротко:

– У меня брат там… младший. Эпиметей. Верен Крону. Хочу поговорить… убедить… понимаешь?

– Дурень, – припечатал из темноты Эвклей, непонятно кого имея в виду.

Может, даже всех.

Прометей сидит и каменеет уже не лицом – взглядом. Взгляд упирается в молодого титана, расположившегося чуть поодаль от костра. Титан настойчиво ковыряет амфору с вином: все никак открыть сосуд не сподобится. Брат? Какой брат? У титана куча братьев: Атлант вот, Менетий… может, еще какие сыновья Япета. А больше нету. Ну, торчит там какой-то рядом с сыном Крона. Ну, плечи широченные тоже, глаза голубые, лицо широкое, волосы – пшеница, так мало разве похожих титанов? Никаких других братьев знать не знаю.

А сын Крона тем временем тоже хорош. Сидит – пальцы на мече чешутся. Вся поза так и кричит: ну, где подвох-то? Не в гости – во вражеский лагерь приперлись!

А подвоха нет. Есть вроде как праздник. И Крон утюжит разделенную седой прядью бороду с потаенной усмешкой – что, мол, невидимка, чего ты ждал? Что тебя тут сходу – и в кандалы?

– А вымахал ты, однако, – слова доносились невнятно: зубы у Повелителя Времени были заняты барашком. – Вблизи-то я так тебя и не видел… с дарами явился или так?

– Есть дары, ага, – проскрипел Эвклей, пропихнув в себя огромный шмат еще большим куском лепешки. – Из трофеев

дары, а как же…

– Наше добро, значит, – добродушно хохотнул сидевший по правую руку от Крона Менетий. Его разбойничья рожа успела примелькаться в полусотне стычек, не меньше. – Ушлый у тебя сынок, а? К кентаврам из Додонских Лесов когда заворачивали… помнишь? Что угодно, говорят, делайте, а только у них там этот – Черный Лавагет. Никуда не пойдем!

Помню я разговор с этими кентаврами. Двух лун не минуло.

Одно племя подчистую пришлось вырезать: слишком ушлые попались. Потом уже к остальным явился, с обещанием накормить их своими же хвостами.

Поверили, выходит.

– Сядем, говорят, на афедроны свои конские – и сидеть будем! И ведь главное – сели… Эй, парень, почему не пьешь? За братьев твоих и за тебя тост поднимем – праздник! Или думаешь – отравим?

Я принял чашу (да какая чаша, это ж чан купальный!) Молча поднял – чтобы по-детски щербатый молодой месяц отразился в вине. Пригубил – за братьев и себя.

– Без желчи, – заржал Менетий, сквозь разрубленную губу у него просвечивал наполовину отбитый зуб. Кажется, я и отбил, кстати, полста лет назад. – Да ты до краев, до краев пей! Смотри, как воду глотает. Молодцы у тебя сыновья, Временщик, а? Один – орел, всех тварей наших пораспугал, второй… непуганых поспаивал. Ну и старшенький – стервят…

Осекся под взглядом Крона, замахал рукой, забулькал вином и побрел, пошатываясь, от костра. Что-то насвистывая сквозь выбитые зубы.

– Дурак он, – сказал Крон, усмехаясь в огонь. – Язык без костей, в мыслях одно – как бы с кем сцепиться. А чтобы правильно выбрать противника… Мать видал?

Вопрос был неожиданным – чуть ли ни не больше всего остального.

– Нет.

– Давно – «нет»?

– Больше века.

– Ну и зря. А я вот видал. На краю света, где она сейчас скитается. Совсем плохая стала. Про тебя что-то повторяла.

Хмеля от выпитого вина и без того было мало – стало еще меньше, в огне померещились безумные глаза: «О-о, сын мой, Климен!»

– И что с того?

– Тебе – может, и ничего. А я навестил. Про Филиру ей рассказал – это из старших дочерей Океана, я на нее еще в

молодости глаз положил, думал в жены взять, потом увидел, как Рея танцует – и все, как отрезало. А тут встретил – и как-то опять загорелось. Так эта гордячка от меня еще удрать пыталась – кобылицей, вообрази. Ну, а я – тоже в коня и за ней… сама же потом говорила, что жеребец. Ребенка родила: конечеловека, кентавра! Бессмертный кентавр, вообрази, Хироном назвали. Рассказывал Рее – думал, ревновать будет, она после свадьбы все говорила, что ни с кем другим меня делить не намерена. Не ревновала. Приноси, говорит, сюда сынка – я ему сказки буду рассказывать…

– Не забыл?

– Что?

– Сына проглотить не забыл? Или в Тартар его?

Повелитель Времени чуть приподнял брови, встречаясь со мной взглядом.

В глазах не отражалось пламя костра – бесконечные лабиринты, тьма и безвременье, хоронящее в себе старый хлам.

Отец с сожалением и будто бы даже с ленцой отставил чашу и недовольно проскрипел:

– Не терпится, значит? Молодость. Вам бы только войны и поскорее. Ни вина выпить, ни на баб посмотреть… Ну ладно, давай-ка подумаем.

Отобрал у Атланта вертел, на который тот как раз собрался нанизывать очередную баранью тушу. Легко разломил крепкий обструганный кол надвое. От остальных отмахнулся с небрежной ухмылкой – мол, идите вы уже пировать к другим кострам, ко мне тут сынок нетерпеливый заявился.

Острие кола прочертило на утоптанной каменистой почве узоры легко, как в пыли.

– Ну, что у нас тут… Значит, сперва я вас опрокинул на Полынном Поле. Потом вы меня век за нос водили с Офиотавром – крепко водили, я уж и правда вас думал – одним махом… Ну, войско я все-таки собрал…

Ветка полыни, кудрявая головка сына Геи, бесконечные волны войска, а над ним – три огромных глаза.

– А вы Циклопов выпустили. Вот не знаю, кто вам так напомнил… Гея, что ли? Мать на меня зла. Значит, Зевс выпустил Циклопов, они ему в благодарность молнии отковали, Посейдону – трезубец, войско вы мое у Пенея опять разворотили…

Для него это так все и выглядит. Циклопов выпустил Зевс – самый могучий, тот, кому досталось самое страшное оружие… Оружие войны.

О хтонии я направо-налево не распространялся.

– Это вы для меня неожиданно, правду говоря. Я уж, когда

понял, что открылся Тартар, думал – вы Сторуких подняли, чуть животом не прихворнул. Ну, теперь-то я меры принял – на тот случай, если вам все-таки хватит дурости…

На полную луну набегает тучка – выгибает край загнутым острием. Палка в руках Крона рисует такое же на земле, только – щербатое.

– А мне пришлось взяться за серп. Который мать из себя выплавила, – Крон хрипло засмеялся, потирая руки. – А вы ж, наверное, так и не поняли, чего добились, да? Я и в тот-то раз…

Небо над головой содрогнулось от рева Эгеона, победителя в метании камней. Или от чего-то еще.

Крон Временщик, оскопивший когда-то Урана, сидел, склонив набок голову, ухмыляясь в лицо отца, лишенного власти.

– Да где вам, – шепнул он как бы про себя и бросил через плечо: –Хочешь увидеть?

Видеть – это у меня пока получается неплохо. Поднимаясь вслед за отцом от костра, я успел увидеть Прометея, который уже подобрался к брату поближе и вел с ним какую-то беседу – и получал столько же ответа, сколько от каменюки, на которой брат сидел. Еще видел Эвклея, затеявшего с каким-то титаном соревнование в «кто кого переест» – давние соперники, судя по тому, какая толпа на зрелище собирается. Видел Атланта – как он тревожно оглядывается в поисках дочерей.

А пока шел за Кроном к Офрису – еще больше насмотрелся: и пирующих, и соревнующихся, и тех самых дочерей Атланта, которые уже успели очаровать какого-то дракона и теперь обвешивали его ленточками. Видел скользящие тени, тревожащие лунную ночь, – в небе и на земле.

Ананку не видел, но это как всегда. Эту – только слушать.

«*Слушай, невидимка. Я тебя поведу…*»

Пока что вел отец. Пинком в брюхо сдвинул с дороги вдрызг пьяного титана и нырнул в зев пещеры. Черный зев, но ничего, не Тартар.

Коридоры казались бесконечными и знакомо пахли пылью и плесенью. Тускло светились какие-то грибы. На потолке шуршало, поскрипывало – нет, не летучие мыши, твари какие-то со сморщенными головами, одна просвистела сладко: «Хочешь послушать сказку, маленький?»

Чуть сдержался, чтобы не запустить чем-нибудь.

Запах старой темницы – лабиринтов времени – становился гуще и продирал по коже морозцем.

– А вот и он, – как-то очень недовольно прохрипел Крон. – Ну, смотри.

Пещера ничем не отличалась от других пещер – круглая,

темная, в углу висит светящаяся болванка с кулак: небось, остатки от колесницы Гелиоса, на Олимпе штук десять таких есть. Сырые высокие своды куполом сходились над головой.

И алтарь был обычный – из гранита. И меч на нем… нет, меч-то как раз был необычный: что такой древности делать на алтаре? Щербатый, тусклый, со стертой рукоятью клинок, по виду и не скажешь, что сделан из адамантия. Кажется, Крон им веков пять без передыха махал.

Повелитель Времени стоял рядом, но смотрел не на свой Серп, а на мое лицо. Будто ждал презрительного смешка: «Ха! Это тот самый Серп? Мелочь!»

«*Смотри внимательнее, невидимка*, – подала голос Судьба. – *Не глазами. Смотри собой. Как я учила тебя*».

Пещера была полна запахом прошлого, и смотреть по-настоящему было легко…

Косая, ослепительно яркая ухмылка бросилась в глаза. Ожгла, резанула – сгущенным временем. Это не небытие, как в Тартаре, это – чистое уничтожение, смерть, в тысячу раз острее, чем клинок Таната, в тысячу раз жаднее – потому что танатов меч слушается руки своего хозяина, а эту тварь на алтаре только пробуди – и не удержишь…

Что ты сделала, мать-Гея, из ненависти к своему мужу, что ты сделала?!

– Он уже тогда такой и был, – нарушил молчание Крон. – С зазубринами, древний… будто не родился, а возродился из праха. Говорят, Ночь родила Смерть мне в наказание. А Земля в наказание мужу родила вот что – не хочешь сравнить?

Не хочу. Есть то, что нельзя сравнивать. Есть то, что не с чем сравнивать – чистое «убить», втиснутое в полосу выжигающего глаза света, скалится с алтаря: «Что пришел, щенок? Не страшно смотреть, а? Не хочешь глазки-то прикрыть?»

«*Не закрывай глаза, невидимка. Смотри на него. На каждую линию и щербинку.*

Ты должен знать своего противника».

– Потрогать хочешь? – спросил Крон, когда я повел пальцами над лезвием. – Ты ничего, бери. Держать его можно. Вот *удержать*… Удержать его, как и призвать, могу только я. Право имею только я. Мое оружие, хоть я и пользовался им только два раза.

Он небрежно щелкнул пальцами по древнему адамантию… нет, по яростной сияющей полосе, пахнущей плесенью и гибелью.

– А вы, значит, так и не поняли, куда себя завели? Да уж, держать его… слышать его… нелегко. Еще труднее – останавливать. Если бы я не остановил его вовремя – не было бы

не только вашего войска. И вас бы. И Фессалии заодно.

«Нужно будет – так и сделаем», – едко улыбнулся с алтаря Серп Времени. Крайнее средство отца.

«*Крайнее средство Крона*, – поддакнула Ананка, – *и твой противник*».

Я кивнул. Прикрыл глаза, возвращая привычное зрение, отталкивая жгущую хуже молний полосу с алтаря…

Серп Крона лежал на сером камне – выщербленный, древний, безобидный, даже блестеть в свете от болванки Гелиосовой колесницы не хотел. Ни за что не скажешь, что призови его, разбуди – и… крайнее средство. Как выпустить Сторуких.

– Ты, значит, увидел.

Повелитель Времени всматривался в мое лицо, а выражение – не пойми какое. То ли удовольствие, то ли уважение, а то ли я еще полуослеп от этого Серпа.

– Ну-ну… я в тебе и не сомневался. Идем-ка на воздух, там говорить удобнее.

В коридорах я раз пять налетел на выступы: подвели глаза, в которых плясало жадное лезвие. Потом еще воздух глотал – с примесью дыма, жира и пота, но все равно воздух.

Запахи – это потому что Крон вздумал остановиться напротив площадки, где мяли друг другу бока Прометей и его брат. Видно, слова исчерпали, а до простого мордобития сыновьям вещего Япета не захотелось снисходить – вот они и решили, в честь праздника…

Кулаки, обмотанные ремнями из бычьих шкур, свистели в воздухе. Прометей щадил младшенького, все больше уходил от ударов, зато Эпиметей горячился, наскакивал по-петушиному, так что время от времени его кулак с глухим звуком влипал брату в грудь, в плечо или в живот.

Возле ближайшего костра не было никого, валялись кости, миски и храпел титан, кажется, тот же, которого Крон пнул перед входом в пещеру. Повелитель Времени присел на кривой чурбак и принялся наблюдать за боем.

– Который меньшой обнаглел вконец, – пробормотал, – а у старшего ведь тоже терпение не вечное. Ну, молодость всегда такая – думать в последнюю очередь…

Я смотрел на кулачный бой над костром и вспоминал другой: только между братом и сестрой.

– Вот ты, Климен… что, имя не нравится? Ну, пусть Аид. Зачем ты сюда пришел?

– Ты звал.

– А ты побежал, как же. С риском попасть в кандалы или куда похуже. На что ж ты готов ради этой войны, получается? А? А

зачем?

Эпиметей сделал ложный выпад. Прометей промедлил, а младший сын Япета проскользнул под кулаком у брата и стукнул в первый раз серьезно – в скулу. Голова у Прометея качнулась, но ничего, не упал, удержал равновесие, даже сделал вид, что сейчас ответный нанесет…

– Воюют обычно, чтобы победить.

– И что эта победа даст тебе? Ты старший, но даже не второй из братьев. Вечно за их спинами, вечно в тени… Что – после победы, думаешь, тебе достанется сколько-нибудь пристойный удел? Да если они победят – они просто перегрызутся между собой, а для начала уберут подальше тебя. Сейчас-то ты им нужен… Черный Лавагет… а когда не нужно будет внушать страх врагам – ты начнешь пугать их самих. Догадываешься, что с тобой будет?

Прометей совсем ушел в защиту: отдышаться, видно, надумал. Эпиметей лупил брата без всякой жалости – мерно, куда дотягивался: в бок, в локоть, на лоб нацелился, не попал немного… «Да врежь ему уже!» – рявкнул кто-то с другого края площадки.

– Знаешь, почему я позвал тебя? А не Зевса, которого считают главным?

– Боишься молний?

– Каких? Этих, которые Циклопы ковали? – Крон сплюнул под ноги свое презрение – то ли к молниям, то ли к Циклопам. – После того, что ты там, в пещере видел – мне бояться? Да потому что только ты там умеешь слушать. И понимать. Потому что только ты там не на месте. Потому что ты один…

Осекся, вытянул шею: кулак Эпиметея с хрустом врезался в братов нос. Отлип не сразу. На месте носа образовалась вмятина, а Прометей пошатнулся, упал боком… «Кончено!!» – взревело несколько глоток. Но нет, титан вскочил, раскачиваясь, будто перебрал, – чтобы тут же поймать еще удар в глаз.

– …один понимаешь, что вы проиграете эту войну. Ты один способен понять, что такое Серп Крона…

– Крайнее средство, – чуть было не ляпнул «мой противник», да Ананка вовремя подзатыльник отвесила.

– Крайнее, – согласился отец. – Край войны. Потому что если не получится смять вас без него – я призову его, и все закончится. Конец может быть только один, ты об этом, думаю, догадался. И что ты делаешь на их стороне? Ты же никем там не дорожишь. Не ждешь наград. Не получаешь удовольствия от битв. Неужто ты настолько глуп?

Прометей вдруг отбросил кулак своего младшего в сторону и

съездил ему со всей дури – ай да мирный прорицатель, аж ремни из бычьей кожи на костяшках треснули! пЭпиметей только глаза начал выпучивать – а довыпучил их уже в небо.

– Нет. Я не глуп. Я просто очень мстителен.

Крон осекся с досадливой гримасой. Укусил губу. Невовремя улетевшая от костра искра высветила глаза – и страх в них, хотя нет, просто утонул в темноте взгляда маленький огонек…

Он честно промолчал все свои фразы, в которых убеждал меня сменить сторону. Я промолчал все ответы о том, что вот, не нужно глотать детей со скверным характером.

Прометей за это время успел подбить младшему брату глаз, а тот лишил его зуба. Смотреть на то, как крепнут родственные чувства, собиралось все больше народу.

– Дураки, – ни к кому не обращаясь, шепнул Крон. – Вещие… всегда нужно выбрать правильного противника…

Ананка одобрительно промолчала.

– Век, – сказал Повелитель Времени, но уже громче и уже мне. – Ты пришел торговаться? Ни у кого из нас нет армий. Я дам вам век до еще одной битвы. До того, как возьмусь за Серп. Век – день в день.

– Цена?

– Век – за вечность. Принесешь ответную клятву. Поклянешься, что никогда не выступишь против меня лицом к лицу. Не поднимешь руки.

– Клятва – чем? Какая?

– Настоящая. Тартаром. Этот всегда сумеет взять, что ему принадлежит…

В противников на площадке будто кто вдохнул силы. Закружились двумя пчелами над ароматным цветком – не нанося ни удара, будто танцуя, только присматриваясь, обманывая друг друга, делая ложные выпады…

Теперь уже и Плеяды оставили дракона, вконец обмотанного ленточками, – сбежались посмотреть.

Офрис, крепость отца, озадаченно пыхтел гнилостью в спину, поглядывал глазками пещер непонимающе: что затеял Повелитель Времени?

«*А ведь это так просто, невидимка. Это все пророчество. То самое пророчество, из-за которого он глотал детей. Пророчество о том, что его свергнет сын. Он все еще пытается перехитрить меня. Он задумался над тем, что вы пропустили: почему все считают, что Уран говорил о Зевсе?*»

«Но Зевс уже победил его однажды. Зевсу сковали молнии…»

«*Невидимка, когда же ты поймешь… Не молнии страшат твоего отца. Не тот из сыновей, кто сильнее всех, а тот, кто*

больше всех похож на него. Как все тираны, Крон опасается подобного себе. Я никогда не рассказывала тебе, как долго он скрывался за спинами братьев, прежде чем нанести своему отцу удар?»

Повелитель Времени ждал моего ответа. Щурился в небо. Ноги вытянул, чуть ли не ткнувшись подошвами сандалий в огонь, еще и откинулся, как только с чурбака не упал?

А пальцы левой руки полусжаты, будто готовы вот-вот стиснуть стертую рукоять – если вдруг сын решит ударить…

«Он решил, что пророчество обо мне?!»

«*Ты был убедителен, невидимка. Ты так хорошо научился внушать ужас. Радуйся – ты сумел внушить его своему отцу, и теперь он готов на многое, лишь бы не встречаться с тобой в битве*».

«На что быть готовым мне?»

«*Клянись. Для тебя эта клятва ничего не значит. Я сказала свое слово – у тебя другой противник*».

– Не поднимать на тебя руку. Не встречаться в битве. Это все?

– Ну, за век передышки этого слишком мало, нет, что ли? Хватит уже твоего… черного лавагетства. Иначе твоя слава скоро сравняется со славой моего серпа, а это… – усмехнулся, покачал в пальцах невидимую рукоять. – Чтобы больше ни одного города. Ни селения. Чтобы и из песен выветрилось. Мне все равно, кто там займет твое место карателя – Зевс или Посейдон. И плевать, чем будешь заниматься ты – воевать или разъезжать послом… Но ни единого налета. Ни пожара. Ну?

Маска с него сползала, как сырая глина – начинал проступать тот, из дня освобождения. Печать безумия мелькнула было – исчезла опять…

– Ну!!! – заревели зрители, и Прометей на площадке рухнул подрубленным деревом – почти правдоподобно, только в конце локтем подстраховался. Младший сын Япета вскинул руки к луне, не подозревая, что победу ему подарили из мудрости – пусть себе порадуется меньшой, раз уж ему только это и осталось…

Крики, вой разочарования, хмельные песни, храп, визг – затопили округу, аж к верхушке Офриса хлынули.

Мы с Повелителем Времени, сидя у костерка, вслушивались в то, что было за звуками.

Он – в зреющее собственной груди ликование.

Я – в тихий, едкий смех Ананки за спиной.

Когда я наконец заговорил – тех, кто расслышал, оказалось немного.

Слушал Крон – не скрывая торжествующей ухмылки, как я клянусь никогда не встречаться с ним в бою лицом к лицу и не

поднимать на него руку.

Тартар слушал – этот наверняка, я же призывал его имя.

Пламя, небо – эти не в счет, хотя Уран потемнел и будто бы даже опустился, когда пришел черед клятвы Крона. «Мне ты не давал века, – мерцало многоглазое небо, – взял серп и пошел лишать плодоносности. А с этими возишься…»

Еще была Ананка – эта веселилась и вовсю подсказывала слова, когда я клялся во второй раз: в том, что Черный Лавагет отныне исчезнет даже из песен…

Навсегда.

Век – за вечность.

«*…а теперь, невидимка, – беги*».

Показалось, наверное. Клятва отзвучала, и празднество начало скатываться к заключению. Махать кулаками или соревноваться в бросках копий больше не хотелось: хотелось вина, тепла и музыки. Плеяды настойчиво упрашивали спеть сторукого Эгеона: тот сперва упирался, потом затянул что-то переливчатое чистым, высоким, серебряным голосом, и не скажешь, что рожей этого певца можно Убийцу напугать.

Прометей ушел с площадки сам, хоть и недалеко: сидел у соседнего костра, протирал раны и трогал щель, образовавшуюся в зубах. Эпиметей крутился рядом с братом, на физиономии у него причудливо смешались гордость и вина.

«*Невидимка, ты не расслышал или не понял? Бегом!*»

«Что?»

«*К колеснице! Сейчас! Как можно быстрее!*»

Да легче не бывает. Сидел старший Кронид у костра, с отцом разговаривал, а потом вдруг встал и бегом, к колеснице… Без спутников, потому что один уже нажрался до полной неподвижности, второй до нее же с братом добеседовался.

«*Объясняй, как хочешь. А лучше не объясняй, лучше – беги*».

Ох, и напелись бы про такое аэды: глотки бы треснули.

Зайцем трусливым Аид кинулся вдруг от кострища,
Прянул, быстрее стрелы, не попрощавшись, зараза!
Им же, куда он спешит, только гадать оставалось:
Может, услышал он глас, что призывает на битву?
Или ягненка бедро вдруг оказалось несвежим?

Было весело – пьянили принесенные клятвы. Век до битвы. Век – собрать армии, а остальное – пускай…

Хотелось придвинуться к костру ближе, уволочь у кого-нибудь (да хоть у Атланта, он не обидится) чашу вина и отмахнуться от назойливой Судьбы.

«*Маленький Кронид… ты разве так и не понял, в чем клялся сейчас?*»

Отец вдруг обернулся. Полоснул безумной ухмылочкой – острее своего серпа.

– Ну что, – сказал тихо. – Испытаем клятву?

И без замаха хлестнул по щеке.

Ночь в глазах смешалась с огнем, пролилась ихором из носа и ушей. Удар был такой силы, что на землю я упал уже у другого костра. Это с виду он не выше меня, запрыгало где-то в левом ушибленном виске. Это с виду, а на самом деле за ним – другой род, иная мощь…

Пока мысль толкалась в висок, тело вскочило, пальцы неосознанно стиснули меч на поясе – я так и не снял его, никто меня и не просил…

«*Не сметь!!!*» – руки Ананки впились в плечи.

– Давай, сынок, – подбодрил Крон, он вырастал впереди, принимал свой истинный облик, заслонял небо и возможность сбежать, позади был Офрис… – Ответь.

Ответь – и окажись в Тартаре, сказала его усмешка напоминанием о только что данной клятве.

Титаны молчали. Стояли вокруг неровной площадки, высвеченной костром. Трещал, стекая в огонь с бараньей туши, жир. Гигант Эгеон все еще выводил свои песни – за два костра от нас, там еще никто ничего не успел заметить.

Я вынул из ножен бронзовый клинок ковки тельхинов. Повернулся к отцу спиной – бросить меч в огонь. Чтобы не было искушения ответить.

На то, что Крон не будет бить в спину, я не рассчитывал.

И оказался прав.

* * *

Глаз открылся с третьего раза. Или даже с четвертого – посчитай в кромешной тьме, как же.

А второй, зараза, вообще решил не открываться. Будем как Циклопы, решил. Ты же с ними находил как-то общий язык?

Ага, найди с кем-то теперь общий язык, попробуй. Язык распух, будто какого-то звереныша в рот запихнули, и губы пересохли, и горло тоже, а промочить кроме собственной божественной крови – нечем… тьфу.

Вода капает совсем недалеко – с потолка. Мерно, как шаги считает.

Частой капелью отзывается воде ихор, текущий с подбородка.

«*Что, невидимка? Может, сказочку тебе рассказать?!*»

Смертные в таких случаях что делают? Правильно, заводят глаза в небо и причитают: «У-у, боги, за что мне эта напасть?»

Темно, руки вывернуты, глаз вообще открыт только один, а

тут еще и эта, разговорчивая. Вот тут бы и спросить – за что?

А за дело.

«*Рассказать сказочку? О том, что бывает с теми, кто думает, что умнее своей Судьбы?!*»

Да уж, догадываюсь.

Руки… правая, вроде, в цепях и к стене присобачена. Левой что-то не чувствую – а, нет, есть, по ней что-то ползет. Или кто-то.

Цепи почему-то представлялись ясно: две толстые змеи, лежащие на ладонях отца, кто-то сказал – работа Циклопов, или я сам опознать успел, пока звезды на небе не разбавились звездами в глазах. Чем же это они мне… судя по ощущениям – на башку колесницу уронили, голова – сплошная шишка.

Кажется, это Титий все-таки. Сетовал на то, что в последнем бою недопроверил, насколько у меня крепкая голова, – вот и закончил начатое.

Жаль, не было на этом празднике Лиссы-безумия. Она бы их, небось, отговаривать кинулась. Мол, Аид ведь не то что Зевс: вы его по голове, а он раз – и дочку родил. Аида по голове бить нельзя, у него с ней и так не все хорошо.

Плохо у меня с головой. Если уж не додумался, во что выльется встреча с родителем…

Застонал – не от боли, так, от собственной глупости, и получил в ответ: «*Хныкать вздумал? Привыкни, что я у тебя суровая*».

Ну, с этим я спорить не собирался.

Ноги. Вроде, обе. Не к месту попросилось в память Полынное Поле, первый бой, попавшийся в лапы к великанам сатир стонет: «Ноги болят… ноги…» – а ног-то уже и нет, так, лохмы какие-то. Я попытался скосить глаз вниз – ага, как же, пришлось принять на веру, что с конечностями у меня пока получше, чем у того сатира.

Зубы – на удивление все. Нос, конечно, сломали, воздух в грудь не идет – целых ребер нет ни одного, чему тут дивиться, они об меня ноги поотбивали, а кто-то еще и дротик погнул, все причитал, пока меня сюда волокли – мол, ах, какой был дротик, а этот Кронид такая зараза, такая зараза…

«*Самые страшные раны, невидимка, оставляет собственная глупость*».

Это нужно запомнить. И аэдам передать. Так мол и так, глупость у старшего Кронида – страшнее не бывает: сначала отпинала его ногами, потом дубинами прошлась, потом ножом и огнем поигралась (бороду сожгла, с-скотина!), а потом – в цепи и на стенку. И если самому Черному Лавагету попадаться не следует, то уж глупости его…

«Ничего. Все рассчитано. Я знал. Главное – век…»

Ананка только сплюнула в бессилии – что с таким сделаешь…

Чрево Офриса почивало: ни голосов, ни шагов, только храп – на зависть вечно спящему Эребу, густой, во много сотен напевов – с драконьим шипом, присвистом, сонным чмоканьем каких-то кровососов, бормотанием переевших титанов…

– Я же говорил, его сюда повели, то есть, потащили…

Пустота как была тьмой, так и осталась. Глаз худо-бедно проницал мрак, но кроме ослизлых каменных стен ничего не видел – пока коренастая фигура не появилась из ничего.

– Темно, – гость споткнулся, шепотом ругнулся, но беззлобно, наткнулся на меня, провел по руке. – Ага, вот цепи…

Голос был незнакомым, а тон – вполне.

– Почему… не… Прометей… – губы-скряги не хотели открываться, отдавать слова.

Пустота брякнула бронзой и выпустила из себя Эвклея, сжимающего мой шлем.

– Дурень, – вслед за Ананкой припечатал распорядитель. – Что мне Прометея – на себе было переть? Его после разговора с братиком в мегарон на Олимпе заведи – так и там на все стенки понатыкается.

– Брат с твоей колесницей, – горячо зашептал младший сын титана Япета. – А я сейчас, я тоже учился кузнечному ремеслу, просто тут немного темно…

С моей колесницей? Ох, запинает квадрига провидца, если только не побрезгует.

Хотя на чем еще уходить от погони?

– Хорошая ковка… и звенья не разогнуть… Ничего, я крюки, которые из стен, сейчас…

Холодная змея соскользнула с правого запястья. С левого, наверное, тоже: все равно не почувствовал.

Эвклей сообразил, что на ногах я не устою, в последний момент: дернулся было подставить плечо…

– Да куда ж ты, сволочь, так шустро падаешь?!

Подошел, посмотрел, поскреб плешь, даже в темноте сияющую жиром.

– Ну что, как понесем-то? За руки и за ноги или того… с почтением?

Тащили они меня все-таки с почтением: под правую руку – Эвклей, под левую, которой от плеча как не было – младшенький Прометея. Долго петляли, скрытые невидимостью хтония, по извилистым ходам Офриса. Натыкались на каких-то титанов, змей, нетопырей, кладки паучьих яиц, пререкались шепотом, Эпиметей все причитал, что вот, он же сын вещего Япета, и он же

предвидел, что что-то нехорошее случится, вот не надо было ему вообще на этот праздник. А Эвклей хмыкал – праздник как праздник, поели славно, и вина было вдоволь.

Когда мы вышли наконец – небо было бледным и холодным, и в нем серпом-напоминанием ухмылялся месяц. Самая короткая и самая дорогая ночь прошла, Эос-Заря готовилась выкатывать свою колесницу на привычную дорожку, только собиралась медленно, трудно: недоспала за недолгую ночь. Костры прогорели и теперь исходили на черные дымы, из каких-то недотоптанных кустов неслось вялое хихиканье, а над спящими титанами, озабоченно морща нос, парил Гипнос-сон и непрестанно брызгал маковым настоем. Кропил наотмашь, не особо разбираясь, в кого попадет.

– Ого, – выдохнул Эпиметей. – А врал, мол, больше часа я их всех не удержу, они ж дети Геи, это древняя мощь, куда мне…

– Так у него уже настой вон кончается, – пропыхтел Эвклей. – Давай быстрее.

Быстрее – значит, напрямик. Наступая на ладони спящих, миски, тимпаны, недоеденные куски, перешагивая какое-то оружие, венки…

– Здоровый, гад!

– Эвклей, а Эвклей. А мы его не дотащим.

– Стой… стой, сейчас Гипноса… может, он, на крыльях…

– Так он же сам признался, что на нас всех у него никаких крыльев не хватит.

– С-стойте.

В голове посвежело, пока волокли. Гипнос – вот, значит, почему охрана не спохватилась. Неужто и Крона он своим настоем, или отец просто вина перебрал?

Откуда этот белокрылый вообще появиться успел. Или они с Эвклеем заранее сговаривались? Потом, все потом…

Повис на Эпиметее (того качнуло), поднес правую руку к губам.

Труднее всего оказалось набрать воздуха в разбитую грудь.

Зато свист вышел божественный: Офрис дрогнул, и Гипноса куда-то в небеса унесло вместе с его чашкой. Свист и ржание смешались вдалеке, миг – и квадрига остановила передо мной колесницу, за край которой цеплялся ошалевший Прометей.

– А? А в-вы чего?!

Эпиметей дрожащими руками попытался взять вожжи – куда там! Квадрига зашипела клубком кроновых гадюк и встала на дыбы.

– Поводья… сюда.

Лагерь Крона начинал гудеть – осиное гнездо, в которое

бросили камень. Эпиметей пялился, приоткрыв рот, и взглядом лучше слов спрашивал: «Какие тебе сейчас поводья?!»

– Ну!

Выручил Эвклей – ругнулся, подхватил под плечо, натужно сопя, помог встать на колесницу, подпер с двух сторон сыновьями Япета (что старший, что младший – оба стояли в колеснице только одной ногой, чуть ли не все остальное за борт свешивалось). Сам распорядитель пристроился где-то позади, рядом с Прометеем.

Хтоний, послушный своему предназначению, скрыл из виду и нас, и колесницу.

Я рванул поводья правой рукой – левая мертво висела где-то сбоку…

Хорошо, что этого никто не мог видеть.

Похмельный после ночи Борей криво хлестнул по лицу холодной плетью – наотмашь. Завопил какой-то титан: «А-а-а-а!! Копы-ы-то!», с визгом разбежались от ржания яркие пятна – плеяды; слились воедино головы, миски, кострища, сонные драконы; гора Офрис мелькнула было справа: повалилась набок, опрокинулась утесами, черным дворцом у вершины…

– Поворачивай!!

Возле уха по-утреннему лениво пропела стрела. Эвклей позади плевался крепкими словечками то ли в тупых братцев, то ли в Крона, чтоб ему пусто было…

Но в основном – в меня.

Лента дороги из серой начала становиться зеленой, пятнистой. Шастнула в небесах над головой тень: драконов, что ли, подняли для погони? Врете, не возьмете: хтоний ведь, а квадрига сейчас во вкус войдет, и – Ириде-вестнице не сравниться…

Вожжи удержать – да и все.

– Да куда он правит, скаженный?!

– Аид! Аид! Ты слышишь? Вот же… Аид!!!

Мне нравится, как они кричат это. Звучит, будто «это конец». Зеленое на горизонте небо смешалось с землей: два куска ткани, связанные стежками деревьев, колесница – только иголка меж стежков…

– Аид, поворачивай, поворачивай!!

Это они кому-то другому. Меня-то боятся называть по имени. А кто-то, говорят, и на эпитетах запинается, но это конец, и Черного Лавагета больше нет, и клятва ушла в небеса: такая клятва, что они аж позеленели…

– Да разожмите ему кулаки!!

– Проще тиски Циклопские разжать…

– Вожжи! Вожжи отбирай!

– П-прометей! Он мне… в глаз дал!

– Радуйся, Эпиметей, сын Япета. Радуйся, что не в зубы – этот может!!

А Судьба-Ананка ничего больше не говорит, она молчит. В смутном сне, где пятнами чередуются – озера, потные спины скакунов, испуганные физиономии каких-то нимф, заросли колючего кустарника – я слышу ее молчание…

Суровое и одобрительное.

А все остальное, кроме него, можно и не слушать.

– Да он же нас тут всех угробит!!

– Мы сбились с пути.

– Да какой уж тут путь. Ах ты ж…!

– Может, по голове его пристукнуть?!

– Да на нем шлем, и башка – твердыня крепче Офриса! Сколько ему вчера по ней били…

– Т-тартар ему во все места! Говорили мне: не садись с ним в колесницу!!

– Мне кажется, впереди болота Гелеона. Там еще змеи ядовитые и волки водятся…

– П-п-перестанут!!!

Вспыхивают в кромешной тьме огоньки: желтые, зеленые, всякие. Пятна плывут: ядовитыми кувшинками. Биение упорных копыт смешивается с ликующим стуком сердца: «А все равно будет!»

И почему-то с наглым голосом откуда-то сверху:

– А хотите, я его усыплю?

Ответа я не запомнил. Жаль. В бою могло бы пригодиться: врагов распугивать ужасной бранью.

* * *

– Тише… тише, милый… тише.

Шепчет море. Припадает к многострадальному берегу – краю изорванной войной земли. Утешает.

Щеки омывает чем-то холодным, с запахом то ли водорослей, то ли нектара.

– Вот так… еще глоток… это ничего, ничего…

Море всхлипывает, испуганное: что сделали с любимым берегом?! Рвется сгладить раны. Проливается внутрь солоновато-вяжущей прохладой, внутри жжет, а море переворачивает нежными руками, гладит сотрясающуюся от кашля спину, убирает со лба мокрые пряди…

– Все хорошо, милый… все хорошо.

Нет причин не верить морю.

Глаза открылись не сразу – но на удивление оба.

Утес. Невдалеке – стадий за десять[2]. Тот самый, памятный, на котором клялись.

Противные, тягучие крики чаек.

– …это кончится?! Хуже твоего Ареса. К отцу на Офрис в такой-то компании! Один лысый и вонючий, все время жрет, второй – Прометей. Еще непонятно, кто хуже!

– И не говори, сестра. Зевс до сих пор весь черный, а что с ним было, когда он узнал…

– Поди пойми, зачем он туда ездил! Договорился, небось…

– А кости ему Крон для отвода глаз переломал? Я люблю его не больше твоего, но нужно же думать…

Чайки так не хмыкают. Так вообще может хмыкать только…

Гера-то тут что делает?!

– Милый, ты очнулся! Как хорошо!

Небо и часть утеса закрыло собой улыбающееся лицо Левки. Осунувшееся, белее морской пены, глаза – две тихие бухты, пронизанные солнечными лучами…

Корабли можно ставить.

Ртом дернул – не больно. Поднял голову – загудела растревоженным вулканом, грузом потянула назад на песок.

– К-хх-х…

– Это все целебный отвар. Стикс ведь дружна с чаровницей подземного мира, Гекатой. Твои сестры предлагали нектар и амброзию, но она сказала, что так будет действеннее, только вкус у него… милый?

– К-квадрига, хтоний… где?

Шум моря, покрывающего изысканными ласками берег, почти проглотил тихое «вот скотина», сказанное голосом Деметры.

Сама Деметра явилась на глаза тут же: руки в бока, прическа на морском ветру превратилась в пшеничный стог: сейчас солома по ветру полетит. Глаза – воспаленные, будто с недосыпа, по лицу – красные полосы.

– Она из-за тебя ночей не спала! На миг не отходила! Гестия вчера ее оттащить пыталась – куда там! А ему квадрига?!

Гера являться на глаза не спешила, будто хтоний мой прикарманила. Хмыкнула еще раз откуда-то сверху. Не мне, а в небеса.

– Раз уж он очнулся – я пойду к мужу, сестра. Сообщу новость. И отправлюсь на Олимп: сын без присмотра…

Но шагов по песку не слышно, как и шелестения одежды: значит, с места не тронулась.

Я поморщился, приподнялся, опираясь руками (обе!), вдыхая аромат морской соли. Грудь ничего – вздымается себе, только

будто панцирь тесный надели.

Точно: та самая бухта. Тот самый утес. Море. Песок. Ложе из водорослей.

Хтоний лежал рядом.

– Вот твой шлем, – сказала Левка зачем-то. – Его с тебя снял этот… Эвклей? Потом в неразберихе никому отдавать не хотел, кричал, что знает какую-то братию, назад не допросишься. Но Афина с ним поговорила, и ей он его отдал… а она положила сюда.

Еще и Афина. Решили всем Олимпом в бухту переехать?

– Кони твои в роще, – добавила Деметра. – Нимф из нее выживают. К ним же боятся подходить – нрав в хозяина! Гестия их как-то туда отвела, теперь носится: то к ним, то к Прометею этому, то к Зевсу или Посейдону…

Интересно – налезет хтоний на голову? Кажется же, в два раза распухла, море в глазах цветет. Черным с алым.

Нет, это привычка, наверное.

– Сколько я…?

Гера отыскалась в стороне от сестры, как и подобает жене Громовержца. Смотрела на меня, чуть скривив губы – а может, на Левку, было не разобрать.

– Этот твой… друг, – еще одно царственное «хм», – Гипнос, сын Ночи, свалился на нас позавчера. Расписал в красках. Когда Зевс понял, куда ты влез… – чуть раздула ноздри. – Гипносу хватило быстроты увернуться от молнии. Правда, в отместку он разболтал всем – от Посейдона до Стикс.

Стикс и без того знала. Кстати, она-то где?

– Всех вас нашли здесь: твой… распорядитель еще стоял на ногах, Прометей лежал, а его брат бегал вокруг и причитал. Этой парой занялась Афина – когда поняла, что тебе и так уделяют достаточно внимания.

Левка потупилась под ее взглядом. Порозовела – морская пена в час заката.

Одно неясно, как четверка нас сюда вынесла?

Хотя… знала дорогу.

– Зевс… Посейдон?

– Пьет. Посейдон пьет, – отрезала Деметра. – Сначала, как увидел тебя, чуть с ума не сошел. Рвался на Офрис – перегрызть Крону глотку. Афина и Гестия его удерживали. Гестия и сейчас успокаивает. Сначала сидела возле тебя. Потом поняла, что подменять никому не надо – эта не уйдет.

Левка подала мне пропитанный травяным настоем компресс (голове полегчало) и чашу с нектаром. Только когда протягивал руку, понял, что лежу, укрытый чужим плащом – плотным

фаросом[3]. Посмотреть по вышивке – пламя, алые бусинки каких-то ягод – работа Гестии.

Море напиталось от неба темнотой. Прихорашивалось барашками волн, готовилось отражать звезды.

– Погоня…?

Левка прятала взгляд от сестер – так, будто это она здесь была лишней. Деметра и Гера обе разразились плохо слышной из-за морского шума тирадой: что-то о том, что и без того забот хватало, так вот, полез, Зевсу пришлось с сыновьями Стикс Кроновых лазутчиков усмирять. Ну, конечно, поехал Аид к отцу повидаться – жди беды: небось, так разозлил старую сволочь, что можно и…

– Цыц… курицы!

Увидеть Деметру и Геру с оскорбленно приоткрытыми ртами – а вот это даже лучше нектара.

Стикс, тяжело ступая по вязкому песку, подошла ближе. Села на корточки.

– Что скажешь, лавагет? Удалось хоть что-то?

– Век, – сказал я.

– А цена?

Я отмахнулся. Титанида усмехнулась. Углом рта – намек, не улыбка.

Нагнулась и быстро прикоснулась губами ко лбу, едва слышно шепнула: «Молодец!» – выпрямилась и отправилась по своим делам. Черный гиматий измазался в песке: долго сидела где-то над морем…

Гера и Деметра разевали рты не оскорбленно, а просто так – чайки, онемевшие перед бурей.

Я допил нектар и поднялся: качнуло, в висках всхлипнуло, а так ничего. Левка улыбнулась, глядя снизу вверх: серебряные волосы были нечесаны и тоже с набившимся песком.

– Поговорю с Зевсом.

Она кивнула, шевельнув губами: «Возвращайся, милый». Сестры промолчали, но, когда я подхватил хтоний и двинулся прочь, из-за спины донесся вопрос Деметры:

– Вот и что ты в нем нашла, милочка?

Я знал, где искать брата: фигура в белом хитоне на утесе привиделась с самого начала.

– Дурак ты, – сказал он сердито. Не оглянулся: сидел на обрыве, свесив ноги, как мальчишка, так и говорил. Колчан с молниями ненужной игрушкой лежал чуть в сторонке. – Умный, а дурак. Если будет еще, кому сочинять сказки, в них старший брат будет дураком.

– Век, – бросил я в небо, как когда-то слова клятвы.

– Знаю.

– Откуда?

– Ты бредил. Гестия рассказала.

– Считаешь – зря съездил?

Война еще пока мала, Зевс. Теперь у нее есть время, чтобы вырасти. Набраться сил. Переродиться в нечто совершенно грандиозное.

– Может быть, ты скажешь, брат, для чего этот век? Набрать новую армию? Смертных, которых обратят в прах? Найти союзников? Детей нарожать?

– Этот век – для тебя. Чтобы принять решение. Потому что, сколько бы армий мы ни набрали – Крон наберет больше. Сколько бы молний ты ни метнул – их не хватит на всех. Потому что все равно придется прибегать к крайнему средству.

Но ведь ты же уже это понял, так, Зевс? Да, отец сказал – подстраховался. Выставил охрану у ненасытной, тартарской пасти, в которой дремлет наше крайнее средство – Гекатонхейры, первенцы Земли.

Но что эта охрана тому, у кого есть молнии!

Или шлем-невидимка.

– Ну, тогда это правильно, брат. На такое решение может не хватить века… – и быстро, рыбкой в сторону от одной страшной темы к другой. – У Крона тоже есть свое… крайнее средство.

– Да.

Могу описать, если хочешь. Я его помню до малейшей щербинки. Своего противника.

– Нужно что-то делать с этим серпом, – пробормотал Зевс.

Я не ответил. Брат поднялся, потянулся за колчаном с молниями – на плечо набросил, поправил перетершуюся лямку.

Колчан оттягивал плечо изрядно, хотя с виду молнии казались невесомыми – или на плечи лег не колчан? Решение?

Проходя мимо меня, Громовержец смотрел то ли вперед, то ли себе под ноги.

Не в глаза. Наверное, опасался того, что я могу там случайно увидеть.

Что, брат? «Лучше бы ты не ходил? Лучше бы не давал века передышки? Все равно на такое не хватит никакого века?»

А может он, просто боялся сорваться, встретившись со мной взглядом. Спросить о цене.

Когда шаги младшего затихли, я занял его место. Уселся, свесив ноги над дрожащим, бескрайним зеркалом моря. Хтоний пристроил рядом, как товарища.

Пополневший месяц – раскормившийся серп – посматривал с высоты. Чайки перекликались с нестройными песнями нереид в

отдалении. Море потягивалось необъятным телом, устраиваясь на покой: дожидалось колыбельных от Нюкты-Ночи.

В самый раз, чтобы услышать за плечами голос Судьбы.

Земля позади дрогнула, будто по ней ступал кто-то очень грузный.

– Ты чего Зевсу сказал? – спросил Посейдон. – Видал его. Идет, куда-то в себя смотрит. Я тебе того… вина амфору нес, хорошего. Отобрал. Он что – пить пошел куда-то?

– Наверное.

– И не с радости, как я понимаю.

– Наверное.

– Что ты заладил – «наверное» да «наверное»! – скала подпрыгнула, когда Черногривый притопнул в гневе. – Про век-то хоть правда?

– Да. Про век правда.

– А-а… ты вот Гестию видал?

– Гестию?

– Мы вот с ней тут сидели… ну, пришлось малость, – трехдневный перегар говорил лучше слов. – Так она сказала: «Война все равно уже родилась. Теперь то, во что она выльется, зависит от того, на что мы готовы».

– Да.

– Я-то вот думал… я уже, наверное, на все, – вздохнул тяжело, раздувая грудь. – Не по мне это, конечно, – сидеть на этом равновесии и ждать: они нас или мы их. Но если нужно будет – буду сидеть. Если нужно помогать младшему – буду. Только… того… мне вот кажется – он сам еще не знает, на что…

Не знает, средний. Мальчишки выросли, получили оружие, мальчишкам пора перестать играть и научиться бить по-настоящему. У мальчишек есть век, чтобы научиться быть готовыми на все.

Даже на самые крайние средства.

Тронуло виски холодом воспоминания – тартарским небытием. Коснулась щек обжигающая мощь Гекатонхейров.

А, нет. Это море бризом дохнуло – развлекается.

– Аид, а ты?

Я повернул голову – и с трудом узнал Посейдона. Даже не из-за того, что тот опух после трех дней беспрерывной пьянки – хуже бывало.

Взгляд у брата был похож на Зевсов: острый, пытливый.

– На что готов?

Я молчал: воспоминание все еще холодило изнутри. Потом усмехнулся.

Черного Лавагета больше не будет – в этом я клялся.

А вот что буду сидеть сложа руки – в этом поклясться забыл.

Подбросил и поймал черный бронзовый шлем, с которым успел сродниться.

– *Хочешь – исчезну?*

[1] Промахос – «первая в битве», один из эпитетов Афины.

[2] Стадия – мера расстояния около 200 м.

[3] Фарос – плотный плащ из шерстяной ткани, обычно богато украшенный.

Сказание 9. О плодах с цветом крови и формой слез

Ворвись, гранат! Развороши нам жизнь!Мы стали слишком въедливы и скупы,Чтоб яростною свежестью зажглисьНепоправимо стынущие губы!

Ф. Искандер

Олимп всегда был светел. Даже при Кроне, когда тот начал превращаться в тирана. Лилась кровь, испепелялись деревни, вышли на свет из чрева Нюкты-Ночи Смерть, Возмездие, Обман – а Олимп все оставался светлым.

Безмятежным, по крайней мере, – снаружи.

Словно копоть, кровь и стоны просто не могли до него долететь.

И в тот день, в час, когда Гелиос уже близил пусть своей колесницы к концу, Олимп оставался спокойным и нетревожимым. Три красавицы перебрасывались сплетнями у высоких врат, которых еще совсем недавно в помине не было при въезде на вершину горы. Закатным золотом посверкивали створки. Лучи, соскальзывая с ворот, целовали прекрасным стражам ручки и бежали дальше, по широкой облачной дороге – перескакивать с одного дворца на другой, омывать царственное строение, стоящее над всеми. Преобразившийся дом Крона, теперь – дом Зевса, дышал ложной беспечностью, которая изливалась из него звуками кифар, озадаченно-шутливыми возгласами, ароматами яств и цветов.

Вихрь, возникший из ниоткуда, брызнул каменной крошкой перед воротами. Взвился лошадиный храп, скрип колес вынырнул из тишины, и низкий глуховатый голос приказал:

– Открывайте.

Разговор оборвался на увлекательной ноте: «А потом этот трон как ухватит ее цепями, а она ка-а-ак завизжит!» Привратницы неба – Оры – недоуменно вглядывались в пустоту.

– Кто спрашивает? – наконец спросила Эйрена-Мир – полноватая, спокойная, с белой кожей и легкой синевой под глазами.

– Откройте, – процедили в ответ с явной ноткой нетерпения.

– Путь на Олимп закрыт незнакомцам, – отрубила чернявая, с надменно вздернутым носом, Эвномия-Законность.

– Едва ли это незнакомец, – шепотом заметила Дикэ-Справедливость – самая старшая, самая высокая и держащая себя наиболее просто. Огненные волосы не были собраны и в беспорядке спадали на плечи. – Если это вдруг…

Но тому, кто стоял у врат Олимпа, надоело ждать, и он явился из воздуха.

Вернее, сначала из воздуха вылепилась бронзовая колесница с четверкой ярящихся коней. Вороные скакуны скалили зубы и косили налитыми кровью глазами, намереваясь проложить себе путь к стойлам с едой и водой, хотя бы и по телам стражи.

Вслед за тем пустота выпустила из себя силуэт высокого, с широкими плечами воина, держащего в руках искусно кованый бронзовый шлем. Хитон воина из небеленой ткани был запылен и покрыт пятнами крови и пота, черный хламис [1] сбился на левое плечо, и только меч на поясе – короткий, бронзовый – выглядел как полагается. Видно, хозяин больше всего заботился о нем да о шлеме. Вспотевшие волосы прилипли ко лбу и щекам, образовали единое целое с усами и бородой, но лица было видно достаточно, и на этом скуластом, бронзовом, почти безгубом лице, помимо въевшейся усталости и обычного недружелюбия, можно было заметить остро прописанное раздражение.

И гнев. Божественный.

– Ну?

Сказал – или спросил глазами? Глаза были – мрак эребский, взгляд – удар бича.

Оры охнули, распахивая врата, – или те почли за лучшее открыться сами?

До небесных привратниц донеслось только: «Понастроили»… – за грохотом копыт.

Прокотала колесница по белой дороге – нарушителем безмятежности. Кони – чернее покрывала Нюкты, колесница – им под стать, да и возница… и что, что хитон сер? В глаза поглядите и поймете: и он черный.

Нрав возницы, видно, был еще темнее, чем вид.

Не прошло и нескольких минут, как в главном дворце что-то грохнуло, залепетал робкий голос о том, что Зевс занят очень важным делом, второй голос грянул: «Не облезет! Кроноборец…» – и следом ударило слово, в котором уж точно не было никакой почтительности. Раздался топот бесчисленных ног. Их обладатели спасались, как могли и где могли.

И Зевс-Громовержец, отведя взгляд от двери, из-за которой неслись хриплые женские стоны, прислушался и произнес:

– Война шлет своего гонца.

И усмехнулся в ответ на недоуменный взгляд старшего сына – бога войны Ареса.

– Нет, не твой посланник. Скорее свой… или Мойр, кто знает, – помолчал и добавил глухо: – Брат всегда является вовремя.

А Гера, страдальчески изогнув губы, присовокупила:

– Но всегда так, что лучше бы не являлся вовсе.

Не видел этого. Или – видел, но не так.

Но почему-то помню.

– Шутишь.

Посейдон был чуток, как склоны Олимпа. Казалось, сами стены комнаты раскалились от того, что я вложил в одно слово…

Средний брат продолжил болтать. Невозмутимо. Не боясь обжечься о мой взгляд.

– Ну да, считай что год. Нет, то есть, первые полгода мы пытались ее отковырнуть сами. Сперва Зевс, потом я… Трезубцем пробовал ведь! Никак…

– Молнией не пытались?

Посейдон задумался. Я махнул рукой и вернулся к прежнему занятию – пить. Нектар, целая амфора, стоял тут же, но я вливал в себя воду – кристальную, режущую горло холодом.

Голос подавал, когда начинало не хватать воздуха.

Молчать вовсе не было сил.

Они год пытались оторвать Геру от золотого трона, который ей послал в подарок неведомо кто!

– Нет, молнией не пробовали. Вот к Циклопам ходили. Ну, они посмотрели… говорят – механизм хитрый. Арг еще в голове почесал и заявляет: мол, работа знакомая. Похожа на Гефестову. Пока нашли того Гефеста…

– Это кто еще?

– Зевсов сын. Ну, которого Гера с Олимпа скинула.

– У них есть сыновья, кроме Ареса?

– Я ж говорю – сын. Только он малость хилым уродился, да и страшным, как сатир с похмелья, вот она его и пульнула вниз. Он еще и охромел после этого, да… Так я о чем. Его, оказывается, нереиды подобрали. Фетида и еще одна… воспитали, в общем. Он у тельхинов кузнечного мастерства набрался, да и к Циклопам наведался, оказывается. Ну, и… затаил гнев на мать, значит. Послал ей это кресло.

Посейдон фыркнул. Глотнул нектара и поудобнее развалился в кресле.

– Дело было… Циклопы вокруг ходят – умиляются: шедевр. Гера орет. Зевс, пока то да се, еще к каким-то подружкам прогулялся… Да. Так нашли этого Гефеста, послали к нему Гермеса…

– Это кто?

– Да Зевсов сын же. Ну, плеяду Майю ты знаешь, дочку Атланта? Так вот, это от нее. Младший, конечно, взял его вестником, да только я бы не допускал: жулик и плут, каких поискать. Главное, ему пара дней от рождения была, а уже коров

у Аполлона угнал…

Я оторвал от губ чашу и посмотрел на брата, тяжело дыша.

– Что, и этого не знаешь?!

Пить расхотелось. Придвинул сидение и сел, отводя с лица настойчиво лезущие в глаза волосы. Посейдон задумчиво пробегал пальцами узоры на деревянной чаше.

– Аполлон и Артемида – это от Латоны, ее ты должен знать, она тут бывает… бывала. Теперь, Гера ее если увидит – Олимп трясется. Они после Ареса лет через двадцать, что ли, родились… а ушлые детки. Лучники – промаха не знают. Гера на мать их дракона напустила, так Аполлон его пристрелил. Можно сказать, сам еще в пеленках был… Ну, а то, что Гермес потом у него коров украл – это они, конечно, по-братски разъяснили. Гермес ему еще лиру подарил… да не смотри ты так! Как могу, рассказываю!

Я дернул щекой и отвел взгляд. Посейдон тут причем…

– Так вот, послали Гермеса за Гефестом. А тот ни в какую, несколько месяцев упрашивать пришлось. Потом Гермес его на скорую руку споил и приволок на Олимп. Тут Гефест Геру, значит, освободил, помирился с ней, в подпитии-то… ну, а младший его сходу как сына признал и в жены хотел Гебу дать…

Посейдон немного посидел, глядя на меня. Потом пробормотал скороговоркой:

– Это тоже их с Герой дочь. Я просто на случай, если ты вдруг не знаешь. Ну, не угодила ему Геба, он еще на Афину заглядывался… сошлись на Афродите. Во…

Он помолчал и заключил:

– Да, тебя давно не было.

Нектар не лез в горло. Я не появлялся на Олимпе почти столетие – восемьдесят девять лет, если точнее. Вместо этого я метался по всему миру.

Невидимкой, большей частью, оставляя по себе жуткую славу.

Смертные шептали, что Зевс стал всеслышащим и всекарающим: едва только соберешься перейти на сторону Крона – твою голову наутро найдут отдельно от тела. И головы твоих лавагетов. Это в лучшем случае. Бывали намеки пострашнее – вроде жен, обращенных в воронье, проросших из сыновей деревьев, спаленных домов…

В бою опрокидывались колесницы тех, кто присягнул Повелителю Времени.

Леденил сердца беспричинный ужас, от которого обращались в бегство войска.

У правителей не оставалось выбора: они поворачивались лицом к Зевсу.

Зная, что Крон будет мстить за предательство, они

готовились драться до последнего.

Повелитель Времени мог рассчитывать только на титанов, на свой серп… и на бессмертных.

Но с бессмертными я тоже не раз и не два перешел ему дорогу.

Я был у тельхинов – два года убил на то, чтобы выбить из них хотя бы невмешательство.

Был на Пелопонесе – и там поубавилось военных лагерей.

Был у Океана – и услышал, что Посейдону удалось перетянуть на нашу сторону еще нескольких титанов моря…

Я был у лестригонов, я видел кладки драконов в пышущих жаром вулканах (четверка едва успела унести меня оттуда: хтоний не спас), я дрался, и дрался, и дрался, не снимая с головы шлема, срывая войскам Менетия захват плодородных областей Эпира, не выпуская Кроновы войска с Фессалии…

Я был на краю света, и мой шлем обдавали соленые брызги.

Я не был на Олимпе. Мне хватало знаков, доносившихся со сплетнями и вестями, иногда – с Иридой.

Столетие малых войн.

Фессалия стала местом коротких боев и стычек. Мелькали молнии Зевса – и устрашенные рати Крона катились вспять, к Офрису. Являлась подмога кроновым ратям в другом месте – и отступали наши союзники.

И вот оказалось, что все эти годы они теснили нас к Олимпу, и теперь своей сферой влияния мы можем назвать лишь шестую, если не седьмую часть Фессалии, и, судя по приготовлениям у Офриса, недалек последний бой.

В недрах Тартара – полузмея Кампе. На случай, если мы в отчаянии все же решим освободить Гекатонхейров.

А Громовержец занят подсчетом отпрысков.

Я кивнул и поднялся.

– Последний вопрос. Чем он занят настолько, что ты уволок меня от дверей силой?

Посейдон вдруг замялся. И без того здорово-алые щеки Жеребца стали малиновыми, потом густо-багряными.

Упер глаза в столешницу.

– Ну, там… понимаешь, дело такое… В общем, там роды.

– Роды.

– Ага. Рожает, понимаешь, помаленьку… Ну, и все там собрались. Такое дело.

Я молча встал, пересек свою комнату и толкнул дверь.

Щуплая девчонка в половину моего роста ойкнула и схватилась за лоб. Ухоженное дитя в расшитом серебром пеплосе, с обилием браслетов на руках, но с диковатым, рассеянным

выражением лица.

На меня она воззрилась с ужасом. Словно ожидала увидеть что-то другое.

– А я Тиха, – пролепетала она, когда я не слишком вежливо поднял ее за шиворот. – Б-богиня с-случая…

– И как ты тут очутилась?

Непутевое чадо развело руками.

– С-случайно!

– Дочь Зевса, – уточнил я то, что в уточнении не нуждалось. Рванул дальше по коридору, не дожидаясь кивка.

Посейдон за мной не последовал и не пытался удержать.

Коридоры были пусты.

И то, и другое было вызвано одним обстоятельством: здесь помнят мой нрав.

Дверь тронного зала сорвалась с петель.

– Радуйся… брат.

Украшений, в особенности художественной ковки, в зале прибавилось. Стоял золотой трон рядом с Зевсовым – для Геры, должно быть, работа того самого Гефеста, искусного в кузнечном ремесле. Сам Гефест – неподалеку от своего произведения: чумазый, широкоплечий, шея незаметно переходит в голову, борода подпалена. Дальше замерли и переглядываются неуловимо схожие брат и сестра, сестра выглядит мужественнее томного красавца-брата. Колчаны за плечами. Ясно, Аполлон и Артемида.

Висит под потолком еще один – физиономия от хитрости лопается. Глаза аж косят от переизбытка плутовства. Трепещут крылышками странные сандалии. Гермес, кто ж еще?

Остальных знаю: Деметра, Гера, Арес, Афина, Афродита (эта – возле Гефеста и с донельзя страдальческим видом). Зевс, конечно. Все с напряженными лицами – словно вслушиваются во что-то.

По важному ли делу собрались семьею в главном зале?

Ну, конечно, по важному.

Вон, стоны из-за восточной двери доносятся. Непонятно, какой резон кому-то рожать поблизости от средоточия божественной власти.

Но это потом.

– Радуюсь, брат, – Зевс спокоен и тверд, будто старшие братья каждый день вламываются к нему после столетнего отсутствия. – Мы давно не виделись.

Я двинулся к его трону – неспешно, сверля его взглядом.

Не шел – надвигался.

Гера хмыкнула и закатила глаза. Афина маслилась так, будто

пригубила нектара после долгого голода. «Ну, наконец-то, – говорили ее глаза. – Хоть кто-то явился». Красавчик с колчаном за спиной (зачем ему в зале-то?) перетек из одной скульптурной позы в другую: хоть сейчас ваяй.

– Брат? – переспросил он у Ареса вполголоса. – То есть, это тот самый… которым нас в детстве пугали?

Мозгов у Аполлона было еще меньше, чем у Ареса. Видимо, все сыновья Зевса шли в своих матерей.

– Угу, – чуть слышно отозвался Арес. – Аид Мрачный.

– И насколько мрачен?

Свистнуло копье, снятое моей волей с одной из стен. Прошло у левого виска лучника-Аполлона. Напомнило: тишина должна быть во время братской встречи.

Зевс поднялся с трона и сделал несколько шагов навстречу. Не знаю, изменился ли я за столетие, он – нет. Может, борода гуще стала. Да еще величия прибавилось. Грудь вперед, плечи развернуты, колчан с молниями на подлокотнике трона болтается.

Петух в курятнике…

– Скажи мне, брат, – в последнее слово я вбухал не меньше трех бочек желчи, – мы нынче сдаемся Крону? Или договор между вами уже заключен, а нас просто забыли оповестить?

– Да как он… – возмутилась сестрица Аполлона, у которой мозгов было, видно, столько же, сколько у брата.

На сей раз я не стал прибегать к копью, но цыкнул так, что у Артемиды ослабли колени.

– Хорошо делаешь детей, брат. Но плохо их учишь.

Оно и понятно – некогда. Новых надо строгать.

Гера на троне – в тихом, но яростном экстазе: она чуть ли не впервые меня поддерживает.

Зевс улыбается, бестрепетно встречая мой гневный взгляд.

– В одном ты прав, Аид: война близится к концу. Но перемирий больше не будет.

И – взгляд на дверь, за которой смолкли стоны.

Теперь за ней гулькает божественный младенец, повторяя то ли «Ай!», то ли «Ня!»

– Ты успел как всегда вовремя – чтобы радоваться с нами. И кто знает – может, благодаря тебе она наконец родилась.

Я молчал. Смотрел на сияющего брата и на просветлевшие лица остальных – словно детское гульканье лилось в их сердца музыкой.

Я не понимал ничего.

– Она ее в себе носила больше века. Век, – он по-старому потормошил меня за плечи. – Понимаешь? А сегодня вот…

Позади раздалось тихое фырканье – Посейдон тоже прибыл в зал. Зевс перевел взгляд на него, на меня…

– Посейдон не сказал тебе? – осведомился весело. – Ну, тем лучше. Идем!

Первым, не спросив разрешения, он открыл ту самую дверь, за которой пробовал глотку новорожденный, шагнул внутрь и протащил меня – в полутьму, наполненную запахом нектара и благовонных масел.

– Радуйся, Громовержец.

Стикс – изможденная, словно выцветшая с лица, с синевой под глазами и легкой испариной на щеках – вставала нам навстречу. С мягкой полуулыбкой на лице, обещавшей нечто невозможное – потому что только чудо могло бы заставить суровую титаниду улыбаться.

Чудо буянило и скрипело в колыбели, выстланной пушистыми шкурами – именно туда был обращен взгляд Стикс, по-матерински нежный.

Туда же с благоговейными улыбками пялились вошедшие боги. Кроме меня.

Надо полагать, в моем взгляде было подозрение.

– Хотите увидеть ее?

Стикс не стала дожидаться ответа: бережно выхватила ребенка из колыбели и подняла на руках.

– Фу! – сказал младенец – девочка с кучерявыми светлыми волосиками и синими глазами. Палец девочки обличительно указывал на меня.

Хихикнула Афродита – тут же почтительно приглушив смешок рукой. Остальные безмолвно сияли.

Я сиять не умел – просто стоял. Примерзнув к каменному полу.

Словно с детского пальца в меня ударило молнией.

– Ая-я? – спросила девочка у кого-то и расправила за детской спиной широкие белые крылья. Помахала ими, пытаясь улететь из крепких материнских рук, не преуспела, обиделась и хлюпнула носом.

Есть боги, которые сами выбирают свою власть – избирая себя чьими-то покровителями или решая ведать какой-либо областью жизни: семейными очагами, как Гера, или плодородием, как Деметра…

Есть боги, для которых все написано с рождения. Как здесь.

Я глядел на белые крылья, которым суждено вскоре реять над нашими войсками, и медленно приходило то, во что не верилось: этой войне конец.

– Не капризничай, Ника, – со смехом выговаривала дочке

Стикс. – Ну, что ты, не хочешь, чтобы на тебя смотрели? А кто будет у нас сладко спать? Ника будет. А кому дядька Гефест сделал красивую погремушечку? А Нике сделал…

Из всех ужасов Титаномахии мне ярче всего помнится этот: сюсюкающая над качающейся колыбелью Стикс – порождение холодного ужаса, проклятие войск Крона, против которых выходила в бой…

Она бормотала что-то и напевала отрывки песенок, пока белокрылая Ника не перестала буянить и гукать. Потом милостиво кивнула и позволила подойти Зевсу и остальным богам.

Мы подошли. Мы – сыновья, дочери, внуки и внучки Крона – молча стояли вокруг искусно вырезанной из сосны кроватки и смотрели, как пускает пузыри во сне только что рожденная Победа.

* * *

– Мы собрали всех, – говорил младший. – Отдали Крону почти всю Фессалию – тут было ничего не сделать – но зато, пока они думали, что теснят нас по шагу и преуспевают, мы готовились к решающей битве.

В пиршественных залах еще звучали заздравные в честь родившейся Победы – а мы сидели в одной из комнат женской половины дворца и обсуждали планы. На мужской половине слишком шумно.

Хмель кружил голову только слегка. Зевсу, кажется, совсем не кружил.

Афина пристроила рядом с собой копье – Посейдон шепнул мне, что она таскает его постоянно, с тех времен, когда ее домогался Гефест. Сам Жеребец явился без трезубца и в легкомысленном ожерелье из ракушек.

– Иными словами, ты сгрудил войска у подножия Олимпа, это и без того заметно. Половина лагерей у тебя стоят вокруг Оссы и Пелиона[2] или даже на них… Сшибаться придется на нашей территории.

Зевс посмотрел на Афину – и поймал из ее глаз многозначительное: «А я тебе говорила».

– Понимаю, о чем беспокоишься. Чтобы отбросить рати отца к Офрису нам придется гнать их через большую часть Фессалии. Через территорию, которую они уже успели освоить…

– И Тартар знает, что они нам там готовят, – подытожил Арес.

Его позвали просто потому, что он олицетворял войну. Пока что эта фраза с его стороны была самой дельной.

– Дотолкаем, – процедил младший. – Крон не сунется в битву

до последнего.

Афина взглядом попросила разрешения говорить – могла бы и не просить. Женщина или нет, толку от нее все равно было больше, чем от Ареса.

– Если даже Крон не решится вступать в бой сначала – он сделает это, когда увидит, что перевес на нашей стороне. Он предоставит тебе, отец, тратить молнии на чудовищ, демонов и титанов, а когда молний будет не хватать – выйдет сам…

– С серпом этим надо что-то делать, – подал голос Посейдон.

Надо что-то делать с серпом – мы пришли к тому, от чего уходили сотню лет назад.

И велико искушение вновь замять этот вопрос.

Словно мы можем о него порезаться.

Посейдон с шумом выпустил воздух из груди.

– Зевс. Ты что же, думаешь один на один против него выйти? Понимаю: тебя Кроноборцем зовут, но вот так по-глупому сунуться… Втроем пойдем. Не только молния, но и трезубец… Аид?

– Нет. У меня другой противник.

Замерли Афина и Арес – проскользнула между братом и сестрой змейка понимания. Понимают, что нужно молчать и делать вид, что ничего не слышали.

И никому ни о чем не рассказывать.

Замерли трое Кронидов, которые когда-то клялись на жертвеннике идти на войну вместе. Глаза – серые, карие и черные – связали три взгляда в один.

– Ты говорил, что Серп Крона не может держать никто, кроме него самого, – тихо предупредил младший.

– Не может удержать. Держать – вполне.

И молчите. У вас тоже роль незавидная – не мне же наносить удар.

Больше я не говорил ничего, вслушиваясь в пояснения, впитывая расположение войск, ситуацию с оружием и продуктами, новости о союзниках, известия о недавних стычках…

– Лапифы из Эпира должны прибыть через месяц. Очень настойчиво просились в союз. Каялись, что навлекли на себя мой гнев.

– Угу. Незримый гнев, так, что ли? Его за век на себя кто только не навлек. Эй, незримый гнев… не желаешь что-нибудь добавить? Доходили слухи, что ты царя этих лапифов в козла перекинул, да еще прямо на ложе? А что жена его не сразу разницу заметила – это пра…

– …остров Коркира. Вот здесь. Долина почти в самом центре, охрану нужно будет усилить. Там сейчас крупнейшая палестра[3]

для детей союзников, обучают Аполлон и Гермес, но они там не всегда…

– На острове и девочки тоже, – это Афина, нервно барабаня пальцами по копью. – Матери просят передать своих дочерей под охрану Артемиды, это сборище разрастается с каждым днем, и нужно что-то делать.

– Боятся гнева Крона, так, что ли? – хмыкает Арес.

– Боятся. Потому и отсылают детей. Но не держать же войска на островах… Посейдон! Из морских кто-нибудь может взяться за охрану?

– На Коркиру? Это можно. Поставлю туда своего старшего – Тритона, из соглядатаев там нереиды все больше… можно пару морских драконов взять, это которые с нами…

– Загрей присмотрит, – машет рукой Зевс, не обращая внимания на вопрос в моем взгляде.

Посейдон тут же наклоняется, поясняет шепотом. Ага, еще один сын. Да так, от нимфочки какой-то. Говорят, Зевс в быка перекинулся, чтобы ее соблазнить – ну, сынок и народился: рожа такая, что уж лучше б с бычьей головой, что ли. А Громовержцу проворный сынишка по вкусу пришелся: даже молниями своими ему играть разрешил.

– Ну, тот как-то чуть дворец не разнес – расшалился. Теперь вот со всеми, в палестре, на Коркире. Малышня его за главного считает…

Отмахиваюсь. Да какая разница: Загрей – не Загрей, палестра, Коркира…

Тут дела поважнее.

– Несколько месяцев, во всяком случае… Заставы нужны – вот здесь. Чтобы ближе их не подпускать. Если они сейчас начнут двигаться…

– Не начнут, – это голос Зевса. Сверх не добавлено ничего, но спорить не хочется: не начнут.

Потому что Крон тоже готовится к последнему бою. Отвоевав у нас большую часть Фессалии, наводнив ее своими шпионами, – прячется за обширной территорией и копит войска, которые можно двинуть к Олимпу.

– …шлем в помощь. Думаю, Гермес с разведкой справился бы лучше всего.

– Ф-ф-х! – открытое презрение в глазах у Ареса. – Этот пролаза!

– Вот потому что пролаза – и справится. Аид, хтоний одолжишь?

А ты, брат, своими молниями не поделишься ли?

– С возвратом.

– Конечно.

Афина, Арес и Посейдон переглядываются со странными усмешками. «Ну-ну, – говорят усмешки. – Посмотрим, как ты будешь свой шлем назад выцарапывать…»

– С разведкой и союзниками ясно, в ближайшее время определятся сатиры с крайнего юга – здесь я прослежу. Оружие – Циклопы и Гефест. Аид, тельхины выдержат в стороне? Хорошо, тогда можно будет у них сторговать пару тысяч мечей. Нам и панцирей-то не хватает. Нужен будет гонец…

– Гермес, – в один голос, втроем и безоговорочно.

Он у них тут что – незаменимее Зевса? Хотя… если судить по количеству хитрости на физиономии…

– Сколько у нас получается на все? Три месяца?

– Четыре или пять, не меньше. Пока подтянутся, пока снабжение… Нектар со страшной скоростью пропадает, – голос младшего срывается в низкое недовольное ворчание. – Все самому делать приходится… куда они его девают, спрашивается?

– Гермес, – хором предполагают Арес и Афина, один с мрачным видом, вторая с мудрым. Громовержец отмахивается. Водит загрубевшим пальцем по карте, расстеленной на столе.

– Циклопов из кузниц на Лесбосе придется на Олимп перевести: молнии нужны будут постоянно. Пять месяцев… совсем затихать нельзя, нужно сделать вид, что хоть как-то трепыхаемся. Отвоевать пару крепостей, потом отступить, еще завоевать…

– Чтобы было похоже на конвульсии, – спокойно уточнила Афина. Мелодичный голос холодил по-оружейному. – Чтобы видно было: наша армия бросается на войско титанов из последних сил, пытаясь отнять хотя бы крохи. Но не может одержать ни одной победы, пока не появляется Громовержец и не сверкает молния. Громовержец появляется, молния сверкает – и все затихает до следующей битвы. Этим мы надежно удержим Крона в стороне от схватки: он не выйдет в бой до последнего момента…

– Да, – Зевс озорно усмехается, пощипывая все еще не слишком густую бороду. – Да… вот только руководить этим должен надежный лавагет. Посейдон…?

Жеребец оборвал свое ожерелье из ракушек – те зазвенели о пол. Встопорщил и без того вечно встопорщенную гриву.

– Да я… нет, наверно. Лестно, конечно, – странный, похожий на лихорадочный, блеск в глазах. – Только я вряд ли смогу… знаешь, вряд ли смогу проигрывать до твоего прихода.

Секундная тишина. Скрестились два взгляда – серый и карий. Черный вообще не при делах – в карту упирается.

– Аид?

– Ладно.

Хтония у меня не будет – ну что ж, гневу незримому пора становиться гневом зримым и осязаемым. А что придется отступать до прихода Зевса – этот обман не хуже прочих, Ата могла бы гордиться таким ходом.

Еще несколько часов мы сидели, обсуждая новости с рубежей и возможную расстановку войск в будущей битве. Афина сыпала дельными советами, Арес багровел и всем своим видом провозглашал: «Ну, подожди, я на поле боя отыграюсь!» – небось, напросится ко мне в подручные, изображать военные конвульсии. Посейдон сидел мрачнее штормового моря и нервно дергал себя за ус. Ушел он первым, с хмурым недоумением рассматривая оторванный ус.

Я задержался, чтобы сказать Громовержцу три самых важных слова.

– Ты не решился.

– После того как был там, – тихо ответил он, отворачиваясь, – вряд ли и решусь.

– Но ты понимаешь, что силы неравны?

– Что ты от меня хочешь, брат? – рявкнул он, подхватываясь на ноги. Комнату пересек одним прыжком, встал – лицом к лицу. – Думаешь: я тут засел, делаю детишек, пирую, о войне и не помышляю? Думаешь – на что вам такой вождь, Посейдон вот думает, не только думает – открыто говорит!

Не ожидал от Черногривого.

– Говорит *тебе*?

– Нет, остальным и пока только шепотом.

– Откуда ты…

– Гермес, – махнул рукой, болезненно сморщился. – Хочешь – давай ты, а? Ты же у нас умеешь решать. Давай, бери власть, мне не жалко. Садись на престол – и решай. Решайся! Спускайся в Тартар, освобождай Сторуких – давай! Сможешь?!

– Не смогу, – сказал я.

Отвернулся и вышел из комнаты – отсыпаться, потом к Левке, потом… проигрывать битвы до прихода Громовержца.

* * *

Ника училась летать. На крылья она встала через месяц после рождения, сразу же после того, как завязала в узел сто пятнадцатую погремушку от «дяди Гефеста» (тот жаловался, что не успевает ковать мечи и щиты). Теперь вот носилась по коридорам, время от времени врезалась во что-нибудь или в кого-

нибудь, щипала харит, опрокидывала подносы с едой: буйное дитятко нравом удалось ни в папу и ни в маму.

Особенно ей нравилось доставать Ареса, за которым она гонялась с победным писком:

– Война – кака! Победю!

Племянник терпел неделю, а после удрал ко мне на рубежи – крепости брать.

– Я – Война! – потрясал он чашей в моем походном шатре. – Да я… да меня… имя – шепотом, как твое! Ну, может, не как твое… А они с этой соплей там все… будто с Лиссой целовавшись! Афродите эта мелочь волосы медом залепила – выстригать пришлось. Улыбается: «Ой, это ж Ника!» Артемиде тетиву порвала, Деметре – хитон. «Это ж Ника!» Отцу в глаз какой-то цацкой – полдня с прищуром ходил: «Ха-ха, меткая малышка!» Да когда я…

Договаривай: а когда я по замку носился, меня не любили. И сейчас не любят, вернее, ненавидят.

– Расскажи мне про свое тяжелое детство, – предложил я, лениво рассматривая план предстоящего сражения.

Планировался полный разгром моих войск – конечно, до появления спасения в виде Зевса.

Видимо, племянник сподобился вспомнить, *где* прошло мое детство. Умолк, только чашу сжал в руках так, что она затрещала.

– Обойдутся там без меня, – буркнул яростно. – Поставь хоть куда-нибудь. В последний раз я копьем ее… хорошо, на крыльях – успела удрать, и никто, кроме Афродиты, не видел. Но если на меня накатит – от этой… Ники… только перья останутся.

– Не возьму, – отрезал я. Куда мне к Тартару девать бога войны, когда и войны-то нет?

– Афину бы взял? – и недобрый огонь в глазах.

– Ее бы взял с радостью. Положи копье, пока уши тебе не надрал, и слушай. Лавагетом тебе не быть: думать в бою не умеешь. И своих с чужими не различаешь. Да еще…

– Меня придется удерживать, чтобы мы случайно не одержали победу, – угрюмо пробубнил он. – До прихода отца. Так? Ладно, тогда я сам…

– Сядь! – сам он… наворотит на рубежах – всем Олимпом не расхлебаем. – Время от времени будешь возглавлять наступления как лавагет. Я сказал «как»! За твоей колесницей будет идти моя. Я буду в доспехе простого воина. Попробуешь зарваться или ударить по своим…

Аж дыхание затаил.

– Удержишь меня? Что, дядя?

А как ты думал.

Война добросовестно агонизировала. Вместе со своим богом она накатывалась на очередную крепость титанов, ползла по скалам, неслась по песчаным берегам широких озер, змеилась среди рощ и долин. Кидалась на приступ, неистово и гулко вопя боевые кличи – сильно подозреваю, что неистовство Ареса подогревалось, если он вспоминал о младенце-Нике. Война вскипала, выплескивалась отчаянным натиском на чудовищ, лапифов, детей титанов от смертных… Прорывала стены, крошила гранит – и захлебывалась, начинала топтаться на месте, собирая обильную жатву и с той стороны, и с другой.

Дрались отчаянно – но не побеждали.

Захватывали трофеи – но не города.

Брали пленных, победно врывались, куда положено, сшибались, с кем нужно – чтобы тут же завязнуть в середине боя. Чтобы беспомощно топтаться на месте, пока с небес не сверкнет первая стрела… вторая…

Тогда наконец начинали драться всерьез, и крепости сдавались, земли признавали себя данниками Олимпа… потом Зевс уходил, к побежденным приходило подкрепление, нас отбрасывали назад – и все повторялось сначала.

В разных местах мы возглавляли войска по очереди, чтобы создать видимость не одного отряда, а армий, возглавляемых несколькими военачальниками. Арес показал себя на удивление толково. Пару раз в горячке боя его занесло – пришлось сбрасывать с колесницы – но в остальном он сдерживался и отдавался наслаждению битвой только после молний с небес, когда было можно. Вот тогда всем приходилось держаться подальше.

Всего у меня было четыре тысячи – постоянное число, убитых приходилось замещать. Две сотни бессмертных, остальные время от времени знакомились с мечом Таната. Руководителей отрядов я отбирал лично, по глазам – таких, которые выполняют приказы бездумно. Не всякий готов без объяснений дожидаться прибытия Громовержца и тянуть, превращая бой в вязкую кашу, когда можно – победить сразу… Две тысячи дрались под моим началом, еще восемь сотен – недалеко от меня, якобы под началом Ареса, но тоже под моим… Остальных взял Прометей и показал себя отменным лавагетом. Войска под его руководством исправно вязли в середине наступления без всякого притворства – когда он давал волю своей натуре и бросался спасать раненых.

Артемида и Аполлон отстреливали шпионов, Мом-насмешник сеял слухи о том, что даже Аид Угрюмый вместе с Аресом Неистовым не могут ничего поделать без подмоги Громовержца.

Олимп по швам трещал от подготовки. Я наведывался туда

нечасто: чтобы захватить на поле битвы Афину или Гефеста. Нужно было создавать иллюзию участия в боях всей Семьи. Афина откликалась с радостью – как же, возможность оторваться от стратегии и показать воинственному брату, кто настоящий мужик. Гефест сперва долго оговаривался обязанностями в кузнице, потом на Олимп наконец прибыла троица Циклопов, и хромоногий бог не отказал себе в удовольствии – принял участие в трех-четырех штурмах. Дрался он молотом или раскаленной полосой металла, и очень натурально оступался, когда нужно было по кому-нибудь промазать – сказывалась природная хромота.

Гелиос и Эос-заря заверили, что в этой битве они по-прежнему за олимпийцев. Прибыли послы с дальних рубежей Фракии и Македонии – очнулись племена, которые отмалчивались после того, как на них обрушился «незримый гнев Зевса». Островитян и тех, кто жил чересчур далеко, переправляли на кораблях в бухты, близкие к Олимпу, Посейдон вместе с тестем – Океаном.

В подземный мир я не стал наведываться, хотя и предлагали. Слова «Мы не вмешаемся» прозвучали десятилетия назад, но прозвучали твердо. Будут звучать еще, при надобности – века.

Мечи у тельхинов закупили, кузницу на Олимпе для Циклопов оборудовали – Гефест постарался – теперь там с утра до вечера звучали молоты. Зевс успевал всюду и сразу, больше него успевал только Гермес, которому я все же вручил свой хтоний для разведки. Подумал еще – не следовало ли напомнить о возврате… не стал. Решил, что хватит моей славы.

Сын Громовержца и Майи-плеяды, дочери Атланта (надо полагать, дедуля был не в восторге от такого внучка), был везде и сразу и при этом выглядел свежим, жизнерадостным и очень хитрым. Он доставлял сведения от Офриса, передавал мне распоряжения Зевса, а Зевсу – мои сведения о перемещениях войск, летал к Посейдону, к Гелиосу, к союзникам, к тельхинам (и умудрился надуть их на полтысячи мечей) – наверное, он не летал разве что в подземный мир, да и то – кто там его знает, неугомонного…

С хтонием и со своей ролью разведчика Гермес свыкся настолько, что иногда пытался подсматривать и подслушивать даже на Олимпе, а не у Офриса. До моих войск изредка долетали в виде сплетен то буря негодования Афродиты, то жалобы Деметры. Эвклей в промежутках между делами снабженческими и очередной лепешкой с сыром мимоходом поминал что-то о том, что Гермес, мол, уже успел детишек себе настрогать то ли от нимф, то ли от смертных, и детишки-то какие-то странные.

Арес неизменно начинал любой разговор, касающийся Гермеса, с «этот вредитель…».

Впрочем, пользы от младшенького сына Зевса все равно было больше. Когда меня посреди наступления срочно выдернули на Олимпийский совет – именно он ненавязчиво разместился за спиной отца, щурил глаза и выглядел – новость – на редкость серьезным.

– Аид, отводи войска, – первые же слова нашего предводителя дали понять, что совет – последний. За ним – последний бой.

Кроноборец был почему-то в ратном доспехе, будто на войну собирался уже сейчас. Сиял изготовленный Гефестом панцирь – радовал взгляд тонкой адамантовой ковкой, кузнец Олимпа вполне освоился с материалом.

Ожиданием битвы веяло в зале, и забавно было осознавать, что бога войны на этом совете нет: я бросил войска на него и Прометея.

– Ладно.

– Семь дней – собрать рати в кулак. Потом они дойдут до наших рубежей. У нас все готово.

– Ударим на опережение? – спросил Посейдон. Он был без доспехов и озадаченно поглядывал на остальных – а они внезапно заявились в полном снаряжении. Артемида и Аполлон с луками, правда, они луки везде с собой таскают… Афина не расстается с копьем и мрачно поглядывает на Гефеста, Афродита сидит с гребнем – золотые локоны расчесывает, разочарованно посматривает на меня. Во взгляде – красноречивее некуда: «Уж лучше б Арес явился…»

– Нет.

Короткое слово. Непомерное решение за ним.

– Позиции как наметили раньше. Нельзя показывать, насколько мы сильны…

Шевельнулась Афина, додумав вместе с остальными: «Или насколько мы слабы».

– Значит, уничтожаем шпионов, – подытожила она. Аполлон, мечтательно улыбаясь, погладил лук – на этом поприще он уже снискал себе славу на несколько песен.

Если потом будут песни.

Голос подняла Гера – она сидела с плотно сжатыми губами, выпрямленная и какая-то застывшая с виду.

– Ника с нами?

Насторожились неподалеку от Зевса Сила и Зависть – двое братьев маленькой Ники. Покривились губы Стикс, которая сегодня впервые отбросила роль матери и открыто облачилась в черный доспех.

– Решимость у нее есть. Но она ребенок.

– То есть, долго, что ли, не выдержит? – Посейдон, вот опять ты не вслушиваешься в то, что таится за словами…

– Она богиня. Она выдержит. Но она… она… играет.

Заговорили все сразу: Артемида, о необходимости застав, Афина, Гефест – этот что-то о доспехах. О мелочах.

Захихикала за спиной Ананка.

– *Они думают, если будут кричать – я не услышу, представляешь, невидимка!*

Совет продолжал надрываться, на разные голоса споря о несущественном.

Ладно, пусть, я не за этим сюда…

Зевс встретил мой взгляд. Зло дернул головой: что ты все о крайних средствах, брат!

Одними губами: «Нет».

Нахмурился в ответ на мою кривую усмешку.

Нет, так нет, брат. Пусть себе Гекатонхейры спят в Тартаре под охраной бдительной Кампе!

А мы выйдем в бой и поиграем с малышкой Никой в победу.

После совета меня задержал Гермес. Подошел в сопровождении хмурого, волосатого и рогатого детины и протянул хтоний двумя руками, бережно.

– Ни царапинки нет, – заверил, тараща хитрущие глаза. – Вот, сам посмотри. Я его даже почистил – ужас теперь внушает в два раза лучше.

Просто образец почтительного племянника.

– Ну, что ты так смотришь, дядя, это ж не коров у Аполлона угнать. Я о тебе с детства наслушался… и все больше шепотом. Вот еще спросить хотел… сына моего к себе в войско не возьмешь? Это вот Пан.

Волосатый и рогатый Пан, облаченный в драное подобие хитона, посматривал исподлобья, переступал копытами и теребил дудочку из тростника. Сынок был похож на папу, как Афродита на кентавра. Гермес верно истолковал мой взгляд и широко развел руками:

– Ну, такой уродился. Он у меня все больше по лесам, с сатирами бродит. Мирный. А тут прямо вцепился: возьми на войну и все. Предсказание ему, что ли, какое-то было.

– Почему ко мне?

– А больше никто не берет, даже к сатирам, – подал голос юный Пан, длинно шмыгая неотцовским носом. – Говорят: в тыл с такой рожей…

По мне – так рожа подходящая, среднего титана можно испугать.

– Каким оружием владеешь?

Сынок Гермеса серьезно призадумался. Потом приподнял и показал мне тростниковую дудочку. Теперь понятно, почему никуда не берут.

– И многих этим собрался уложить?

Помялся, спрятал дудочку. Закусил губу, прикрыл глаза, подпрыгнул и ударил в пол копытом.

Пол брызнул острой крошкой. В мраморе остался вдавленный след. Снесло и разобрало на щепки тяжелый стол, опрокинулись кресла, посыпались чаши, завизжала какая-то нимфа из прислуги. Мне пришлось вскочить, чтобы удержаться на ногах.

– Отведешь к Эвклею, он с моими войсками, – велел я. Помедлил и прибавил: – Пусть проследит, чтобы рядом с ним никого не ставили.

Только когда пушистый от счастья юнец, цокая копытами, покинул мегарон, а за ним убыл и Гермес, я заметил, что один из участников совета и не думает оставлять зал. Афина замерла в напряженной позе, глядя на щепки, оставшиеся от стола. Пеплос на ней сбился, открывая ноги. Шлем, лежавший на столе, покоился в углу, но дочь Зевса не искала его взглядом. Она смотрела в никуда – словно надеялась там рассмотреть Ананку.

– Всего семь дней, – пробормотала наконец. – Что-то должно случиться. Что-то должно…

Видения мудрых вернее видений пророков.

Случилось – за день перед последним сражением.

* * *

– Корк…

– Что?

Ничего. Ни звука – из бледных губ. Только глаза – два морских омута, совсем не Посейдоновы – широко распахнуты, а из них…

«Коркира… дети… Коркира…»

Остров, куда посылали на обучение – мальчиков и под охрану – девочек. Куда наши союзники переправляли своих детей, страшась гнева Крона.

Где резвился с остальными Загрей – сын Зевса от безымянной нимфы.

Палестра.

Я позволил Тритону, старшему сыну Посейдона и Амфитриты, бессильно сползти по стене. Лишившись моего плеча, племянник морской водой пролился на пол, будто бы и вовсе не дыша. Распластался у ног: тонкокостный, с женственным,

бледным до синевы лицом, волосы – черные, с зеленым отливом – облепили спину.

В воздухе висело благоухание ихора – дразнило ноздри знакомыми нотками. Прозрачная кровь богов, мешаясь с морской водой на одежде посейдонова сына, вытекала на плиты коридора.

Ничего, он бессмертен.

Это я повторял про себя, пока несся бегом к своим покоям, распугивая лицом толпившийся в коридорах народ. Прятались все; кто был недостаточно изящен – изображали мраморные статуи, и несколько раз из-за спины долетели жалобные стоны о том, что, мол, «и зачем только он вернулся»?

Ничего, бессмертен. Отдышится и доползет до тронного зала, там в него вольют нектар, он отдышится еще раз и передаст страшные вести отцу, или кто будет ближе…

Сколько есть времени? Есть ли время?

Хтоний прыгнул в руки обрадовано, будто хотел обняться.

Тень бога на стене от пламени очага – моя тень – надела шлем на голову. Пропала.

Нет, метнулась еще какая-то тень – не сомненья ли?

Он принес вести – качнулась тень. Ты оставил его лежать в коридоре. Всего лишь кликнуть кого-нибудь, потом собрать остальных – и если можно помочь…

Хаос Предвечный, какая чушь, я видел его глаза, там уже никому не поможешь, важно одно: сколько есть времени?!

Колесница…

Я метнулся на Коркиру, не дожидаясь своей упряжки. Сам, своей сущностью. Просто пожелав этого… не просто пожелав. Всем своим нутром, телом, духом, властью, всем своим «я» – рванулся, порвав хрупкую связь с Олимпом, когда так спешишь – забываешь о теле, о расстояниях, в висках стучит одно: есть ли время?

…нет времени. Кончилось время. Остановилось.

На Коркире время больше не шло: секундам некуда было спешить, складываясь в минуты. Время медлило над тем, что было когда-то зеленой равниной с выстроенной на ней палестрой – а теперь стало мешаниной клубков земли с каменными осколками. Равнину решили вскопать – казалось со стороны. Вонзились плугами в сочную зелень. Удобрили останками палестры, которую снесли по недоразумению.

А после засеяли детскими телами.

Показалось на миг: это тот, первый бой, я стою посреди окровавленного поля, и падальщики переползают с трупа на труп, это мы проиграли впервые…

Только фигуры павших бойцов уж слишком малы. Только

копья у многих из них – облегченные.

Только рядом с обнаженными мальчишескими лежат и девчачьи тела: их просто согнали на эту равнину со всего острова. Всех.

А после заставили время остановиться – утонуть в детских криках.

Прошлое есть. Есть настоящее.

Куда идти секундам, когда убито будущее?!

Невидимкой я застыл на равнине, устланной детскими телами – семенами, из которых не подняться всходам.

Смотрел. Смотреть было нужно, потому что не было времени, потому что нужно было поймать – неразличимое глазу мелькание меча. Слушал – мертвую тишь, чтобы услышать незаметный свист…

Меч не мелькал. Свиста не было.

Будущее было убито надежно.

Фигуру Убийцы я нащупал внезапно и всего в полусотне шагов – когда повернул голову. Он стоял за моим левым плечом, опираясь на меч – и железо была сухим, только кое-где на лезвие налипли светлые прядки.

Стоял незыблемо, развернув плечи.

Смотрел на свою работу – без всякого выражения.

На меня, когда я снял шлем, взглянуть не соизволил.

– Он сказал, – тихо уронил Танат: – «Я обращу себе на пользу даже то, что Нюкта родила мне в наказание».

– Прочь! – рявкнул я в ответ.

Убийца даже бровь приподнял. «Что, Кронид, удостоверился? – спросили глаза двумя ударами меча. – Удостоверился, а? Удостоверился, кто я?! Больше не хочешь брататься с чудовищем?»

– Вали в Тартар, чудовище! – я забыл о том, что мог сказать это взглядом, я срывал связки, с наслаждением, чувствуя, как начинает саднить горло. – Сгинь! Дурак! Остальные сейчас будут! Хоть понимаешь, что начнется?! Война – между Олимпом и Эребом!

И нам придется воевать на две стороны.

У Убийцы приоткрылся рот – то ли для вопроса, то ли от удивления – я не дал ему времени, прошипел: «Исчезни отсюда! Сейчас!» – таким тоном, что обратилась в пыль пара валунов неподалеку.

Танат испарился. Могу поспорить, с ним никогда не осмеливались говорить таким тоном.

Ну да, кому охота приказывать смерти…

Я шагнул по равнине, где клочки неперепаханной травы были

сплошь забрызганы кровью разного цвета – от рубинового до густо-черного. Остановился над телом уродливого мальчишки с яростно распахнутым ртом и серыми Зевсовыми глазами – Загрей, тот самый, конечно…

Быстро окунул в окровавленную траву ладонь – сбрызнул хитон.

Теперь – только ссутулить плечи и застыть, глядя перед собою невидящими глазами: спешил – и не успел, хотел помочь – не помог, хотел выяснить, остались ли живые – нет живых…

И виноватых нет. Великаны и чудовища по приказу отца – кто ж еще. Мойры, резавшие детские нити, – а разве нет?

А то, что чей-то меч безжалостно срезал пряди с голов умирающих детей – так это еще нужно припомнить… если кто-нибудь будет в состоянии помнить.

Остальные были уже здесь. Появлялись один за другим: первым Посейдон, потом Деметра, потом остальные. Вылеплялись из воздуха: никто не воспользовался колесницей, все неслись сюда на крыльях божественной сущности.

Застывали при виде равнины в детских телах.

Меня никто ни о чем не спросил: никто не мог спрашивать.

Минута. Две. Словно клейменые тихим, монотонным плачем иволги в недалеких кустах.

Бессмертные – над убитым будущим. Над прописанной детскими телами истиной: хотели войны? Получите. Хотели успеть? Не успеете.

Хотели победить? Гляньте на трофеи своего хотения.

Младший ушел первым – так, словно он, а не я был невидимкой. Не взглянув на тело любимого сына. Незаметно, как не подобает вождю.

Растворился.

А никто и не заметил, потому что земля начала ходить ходуном под ногами, заплясали трупы на красно-зеленой равнине, и оглушил нутряной вой, в котором не сразу опознавался голос Посейдона:

– А-а-а-а, твари!!!

Он тоже исчез – в вихре своей ярости – а сразу же вслед за ним нырнула бледная Афина, прихватив с собой Ареса. Тот и вырываться не пытался.

Наверное, будут усмирять Жеребца объединенными усилиями. В бешенстве он может наворотить такого…

Когда и как ушли остальные – я не заметил. Скрежет зубов, чьи-то сдавленные рыдания да шелест таларий Гермеса (он, кажется, бросился за Афиной) – и на месте расправы осталась только Деметра.

Каменным идолом – если только идолы могут стонать сквозь стиснутые зубы.

Бесплотной выпитой тенью – если тени могут гладить дрожащими пальцами головку того, что недавно было ребенком… было будущим.

Горем – если бы у горя была своя богиня.

– Аид, – она никогда не звала меня по имени. «Этот» или «он» были самыми почетными наименованиями. – Зачем… разве нельзя было просто жить… растить детей… встречать Гелиоса и Нюкту… пусть бы правили, кто угодно, пусть бы правили, только пусть бы дали нам жить…

Она дотрагивалась до мертвого лица… девочки, кажется, лет восьми. Словно пыталась стереть с этого лица ужас.

У нее ведь, вроде бы, дочь, вспомнилось вдруг. В сумерках последних месяцев войны мне не было дела до чужих детей, но сейчас припомнился скандал, который закатила как-то Гера мужу, и как Зевс после пира рассказывал что-то Посейдону о своем превращении в змея, и о девочке, что росла где-то вместе с Артемидой… как же ее звали? Впрочем, не все ли равно.

– Пусть бы они только… пусть бы они позволили нам жить… мне и ей… зачем власть, зачем все…

И вздрогнула, осеклась: вспомнила, кому и что говорит. Вспомнила, что мне не дано понять ее. Мне не над кем трястись и не о ком рыдать, Левка говорила пару раз, что хочет родить от меня, – я запретил даже думать об этом. На смешки остальных богов по поводу своей неплодовитости отвечал неизменно: «Скажите спасибо».

Наверное, они представляли себе характер моего будущего потомства, потому что смешки после ответа утихали.

– Так иди. У тебя еще есть время. Поклонись Крону. Попроси пощады для своей дочери.

Но сперва взгляни на это поле и ответь мне: он еще способен щадить?

Она распрямилась – почерневшая от горя, с развившимися, спутанными волосами. Медленно окинула взглядом картину, ужас которой не могла бы вместить бездна Тартара.

Сморгнула слезы, утерла их рукой, стряхнула с пальцев вместе с каплями детской крови…

Первое дерево вырвалось из-под земли совсем рядом с ней – там, где упали капли. Невысокое, с корявым стволом и небольшими продолговатыми листьями, в секунду украсившееся алой пеной крупных цветов. Потом дунул ветер, взметнул лепестки – и деревья начали подниматься по всей равнине, прорастать из луж крови, из непогребенных, истерзанных тел…

Одно из них развернуло крону над моей головой. Вскипело цветом и выбросило к моим ногам невиданный плод – с кулак величиной, с плотной розовой кожицей. В моих пальцах кожица треснула, и стала видна сердцевина – гнезда багряных зерен в форме капель.

Цвет крови и форма слез. Зернышки поблескивали соком, словно искусный мастер выточил их из таящегося в горных недрах камня – граната.

Деметра теперь стояла передо мной, рассматривая свое произведение. В голосе ее не было боли – сухая решимость.

– Зачем они сделали это, Аид?

– Близится последняя битва. А боль часто рождает страх.

– Часто, Мрачный Брат, – потрескавшиеся губы тронула усмешка. – Только не такая боль. Эта боль убила страх. Он умер сегодня, и над местом его погребения растут алые плоды.

Она шагнула – и растворилась среди корявых стволов.

К дочери отправилась, не иначе.

Я, явившийся в эту долину смерти раньше всех, помедлил еще немного. Осматривал пространство, от края до края заполоненное странными деревьями. Зернышки, казавшиеся гранатовыми украшениями, лопались в пальцах и растекались по ним душистым соком.

– *Что ты думаешь об этом, маленький Кронид?* – спросила из-за плеч Судьба, которую я должен был проклинать.

– Что если бы бой был сегодня – мы могли бы проиграть.

Завтра, послезавтра, в любой другой день будущего – мы можем уничтожить этот мир. Проиграть не можем.

На Олимпе правило глухое ожидание. Посейдон, выдохшийся и с изрядно потрепанной бородой, топил себя в вине и нектаре, чередуя то и это. Рыдала Афродита на плече у помятого Ареса, а Гефест сопел в сторонке и делал вид, что ослеп. Тихо плакала Гестия, притулившись к суровой Афине. Афина тоже выглядела встрепанной: удерживать дядю от безумств оказалось непросто.

Все как один – в главном зале, где безмятежно блестят золотые, искусно кованные троны.

Все как один – в страшном ожидании вестника.

Да не Гермеса или Ириды – вон они, одна всхлипывает в хитон второго. Ждали вестника куда более мрачного. Судью. Посланца судьбы.

Меня.

Потому что кроме меня нет безумцев, которые бы сунулись к младшему в эту минуту.

Потому что они сейчас подбирают слова – и не могут их найти, слов нет, даже у Афины, которую давно называют мудрой.

– Где он?

Указали на дверь взглядами.

Площадка над пропастью – где ему еще быть. Ему бы еще бурю, чтобы встретить сейчас лицом.

– Брат, – окликнули меня, когда я направился туда.

От Геры я такого обращения тоже не слышал. Впрочем, и она почти неузнаваема сегодня – со следами слез на лице, с горечью в поджатых губах. Сестра стояла, протягивая руку в мольбе, и остальные застыли позади нее, держась поближе друг к другу и забыв распри…

Словно все вдруг вспомнили, что они – Семья.

– Я отговаривала его, брат… все это время.

Она что же, возомнила себя причиной колебаний Зевса?

– Правильно делала, – буркнул я, отворачиваясь.

Может быть, Гера хотела сказать еще какую-нибудь глупость – кроме «брат» или «я его отговаривала».

Например, что это ее вина и что она готова ее искупить. Вот прямо сейчас.

Но я на сегодня был сыт по горло глупостями. Например этой: «Пусть бы дали нам жить».

Толкнул дверь, выходя на площадку, под немигающий взгляд Гелиосовой колесницы, нависшей над головой.

Зевс стоял у самого края – расслабленный, опустивший плечи. Словно собрался отдохнуть, полюбовавшись богиней облаков Нефелой, выпасавшей в небе белые кучерявые стада.

Следы его алели на плитах из белого халцедона – нам всем пришлось сегодня ходить по крови…

Молчал. Не оборачивался.

И неверное слово могло обратить штиль – в шторм.

Но у меня были верные слова.

– Ты решился, – сказал я, останавливаясь за его спиной.

Он обернулся, чтобы кивнуть – и снова выглядел юношей, каким когда-то впервые выступил против отца.

– Скажи, старший… – сегодня все обращаются ко мне не как обычно, – если бы это выпало тебе – ты колебался бы?

Не колебался бы. Отверг бы решение как невозможное – даже после сегодняшней долины, Зевс. Ты забываешь, что я был там, когда выпускал Циклопов. Ты забываешь, что я успел прикоснуться к мощи, которую ты хочешь освободить.

– Возьми, – сказал я, протягивая свой шлем.

Пальцы, уже загрубевшие от молний, задумчиво погладили искусную резьбу. На лице у брата играла странная полуулыбка – предвкушение того, что все закончится, так или иначе.

Устал он все же от этой войны.

– Мне провести тебя?

– Найду дорогу. Пора перестать воевать как мальчики, старший… пора воевать как боги. А в легендах, которые уже начинают слагать о нас внизу, – говорят, что нам не нужны проводники.

– После освобождения Циклопов он поставил там стражу.

– Это ничего, – расплескалось солнце в волосах улыбающегося мальчишки. Только глаза не мальчишеские – полные скрытого величия. Такому – и правда ничего.

Но я все же попробовал еще раз.

– Помнишь Кампе?

У Зевса удивительная память. Это Посейдон, припоминая противников, будет размахивать руками и выкрикивать: «Ну, хмырина такая… во, здоровая! Еще головы две! Ну, там еще вместо хвоста змеюка, огнем дышит! Я еще за хвост его тягал!» Зевс помнит всех. Поименно. Никто никогда не спрашивал, откуда он вообще их знает.

А эта полузмея в столетие затяжных боев произвела немало опустошений в наших войсках. Как-то против нее вышла Стикс – порождение ужаса – и потерпела поражение, и Аполлону пришлось долго залечивать рваные раны на теле титаниды…

– Она стражник?

Я сделал утвердительный жест. А он фыркнул и покачал головой, удивляясь, как отцу могло прийти в голову воздвигнуть такую ничтожную преграду.

Не знаю, считал ли Крон ее ничтожной. Может, просто ему неведомо это ощущение – что самое ужасное уже позади и что бы ни случилось, с кем бы ни довелось сражаться – это мелочи.

А может, он сам не верил, что ты решишься.

– Сейчас? – спросил я. – Спустишься туда – и подаришь им свободу?

–Я прибегну к этому только в самом конце, – тихо отозвался он. – Как к крайнему средству. Хочешь – поклянусь?

– Не хочу.

Сам не знаю – может, мне хочется, чтобы это случилось сейчас. Чтобы поднялись Сторукие – и закончился век титанов…

Если даже после него не начнется наш.

– Пора перестать воевать как мальчишки, – глухо повторил Зевс. – Не сейчас… завтра.

Завтра.

Почему-то понимание того, что приближается последняя битва в этой войне, упорно не желало приходить. Остальные осознавали это лучше: в тронном зале уже не было всхлипываний. Там стояло не Семья – войско.

Сухие глаза и сдерживаемая холодная ярость в глазах – до последнего, все как один. И вопрос – один-единственный важный, разрывающий молчание:

– Завтра?

В голосе Посейдона звучит нетерпение, и мой кивок он встречает мрачной усмешкой.

Завтра рухнет мир титанов. Может быть, наш вместе с ним. Не знаю, воюем ли мы теперь как боги: мне кажется, что все еще – как мальчишки.

«Пусть бы правили брат… пусть бы правили, а нам дали бы жить!»

Гефест шумно вздохнул и засуетился: на него всегда нападал кузнечный зуд перед битвой, зато уж в бою он хладнокровно крушил врагам черепа своими произведениями.

– У кого еще доспехов нет? А? Или щитов? Или мечей? Я тут у себя… Артемида, вот стрелы выковал – острее, чем у Циклопов… Афина, ты говорила, тебе копье нужно тяжелее – там есть… а кому что выковать на щитах? Какие знаки?

Я остановился уже у дверей. Развернулся, загасив поднявшийся шепот, полный битвенного предвкушения. Сказал:

– Выкуй это.

И швырнул к ногам хромого кузнеца плод, рассыпавший по белым плитам кровавые зерна в форме слез.

[1] Хламис – разновидность короткого плаща. Обычно надевался в бой.

[2] Пелион и Осса – горы поблизости от Олимпа.

[3] Палестра – частная гимнастическая школа в Древней Греции. Обычно там занимались мальчики с 12 лет.

Сказание 10. О том, как важно выбрать правильного противника

Достоинство сильных не в мощных руках – в умении сдерживать силу,

Талант полководца не в многих полках,

а в сломанном вражьем крестце.

О. Ладыженский

Цвет крови и форма слез – ах, какое сочетание…

Плод, который назвали, как камень, гранатом, давно перестал быть творением горя Деметры и стал моим символом, неотделимым от двузубца с псами и шлема-хтония.

Почему стал? Как-то повелось.

Алые зерна, скользнувшие между нашими губами – «Я буду твоей женой, Аид Безжалостный»…

Гранаты, в которые влилась кровь уродца-Загрея – потом эту кровь назовут плодом преступной страсти Громовержца к дочери…

Гранаты, которые раскалываются и падают с ветвей в моем царстве – слишком спелые – брызгая в глаза алым соком памяти.

Мне говорили, что Крон, которому донесли о новых деревьях и их плодах, расхохотался и заявил:

– Вот доброе знамение последней битвы! Кровь их войск напитает сегодня землю, а их женщины будут лить слезы над их участью!

И приказал выковать зерна граната на своем щите.

Говорили, что он с воем ярости швырнул этот щит в небо, когда раскололись земные недра и явилась мощь Гекатонхейров.

Холодок проходит по черным водам озера и касается лица. Все уже закончилось и все успокоилось, и сегодня была другая битва – далекое эхо той, и левая обожженная ладонь перестала гореть века назад, но на моем щите, который я отбросил недавно – так и выкованы гранатовые зерна.

Слезы, и кровь, и память, неспешными каплями вытекающая с пальцев в воду.

Наши женщины не думали нас оплакивать.

Они шли на эту битву рядом с мужьями, сыновьями и братьями.

Афродита, смеясь и болтая за плечами сурового Гефеста, вертела в пальцах тонкое золотое копье: «Такое красивое, просто жаль бросать!»

Гера, поджав губы, опоясывалась коротким мечом, проверяя – легко ли вынимается из ножен.

Деметра в ратном доспехе выглядела безумнее Лиссы, и оружия у нее в руках я не увидел – но она могла бы убивать холодным пламенем из глаз. «У меня дочь, – говорило пламя. – А они сегодня полетят в Тартар».

Фемида и Стикс, Артемида и Афина – эти стали давно привычными на поле боя.

В комнатах Олимпа оставалась лишь Гестия – оберегать пламя нашего очага.

Мы, мужчины, троица Кронидов, молча сдвинули чаши, в которых нынче было не вино – гранатовый сок. Терпкий, кислый вкус на секунду сжал горло – глотком вчерашнего зрелища в когда-то цветущей долине.

Потом мы отвернулись: были дела важнее церемоний и прощания, Гермес в моем шлеме вернулся час назад и доложил, что к нашим позициям катится лавина.

Крон наносил свой удар, не дожидаясь, пока мы опомнимся после вчерашнего.

Взвешивая в руке свой новый щит с гранатовыми зернами, я услышал вопрос, которого мы не касались в наших планах и к которому не обращались за все время приготовлений.

– Кто станет во главе войск? Аид?

Персона Посейдона даже не рассматривалась, и брат, кажется, изрядно надулся. Я поймал взгляд младшего и покачал головой.

– В разгар боя оставлять войско без предводителя…

Он понял. У меня нынче цель важнее, чем сокрушать Кроновы рати.

Нужно ведь что-то делать с этим проклятым серпом.

Произошло короткое замешательство. Потупился Арес: не рискнул высовываться, почувствовал что-то дубленой шкурой. Войску серьезно угрожало остаться без предводителя или под руководством Стикс – но тут вперед вылез Прометей, верный своему глупому, благородному обычаю помогать.

– Давайте уж я, – выручил всех.

Гефест прикрыл глаза в мгновенном прозрении: увидел тень, скользнувшую по лицу отца. Ох, ничего хорошего не сулит эта тень новоявленному предводителю!

В будущем – если оно наступит. Пока же Зевс обрадовался, за плечо утащил Прометея к себе и принялся взахлеб обсуждать с ним позиции войск: у Крона на флангах опять великаны… их брать стрелами, отводить на наших лучников, Аполлон и Артемида в помощь… титанов придется вязать основным бойцам,

то есть, Аресу, Афине и Посейдону… вести передавать через Гермеса и Ириду, ты ведь знаешь, преемник?

Он знает. Все мы знаем – воюем не первый день.

Только до этого нам никогда не приходилось сражаться под белыми крыльями рожденной Победы.

Ника явилась в зал последней: прискакала в сопровождении братьев, рассматривая новые кожаные сандалики, и слово, которое давно билось в висках у каждого – было произнесено озорным детским голоском, сорвалось с пухлых губ беловолосой девочки:

– Пора?

Пора.

Грохочут молоты циклопов: «Подавай!» – «Окривел?!» – «Эх, поддай, поддай!»

Куются молнии.

Мы готовы заканчивать то, чему, казалось, не будет конца.

За плечами – Олимп, к которому нас прижали за триста лет.

Перед нами – некогда цветущая Фессалия, которая и сейчас цветет: языками пламени, оскаленными ртами чудовищ, блеском копий в руках у великанов… Это река, нет, это морской прилив, надвигающийся на наши позиции, желающий броситься и подмять – всей тяжестью, с первого раза.

Аластор, Никтей, Орфней и Эфон нервно танцуют в упряжи, косятся на сжимающего вожжи хозяина, на мое неподвижное лицо, всхрапывают вопросительно: «А если вдруг… если…»

«Не если, – чуть шевелятся губы. – Прибой всегда разбивается о скалы… прибой всегда…»

И сигнал к началу кровавой круговерти – пролетевшая молния над головой.

Мы начинали эту войну мальчишками, отец. Чем бы она ни закончилась – мы закончим ее богами.

Где-то в этих годах, в твоей стихии, в стычках и затяжных боях мы растеряли крупицы страха и подобрали обыденность и скуку. Мы не кричим больше от гнева – даже Арес и Посейдон воздерживаются от кличей. Мы сшибаемся с твоими слугами в смертном молчании – чтобы ты мог услышать смех Ананки за своей спиной.

Моя Судьба нынче не смеется. Мы с ней сосредоточены на том, чтобы разить.

Вторая и третья молнии ударили в гущу схватки, метко, на колени свалился какой-то титан, с диким воем хватаясь за оторванную челюсть. Там, в центре столкновения, уже завязывался черно-красный смерч, оттуда доносились выкрики Ареса и глухие удары трезубцем – Посейдона. Но следить за

ходом боя не хватало времени: я на левом фланге, с колесничими, Стикс – на правом – с копейщиками, два олицетворения ужаса, как шутят чересчур смелые сатиры, два черных крыла, которые держат войско…

А над нами плещутся белые крылья Победы.

И летят стрелы, не знающие промаха: Аполлон – на моем, левом фланге со своими стрелками, Артемида помогает Стикс; помощь нужна, потому что там не только великаны – человекопауки, вооруженные секирами, машущие факелами, и каменные волки – отростки гор – ползут между ними на брюхе, чтобы вцепиться в горло лошади или копейщику…

– Держа-а-а-ать! – катится над полем команда, равно подходящая двум войскам.

Войска смешались, два кулака сшиблись и неожиданно сцепились пальцами, переплелись смертельным клубком; слева от меня перевернулась колесница, не рассмотреть – чья, кони, бронза и тела каменных волков слились в единое целое…

Цепь молчания раскололась окончательно с десятой молнией. Донесся воинственный клич Афины, взвился в небеса хриплый рявк нашего временного предводителя – Прометея:

– Арес! Отводи…!

Или там все еще Зевс? Нет, брат молчит. Но никуда и не отлучается, впереди всех, и молнии, подносимые ему одним из Циклопов, мерно расцвечивают небеса. Это только начало боя – звенят молнии, мы начали неплохо, вдруг мы выстоим и так, без того, последнего решения, мы уже боги – не мальчишки, мы…

Кони сминают копытами чудовищ, как сухую траву. Кони танцуют по полю боя, чувствуя, что в руке колесничего не дрожат поводья. Бронзовый взмах! Я никогда не был копейщиком, но промахнуться сложно, неизвестный мне титан захлебывается ревом, хватаясь за горло. Теперь протянуть руку и взять шестое по счету копье из связки на дне колесницы; если бы они увидели это – они спросили бы: «Да кто ж так воюет?!»

Так воюю я.

Ряды великанов расступаются, пропуская пламя, в лицо пышет жаром; встает на дыбы моя четверка; кони остальных давно обезумели от ужаса. Трехголовая бескрылая тварь стелется по земле, глядя немигающими глазами; откуда у них столько драконов?!

Отчаянное, многоголосое пронзительное ржание смешивается с хохотом в рядах войска титанов, среди моих воинов слышны только ругательства, от ужаса не кричит никто, все давно знают: ты смертник, если идешь в бой за Аидом Безжалостным.

Знают, но почему-то – идут.

– Оставить колесницы!

Твердая земля толкается навстречу, ударяет по ступням. «Аластор! – кричу я так, будто обращаюсь к брату или подчиненному. –Назад! Назад!» Но правый коренник слышит и понимает меня лучше, чем подчиненный или брат, меня обдает воздухом – и колесница без возницы уносится в глубокий тыл.

Возница, оставаясь на земле, выхватывает меч. Возница заставляет себя не жалеть, что у него нет нынче шлема; сегодня я – не Аид-невидимка, шлем у того, кому он нужнее, я же пока просто лавагет, держащий левый фланг.

Просто воин, в перерывах между приказами купающий свой меч в крови неприятеля.

Они выскакивают на меня из неразберихи боя, склеивая рваные отрезки времени в единую цепь.

Титий – старый противник, адамантовая секира описывает светящееся полукружье, скользит у виска, торжествующий хохот: «Ждал встречи!» Ждал встречи, шагнуть влево, предугадав движение лабриссы, поймать опасный миг между двумя вдохами. До новой встречи, Титий, твои подколенные сухожилия будут помнить остроту моего клинка, заточенного Гефестом.

Дракон встает на дыбы, заслоняя небо с болтающейся в нем колесницей Гелиоса – бескрылая тварь с желтым брюхом; свист золотой стрелы – и на один глаз у твари меньше; Аполлон все же вспомнил о своих обязанностях; пламя разбивается о воздух, остановленное моим взглядом: я научился приказывать и драться властью, а не телом. Руку со щитом вперед, заслоняясь от ливня ядовитой желчи от второй головы; меч – не просто оружие, но часть божественной сущности. Божественная сущность втыкается в живот взвизгнувшей твари, поворачивается, выпуская кишки, остальное закончат другие…

Дикий кентавр, два меча в руках, перекошенное сладостью битвы лицо, сладость пропадает, когда он понимает, куда забрался и кто перед ним, но клинок уже вошел в сердце, черная кровь пятнает руки, брызжет на лицо…

Свист дыхания – сквозь зубы. Кажется мне – или меня хотели ударить в спину? Кажется – или мелькнули за спиной железные крылья того, кто никогда не должен вмешиваться?

Клонится сзади обезглавленное тело, просто шагнуть и пропустить, оборачиваться некогда. Они лезут на левый фланг, потому что отсюда не бьют молнии, потому что здесь нет Стикс с ее сыновьями, хотя воины уже давно делали ставки: кого из нас больше боятся…

Получалось, что противник боится титаниды, разящей ужасом, а свои – все-таки меня.

Великан. Титан, из плеча которого торчит две стрелы. Разорванная в отчаянной попытке дотянуться до моей глотки пасть каменного волка.

Кажется, опять что-то случилось со временем. Нет больше обрывков, складывающихся в отдельную цепь, есть мгновения, настойчиво лезущие в глаза, разрозненные, и не скажешь, сколько прошло времени…

Сколько прошло времени, если кровь начинает собираться в ручьи, через которые приходится переступать?

Сколько времени – если стою на трупах?

Если семижды менялись те, кто пытается прикрыть мне спину?

Прикрывайте свои!

– Я бог, идиоты!

– После боя об этом вспомнишь! – это Эпиметей, брат Прометея, упрям как два Зевса и одна Гера, спорить нет времени…

Земля подскакивает под ногами в мелких судорогах. Оскаленные морды, когтистые лапы подземных демонов, вышедших на свет из лавы или из каменных пропастей, – это все почти родное, близкое, кровное. Кажется, я начинаю забывать, как выглядят лица; уродство становится привычным, привычным становится – что стоишь на чем-то живом и бьющемся, еще дышащим и что-то хрипящем о милосердии…

О чем?

Это слово не осмеливается даже проситься в мысли.

Оно нынче чуждо для обеих сторон, как и «благородство» или «правила»: бьют по ногам, подсылая лазутчиков-карликовых демонов; бьют исподтишка в бок или в спину, сыплют в лицо песок, от которого приходится закрываться щитом, у меня ведь даже голова не покрыта…

И нет передышки на то, чтобы подсчитать павших и вынести раненых с поля боя – только не в этой свалке.

Смертные давно свалились с ног, и те из бессмертных, кто был ранен, – успели уйти, залечить свои раны и вернуться в бой, а мы все топчемся на одном месте, несмотря на то, что силы чудовищно неравны, даже с Циклопами, даже с молниями, которые они уже не успевают ковать…

Оглядываться я не имею права: они давят и давят мой несчастный фланг, но Гермес приносит неутешительные вести. Арес рвется в бой, –говорит он, – несмотря на ожоги и раны: неистового держат вчетвером, чтобы не сбежал. Впервые промахнулась Афина. Не хватает ужаса у Стикс – если на нее сейчас развернут часть войск, правый фланг дрогнет…

– Что Посейдон? – не помню, когда был последний глоток воды, слова выходят солеными и царапают горло. Мы с племянником стоим спина к спине, окруженные шестилапыми уродцами с львиными головами. Меч и копье.

Еще одно зыбкое мгновение этой схватки.

– Удерживаем, как можем, а то он остальных опережает. Деметра на нем висит… и как-то не попадает под удары трезубца.

Гера, Гефест – не спрашиваю, Афродита с Фемидой занялись ранеными… когда? Сколько прошло с начала битвы? Сколько – до нынешнего момента? Остальные в бою.

И молнии Зевса не перестают мелькать. Мы вцепились в оставшийся нам клочок земли с исступленным отчаянием: держать! Не отпускать! Вдруг не придется, чтобы – крайнее средство…

– Сатиры и кентавры с ног падают, приходится отводить в тыл на отдых…

Это значит – не будет подмоги.

– Прометей спрашивал – удержишь?

Дернул плечом, мысленно пообещав расквасить другу Гефеста морду за такие вопросы. При первой же встрече. Меч нервно дрогнул в руке, рассекая очередного демона пополам.

Что держать?! Позиции, усеянные телами стонущих раненых?

Гермес не стал дожидаться ответа – в небесах мелькнули крылышки сандалий.

А музы поют. В бою, орудуя мечами. Они собрали что-то вроде хора из нимф, дриад, ореад и нереид, и теперь над рычанием, звоном оружия, свистом дротиков и звуками разрываемой плоти несется мелодия, сплетенная из тысяч голосов. Когда успели спеться? Слова не доходят, тонут в плотной толще боя, но мелодия стрелой застревает внутри – не вытащишь. Веселенькая такая, под которую – венки плести и танцевать, хотя я-то никогда не понимал ни того, ни другого…

Вспоминаются лица.

Опадает боевой оскал, который словно налип на мое собственное (в последние миги подземные твари просто разбегались, увидев меня. С криками: «Да ну его в Тартар, это Аид!»).

Вывихнутое от частых взмахов левое запястье напоминает о себе болью (оно, оказывается, еще и разрезано чьим-то клинком) – и я перекидываю меч в правую руку.

А в небесах ведет свой бой Гелиос, удерживая колесницу, не давая Нюкте-ночи набросить на небо темное покрывало, благодатное для чудовищ и демонов (и для меня). Эос-заря и Селена-луна – обе здесь же на своих колесницах, сбрасывают на

землю тех драконов, что осмеливаются сунуться в небо – чтобы никто не задел белые крылья Победы…

Крылья малышки Ники трепещут устало и, кажется, вот-вот подломятся.

Позже, на пиру, Гелиос бросит, смеясь: «Да у меня за эти девять дней руки онемели – вожжи держать!»

И удивится разноголосым удивленным воплям: «Девять дней?!» – «Сколько?!»

Мне казалось – это длилось девять лет.

Или, может, девять мигов…

К девятому дню мы оказались на Олимпе в осаде.

* * *

Циклопы валились с ног. О воздух в кузнице – смесь жара, гари и пота – можно было сломать меч.

– Гхр, – поприветствовал Стероп от мехов. Арг с грузным выдохом опустил молот еще раз – и новая молния отправилась в кучу недавно выкованных. Лежали небрежно на полу и выедали глаза блеском.

Я швырнул в угол четвертый искалеченный клинок и передал Бронту изрубленный щит – гранатовых зерен на нем не было видно из-за потеков крови. Бронт зацокал языком, закатил единственный глаз.

– Гефест, – зарокотал недовольно. – Учиться еще…

– Ффффх? – с любопытством выдохнули меха.

– Лезут на штурм, – ответил я. – Пока безуспешно.

Арг надсадно хыкнул, опуская молот на очередную заготовку для молнии.

– Дела, – сказал он. – Того… а шанс-то есть?

– Разве что взгромоздят Пелион на Оссу.

Одноглазые кузнецы развеселились и пуще залязгали молотами.

– Молний-то надо, – говорил Бронт, ворочая клещами очередное оружие для Зевса. – Молниями… с высоты… эх, хорошо!

Я промокнул лоб запыленным хламисом и вышел из красного полумрака.

Я не сказал одного: у нас тоже не было шанса.

Гелиос наконец уступил Нюкте, но Луна светила ярко, и одна за другой вырывались из-за стен дворца молнии, озаряя все вокруг. Зевс держался стойко, оттягивая уже неизбежное, давно принятое решение – а может, просто давая нам передышку перед тем, что будет…

Будет. Будет?

Сердце не ответило – устало за время отступления, которое мы прикрывали втроем: молния, трезубец и колесница. Сердцу было пусто, несмотря на то что вокруг была долгожданная тьма. Сердце замерло, потому что знало: отдыха больше не будет.

Выдернуть меч из груды оружия, подхватить щит – и на стены, где выбивается из сил Посейдон, где Афина, Арес и Прометей скидывают раз за разом вниз жадные черные рати штурмующих, где…

– Они громоздят Оссу на Пелион!!!

Ты что, подслушивала меня, Ананка? А потом шепнула это кому-то из отцовского войска?!

Неужели ты решила быть для нас – такой?

Две горы закачались – одна на другой, под одобрительный рев титанов и великанов, поднявших эту тяжесть. Крепость, воздвигшаяся в опасной близости от нашей – и по склонам новоявленной горы снизу вверх уже ползет плесенью Кроново войско. Заполняет собой трещины, стелется по хребтам, скалясь в нашу сторону, только вот что-то медленно продвигается…

Посейдон – голова перемотана легкомысленным куском зеленого с золотом пеплоса – замер рядом, стискивая трезубец.

– Чего они ждут-то? – выплюнул негромко.

Не ждут. Опасаются.

– Молний, – шепнул я.

А под покрывалом Нюкты царила странная тишь, и молний не было. Они лежали грудой в кузнице Циклопов. Они лежали там, откуда еще час назад ими разил наступавших младший сын Крона.

Они лежали, вместо того, чтобы озарять небо – и бархат измученной долгим ожиданием ночи разбавлялся только светом луны да звезд…

Черная громоздкая масса – наша Ананка – ползла на нас безмолвно и недоумевая. Конечности двигались вяло, словно уже осознавая истину, пришедшую к нам.

Они ползли, чтобы покончить с нами, а мы за стенами готовили потрепанные войска. К наступательному бою.

Всем все было ясно.

Тишину нарушил только наивный вопрос Афродиты:

– А он там с этой Кампе… справится?

И горький смех в ответ, будто смеялась сама гора Олимп, а может, стены нашей временной крепости.

Ближе. Скрежещут камни, качаются во мраке две горы – одна на другой, каменное крошево пачкает облака.

Ближе. Видны огненные отсветы, перебегающие по

чешуйчатым спинам. Заросшие грубой шерстью лица. Оскалы – то ли торжествующие, то ли неуверенные.

Ближе. Во рту – словно раскаленная медь, вся моя сущность медленно перетекает в меч, которому не суждено опуститься в ножны еще очень долго.

Ближе. Наконец-то очнулось сердце – бухнуло лениво и мерно в груди, отозвалось стоном в висках, вибрацией – под ногами, далеким гулом – из глубин…

Ближе…

Земля раскололась внезапно и страшно – с визгом разрываемых недр, с сотрясением от мощи, которая прорывалась из них. Косматая туча – нет, две! три! – вырвались на свободу из плена, из пропасти. Рев Гекантохейров заставил посыпаться осаждавших вспять, мы открыли ворота – и шагнули в новый бой, в воздух, напоенный необузданной мощью.

Они теснили нас девять дней – чтобы загнать на Олимп.

Мы отбросили их к Офрису за сутки.

Это был не бой – иступленная, сумасшедшая гонка. Войско титанов дрогнуло сразу, как появились Сторукие, рвануло на перегруппировку, надеясь отступить, перестроиться… куда! Поздно.

Это – крайнее средство. Это – край… край.

Вкатывали на гору камень. С мукой, пыхтя и обливаясь потом. А проклятый валун возьми да и вывернись из рук – подтолкнула его Ананка-Судьба, покатился вспять, увлекая за собой камешки помельче, прорезая со свистом воздух – вниз, к подножию, вниз!

К Офрису! Через то, что осталось от плодородной Фессалии – через сожженную, пропитанную кровью и потом скалистую пустошь, через пересохшие русла рек, выводки драконов, чудовищные цветы, выросшие на крови и трупах. Аэды после поперхнутся несокрушимостью истины: нельзя добраться от Олимпа до Офриса за сутки, нельзя за ночь и день пересечь то, что было Фессалией… И тогда аэды прибегнут к испытанному средству.

«То, что за гранью для смертных – легко для бессмертных, – сложат они. И будет вздыхать кифара: – К Офрису вихрем неслись солнцеликие боги. Теми путями, что следуют ветры и громы…»

Будет лгать кифара – не стыдясь своей лжи.

Мы сами были ветрами и громами. Нет – единым вихрем, поднятым Гекатонхейрами, мы не оборачивались на упавших союзников и отставших смертных, мы…

Время, напуганное, бежало, прикрывая уши, чтобы не слышать нашей поступи. Время вздрогнуло, увидев Сторуких,

увидев нас, спустившихся с осажденного Олимпа – и понеслось, стараясь укрыться за пазухой господина, но – поздно!

Мы шли быстрее времени.

Миги являются полусном, полуявью: было? не было? лжет ли мне память?

Зевс стоит на воздухе вровень с плечами Гекатонхейров, и молнии хлыстами ложатся вокруг него.

Малышка Ника с упрямо поджатыми губами прыгает со скалы – и распахивает крылья над нашим войском. Недетские, широкие крылья.

Гудит, раскаляясь, бронза меча – превращает его в алую полосу.

Огонь кровавыми каплями течет с неба…

– А-а-а-а! – ревет битва единым голосом, топча то, что было Фессалией. – К Офрису!

Сливаются воедино столетия боев и перемирий, каждый день, каждая ночь – обвиваются друг вокруг друга, ложатся между двумя войсками, подставляясь под удар, и вот – выковалось главное:

– К Офрису!

Протягиваются к небу триста бешено вращающихся рук. Уран жмурится, испуганный – не дотянулись бы до него те, кого он заточил в Тартар! – но рукам нет до него дела, руки щедро сеют, горстями расплескивают вокруг себя силу… силу, которая захлестывает, подавляет мысли – бездумная, яростная мощь, и в ее вспышке тает, растворяется сначала тело, потом рассудок… команды? Распоряжения? Стратегия? Где?!

Мы просто идем побеждать – поднявшейся выше неба волной славы, в едином кличе.

– К Офрису!

Нет предводителей, и лавагетов, и солдат, есть только единая воля; нет мыслей – волна захлестнула с головой; нет боя – они не решаются встретиться с нами в бою, мы просто идем… мы идем…

Когда мы очнулись, впереди возвышался Офрис, а в небесах бешено плясала колесница Гелиоса, и под ноги нам падали обгоревшие птицы.

И перед нами был резерв Крона – элита, отборные войска из титанов и тварей подземного мира, которых пестовали специально к этой битве…

Волна хлынула навстречу войне. Сила – к силе.

Протянулись руки первенцов Земли к недрам матери – к скалам. Взлетело крошево, взвизгнули камни – складки на теле Геи – и взвились в небо легче бабочек.

Титанам и их подручным на головы.

Еще и еще.

А там уперлись не на шутку: мол, Сторукие или нет, а мы – тоже дети Геи и чего-то стоим.

Ну, Сторукие. Ну, мы в ужасе.

Ну, дальше-то что?

Сила – на силу. Осколки земли – в небесах. Небеса вот-вот осколками падут на землю.

– Ламп! Брооооойт! – стонет с неба Гелиос. – Стоя-а-а-ать, заразы!

А лошади всхрапывают и бьются в упряжи: вот-вот понесут колесницу, перевернут, разобьют о летящие в небо камни…

– Не на-а-а-адо! Не на-а-а-адо! – в тон Гелиосу кричит Земля, когда из нее вырывают очередной кусок.

Молнии и стрелы дождем с нового неба – вперемешку. Размахивает молотом Гефест, на лице – радость несусветная, похоже, Хромец решил, что он нынче в кузнице. «Поддай огонька! Аха!»

Натянутая тетива в груди: Ананка, что ж ты молчишь за моими плечами?! Или ты тоже закрыла глаза и заткнула уши, обратилась в бегство, предоставив нам решать самим?

Не вынесла мелодии этой битвы – такая, небось, не снилась Аполлону!

Обезумевшими кифарами орут стрелы, протыкая живую плоть. Ритм – в ударах Гекатонхейров. Золотыми и серебряными струнами расплескиваются молнии из рук Зевса, который и сам-то уже – живая молния…

Копья Ареса и Афины – тяжелые тимпаны.

Не расстающаяся с мечом Гера – свирель.

Пан, козлоногий сын Гермеса, неподалеку яростно топчет противника – ага, как же, мирный. Хорошо, если хоть и впрямь противника топчет. «Кхереееее…» – хрипит противник, и песнь боя послушно принимает его взнос, вплетает в себя.

Треск и взвизг дракона – голос подал трезубец Посейдона.

Меч у меня в руках не замолкает, изо всех сил подпевая брату – то ли рогом решил заделаться, то ли тоже под тимпан. Крики противника, тяжкий рокот из недр, сотрясающий все живое, стоны земли, не могущей выдержать ярость Перворожденных – все сливается в единую песнь, и я невольно спрашиваю себя: неужели это – песнь победы? Или – Песнь Небытия?

И голос за моими плечами оживает и отвечает едва различимым шепотом (который тоже вплетается в музыку хаоса над боем):

– *Это – песнь края…*

Край… край! Сила – на силу.

Молнии – упрямо ссутуленные плечи кроновой гвардии. Неистовство Сторуких – голод демонов. Скалы – щиты и копья. Боги – титаны…

Словно натянутый канат, слишком туго сплетенная мойрами нить: упадет маленький камушек – порвется равновесие в клочья…

Не камушек – стрела. Откуда уж взялась – непонятно, говорили потом: титан какой-то послал… А может, Аполлон. Кто там в неразберихе боя разберет.

Появилась стрела. Свистнула в воздухе воплощенной Ананкой. Воздух прочертила лениво, словно выбирая: кого бы мне вот сейчас, чтобы уж – надежно? Афину, может? Гермеса? Аида?

Помедлила и воткнулась Пану в волосатую ягодицу.

Такого звука Уран не слышал со дня своего рождения.

Гекатонхейры – и те вздрогнули и начали горы себе под ноги ронять.

Титаны и боги оружие побросали.

Кто был смертный – вообще попадали и головы позакрывали.

А Пан все вопил.

Визгливо, яростно, на одной ноте, леденя сердца чудовищ.

Может быть, конечно, и соратников.

Дрогнуло небо от крика – опять. Содрогнулось войско титанов от ужасающего звука. Попятилось. Обратилось в бегство, не слушая призывов вождей. Понеслось без оглядки, топча и сминая своих же…

Паника как она есть, словом.

– За ними! – грохнуло по рядам радостно, на секунду заглушив вопль Пана.

И – по рядам, от края до края, явившейся истиной: «Это конец! Конец!»

Это для них – конец.

Для нас – начало.

– Рассеивать и добивать! – приказ от Прометея, совсем не нужный в этой битвенной мешанине, каждый и так знал, что делать… рассеивать и добивать.

И смотреть, чтобы тебя случайно не добили – в последние часы боя.

Потому что земля так и грохочет под поступью Гекантохейров, а воздух все еще наполнен огнем и грохотом, и только белые крылья в этом воздухе виднеются ясно – крепкие, крепче самого небесного свода.

Малютка-Ника – нынче не дитя, а богиня. Великая богиня. Великая победа.

– Рассеивать! Добивать!

Голос Гермеса дунул в ухо: «Пора!» (голос Ананки повторил то же самое) – и дрогнувшие от нетерпения руки приняли родной, нагретый металл шлема.

Горячие нащечники скользнули по потным щекам, сузился мир до двух прорезей – и меня вычеркнули из битвы.

Я – Аид-невидимка. Хватит воевать.

Давайте побеждать как боги.

* * *

Под ногами выгибались в агонии тысячелетние камни. Плавилось небо от ярости Гекатонхейров. В воздух летели глыбы, и дышать в этой каше огня и осколков было трудно даже Гефесту, привыкшему к своей кузнице.

В ушах стучали молоты Циклопов, когда я подходил к шатру отца по содрогающейся, искалеченной земле – Гея, не пошлешь ли ты нам свое проклятие после этого боя?

Войско демонов и чудовищ рассеивалось, большая часть его сейчас жалась к подножию Офриса, где дрались остальные… он же – смотрел с высоты.

На войско. На летящие в небо горы. Он стоял неподалеку от пропасти, на широкой ладони Офриса, где был расположен его последний оплот, – и смотрел на то, что кипело внизу, сверху.

И улыбался.

Я видел его только со спины, потому что это была моя часть: не отвлекать, не бить – обезоруживать. Я не крался, я шел мимо него, как тот, которому просто нужно сделать дело, но я чувствовал эту улыбку раскаленной от пламени боя кожей. Эта старая скотина улыбалась, глядя на Гекатонхейров, улыбалась улыбкой мудреца, и отдались внутри слова, которые он произнес за секунду до того, как я нырнул в шатер.

– Рано или поздно…

Рано или поздно, отец, пора уступать дорогу молодым.

Голос Посейдона внизу проревел точно эту же фразу. Средний старался вовсю, распекая папу такими словами, какие я слышал разве что от Циклопов. Почему-то представилось, как он машет своим трезубцем и орет:

– Сразись со мной! Я покажу тебе мрак Эреба!

Потому что отец засмеялся смехом безумца.

Он не верил, что подобная козявка может его свергнуть. Даже если у козявки есть дети, и они сейчас бьются с армией титанов. Даже если козявка привлекла на свою сторону циклопов и Гекатонхейров.

Одного он не учел, мой мудрый папаша: у этой козявки еще и

братики есть.

Он не стал призывать свой серп – зачем, когда перед ним всего лишь юнец с глупым трезубцем в руках? От его ударов можно отмахнуться ладонью или скалой, повелеть времени замедлиться для юнца – и тогда можно будет легко его прихлопнуть, отправить во мрак Тартара или проглотить – что покажется лучше…

– Уран! Твое предсказание никогда не сбудется! – зарокотал он с торжеством, ему было невдомек, что Ананка уже стала за плечами и, наверное, смеется своим смехом, напоминающим молнии: да-а, да-а, никогда… уж тебе бы, Повелителю Времени знать, что «никогда» бывает очень редко.

От трупного тлена и пыли воздух в палатке казался зеленоватым – наверное, так пахнет время. Исполинское ложе Повелителя Времени было устлано волчьими шкурами, вокруг валялись кубки, лежала набедренная повязка, небрежно отброшенный наруч с затейливой резьбой, явно трофейный…

А с низкого деревянного алтаря, устланного белой тканью, приветственно улыбалась яростная, пахнущая смертью полоса адамантия – смерть, которой не нужны ножны.

Здравствуй, старый знакомец. Сто лет не виделись.

Невидимость его не обманывала: серп щерился единственным клыком, оставшимся в черном рту старика, выедал глаза могуществом: хоть сейчас готов лишать Урана плодородной силы. Или Кронидов – голов. Или кого угодно – чего угодно.

Невидимые пальцы нависли над стертой рукоятью: это я к тебе, твой противник…

Серп Крона, плод ненависти Геи, чистая смерть, скалился в глаза насмешливее своего хозяина – Повелителя Времени. Противник? Да какой противник? И что ты со мной сделаешь, мокрица?

Пальцы упали вниз – брошенным жребием. Сомкнулись: невидимые, но сильные. Я держал Серп Крона, будто это был обычный меч, он и весил не больше обычного меча. И Крон, увлекшийся попыткой прихлопнуть Посейдона, не заметил пропажи. Серп мог разить временем, мог подчиняться воле хозяина, но не был с ним единым целым, не рождался с ним, как меч Таната…

Покинуть палатку, нырнуть обратно в горячечный воздух, было тоже проще простого.

«Только бы он не успел его позвать», – выстукивали молоты в голове. Я перелетал через камни, вилял между пещер, опаленных кустов, обогнул несколько подыхающих солдат Кроновой армии, я остерегался переноситься в другое место, потому что «другое

место» могло оказаться перед разящей холодом ужаса Стикс или между схватившимися не на шутку Эгеоном и Прометеем…

Или перед Аресом, а он в запале боя не особенно различает чужих и своих.

Валун в десять обхватов просвистел мимо, едва не улучшив форму моего черепа. Подземная тварь шарахнулась, торопливо пряча клыки: ужас шлема проник под змеиную броню. Громыхнуло позади: это отец устал забавляться с наглым сынишкой и ударил вполсилы, земля дрогнула и вздыбилась подо мной, и блеснул смешок Ананки…

Нет, это была молния Зевса, которого Крон, занятый бахвальством среднего брата, не заметил.

Она ударила, разорвав красный полумрак битвы, – лучшее произведение Циклопов, и земля заколебалась вторично, теперь от гневного рева.

Он наконец услышал ту, которая стояла у него за плечами. Он узнал сына, который швырнул молнию.

Он испугался.

Он потянул к себе свое оружие, чтобы разить им.

И верный серп, непобедимый серп, меч времени – послушно устремился к своему хозяину, закипая радостью битвы.

Но чья-то рука упала на рукоять, стиснула ее и придавила к земле, и земля дрогнула – словно на нее легли не меч и рука, а дерзость этого поступка и, заскрежетало древнее лезвие: «Кто?!»

Кто посмел? Кто нашелся? Кто держит?

…я?!

Серп Крона, сказал отец, не дано удержать никому, кроме того, для кого он был выплавлен Геей-Матерью. Его можно украсть, можно унести, но удержать…

Миг растянулся в бесконечность ослепительной боли. Вместо молотов зарокотали в ушах вулканы: свалиться, закрыть уши руками – нельзя! *Ты, червяк, который смеешь удерживать меня* – ярче молнии пламенем в глаза, нужно зажмурить их, нет, закрыть глаза руками, – нельзя! Огонь влился в левую ладонь и побежал по жилам, огонь выжигал мое существо изнутри… огонь… агония… каждая часть бесконечного мига – новая порция отравы, *убери руку, ничтожество, не мешай мне*… нельзя!

Мир умирал, или это я умирал, лишенный точки опоры, только рукоять под моей рукой – казалось, она извивается, как ядовитый гад, рвется туда, к своему повелителю, разить временем, она уже – часть времени, время – адамантовое лезвие, которое выжигает мне глаза, и я удерживаю его за хвост, за эту рукоять, и, медленно выпаливая крупицы меня изнутри, мелькает перед глазами мир… миры… времена…

Разящая Афина: копье занесено наотмашь. Светлые крылья Ники реют над красно-черным полем, и поймешь, что где – небо? Земля? Все одного цвета. Взлетают камни.

Потом я увидел летящую в меня молнию, слабеющей рукой сумел отразить ее – она почему-то очень болела, левая, недоуменно глянул в руку – где меч? оружие? – меча не было, непобедимый меч, великий меч, держал кто-то… кто мог… как мог?

Никак. Ничем, вернее, нечем: сил не стало, как только я притронулся к гладкой, стертой рукояти, теперь только огонь и крик, я так и не научился выражать свои чувства вслух, отец, я кричу с закрытым ртом и без слов, я кричу всем своим телом и всем существом и, о, Хаос Животворящий, кажется, я кричу: «Хоть бы это кончилось!»

Я кричу, а эта зараза, почти такая же, как ты, рвется из рук, и если я отпущу, если перестану висеть на рукояти мертвым грузом – война закончится в ту же секунду, только не так, а эта война должна закончиться именно так… ты видел, отец, что с нами Победа? Не протягивай ладонь, отец.

Даже если бы Ника была на вашей стороне. Даже если бы было еще больнее, хотя не бывает еще больнее…

Я удержу.

Длящееся без конца мгновение порвалось, когда он понял, что серп держат, что крайнего средства уже нет, что нужно уходить, как тогда, в первый раз, на Олимпе, когда он увидел свою Судьбу в лицо – отступать, бежать, а потом, рано или поздно…

Второе мгновение было отмечено трезубцем Посейдона, который вонзился Крону в живот – в ту самую утробу, в которой мы так долго сидели. Нарочно метил, братец?

Крон усмехнулся – тварь под моей ладонью дрыгнулась, она все еще рвалась к хозяину, и я чувствовал его усмешку – своими губами. Я чувствовал, что она посвящена мне – вся ненависть, которая в нее вложена, прощальные слова, которые прогрохотали громче гор, взлетевших в небо…

– Рано или поздно.

А может, в ней было и сожаление – о том, что он понял с таким опозданием. Что недооценил и положился на серп. Пусть бы щенок держал его, нужно было уходить, затаиться и ждать, пока у него кончался силы, понял слишком поздно, не хватило времени…

Великому Крону, Повелителю Времени, не хватило того, чем он повелевает. То, чем он повелевает, для него внезапно истекло.

И все кончилось.

«Я мертв», – подумалось нелепо для бессмертного, когда прекратилась боль и перестали мелькать миры внутри. Рядом ударилась о скалу каменная глыба: когда я положил руку на рукоять серпа, глыба была в воздухе…

Мгновенье? Два?

Пальцы не хотели сползать с рукояти. Они скрючились на ней, вцепились мертвой хваткой и не слушали моих приказов. Или я ничего не приказывал? Или уже и не могу, потому что за плечами у меня – мой друг Танат, который собирается взять прядь моих волос. Сказать ему, что бессмертный, а он плечами пожмет…

«Живые дышат», – скажет.

Я открыл рот и силой запихнул в грудь немного воздуха – раскаленного, с пылью и запахом дикой крови чудовищ. Тут же закашлялся почти до рвоты и понял – жив, бессмертен, как раньше. Тогда велел разжаться пальцам, и они медленно, с неохотой подчинились.

Ладонь была черной – угольно, ожог, каких мне не приходилось видеть; с виду – словно просто испачкался, а саднит так, будто рука лежит на раскаленной лаве, и невнятной болью, стоном последствия отзывается ей то, что внутри меня – любая мысль, любое ощущение, любой вздох, и сама тень корчится за спиной, переживая заново то, что было…

Забудь – приказал я тени. И ты тоже забудь – это себе самому. Значение имеет одно. Ты удержал.

Серп лежал там, где его положили, и выглядел просто оружием – привлекательным, цельным, острым, теперь его могущество стало очевидным. Всем своим видом приглашал – возьми! Ну, чего ты?

– Тварь, – прохрипел я и улегся рядом с ним. Лежал долго, чувствуя, как перестают плясать гефестовы наковальни в висках, видя, как в небо все реже и реже взлетают огромные утесы, вырванные из земли, как рассеивается кровавый чад – весть о падении Крона окончательно решила исход битвы, огрызаться не было смысла, оставалось бежать или надеяться на милость победителей…

А для меня возвращалось время. Трогало мягкими пальцами горящий лоб, вливалось в грудь с дыханием, разгонялось по сосудам с ударами сердца – так-так… это – миги… а вот минута... а вот еще одна, и они не стоят, они текут от прошлого к будущему, от рано – к поздно…

Рано или поздно…

Я оторвался от скалы, которую почти не чувствовал спиной, взял серп Крона – он повис в руках все с той же невинностью – и

пошел к той площадке, где стоял отцов шатер. Идти пришлось на удивление долго, огибая трупы и залетевшие метательные снаряды Гекатонхейров, обходя кусты, которые раньше я перелетал в прыжке: как же я несся, Хаос предвечный, а мог остаться на месте, просто положить руку на рукоять… нет, не надо больше об этом.

Словно расходилась свежая рана, только-только взявшаяся корочкой.

Я успел к окончанию того, что было начато Зевсом и Посейдоном. Вокруг тела отца стояли остальные, само тело лежало на пропитанной ихором земле уже кусками – разделанная туша. Я шагнул на площадку, как раз когда мелькнула лабрисса Зевса – и голова отца распалась на две части. Остановившиеся, широко раскрытые глаза, косили: один – на младшего, второй – в пустоту.

А рот – обе половинки – как будто ухмылялся мне. «Рано или поздно», – словно клеймом отпечаталось внутри.

– …в Тартар, – договорил Зевс, утирая брызнувший на него прозрачный ихор. – Больше некуда, обговорено ведь уже. Рубите мельче.

– Остальных тоже в Тартар? – Арес, рисуясь, с удовольствием отсек ступню. Афина поморщилась. Она свое дело делала мрачно, без удовольствия, но как нужное.

Деметра зеленела где-то в сторонке, Артемида и Аполлон вооружились для такого случая: она – коротким мечом, он – лабриссой, как отец. Смачно хакал Гефест, врубаясь топором, не пугаясь брызг ихора. Посейдон единственный пользовался божественной сутью в полной мере: указывал трезубцем, куда нужно, – и куски отрубались сами собой.

Моего появления никто не заметил.

– И остальных… – Зевс посторонился, когда мимо него рухнула часть руки. – Кто с ним был. Гекатонхейры и Циклопы помогут. Гермес с ними вернется – и отправимся.

– Чего спешить-то? – как в бочку прогудел Гефест.

– А чего нет-то? – резонно осведомился Посейдон. – Никто не знает его силы. Запихнем его туда – еще и стражу ставить придется…

– И ворота бы покрепче, – заметила Афина.

– И стражу, и ворота, – веско обронил Зевс. – Есть у меня одна мысль…

Он топнул ногой, посмотрел на месиво кусков и пробормотал:

– Где же Аид?

– А ты его не знаешь? – фыркнула Деметра (она была под

цвет чахлой зелени в округе, но позиции не сдавала). – Лазает со своими чудовищами где-нибудь в окрестностях, небось, есть, что им показать и кого себе в свиту набрать…

Проклятие моей дурости. Забыл снять шлем по дороге, да и просто забыл. Я потянул его с головы, шагая из пустоты в середину компании с серпом Крона в руках.

Встреча вышла радостной.

– Подслушиваешь? – прошипела издалека Деметра, остальные молча согласились.

– Умолкни, женщина, – бросил я сорванным голосом (а ведь и не кричал!). – Теперь у тебя есть время, чтобы вспомнить свое место.

Деметра окончательно сливалась цветом с любимыми растениями. Неловкое молчание звенело на поляне спущенной тетивой.

Свистела секира Гефеста – он единственный продолжал разделывать тушу Крона.

– Брат, – наконец неубедительно сказал Посейдон. – А мы тебя ждали. Во, – и повел рукой, показывая на усеянную кусками плоти, пропитанную ихором площадку.

Зевс, как всегда, оказался быстрее, а может, проницательнее. С самого начала он смотрел не на мое лицо, а на меч в моих руках.

– Так это ты, – пробормотал как бы про себя. И вслух: – Вот, значит, каков Серп Крона.

Взгляды теперь скрестились на полном невинности и очарования адамантовом лезвии. Свистела секира. Гефест работал с мужеством отчаяния.

– Трудно было? Ну, из шатра его вытащить и остальное? – Посейдон рассматривал оружие, кривясь. Я пожал плечами. Такие описания по силам разве что Аполлону, мне же, неразговорчивому, не набрать на это слов.

Серп, лишивший Урана плодородной силы и жизней – не одну тысячу наших союзников, невозмутимо покачивался в руках. Рукоять ласкалась к обожженным пальцам, которые она же недавно палила огнем.

– Что сделаем с ним?

Арес заинтересовался: шагнул поближе. Вытянули шеи Аполлон и Артемида: ого, какое оружие! Не хуже, чем молния!

Отвернулась, поведя плечами, Деметра, судорожно сглотнула Гера.

– А может…

Из чьей груди вырвалось – вкрадчивым шепотом? Посейдон, Арес, Артемида? Или шептало само лезвие, соблазнительно

подставляясь под взгляды богов?

Даже секира Гефеста перестала свистеть: все смотрели на Серп Времени.

Кроме Зевса: он теперь не сводил глаз с моего лица.

– С концами, – сказал брат наконец. – Только не в Тартар. Расплавить эту дрянь. И все.

Сказано было так, что никто не посмел возразить.

Мы оставили их кромсать тело Крона. Отыскали втроем еще площадку – недалеко. Недавно эта площадка – гладкая, словно зависшая между двумя отрогами – служила местом развлечений для титанов и их подручных. Ветер разносил по ней женские волосы – вырванные, со следами крови. Лежали тут и там обрывки пеплосов и богатых, вышитых золотом поясов.

Еще дымилось кострище, и не хотелось думать, какая картина может поджидать то ли в одной из трех грубых пещер, то ли за теми валунами…

– Я сравняю эту гору с землей, – тихо пообещал Зевс, когда мы становились вокруг меча Крона. Глаза младшего казались слишком светлыми: то ли от гнева, то ли просто на фоне копоти, покрывавшей лицо. – Не останется следа.

– Позовешь – помогу, – угрюмо откликнулся Жеребец, занимая свое место.

Где-то под нами гасли отчаянные крики проигравших. Сгоняли в группки пленных. Преследовали и добивали тех, кого не было смысла брать в плен – не один вид чудовищ нынче подвергнется полному истреблению.

Пыль по-прежнему ела горло, но в небе за огненным багрянцем и клубами дыма начала робко проступать, щемиться в просветы синева.

Последние судороги скал под ногами говорили, что Гекатонхейры успокаиваются.

– Давайте, братья.

Мы переглянулись – и соединили руки над щербатовым адамантовым лезвием. Не молнию, трезубец и шлем – руки. Сущности. Власть, данную нам от рождения.

Соединили, свели в единый приказ, ударили…

Дрогнуло опять под ногами – не из-за Гекатонхейров. Это извивалась ядовитая гадина на земле между троими Кронидами, шипела, бросалась – укусить бы напоследок! хватануть пастью времени! А мы, стиснув зубы, проваливаясь в грозное молчание, давили ее – медленно, по крошечному шажочку – не уйдешь, тварь! Твой хозяин нынче в прошлом – отправляйся за ним!

Время обойдется без Повелителя – и без его оружия.

Адамантовое лезвие, послушное нашему приказу, медленно

плавилось, растекалось по грубо обтесанной площадке, где недавно веселились соратники Крона. Меняла свою форму стертая рукоять – корчилась придавленным червем, как еще недавно корчился я.

Саднила, отдавая в сердце, левая ладонь, через которую теперь уже я выливал огонь ярости на серп, выплавленный Геей. От меня к нему – обратно…

Мы стояли, всей властью нашей приказывая ему отойти в небытие.

Наверное, власть была велика: он отошел.

Расплавился, оставшись ничтожным пятном на камнях.

Тогда Посейдон вздохнул с облегчением.

– Вот все и кончилось, – сказал он, глядя на пятно – след от раздавленной ядовитой твари.

– Почти, – тихо уточнил Зевс, глядя туда, где все еще настойчиво посвистывала секира Гефеста.

Я потирал обожженную ладонь и ничего не ответил.

Сказание 11. О нечаянных жребиях и осознанных решениях

Сосватал я себе неволю,
Мой жребий – слезы и тоска!
Но я молчу, – такую долю
Взяла сама моя рука.
П. Г ли нка

Это шествие мне не хотелось бы помнить.

Но Мнемозина – коварная, отлучившаяся на какое-то время – возвращается и настойчиво трясет за плечи, напоминая о заключенном договоре.

О том, что все уже кончилось, но кончилось не совсем. И о черте – оставшейся, недоведенной, которая должна представлять собой непрерывную линию, немного похожую на Лету у ее истоков.

До первых порогов русло реки забвения, твоей вечной противницы, Мнемозина, – все та же идеально прямая итоговая черта.

Ты не уговорила бы меня, Мнемозина: я давно научился быть глухим к мольбам. Ты не разжалобила бы меня: я растерял жалость еще на той, первой войне. Ты бы меня не напугала: внутри у меня – выжженная пустошь, черная, как воды озера, в которое я гляжусь.

Но я привык доводить до конца начатое и держать свои слова.

Помню и держу, Мнемозина. Вспоминаю, глотая горечь то ли победной, то ли поминальной чаши.

Оставишь ли ты меня, когда моя память иссякнет, и я скажу: «Вот все и кончилось»?

Не расценишь ли как нарушение то, о чем я буду вспоминать сейчас?

Видишь ли, как бы я ни старался, я вижу это шествие только со стороны.

Подземный мир вымер.

Божества ночи не решились выйти навстречу этой процессии.

Схоронились за скалами тени.

Только плакучие ивы равнодушно поскрипывали калеками-стволами – непрошенные свидетели. Шептались тусклой зеленью: «Все? Все…»

Тут действительно были все.

Косматая мощь Гекантохейров: каждый их шаг отдается под сводами мира стократно, сами своды начинают подрагивать: им

бы отвернуться, не смотреть на воплощенную Силу! Циклопы с тяжелой ношей, завернутой в куски ткани – сквозь ткань тяжело набухают и падают капли. Прозрачные? Черные? Здесь все черное.

Титаны… и титаны.

Титаны пленные – с увечьями, неперевязанными ранами, оторванными конечностями, торчащими в спинах и могучих плечах стрелами и копьями. Лишенные оружия и доспехов. С угрюмо опущенными головами – не потому, что побеждены, а потому что рядом шагает и давит Мощь.

Титаны с оружием, перешедшие на сторону новых властителей мира. С перевязанными ранами. Со следами от стрел на доспехах.

С опущенными головами, ибо рядом – Мощь, впереди – Тартар, а тут, вот прямо рукой подать – предательство, о котором молчат побежденные.

И победители страшно схожи со своими собратьями, так что – не ошибиться бы с карой.

Те, кому предстоит не ошибаться, движутся вслед за Сторукими. Новые хозяева мира. Боги.

Спуститься к Тартару осмелились трое Кронидов, и впервые они выглядят братьями настолько: волосы у всех черны, лица – бледны, в глазах – одинаковая решимость.

Мрачная.

Пугающая.

Решимость закончить то, что начали когда-то мальчишками.

Значит, Тартар близко: так равняет только он.

Равняет, приглашает, запугивает. Глушит даже шаги Гекатонхейров. Приветливо ощеривается провалом рта – черным даже на фоне здешнего мрака.

Лежит на пути к бездне тело полузмеи-полуженщины Кампе. На лице – недоверие и протест. Глупый. Тому, что уже свершилось.

Тело летит в Тартар первым – жертва, умиротворяющая тюремщика.

Или, может, закуска перед сытным обедом.

Потом трое Кронидов сбрасывают в бездонную пасть то, что осталось от Крона.

Сами. Не таская руками куски плоти, а повелевая им быть ввергнутыми вниз… все равно – сами.

Все трое молчат, и ни в одном нет юности: зрелые мужи стоят над пропастью.

Кроноборец – величие и власть во плоти, молнию взгляда не загасить Тартару. И куски плоти, подчиняясь этому взгляду, отправляются на вечное заточение.

Неистовый – плечом к плечу с братом, необузданность и стихия. Резкий взмах трезубцем яростно бросает омытые ихором части тела Крона в утробу Тартара.

А третий-то где?

Наверное, с темнотой слился или, может, шлем надел – невидимка?

Нет, вот же он.

В стороне от остальных. Лицо из мрака выступает – угрюмое, с губами в ниточку.

Со своей частью работы справился давно – смахнул в пропасть, да и все тут. Пусть лежат, лишь бы назад не…

А Тартар довольно урчит и подначивает: славная трапеза! Еще что-нибудь есть у вас?

А то как же.

И в мрак на заточение отправляются титаны. Те, которые без доспехов, без оружия и со стрелами. Не перепутали победители. Кто-то сопротивляется, кто-то шагает сам, кто-то наконец взрывается криками и проклятиями – Тартар с удовольствием жрет эти звуки – и из глаз у всех заключенных рвется, просится колючая ненависть.

Негласное «рано или поздно».

А после вниз шагают Гекатонхейры.

На пиру Зевс признается: до последнего не знал, что туда уйдут и они.

…когда Прометей после выхода из подземного мира спросил наивно:

– А что теперь делать-то? – Посейдон посмотрел на него как на безголового кентавра.

– Пить, – сказал он коротко.

Согласились все. Безропотно.

Потому что сил осталось только на это: устраивать порядок в мире после того, что наворотили, сил не было.

Правда, Посейдон на скорую руку шарахнул трезубцем, снимая Пелион с Оссы, и проложил проход по долине новой полноводной реке – но тем дело и кончилось. Если далее и принимались какие-то важные решения, то или прямо на пиру, или между пирами.

– Нет, я не знал до последнего, – не сразу, ох, не сразу Зевс выпил нужное количество и разродился этими словами. – Что с ними можно знать? Теперь знаю. Наверное, они понимали, что если бы остались здесь…

Истерзанный войной мир не вынес бы еще и этого.

А может, Сторукие просто привыкли – если к Тартару можно привыкнуть.

Не могли же они слышать это проклятое «Рано или поздно!»

Время не желало идти ровно. Так и осталось разорванным, словно в бою. Гестия, виснущая на шее: «Я знала, я знала!» – с отвычки обжигающая холодом и сладостью изнутри первая чаша вина, Прометей понесся еще кому-то помогать, Посейдон чуть заметно морщится, когда Зевс тормошит его за плечи. Саданули какой-нибудь стрелой, а может, копьем.

Нюкта и Гелиос сменяют друг друга, первая – охотно, второй медленно, да и колесница едет по небу кривовато: перебрал возница на ночном пиру у Зевса.

Рассыпались по столу гранаты. Сок из раздавленных зерен собирается в алые лужицы. «А это тут откуда?» – «Аида символ – его и спрашивайте!» Когда они успели стать моими, эти гранаты? – ах да, щит… это вроде как Зевсу орла тогда приписали.

Белоснежный кентавр – один из вожаков племен – вздымает чашу, хочет сказать что-то, а из груди – победное ржание… Лежит сыр – белой, разрезанной на куски Селеной-луной. Дышит чесноком пасть какого-то сатира – тоже из вожаков.

Славит Зевса и Посейдона. И детей их.

Аида можно бы тоже прославить, да Тартар же его знает, куда он опять запропастился, этот неуживчивый! А, вон, в углу, цедит нектар с кислой рожей. Ну, и ему слава.

Кузня ходит ходуном, у Циклопов тоже праздник, а в пиршественный зал (в залы! весь Олимп в пирах!) они соваться не желают, дерут на части наскоро поджаренного барана и уплетают, запивая, чем Гефест послал. Гефест послал хорошо: Циклопы лоснятся и зовут присоединиться.

Да пируйте вы! Не хватало вам – неуживчивого. С кислой рожей.

Нимфы и музы опять поют, только на этот раз что-то грустное, о павших воинах. Презрительно поглядывает на зацелованных нимф Афина. Артемида уже кого-то заподозрила в покушении на себя, любимую, рвется убивать, брат ее держит. Умная Афродита тем временем куда-то прячет стрелы и лук.

И строит глазки Аресу – попутно.

Гомон, смех, песни пополам с рассказами о подвигах, Пан страдает от памятной раны в ягодице и от похмелья; звучит кифара Аполлона (все, сестра вырвалась, теперь пусть лук поищет, а мы споем).

Нектар должен бы потечь из вен вместо ихора, кажется, ихора там уже не осталось.

И саднит левая ладонь, убраться бы совсем с этого непрекращающегося торжества, залезть в свой угол – нельзя! Хоть в стороне, а сиди! Привыкай, победитель.

Делай праздничное лицо, а то…

– Брат, ты чего?!

– Скажите ему кто-нибудь, что война закончилась… кто там ближе-то?

– Я пьян!

– И я пь-ян!

– Я вообще с-п-л-ю!

– Гермеса к нему пошли, Громовержец!

– Только… того, не забыть передать, что закончилось в нашу сторону, а то он, кажись, совсем иначе думает…

Знал же, что доберутся. Нельзя было шлем надеть? Поставил чашу с вином, попытался изобразить улыбку – хуже стало.

– Ой-ей, что это у него с лицом?!

– Лучше б хмурился.

– Я такую рожу у Ареса видал, когда он в бой кидается…

– Когда это ты у меня такую рожу видал?! – разгневанный Аресов глас.

– Да ладно вам! – это Зевс, конечно. Он уже успел с утра потанцевать, дважды изменить Гере и сослать оставшегося в плену Тития в вечный мрак Эреба. Громовержец сидит благостный и наконец освоившийся с победой. – Ему там просто одиноко в углу. Аид, не надоело сбегать и корчить из себя сироту? А ну-ка давай сюда, на свет… праздник или нет, а? Одиночка! Да мы еще твою свадьбу на этом празднике сыграем!

Я собрался было позорно дезертировать прямо из-за пиршественного стола, но куда там, когда у тебя на плече висит Громовержец!

– Давно пора, кстати, – вставил Посейдон. Он прихлебывал страшную смесь из вина, нектара и хмельного меда. – А то все женатые, а старший – непонятно что…

– А что ему жениться, – полупьяное и злобненькое хихиканье из угла. – К-когда мои братики в п-подземном мире… в любое время и с распростертыми объятиями… и-и-ик!

Свистнула лабрисса, которую неосмотрительно положил рядом с собой Зевс. Еще немного – и черепушка Мома, Правдивого Ложью, была бы аккуратно расколота надвое.

Пир примолк.

– Зря ты так, – осуждающе протянул Зевс и рассеянно сунул мне в руку полную чашу. – Попросил бы меня – я б молнией…

Река торжества вернулась в свое русло.

Сатиры, кентавры, божки, дриады. Речи – одна другой пышнее. Тосты – один другого хвастливее.

Напевает Гестия, поднося чашу с нектаром, ободряюще касается руки – ладно тебе, невидимка!

Орешки в меду и кабаний бок с дикими травами напоминают, что не один же нектар хлебать да амброзией закусывать.

Посейдон в сотый раз рассказывает, как похищал свою жену – Амфитриту. Зевс в ответ красноречиво молчит о своих подвигах: Гера буравит его взглядом, обещающим вторую Титаномахию.

И они меня еще женить хотели? Это чтобы не им одним мучиться, что ли?!

Арес шутя борется с Гефестом, судя по увечьям, шутки заканчиваются почти сразу. Артемида отыскала лук, никого не убила, теперь соревнуется с братом в стрельбе. Танцуют хариты и музы. Дергает меня за край гиматия робкий юноша с фиалковыми глазами – божок какого-то ручья.

– Там… там Гермес просил… чтобы Кронида…

– И? Тебе не говорили, что я из них – самый неуживчивый?

Трепещут густые ресницы над омутами глаз.

– Но ты же из них самый трезвый…

Тартар бы забрал таких помощничков.

Племянник ждал меня на открытой площадке. Нетерпеливо переминался с ноги на ногу. Ткнул пальцем в небо, как только меня увидел. Молча.

Потом с невольным уважением выслушал все, что я сказал по поводу открывшейся мне картины. Протянул вполголоса:

– Такого даже Посейдон не говорит.

Небо у горизонта явственно провисало. Кренилось на Землю-Мать, будто Уран вновь решил покрыть ее, чтобы породить новое поколение титанов.

А может, просто решил заключить в объятия – успокоить после потери детей.

Зарницей метнулась мысль: я не видел Геи на пиру – и канула в ночную темень, вытесненная другой. Ну, конечно. Взлетающие в небо горы, скалы, полыхающий огонь, дрожащий от поступи Гекатонхейров свод… Уран просто не выдержал.

За пиршественный стол я вернулся с настолько мрачной миной, что Зевс встревожился.

– Что? – одним углом губ (вторым он улыбался пышногрудой харите).

– С титанами все решено?

Память не подводила нашего предводителя – сколько ни пьянствуй.

– Атлант отсиживается у себя дома, на Западе. С дочерьми. Пока молчит и не вмешивается, но делать с ним что-нибудь нужно, пока бунт не поднял. Все думаю, что…

Говорите, делать что-то нужно? Есть тут одно предложение…

– Давай, – шепнул Зевс, дослушав только до слов «Уран скоро

грохнется нам на головы».

– Доверишь мне?

– Я бы сам… брат, одолжи шлем?

Ну уж нет. Ты предводитель – тебе за всех на пиру и отдуваться. Сообщай им свою волю, и участь, которую ты измыслил для могучего Алтанта – Немезида от страха побледнеет! Купайся в одобрении и здравницах.

А я прогуляюсь. С Гермесом (у него одного мозги не отшибло). Невидимкой. И – ладно уж, без колесницы, по-божественному. Не каждый день подпорку под небо ставим.

С Алтантом провозились недолго. Выяснилось, правда, что жилище его – неподалеку от того самого сада с золотыми яблоньками, подарка Геи на свадьбу Геры и Зевса… Впрочем, Гермес махнул рукой и заявил легкомысленно:

– А чего там! Заодно и посторожит…

И в два счета уболтал своего деда так, что тот сам принял небо на плечи.

Нет, глупость все-таки нужно карать.

Атлант принял свою участь – быть вечным стержнем, держащим на себе небо – достойно. Тряхнул Урана пару раз так, что Жертвенник в вышине перекосился. Потом выпрямился, горько скривив губы, глядя поверх головы внука-обманщика туда, где я только что снял хтоний.

– Ты, – валуном покатилось с губ. Смотрел Атлант презрительно – как на падаль.

На дочерей-Плеяд, обнимающих с рыданиями ноги отца, взгляды тратить не желал.

Кивок Атланту: ага, я, мог бы быть Зевс, но он там занят на пиру. Кивок Гермесу: пошли уже. Сколько можно с матерью объясняться…

Соломенные усы титана вдруг раздвинулись в усмешке.

– Гордишься собой, сын Крона? Напрасно. Нынче у карателя и казненного одна судьба. И тебе держать на плечах непомерную ношу. Только покараешь ты себя сам. И это никогда не воспоют аэды.

И замолк, уставившись в непроглядную даль, только глаза посверкивали синим прозрением.

Что не так с этими сыновьями Япета – непонятно. Прометей носится, не замечает мрачнеющего взгляда Зевса, тоже пророчествами фонтанирует. Эпиметей с Аресом и то не боится сцепляться – ох, потерпит он из-за своей несдержанности! Менетий еще где-то скрывается, но скрываться долго у него явно ума не хватит…

Взгляд Атланта, исполненный непонятного знания, жег спину

до возвращения на Олимп.

Пир там продолжался, но встретившая нас Афина хмуро сообщила:

– Праздник скоро кончится, – и пояснила, не сдержав раздраженного жеста: – Потому что опять начнется битва!

Что за битва – разъяснилось только в самом зале. Оказалось, что после чьего-то заявления о том, что пора строить мирную жизнь, Мом-насмешник подал голос из-под лабриссы, торчавшей над его головой:

– А как ее строить? Где наши цари, где вожди? Прежние – в Тартаре! Кто управляет нынче землей, небом и морем?

Тут поднялась Гера. И понятно, что ответила на такой вопрос.

Потом встала Амфитрита. И произвела гневное уточнение: Кронид-то не один, или забыли? Зевс воевал не в одиночестве! Крона победили вдвоем!

Тут в зал вошел я – еще одно уточнение – и все озадаченно примолкли.

– Втроем, – ледяным голосом подвел итог сам Зевс. – Трое вождей вели войска. Трое Кронидов. Трое клявшихся… – «на скале над бурей», – прозвучало в его глазах. – И власть над миром должно делить на троих.

При попытке Мома предложить нам показать свою удаль в соревнованиях, Громовержец все-таки исполнил обещанное: ударил молнией. Правда, не всерьез, но Правдимому Ложью хватило, чтобы замолчать.

– Это будет жребий, – голос грозой прокатился над пирующими, и хмель вынесло вон откуда-то налетевшим ветром. Громовержец встал, обвел всех ясными глазами – будто и не пил. – Ананка уже промолвила свое слово. Дадим ей высказаться еще раз. Жребий на троих.

Все бы тебе жребии, брат. Двести лет назад не взяли, теперь брать будем?

– Когда?

– Завтра на рассвете.

Дольше бы ты не выдержал, младший? Ждать слов Ананки тяжело.

Теперь тишина царила полнейшая. Дрогнул Аполлон – задребезжали струны кифары. Бледная сидела Гера. Афина заинтересованно нагнулась вперед – только она и осмелилась разомкнуть молчание.

– На какие же части вы разделите мир? Небо, земля и море?

– Земля – удел смертных и Матери-Геи, – отрезал Зевс. – Она принадлежит всем.

Хоть и будет подчиняться тому, кто получит небо. Все мы

будем подчиняться тому, кто получит небо, тому, кто станет выше…

И ведь не мог же он забыть о договоре, заключенном с Эребом, о клятве…

– Третьим станет подземный мир.

Мом захихикал что-то из угла, что вот, зачем жребий-то при таком разделении, но скосился на лабриссу над своей головой. Замолчал.

В роли носителя раздоров на этот раз выступил Арес.

– А кому тянуть первым?

Уберите из зала оружие, боги. Иначе и впрямь начнется… по словам Афины.

– Что за вопрос? – вспыхнула Гера. – Кто был предводителем? Кто – первый среди братьев?!

– А как ты определишь, кто из них второй и третий, о Пышнотелая?

– Как ты меня назвала?!

– По старшинству тянуть, да и все тут! – брякнул с досадой Посейдон, потом понял, что сказал, и схватился за голову.

Зевс подмигнул мне, уселся, наполнил свою чашу нектаром и принялся наблюдать за сварой, откровенно наслаждаясь зрелищем.

– Вопросить Мойр!

– Пусть бросят жребий – кому первому тянуть!

– Опять жребий? Хватит одного жребия!

– Пусть соревнуются!

– По росту, да и все тут!

– Ты еще скажи – пусть чем другим померяются!

– Да пусть Мойры хоть слово скажут!

– Зевс братьев освободил? Ему и тянуть первому!

– А Посейдон как же?

– Ты еще Аида вспомни…

Я осушил чашу вина, поглядел, как орут друг на друга Амфитрита и Гера, и принялся выбираться из зала. Дел-то…

Хоть по старшинству, хоть по росту.

Правда, кажется, я там и там тяну первым.

Сбежать из подобия праздничной битвы, в которое превратилось чествование на Олимпе победителей, не составило труда. Чутье само вынесло сперва к подножию горы, поколебался немного – и к привычной бухте.

Мир еще хранил тишь отгремевшей войны. Рокотал в отдалении Тартар, насытившийся кусками тела отца и тушами остальных титанов. Нюкта наконец опомнилась – набросила на небо свое покрывало, и море едва заметно светилось изнутри –

умиротворенное и пока еще ничье. Я сделал несколько шагов по песчаной отмели, зашел поглубже, омывая ноги. Ныли запоздало вспомнившие об усталости боя мышцы, и перед глазами мелькали то разинутый, перекошенный рот отца в момент удара молнии, то разверзшаяся бездна, куда мы сбрасывали омытые черным ихором куски его тела…

Время текло как должно. Его властелин был надежно погребен в пасти Тартара, под охраной Гекантохейров, и его бешенство прекратилось: минуты бежали размеренно, и редкие звезды отмеряли их бег ленивым мерцанием…

– Не думала, что ты придешь.

Руки скользнули по плечам, сразу же вслед за этим – тяжелые, мокрые пряди.

– Погладь еще, – попросил я, откидывая голову.

– Устал?

– Да.

Обожженная ладонь до сих пор саднила огнем: Аполлон, улыбаясь невинной белозубой улыбкой, заметил, что амброзия и нектар должны целить такие пустячные раны. Вздор, я вылакал столько амброзии, что у меня и отрубленная голова должна была бы прирасти, а эта метка…

Метка. Не рана. Клеймо. Клеймо Кронида.

– А как же торжества? Победа… ликование…

– Решил не портить праздник.

И не направлять излишнее усердие среднего братца на себя: останься я – и половина его энергии на пиру была бы обращена на то, чтобы заставить меня выглядеть более приветливым.

– А у вас разве не торжества?

– Праздник, – улыбнулась, показав жемчуг зубов. – Видишь, как светится и волнуется море? А за тысячу шагов отсюда – очень красивые волны. Сестры взлетают на них и поют. Победителей славят.

Странно, что я этого не слышу. Или эта тишь – не в мире, во мне?

– Почему же ты не там?

– Ждала тебя, – взъерошила мне волосы, потянулась к губам. – Хотя и не думала, что ты придешь…

Наконец-то получилось устроиться удобнее: ноги – в воде, прибой начнется еще нескоро, и море только лениво плещет, щекоча ступни; вытянулся на песке, заложив руки за голову, глядя туда, где сияние моря сливается с небесным покрывалом Нюкты. Левка пристроилась рядом, подперев головку кулачком. В глазах у нее сегодня тоже разливалось морское сияние.

«Что там нового? – спрашивали глаза. – До нас все доходит с

опозданием…»

«Победные хлопоты. Решаем, как будем жить в мирное время. Зевс брызжет идеями, как молнии бросает, к нему и приближаться-то опасаются. Задумал расплодить людей медного века, еще о новой расе героев речь завел…»

«Лавры отца не дают покоя, – хихикнула, на секунду опустив глаза. – Но если все они будут смертными – куда же будут деваться их сущности потом… после смерти?»

«Наверное, как и сатиров, нимф и прочие племена – в подземный мир, тенями. Представляю, что там начнется и каково будет тому, кому выпадет этот жребий».

«Жребий?»

«Жребий для нас троих. Какой частью мира править. Небо, море, – море вздохнуло, словно отзываясь из глубин, – и подземный мир в соседстве с Тартаром».

Я полежал с закрытыми глазами. Левка, мечтательно мурлыча какую-то песню нереид, водила пальчиком по моей груди. Кажется, рисовала лодку, плывущую через реку… или все-таки уходящую в море?

– Ты будешь приходить? – спросил я наконец.

Она засмеялась.

– К чему? Я пойду с тобой. Владыке трети мира нужна достойная жена, не нереида, но я могу быть хорошей любовницей. Если ты захочешь.

– Ты не знаешь моего жребия.

– Я надеюсь, это будет море, – смех – словно рассыпавшиеся блестящие ракушки. – Тебе нравится море, особенно ночное, правда ведь? Но небо – это тоже прекрасно, это величественно, это – быть над всеми, быть первым. Впрочем, ты и так первый… но ты бы хорошо правил, гораздо лучше своего отца…

В небесах мелькнула легкая тень Гипноса, деловито помешивающего отвар в чашке. Вид у снотворца был озабоченный: наверное, никто не собирается спать праздничными ночами.

В мою сторону он не взглянул. Правильно. Я не усну нынче.

– Даже если то, третье… я пойду с тобой. В воду, на небо или под землю.

Из Тартара доносятся то ли стоны, то ли рыдания обреченных, а может, проклятия – грозное «Рано или поздно», сказанное напоследок. Я не могу слышать этого – но слышу. Или, может, это сюда долетают праздничные песни нереид.

– Спеть тебе?

– Спой.

– Подожди, я только принесу гребень и отвар из трав. Буду

расчесывать тебе волосы и петь о том, как Крона победил невидимка.

Дернулись губы, сам не понял: улыбка? гримаса? Левка опять залилась смехом, зашла в море по пояс и нырнула: спешила в подземный грот за гребнем, украшенный ракушками. Я сел, повел плечами, стряхивая с них влажный песок…

– *Тревожишься, Аид-невидимка?* – неверным эхом долетело из-за спины. – *Из-за того, что случится завтра?*

– Из-за того, что было вчера, – сказал я. – Рано или поздно…

Рано или поздно, а они выйдут оттуда, найдут способ пройти мимо Гекатонхейров, в каком-то ином качестве – но найдут.

Потому что будут искать его с неутолимой жаждой мести, исследуя каждую щелочку своей темницы, напряженно размышляя в вечной тьме – тьма вообще способствует размышлениям.

Она, кажется, меня слышала.

– *Там будут не только Гекатонхейры. Не сбрасывай со счетов Владыку подземного мира.*

Да уж. Веселенький выпадет кому-то из нас жребий на следующую вечность. Щит от Тартара для внешнего мира.

«Не слуш-ш-ай… не слу-ш-ш-ш-шай», – просило море.

– *Этот жребий*, – сказали за спиной, – *гораздо важнее, чем он кажется – насколько бы ни был он важен. Он решает многое, если не все.*

Три жребия, поправил я мысленно. Для каждого из нас пока – три возможных жребия и три пути.

– Какой из них – мой?

– *Какой ты хочешь взять?*

– Тебе знать лучше. Ты – Ананка.

– *И ты примешь то, что я скажу тебе?*

– Я помню твои слова. О том, что с тобой не нужно бороться. Только принимать.

Она замолчала. Вздыхало море, и наконец начали долетать с соленым ветерком песни нереид: сегодня это было не обычное протяжное пение, а ликующий хор.

– *Это хороший ответ, Аид-невидимка. Знаешь, иногда я делаю подарки. Хочу подарить тебе кое-что к завтрашней церемонии.*

Руки коснулись прохладные пальцы – на миг сжалось сердце. Легким звенящим зудом отозвалась правая ладонь.

– *Это шанс. Завтра ты сможешь взять тот жребий, который захочешь. Помнишь, я говорила тебе? Попроси меня – и стану, какой пожелаешь. Определи сам, какая я с лица. Возьми.*

Море плеснуло удивленно и заиграло красками неистовей. Небо ласкалось к нему бархатом ночи и ясным светом звезд.

Далеко под ногами смолкали, ложно смирялись в бездне низвергнутые в Тартар титаны.

Я сидел на песке, глядя на волны, облизывающие ноги, и сжимая в горсти воздух – а может, дар, который не всегда дается даже богам: решать за самого себя.

Верно, я пропустил тот момент, когда волна вынесла на берег рядом со мной Левку. Очнулся от прикосновения морского гребня к волосам.

– Как мрак Эреба, – я вздрогнул от этого сравнения, и она, ойкнув, убрала гребень. – Прости, я буду нежнее. Нет, не буду петь о победителях, спою о том, как звезды смотрятся в море. Знаешь, ты сегодня очень красивый. Только печальный, как ночные цветы, – это усталость, да?

– Нет, – разлепил я губы. – Это у меня характер скверный.

Смех расцветил ночь серебром, и Левка прижалась к моим губам.

В самом деле – скверный. У всех победа – у меня морда мрачная. У всех – отца свергли, а у меня – «Рано или поздно». Они там сейчас пируют и в сотый раз подвигами хвастают – а я тут воздух в горсти сжимаю.

Время идет как должно. Этого уже не отдалить – завтра, завтра…

«Решшшится… реш-ш-ш-ш-шится», – все сильнее накатывали волны.

Нет, – поправил я, осторожно сжимая в горсти невидимый и неосязаемый, но драгоценный шанс. Не решится.

Решу.

* * *

Братья явились ко жребию хмурыми. Сперва я связал это с излишним усердием на пиру, потом устыдился: тот же Посейдон может неделю драться, потом еще неделю – пировать, а потом может на недельку к нереидам завалиться, и все с хорошим настроением.

Про младшенького уж и не говорю – его энергии и энтузиазму можно позавидовать.

Но вот чтобы оба пришли к церемонии с моим выражением лица…

Никак, невозможность выбирать замучила?

– Мойры сказали, что кто-то возьмет жребий обманом, – разъяснил Зевс.

Гера хмыкнула – от нее иного и не ожидали. Аполлон, томно развалившийся на своем троне, вскинул брови: «Нам-то что?

Заканчивайте быстрее». Гестия рассеянно играла с угольком на руке и не обратила внимания на громкое заявление.

Стикс, которая, благодаря извечной справедливости должна была проводить жеребьевку, повернула голову от центра зала, где уже стоял стол и покрытая белым полотном чаша жребия.

– Вы ходили к Мойрам?

– Я ходила, – дала неожиданный ответ Афина. – Хотела узнать, будет ли честным жребий.

– И они сказали, что кто-то возьмет свою долю обманом? – переспросила Стикс голосом, настолько же ледяным, насколько воды ее речки.

– Да.

Встретились две поборницы истины, вздохнул я. Они хоть представляли, что сейчас начнется?

– И нет сомнений в том, кто это будет! – взорвалась Деметра, вскакивая со своего места.

Я не закатил глаза – честно. За меня это сделали все остальные.

– Аид?

– Аид – мое имя, – веско и тяжело обрубил я. – Я должен сказать что-нибудь еще?

Стикс смутилась и отвела взгляд, Афина и без того смотрела не на меня, а на чашу, а Деметра успокаиваться не желала.

– Пусть тянет жребий последним!

– Почему? – недоумевающе встряла Гестия. – Разве Мойры назвали имя обманщика?

Конечно, не назвали и ничего больше не добавили. Эти три старухи (во всяком случае, так их описывают те, кто с ними говорил) по сей день не могут отойти от того, что мы вторглись на Олимп, в место их обитания. Нет, они, конечно, не возражали, мы их даже не сразу нашли с их полотном судьбы… но что-либо вещали они редко, кажется, будучи слегка подавленными. А может, просто развлечься хотели, когда вокруг них начиналась очередная беготня.

Афина покачала головой, и вот тут я понял, почему братья не только мрачны, но еще и подозрительны. И не только ко мне, но и по отношению друг к другу.

Я тоже стал подозрительным – трудно, что ли? Мрачности на физиономии и без того в избытке.

Какое-то время мы оглядывали друг друга как истинные сыновья своего отца.

– Нужен другой жребий, – проговорил Зевс наконец. – Я желаю, чтобы все было честно.

– Или у тебя есть способ обмануть любой жребий, кроме

этого? – помог ему Посейдон. – Мы даже не знаем, в чем он заключается, а ты…

– Ты слишком яростно оспариваешь мои слова, брат – не значит ли это, что…

– На кону главенство над богами – не давайте ему тянуть первым! – надрывалась Деметра, видимо, найдя благодатную почву для своей натуры тещи.

– Мы отсюда вообще уйдем? – с видом страдальца изрек Аполлон.

– Я не договорила.

Афина не возвысила голос, но произнесла слова с таким достоинством, что примолкла даже Деметра.

– Они сказали, что жребий будет честным.

Никто не завопил ничего вроде «Но ты говорила…» Все ждали. Юная, но серьезная, эта дочь Зевса слов на ветер не бросала.

– Именно так. Они сказали, что кто-то возьмет свою долю обманом, но жребий будет честным.

Не знаю, понял ли кто-нибудь что-нибудь из сказанного. Зевс хмуро косился то на меня, то на Посейдона, Посейдон отвечал Зевсу такими же взглядами – мне тоже перепадало. Я в долгу не оставался.

Шанс судьбы теперь жег мою руку почти как метка Крона.

– Высказывание Мойр туманно и ничего мне не говорит, – провозгласила Стикс, поразмыслив. – Если жребий будет честным – пусть будет. Крониды! Вы будете тянуть свои доли по старшинству. Дайте же священную клятву никогда не оспаривать владения друг друга!

Посейдон первым с сомнением открыл рот, закрыл и спросил:

– Чем кляться-то?

А действительно – чем, чтобы уж надежно?

Тартаром – так им и клясться-то опасно, Хаосом – а какой смысл. Варианты выдвигались разные, от клятвы жребием до бессмертия, потом Зевса осенила очередная идея, и он на скорую руку одарил Стикс и воды ее реки возможностью принимать клятвы богов. И карать за невыполнение этих клятв тоже. Титанида, которой явно не хватало какой-то судейской роли, осталась довольна.

– Позже я подыщу кару, – пообещала она, продрав морозцем по коже присутствующих. – Крониды. Клянитесь же священными водами Стикса никогда не оспаривать владе…

– Да мы и так не будем, – в один голос произнесли мы трое с такими правдивыми интонациями, что Стикс только головой покачала.

Переглядок стало больше, и были они все более подозрительными. Потому как – мы не будем, конечно. Но мало ли оно как бывает. Ведь кто-то же возьмет долю обманом, и вдруг мы будем не согласны…

Стикс перешла к провозглашению жребиев – долгая и унылая часть церемонии – а в зале сгустилось и затрещало растворенной в воздухе молнией напряжение.

Лучше бы мы принесли эту клятву, – вдруг подумалось мне. Потому что если кто-то будет недоволен своим уделом – он всегда сможет обвинить другого, что тот взял долю обманом.

То-то папа в Тартаре порадуется.

И войну начнет тот, кто получит подземный мир, потому что владыкам морей и небес жаловаться, как ни крути, нечего…

– Я опускаю в чашу гранит – и пусть он будет символом небес и гор, которые поднимаются к небесам, и суши, над которой будет властвовать тот, кто вынет этот жребий. Быть ему обладателем главного удела, носить имя Бога-Отца, Тучегонителя. Жизнь смертных и бессмертных, травы и живые твари…

Младший нахмурился и зашевелил губами. Наверное, рассчитывает на этот жребий – после такого-то оружия. Как бить молнией из моря или из-под земли? Не расставаться же с ней только потому, что у неба будет другой владыка?

– …кентавры и сатиры, дриады и нимфы… – ага, улыбается брат. Мечтательная улыбка предвкушения, которая вгоняет в гнев Геру – эва, она кулаки на троне стиснула!

– …все, что в небе, на земле и в воздухе – да славит того, кто вынет этот жребий, да повинуется его воле во веки веков!

Камешек летит на дно чаши. Гулкий звук. В руке у Стикс уже другой камень – блестящая, отполированная морем галька.

– Я опускаю в чашу кварц – и пусть в нем слышится шум великого моря, что омывает наши берега, в которое текут ручьи и реки, – удела того, кто вынет этот жребий. Быть ему гонителем волн и колебателем вод. Жизни всего смертного и бессмертного, что плавает в воде…

Посейдон с Зевсом перекидываются подозрительными взглядами, а потом перебрасываются смешками. Мол, тоже, если подумать, не самый плохой удел. Море – это ж… сила. Нереиды, опять же, океаниды заплывают…

Гера сейчас взорвется на троне – она удивительно точно угадывает мысли мужа.

Договорено о том, что рыбы и водоросли, морские чудища и сокровища – все должно быть послушно новому повелителю. Полетел в чашу новый камень, слышно, как зазвенел о первый. И

вот – последний: гладкий, словно отлитый из черной крови какого-то существа.

– Я кладу в чашу лаву – и пусть в ней отразится мрак подземного мира, мира ужаса и печали, которым владеть тому, кому выпадет этот жребий. Ему быть властителем душ усопших и призраков памяти, всех сокровищ земных недр и всех чудовищ, что таятся во мраке…

А еще ему сидеть рядом с Тартаром и присматривать за ним всеми силами, и держать, держать, держать…

Это ударил не звук падения последнего камня в чашу: звука не было, будто и не падал. Это их лица. Братьев. Зевс кривится – мол, ну да, где в этой мертвецкой красоток наберешься, извне, что ли, похищать? Посейдон, кажется, уже вообразил, как похищает – на колеснице, к примеру, и сдерживается, чтобы не прыснуть…

И волной темного прозрения, словно из вчерашней ночи плеснувшей в лицо: они не удержат. Они же даже не осознают, что это за жребий, неосмотрительно приравнивая его к двум первым, считая только, что он мрачнее, беднее, что это вроде ссылки, не представляя себе, что такое по-настоящему эта ссылка, чем придется в ней заниматься… Стикс не говорит – сама-то знает или нет? А им и не надо.

Они же победители.

Застучало в висках, и обжег ладонь особенно больно шанс. Шанс? Вру. Ладонь левая. След от отцовского серпа, дочерна спаливший кожу, напоминает о себе: рано или поздно…

Никто из них двоих не удержит, и тогда, рано или поздно…

Хохот, мстительный и заливистый, потряс пол под ногами, нет, это просто шепот вокруг, недовольный, это я, не дождавшись приглашения, шагнул к чаше жребия, которую Стикс уже успела наполнить ледяной черной водой из своей речки. В такую воду сунь руку – и не почувствуешь, какой из камней держишь, на это и расчет.

Но для меня вода была прозрачной. Вот они лежат на дне – три жребия. Посверкивает искорками-молниями гранит. Морские отзвуки в прозрачной гальке – отзвуки вчерашней ночи и шепота Левки. Тебе ведь нравится море, особенно ночное…

Вспыхивающий багряной тьмой осколок лавы, словно напитанный изнутри чьими-то страданиями.

Жребий.

Вечность – щитом Тартара.

Чтобы – поздно, а не рано.

Двое братьев замерли, вытянули шеи и сверлят подозрительными взглядами.

Они не удержат.

Зевс увлечется очередной нимфой – и забудет, что там вообще есть Тартар, даже если не забудет – Гера после закатит такой скандал, что бездна разверзнется… Младший вспыхивает, как молния, он не удержит.

Посейдон – тот еще… жеребец. Непостоянен, как вода – не удержит…

Там нужен – щит. Скала. Чтобы стиснуть зубы – и ни на шаг.

Вечность.

Ананка, единственная обманщица здесь – ты. Кто знает, что попалось бы мне, если бы я тянул вслепую, но ты заставила меня сделать это своей волей. Умно. Никто не виноват.

Просто – они не удержат, а я…

Я окунул не правую руку – левую, ту, что с меткой от серпа. Холод вод Стикса, казалось, отсек ладонь напрочь – но зато и печь перестало, просто нет руки. Я увильнул от вопрошающих взглядов остальных богов, подозрительного – Деметры, пристального – Афины, яростного – Зевса, который словно хотел сказать, что знает, кто обманщик, знает…

Да. Поздравьте меня, я обвел вас вокруг пальца. Я решил сам.

Я стиснул в кулаке свой проклятый жребий и рванул руку назад, боясь передумать.

Молча разжал ладонь – только сейчас понял, что у меня так ничего и не отразилось на лице. Во взгляде – не знаю, он у меня выразительный. Лицо же и так и так хранит вечную мину недовольства, тут я могу быть горд: не выдал себя.

Поднял ладонь повыше – сгусток блестящей, отполированной тьмы на опаленной коже. Черное на черном. Отец, у меня для тебя новость. Тебе не удастся так просто от меня отделаться.

Не поздно, не рано – вечность. Я удержу.

Злорадный хохот в Тартаре стих, сменившись тяжелым стоном, вздохом…

Облегченным вздохом. Да не в Тартаре, а здесь. Единый такой, дружный. Громче всех – от братьев и Геры, но и остальные не отстали, выпуская воздух из легких.

Как они, оказывается, боялись, что я выну что-нибудь другое.

– Владыка Аид, – в глазах у Стикс было не прочесть, о чем она думает, но вот странно – она вздохнула вместе с остальными, облегченно, хотя сама ведь – из подземного царства… Неужели знала? – Властитель подземного мира, мира мертвых!

И слегка склонила голову, как бы ставя точку – отныне и навеки.

Я вернулся на свое место, видя, как присутствующие буквально вытекают из своих тронов от блаженного облегчения.

Равнодушно пронаблюдал, как тянут жребий братья – лицо Зевса чуть разгладилось, когда Посейдон вынул морское царство. Посейдон на секунду было нахмурился, рассматривая кварц на своей ладони, но тут же просветлел. Владычество над всеми – это еще и хлопоты, щурились его глаза. Мне-то море, нереиды, тайны, волны… А тебе, младший братец – ни с чем не сравнимая заноза.

Младший без всякого торжества подкинул на ладони свой жребий – землю и небо, и власть над всем, заключенную в одиноком камушке. Теперь он лучился спокойной уверенностью в том, что иначе быть не могло.

Могло, Громовержец. Впрочем, тебе этого не узнать.

Вновь склоняет голову Стикс – отныне и навеки.

– Так и должно быть!

Ликующая Гера первой поднялась с трона, чтобы поздравить мужа. Потом начали подходить дети, Гермес рванул сообщать волю Ананки всем, кто собрался в коридорах и у дворца – плотной толпой; объявилась откуда-то с потрясенным видом та самая Тиха – богиня случая. Еще долго не могла понять, что происходит.

Поздравляли Владыку-Зевса и Владыку-Посейдона. На поздравления третьему Владыке язык не поворачивался: вот уж у кого невезение. Впрочем, зашептались музы, с его характером… этот только под землей и уживется. Угадала Ананка, надо же…

Братья себя чувствовали, кажется, неловко. Словно это они меня обделили. Нервничали и поглядывали с опаской: вдруг прямо сейчас заору, что кто-то взял жребий обманом и нужно перетянуть. Посейдон все решал: подойти или нет – и каждый раз натыкался на невидимую преграду.

Словно мрак подземного мира явился на Олимп и встал передо мной стражей.

Махнул братьям – мол, увидимся на пиру. Поймал напоследок странный, полный облегчения взгляд Стикс.

Вышел из зала.

На пир не хотелось. К Левке не хотелось. Нереиды прямодушны, и я знаю, что услышу от нее: «Значит, такая судьба».

Лгать еще сегодня тоже не хочется.

Левая ладонь после холода вод Стикса почему-то перестала гореть, хотя и осталась обожженной.

В коридорах от меня шарахались – впрочем, как и до жребия.

Неотвязным рефреном звучали в мозгу три голоса, прорывающиеся через рев бури:

– Я ставлю на небо.

– Я ставлю на море.

– *Я…*

Я шел по облачной дороге – теперь пустой, потому что все живое нынче ликовало и славило произведенный Ананкой выбор. Ор не было у врат – значит, и свидетелей моей прогулки не было. За спиной оставался Олимп – не мой дом и не мой жребий.

Гелиос с сияющей в небесах колесницы помахал и закричал что-то – радостно и неразборчиво, вроде того, что давненько я не был у него и не навещал его конюшни.

Не буду. И не навещу. Я помню тебя, второй учитель, тебе нельзя вместе с тьмой.

За вратами, выкованными Гефестом, раскинулся скалистый уступ, а от него вниз вела горная дорожка, по которой нельзя было пройти, не переломав ног. Впрочем, боги ведь все равно не пешком по ней ходят, а тем смертным, которым позволено присутствовать на Олимпе за их заслуги, – помогают Оры.

Дунул свежий ветерок – приласкал лицо. Я повертел в пальцах свой жребий – осколок темноты. Выкинул в пропасть.

Камешек выкинул. Жребий остался.

Хотелось почему-то надеть шлем – зачем, если все закончилось…

Тихий голос, звучащий из-за плеч, сплетается с ветерком, скользит по скалам и долетает капризными отзвуками: сказано было – вблизи, а долетело – из дальних далей.

– *Началось, невидимка… началось.*